Левъ Толстой

Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого.

Томъ XX.

v.20

Lev Nikolaevich Tolstoi
Polnoe sobranie sochinenii

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова. (ed.)

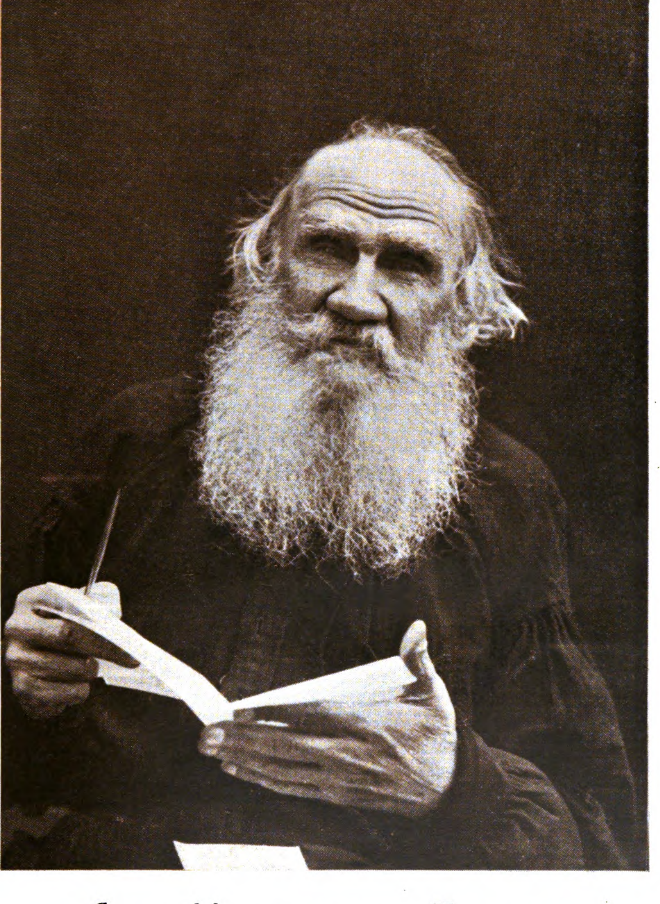
I. D. Sytin

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Изображеніе Л. Н. Толстого на переплетѣ скопировано съ медальона работы скульптора И. Я. Гинцбурга.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
МОСКВА.—1913.

Левъ Николаевичъ Толстой
въ 1909—10 г. г.

ПИСЬМА.

Къ гр. С. Н. Толстому[1]).

Сережа!

Я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться *навѣки* . . . .
. . . .
. . . .[2])

Я рѣшился здѣсь остаться держать экзаменъ и потомъ служить; ежели же не выдержу (все можетъ случиться), то и съ 14-го класса начну служить, я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ перворазрядныхъ служатъ. Короче тебѣ скажу, что петербургская жизнь на меня имѣетъ большое и доброе вліяніе: она меня пріучаетъ къ дѣятельности и замѣняетъ для меня невольно расписаніе; какъ-то нельзя ничего не дѣлать, всѣ заняты, всѣ хлопочутъ, да и не найдешь человѣка, съ которымъ бы можно было вести безпутную жизнь— одному нельзя же.

Я знаю, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь: «это ужъ въ двадцатый разъ и все пути изъ тебя нѣтъ», «самый пустяшный малый», — нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся; прежде я скажу себѣ: «дай-ка я перемѣнюсь», а теперь я вижу, что я перемѣнился, и говорю: «я перемѣнился».

Главное то, что я вполнѣ убѣжденъ теперь, что умозрѣніемъ и философіей жить нельзя, а надо жить положительно, т.-е. быть практическимъ человѣкомъ. Это большой шагъ и большая перемѣна, еще этого со мной ни разу не было. Ежели же кто хочетъ жить и молодъ, то въ Россіи нѣтъ другого мѣста, какъ Петербургъ; какое бы направленіе кто ни имѣлъ, всему можно удовлетворить, все можно развить, и легко, безъ всякаго

---

[1]) Старшій братъ Л. Н.

[2]) Точки, помѣщенныя въ письмахъ не обозначаютъ цензурныхъ выпусковъ, онѣ обозначаютъ лишь то, что въ распоряженіи редакціи не было цѣлаго оригинала письма, а лишь отрывки, большею частью использованные П. И. Бирюковымъ въ его книгѣ «Біографія Л. Н. Толстого», т. I и II. *Ред.*

труда. Что же касается до средствъ къ жизни, то для холостого жизнь здѣсь вовсе не дорогая, и напротивъ, дешевле и лучше московской, исключая квартиръ.

Сейчасъ пріѣзжалъ ко мнѣ Оболенскій и привозилъ письмо, только что полученное имъ отъ брата Дмитрія . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Всѣмъ нашимъ передай, что я всѣхъ цѣлую и кланяюсь, и что лѣтомъ въ деревнѣ можетъ буду, можетъ нѣтъ, мнѣ хочется лѣтомъ взять отпускъ и поѣздить по окрестностямъ Петербурга, въ Гельсингфорсъ и въ Ревель тоже хочу съѣздить.

Напиши мнѣ, ради Бога, хоть разъ въ жизни; мнѣ хочется знать, какъ ты и всѣ наши эту новость примутъ; проси ихъ отъ меня писать, я же писать къ нимъ боюсь, такъ давно не писалъ я къ нимъ, что они вѣрно сердятся, особенно передъ тетенькой Татьяной Александровной мнѣ совѣстно, попроси у нея отъ меня прощенія.

Оболенскій тебѣ кланяется. Можешь себѣ представить, что Алеша Пушкинъ здѣсь. Однако я его еще не видѣлъ. . .

. . . .

. . . .

. . . .

Петербургъ, 1848 г., февр. 13.

Къ нему же.

Читай это письмо одинъ.

Сережа, ты, я думаю, уже говоришь, что я *самый пустяшный малый*, и говоришь правду. Богъ знаетъ, что я надѣлалъ? Поѣхалъ безъ всякой причины въ Петербургъ, ничего тамъ нужнаго не сдѣлалъ, только прожилъ пропасть денегъ и задолжалъ. Глупо! Невыносимо глупо! Ты не повѣришь, какъ это меня мучаетъ. Главное долги, которые мнѣ нужно заплатить, и какъ можно скорѣе; потому что ежели я ихъ заплачу не скоро, то я сверхъ денегъ потеряю и репутацію.

Ради Бога, сдѣлай вотъ что. Не говоря теткамъ и Андрею, почему и зачѣмъ—продай Воротынку Уварову или Селезневу. Это моя послѣдняя рессурса, но безъ которой я не обойдусь, какъ для того, чтобы прожить, такъ и для того, чтобъ въ опекунскій совѣтъ заплатить.

Мнѣ до новаго дохода необходимо 3500 р. сер. 1200 въ Опекунскій Совѣтъ, 1600 заплатить долги, 700 р. на прожитокъ. Я

знаю, ты будешь ахать, но что же дѣлать? глупость дѣлаютъ разъ въ жизни. Надо мнѣ было поплатиться за свою свободу (Не́кому было сѣчь. Это главное несчастіе) и философію, вотъ я и поплатился. Сдѣлай милость, похлопочи, чтобы вывести меня изъ фальшиваго и гадкаго положенія, въ которомъ я теперь безъ гроша денегъ и кругомъ долженъ. . . . .

. . . .

Ты знаешь вѣрно, что наши войска всѣ идутъ въ походъ, и что часть (2 корпуса) перешли границу и, говорятъ, уже въ Вѣнѣ.

Я началъ было держать экзаменъ на кандидата и выдержалъ два хорошо, но теперь перемѣнилъ намѣреніе и хочу вступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать это тебѣ, потому что я знаю, что ты меня любишь, и тебя огорчатъ всѣ мои глупости и безосновательность. Я даже нѣсколько разъ вставалъ и краснѣлъ отъ этого письма, что и ты будешь дѣлать, читая его, но, что дѣлать, прошедшаго не перемѣнишь, а будущее зависитъ отъ меня.

Богъ дастъ я исправлюсь и сдѣлаюсь когда-нибудь порядочнымъ человѣкомъ; больше всего я надѣюсь на юнкерскую службу, она меня пріучитъ къ практической жизни и volens nolens мнѣ надо будетъ служить до офицерскаго чина. Съ счастіемъ, т.-е. ежели гвардія будетъ въ дѣлѣ, я могу быть произведенъ и прежде 2-лѣтняго срока. Гвардія идетъ въ походъ въ концѣ мая. Я теперь ничего не могу дѣлать, потому что, вопервыхъ, нѣтъ денегъ, которыхъ мнѣ нужно, немного (все, кажется), а во-вторыхъ, два метрическія свидѣтельства въ Ясной; вели ихъ прислать, какъ можно скорѣе. Не сердись на меня, пожалуйста, а то я теперь слишкомъ чувствую свое ничтожество, и исполни поскорѣе мои порученія. Прощай, не показывай письма этого тетенькѣ, я не хочу ее огорчать.

Петербургъ, 1848 г., май 1.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Мое воспаленіе идетъ лучше, но я еще не выхожу изъ комнаты, разсчитываю сдѣлать это завтра, т.-е. въ воскресенье. Я пойду къ графу Закревскому, къ Крюкову, къ старикамъ Перьфильевымъ, къ обоимъ князьямъ Горчаковымъ — Андрею

и Сергѣю; однимъ словомъ, я употреблю завтрашній день на дѣловые визиты и визиты по обязанности. Третьяго дня я послалъ сказать князю Львову, что я пріѣхалъ и хвораю. Онъ сейчасъ же пріѣхалъ ко мнѣ, и, хотя онъ во многомъ измѣнился, я нашелъ его все такимъ же превосходнымъ другомъ. Я послалъ также сказать Огареву, что я пріѣхалъ и хотѣлъ бы его повидать. Онъ сейчасъ же пріѣхалъ и привезъ два мои векселя, много извинялся, но денегъ, которыя онъ мнѣ долженъ, не отдалъ. Онъ совсѣмъ испортилъ себѣ репутацію въ Москвѣ. Жена его беременна, и онъ со дня на день ждетъ ея разрѣшенія отъ бремени. Мнѣ больше нечего разсказать вамъ; сидя постоянно дома, не дѣлаешься интереснѣй. Зато я много читаю; я абонировался у Готье, и уже прочелъ «Конецъ виконта Бражелона», книгу о Людовикѣ XIV и его вѣкѣ, одинъ романъ Александра Дюма довольно пустой, но очень интересный, и еще новый его романъ «Тысяча и одинъ призракъ»—такое собраніе глупостей, что просто ни на что не похоже.

Нѣтъ худа безъ добра—говорю это къ тому, что въ одномъ отношеніи я даже доволенъ, что хворалъ и долженъ былъ сидѣть дома около недѣли. По крайней мѣрѣ, успѣлъ устроиться, оглядѣться, иначе я рисковалъ поступить, какъ Максъ въ Пироговѣ.

Я вамъ говорилъ, что моя квартира очень славная.

Она состоитъ изъ четырехъ комнатъ—столовая, гдѣ у меня уже есть роялино, которое я взялъ на прокатъ, гостиная съ диваномъ, стульями и столами орѣховаго дерева, покрытыми краснымъ сукномъ, и украшенная тремя большими зеркалами; кабинетъ, гдѣ стоитъ мой письменный столъ, бюро и диванъ, который напоминаетъ мнѣ всѣ наши споры объ этой мебели, и еще комната, довольно большая, чтобы служить спальней и уборной и, сверхъ того, маленькая передняя.

Я обѣдаю дома щами и кашей, чѣмъ я вполнѣ довольствуюсь. Жду только варенье и наливку, чтобы имѣть все, къ чему я привыкъ въ деревнѣ.

У меня есть сани за сорокъ рублей, это—пошевни, родъ саней, теперь очень модныхъ. Сережа долженъ знать, что это такое. Я купилъ всю упряжь, и она у меня теперь очень изящна. Что касается Сережи, то скажите ему, что я еще не былъ у Крюкова, потому что нигдѣ не былъ, что проценты въ банкъ заплачены и что все, что онъ хотѣлъ знать о своихъ дѣлахъ, выяснено въ прилагаемой бумагѣ, которую мнѣ далъ Петръ послѣ моего приказанія еще разъ сходить въ банкъ и разузнать все подробно. Скажите ему еще, что когда онъ получитъ это письмо, будетъ уже десятое число, предѣльный срокъ, къ которому онъ обѣщалъ мнѣ

заплатить. Кромѣ того, напомните ему, чтобъ онъ прислалъ мнѣ оба аттестата и отвѣтъ князя Еникеева; я хотѣлъ бы, чтобы онъ ему сказалъ, если увидитъ его, что я недоволенъ его часами и согласенъ вымѣнять ихъ. Копыловъ тоже сыгралъ со мной скверную шутку; онъ далъ мнѣ расписку на предъявителя къ своему московскому комиссіонеру, чтобъ тотъ заплатилъ мнѣ за 80 четвертей ржи, которыя я ему продалъ, и я до сихъ поръ не могу получить этихъ денегъ, что мнѣ очень непріятно, потому что я скинулъ по 50 к. съ четверти, чтобы получить деньги впередъ.

Прощайте, цѣлую ваши ручки. Я очень удивленъ, что до сихъ поръ не получилъ отъ васъ письма. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я, правда, забылъ о Николаѣ Сергѣевичѣ, но я увѣренъ, что вы загладили мою забывчивость своей деликатностью, сказавъ, что я и ему напишу словечко. Скажите ему, что у меня еще не было времени приложиться къ мощамъ, но что я не премину сдѣлать это, какъ только поправлюсь.

Въ многолюдствѣ не разсѣиваюсь и игрокамъ не поддаюсь. Николая Сергѣевича помню. Имѣете ли вы вѣсти о братьяхъ, о Машенькѣ?

Москва,
1850 г., декабрь 9.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Удивляюсь и не перестаю удивляться вашему молчанію, хотя и получилъ вчера ваше письмо отъ 16 декабря, отвѣтъ на мое первое; но это уже четвертое, которое я вамъ пишу. Здоровье мое великолѣпно, но зато мои денежныя дѣла далеко не въ блестящемъ положеніи И если теперь деньги, которыхъ я жду отъ Сережи и изъ Ясной, еще не высланы, то и не надо посылать ихъ, такъ какъ онѣ меня уже не застанутъ. Надо было вамъ видѣть Петра и повтореніе той же комедіи; я ни простилъ его, ни потребовалъ отчета въ этихъ деньгахъ, такъ какъ дѣло это меня не касалось. Не имѣете ли вѣстей отъ Николеньки? Я начинаю очень безпокоиться за него. Исторія съ г-жей Симонъ еще не окончена. Еще вчера мнѣ разсказывали, какъ приказчикъ г-жи Симонъ, придя къ г-ну Кобылину, чтобы объясниться съ нимъ, упалъ мертвымъ въ его комнатѣ. Никто еще не знаетъ чему приписать эту внезапную смерть.

Почему вы такъ возмущены Исленевымъ—если это съ цѣлью, чтобы меня отъ него отвратить, то это безполезно, потому что его нѣтъ въ Москвѣ. Все, что вы говорите о развращающемъ вліяніи игры — вѣрно и часто мнѣ приходитъ на умъ, вотъ почему я думаю, что я больше играть не буду. «Я думаю», но надѣюсь скоро сказать навѣрно. Знаете, очень трудно бываетъ разстаться съ мыслью, къ которой давно привыкъ. Недавно я встрѣтилъ въ банкѣ Чулкова, а вчера онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и увѣряетъ, что устроилъ всѣ свои дѣла въ банкѣ. Но я думаю, что онъ лжетъ. Онъ очень звалъ меня къ себѣ, но вы понимаете, что ни его общество, ни общество его жены нисколько для меня не привлекательно; поэтому я къ нему не пойду.

Все, что вы говорите объ обществѣ, вѣрно, такъ же, какъ и все, что вы говорите, особенно въ письмахъ: во-первыхъ, потому, что вы пишете какъ м-мъ де-Севинье, и, во-вторыхъ, потому, что я не могу по моимъ привычкамъ спорить. Вы также говорите много хорошаго обо мнѣ. Я убѣжденъ, что похвалы приносятъ столько же пользы, сколько и вреда. Онѣ полезны, потому что удерживаютъ человѣка въ тѣхъ хорошихъ качествахъ, которыя хвалятъ, и вредны, потому что увеличиваютъ самолюбіе. Я увѣренъ, что ваши похвалы мнѣ будутъ только полезны, потому что онѣ продиктованы искреннимъ дружескимъ чувствомъ, но, конечно настолько, насколько я ихъ заслуживаю.

Мнѣ кажется, что я ихъ заслужилъ: во все время моего пребыванія въ Москвѣ я доволенъ собой. Болѣзнь тети Лизы очень огорчаетъ меня, но это огорченіе компенсируется, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что Машенька и мужъ ея здоровы. Когда она должна родить?

Скажите Сергѣю, что я его обнимаю, что всѣ его порученія исполнены, и добросовѣстно исполнены. Прощайте, цѣлую ваши руки. До свиданія. Привѣтъ монаху.

Москва,
1850 г., декабрь 24.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Изъ вашего молчанія я заключаю, что вы на меня сердитесь; дѣйствительно, я уже давно не писалъ вамъ, но вы знаете, что если я и бываю виноватъ передъ вами, то случается это помимо моей воли. Вы знаете также, что чѣмъ дольше я не вижу васъ,

тѣмъ сильнѣе чувство, которое я къ вамъ питаю. Я клеветалъ на себя, говоря, что для меня отсутствующіе всегда неправы.

Въ одномъ сочиненіи, которое я читалъ на-дняхъ, авторъ говоритъ, что первые признаки весны дѣйствуютъ обыкновенно на нравственную природу человѣка. Съ возрождающейся природой хочется чувствовать и себя рождающимся, жалѣешь о прошломъ, дурно потраченномъ времени, каешься въ слабости, и будущее представляется, какъ свѣтлая точка впереди насъ, и становишься лучше, нравственно лучше. Относительно меня это совершенно вѣрно; съ тѣхъ поръ, какъ я началъ жить самостоятельно, весна всегда приводила меня въ хорошее настроеніе, въ которомъ я держался болѣе или менѣе долго; но вотъ зима всегда была для меня камнемъ преткновенія — всегда собьюсь.

Впрочемъ, сопоставляя съ прошлыми зимами, эта, несомнѣнно, самая пріятная и самая разумная изъ всѣхъ проведенныхъ мною. Я веселился, я ѣздилъ въ свѣтъ, остались пріятныя воспоминанія, и при всемъ томъ, я не разстроилъ свои финансы— и не устроилъ—правда.

Только что я подсчиталъ свои долги, и сумма ихъ оказалась та же, что и въ прошломъ году. Прощайте, милая, дорогая тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и надѣюсь скоро сдѣлать это въ дѣйствительности. Скажите Валерьяну, что я ничего не могу ему отвѣтить, потому что уже давно не видѣлъ князя. У него только что умерла дочь, но я все-таки сегодня уже обѣдаю у него, и поговорю въ нимъ.

Москва,
1851 г., **мартъ** 8.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Вотъ и опять эти два слова стоятъ на заголовкѣ листа бумаги, и снова я въ затрудненіи: что писать вамъ? А между тѣмъ мнѣ надо столько сказать вамъ.

Наше путешествіе было очень удачно въ смыслѣ погоды и дороги. Мы провели два дня въ Москвѣ. Я былъ тамъ у Горчаковыхъ, Андрея и Сергѣя, у Волконскихъ. Я видѣлъ Львова, Калошина, Костеньку и всѣхъ, съ кѣмъ я люблю встрѣчаться.

Я былъ на гуляньѣ въ Сокольникахъ въ отвратительную погоду и потому не встрѣтилъ ни одну изъ дамъ, которыхъ я хотѣлъ видѣть. Такъ какъ, по-вашему, я человѣкъ испытующій себя, я пошелъ въ народъ, въ цыганскій таборъ. Вы легко можете себѣ представить, какая поднялась тамъ во мнѣ внутренняя борьба за и противъ. Впрочемъ, я вышелъ побѣдителемъ, то-есть ничего не далъ этимъ веселымъ потомкамъ знаменитыхъ фараоновъ, кромѣ моего благословенія. Николай [1]) находитъ, что я очень пріятный спутникъ, если бы не моя опрятность. Онъ сердится на то, что, какъ онъ говоритъ, я 12 разъ въ день мѣняю бѣлье. Я нахожу, что онъ тоже очень пріятный спутникъ, если бы не его неопрятность. Не знаю, кто изъ насъ правъ.

Изъ Москвы написалъ Валерьяну, что выигралъ 400 р. Боюсь, какъ бы это васъ не встревожило. Вы подумаете, что я играю и опять буду играть. Успокойтесь, это исключеніе, которое я позволилъ себѣ только съ г-номъ Зубковымъ.

Только пріѣхавъ въ Казань, я опять начинаю приходить въ хорошее настроеніе, которымъ и пользуюсь, чтобы писать вамъ. Все это время я не то что былъ въ плохомъ настроеніи, но мнѣ было невесело. Вы легко разгадаете причину...

Вы старались не казаться опечаленной при нашемъ отъѣздѣ, я это замѣтилъ и благодаренъ вамъ за это. Получили ли вы карточки и довольны ли вы ими? Я совсѣмъ забылъ о портмонэ для m-lle Vergani.

Казань,
1851 г., апрѣль.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Мы въ Астрахани и уже на отъѣздѣ въ Кизляръ, такъ что намъ еще остается сдѣлать 400 верстъ. Въ Казани я провелъ очень пріятно недѣлю. Путешествіе до Саратова было непріятно, но зато оттуда путешествіе въ небольшой лодкѣ до Астрахани было очень поэтично и полно очарованія для меня, по новизнѣ мѣстъ и по самому способу путешествія. Вчера я написалъ Машенькѣ [2]) длинное письмо, въ которомъ я ей разсказываю о

---

[1]) Старшій, любимый братъ Л. Н.
[2]) Сестра Л. Н.

моемъ пребываніи въ Казани. Я ничего вамъ не говорю объ этомъ, изъ опасенія повторяться, хотя я и увѣренъ, что вы не смѣшали бы оба письма. Пока я очень доволенъ моей поѣздкой. Многое заставляетъ меня задумываться и потомъ самая перемѣна мѣста мнѣ пріятна. Проѣздомъ черезъ Москву я абонировался, такъ что у меня много чтенія, которымъ я занимаюсь даже въ тарантасѣ. Затѣмъ, какъ вы понимаете, общество Николая много содѣйствуетъ моему довольному настроенію. Я не перестаю думать о васъ и о всѣхъ моихъ. Я даже иногда упрекаю себя за то, что оставилъ эту жизнь, которую такъ смягчала ваша любовь ко мнѣ; но это только отсрочка, и я еще съ большей радостью увижу васъ. Если бы я не спѣшилъ, я бы написалъ Сережѣ, но я откладываю это до того времени, кода я устроюсь и буду спокойнѣе. Поцѣлуйте же его отъ меня и скажите ему, что я очень раскаиваюсь въ той холодности, которая была между нами передъ отъѣздомъ и въ которой я обвиняю только себя.

Прощайте, тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши руки.

Астрахань,
1851 г., **май.**

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Давно я не писалъ вамъ и отъ васъ получилъ всего нѣсколько словъ въ письмѣ Валерьяна. Позвольте вамъ за это сдѣлать выговоръ.

Я пріѣхалъ живъ и здоровъ, но немного грустный, къ концу мая въ Старогладовскую. Я увидалъ вблизи образъ жизни, который ведетъ Николай и познакомился съ офицерами, которые составляютъ общество. Этотъ образъ жизни не очень привлекателенъ, какъ мнѣ показалось сперва, потому что и самый край, который я предполагалъ очень красивымъ, вовсе не таковъ. Такъ какъ станица расположена въ низинѣ, — нѣтъ красиваго вида; квартира плохая, а также и все, что составляетъ удобство жизни. Насчетъ офицеровъ, какъ вы сами можете себѣ представить, это люди безъ образованія, но люди славные и, что главное, очень любящіе Николеньку.

Алексѣевъ, его начальникъ, это маленькій бѣлокуренькій рыжеватый человѣчекъ съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, но добрый христіанинъ, напоминаю-

щій немного А. С. Волкова, но не такой ханжа, какъ онъ. Потомъ Б, молодой офицеръ, ребенокъ, напоминающій Петрушу. Потомъ старый капитанъ Билковскій, изъ уральскихъ казаковъ— старый, простой солдатъ, но благородный, храбрый и добрый. Признаюсь, сначала многое въ этомъ обществѣ коробило меня, но я привыкъ, хотя и не сдружился съ этими господами. Я нашелъ счастливое средство общенія, въ которомъ нѣтъ ни гордости, ни запанибратства. Впрочемъ, въ этомъ мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру Николеньки.

Едва пріѣхавъ, Николенька получилъ приказъ отправиться въ Староюртовское укрѣпленіе для прикрытія больныхъ въ Горячеводскомъ лагерѣ. Недавно здѣсь открыли горячіе минеральные источники, разнаго качества, которые, говорятъ, очень благотворно дѣйствуютъ на всѣхъ больныхъ простудой, раненыхъ, и въ особенности на больныхъ... Говорятъ даже, что эти воды лучше по качеству, чѣмъ Пятигорскія.

Николенька уѣхалъ черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда, и я послѣдовалъ за нимъ, такъ что мы почти три недѣли здѣсь живемъ въ палаткѣ. Погода хорошая, и такъ какъ я привыкъ немного къ такому образу жизни, то мнѣ очень хорошо. Здѣсь чудные виды. Начну съ того мѣста, гдѣ источники. Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и закрываютъ, особенно по утрамъ, верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Вода такъ горяча, что въ ней можно сварить яйцо вкрутую въ три минуты. Въ срединѣ этого оврага, на главномъ потокѣ, есть три мельницы, одна надъ другой, построенныя совсѣмъ особеннымъ образомъ и очень красиво. Весь день татарскія женщины то и дѣло приходятъ выше и ниже мельницъ, чтобы мыть бѣлье. Нужно вамъ сказать, что онѣ моютъ ногами. Это, какъ муравейникъ, вѣчно кишащій. Женщины большей частью красивы и хорошо сложены. Одежды восточныхъ женщинъ, несмотря на ихъ бѣдность, изящны. Красивы группы женщинъ, дикая красота мѣстности — все это представляетъ очаровательную картину. Я часто часами стою и любуюсь пейзажемъ. Затѣмъ видъ съ вершины горы еще лучше и совершенно въ другомъ родѣ. Но я боюсь надоѣсть вамъ своими описаніями.

Я очень радъ быть на водахъ, я пользуюсь этимъ. Я беру желѣзистыя ванны и болѣе не чувствую боли въ ногахъ. У меня

всегда были ревматизмы, но во время нашего путешествія по водѣ, я думаю, я еще простудился. Рѣдко я такъ хорошо себя чувствовалъ, какъ теперь, и, несмотря на сильныя жары, я дѣлаю много движеній.

Офицеры здѣсь такіе же, какъ и тѣ, о которыхъ я вамъ писалъ. Ихъ тутъ много. Я всѣхъ ихъ знаю, и мои отношенія съ ними тѣ же.

Скажите Сергѣю, что я его обнимаю, и что я пишу вамъ то же самое, что писалъ ему, и что жду отъ него письма. Онъ прекрасно знаетъ, что можетъ интересовать меня, слѣдовательно, ему не трудно будетъ заполнить свое письмо. Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки.

Старый Юртъ,
1851 г., іюль.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère et excellente tante!

Вы мнѣ много разъ говорили, что у васъ нѣтъ привычки писать черновики для вашихъ писемъ; я слѣдую вашему примѣру, но у меня это не выходитъ такъ хорошо, какъ у васъ, такъ какъ мнѣ часто приходится рвать письма, послѣ того, какъ я ихъ перечитаю. И я дѣлаю это не изъ ложнаго стыда. Орѳографическая ошибка, клякса, неловкое выраженіе не стѣсняютъ меня; но дѣло въ томъ, что мнѣ не дается умѣніе управлять своимъ перомъ и мыслями. Я только что разорвалъ письмо, которое написалъ вамъ, потому что я наговорилъ тамъ много такого, чего я не хотѣлъ вамъ говорить, и не сказалъ того, что хотѣлъ. Быть можетъ, вы думаете, что это скрытность, и скажете, что не хорошо быть скрытнымъ съ людьми, которыхъ любишь и которыми чувствуешь себя любимымъ. Я согласенъ. Но согласитесь и вы, что безразличному человѣку можно все сказать, но, чѣмъ ближе вамъ человѣкъ, тѣмъ больше есть вещей, которыя хотѣлось бы скрыть отъ него...

Написалъ эту страницу и раскаиваюсь. Не думайте, что это предисловіе (приготовленіе къ чему-нибудь), не пугайтесь. Просто-напросто эта мысль пришла мнѣ въ голову и я ее вамъ передаю. Третьяго дня получилъ вашъ отвѣтъ на мое первое письмо, написанное мною съ Кавказа. Получить отвѣтъ черезъ два мѣсяца — это ужасно, особенно, когда хочется постоянно

разговаривать съ вами. Вы говорите: боюсь, что мое письмо покажется тебѣ очень длиннымъ; — говорю безъ всякой риторики: ваши письма, хотя я перечитываю каждое изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, разъ десять, кажутся мнѣ такими короткими, что я удивляюсь, какъ это вы ухитряетесь писать такъ мало, когда о столькомъ надо поговорить. Вы должны были получить мое письмо, въ которомъ я вамъ говорю о рояли. Добрыя вѣсти, которыя вы мнѣ сообщаете о добромъ расположеніи Сережи по отношенію къ султаншѣ, кажутся мнѣ сомнительными. Простите, дорогая тетенька, но я не вѣрю вамъ слѣпо въ томъ, что насъ касается. Ваша слишкомъ большая любовь къ намъ часто заставляетъ васъ превратно видѣть настоящее положеніе вещей, но я очень хотѣлъ бы знать, что мнѣ думать по отношенію къ Сережѣ. Какъ младшій братъ, я долженъ написать ему первый; я сдѣлаю это, и буду судить обо всемъ по его отвѣту.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я разстался съ Николенькой. Онъ въ лагерѣ на горячихъ водахъ, а я въ его главной квартирѣ. Въ сентябрѣ онъ вернется. Многія лица уговариваютъ меня поступить на службу здѣсь, въ особенности къ князю Барятинскому, у котораго большія связи.

Совѣтуете ли вы мнѣ это? Прощайте, цѣлую ваши руки.

Старогладовская,
1851 г., сент. 16.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Черезъ недѣлю будетъ ровно 4 мѣсяца, какъ я не получаю вѣстей отъ васъ, но теперь у меня есть, по крайней мѣрѣ, надежда, что ваши письма находятся въ Старогладовской... и что только мое отсутствіе было причиной того, что случилось наканунѣ нашего отъѣзда въ Тифлисъ.

Мы въ дѣйствительности выѣхали 25-го и послѣ семи дней путешествія, очень скучнаго по недостатку лошадей на каждой станціи и очень пріятнаго вслѣдствіе красоты мѣстъ, по которымъ проѣзжаешь. 1-го числа этого мѣсяца мы пріѣхали.

На слѣдующій день я пошелъ къ генералу Бриммеру, чтобы представить ему бумаги, полученныя мною въ Тулѣ, а также и собственную особу. Несмотря на свою нѣмецкую услужливость и все свое желаніе онъ принужденъ былъ отказать мнѣ, такъ какъ мои бумаги не въ исправности, и мнѣ не хватаетъ документовъ,

которые въ данную минуту находятся въ П., и я долженъ ждать. Итакъ, я рѣшилъ дожидаться этихъ бумагъ въ Тифлисѣ, но такъ какъ срокъ отпуска Николеньки уже кончился, но онъ уѣхалъ три дня тому назадъ. Вы легко представите себѣ, дорогая тетенька, что это досадное обстоятельство непріятно мнѣ во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ: если мои бумаги не придутъ черезъ мѣсяцъ, я отказываюсь отъ военной службы, такъ какъ не смогу въ этомъ году участвовать въ зимней экспедиціи, что было моимъ единственнымъ желаніемъ при поступленіи на службу. Во-вторыхъ: такъ какъ жизнь здѣсь очень дорога, пребываніе въ теченіе мѣсяца (а можетъ быть, и больше) въ этомъ городѣ и обратная дорога будутъ стоить мнѣ не малыхъ денегъ, и въ-третьихъ: я такъ привыкъ быть все время съ Николенькой, что эта разлука съ нимъ, хотя и на очень короткое время, была мнѣ тяжела. Теперь только — признаюсь въ этомъ къ стыду моему — я научился цѣнить, уважать и любить этого прекраснаго брата такъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Ваши добрые совѣты, дорогая тетенька, каждую минуту приходятъ мнѣ на память. Сколько разъ вы меня останавливали, когда я легкомысленно отзывался о Николенькѣ, и вы были совершенно правы. Я безъ всякой ложной скромности говорю, что Николенька во всѣхъ отношеніяхъ лучше насъ всѣхъ.

Сверхъ ожиданія, я нашелъ въ Тифлисѣ хорошаго петербургскаго знакомаго, князя Багратіона; онъ для меня большая помощь. Это умный и образованный человѣкъ.

Тифлисъ очень цивилизованный городъ, очень подражающій Петербургу, и это ему удается. Избранное многолюдное общество. Есть русскій театръ и итальянская опера, которыми я пользуюсь настолько, насколько мнѣ позволяютъ мои маленькія средства. Я живу въ нѣмецкой колоніи: это—предмѣстіе, но оно представляетъ для меня двѣ большія выгоды. Во-первыхъ, это прелестное мѣстечко, окруженное садами и виноградниками, такъ что здѣсь чувствуешь себя болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. (Здѣсь еще очень жарко и ясно, не было ни снѣга, ни мороза до сихъ поръ.) Второе преимущество это то, что я плачу здѣсь за двѣ довольно чистыя комнаты пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ, тогда какъ въ городѣ нельзя бы было нанять такую квартиру меньше, чѣмъ за 40 рублей въ мѣсяцъ. Сверхъ того, у меня безплатная практика нѣмецкаго языка, у меня есть книги, занятія и досугъ, потому что никто не приходитъ безпокоить меня, такъ что въ общемъ я не скучаю.

Помните, добрая тетенька, совѣтъ, который вы разъ мнѣ дали — писать романы. Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту,

и занятія, о которыхъ я вамъ писалъ, состоятъ въ литературѣ. Я еще не знаю, появится ли когда-нибудь въ свѣтъ то, что я пишу; но это работа, которая меня занимаетъ, и въ которой я уже слишкомъ далеко зашелъ, чтобы ее оставить.

Вотъ точный отчетъ о моихъ занятіяхъ; что же касается моихъ плановъ, если я не поступлю на военную службу, я постараюсь найти какую-нибудь штатскую должность. Здѣсь, а не въ Россіи, чтобы не говорили, что я баклуши бью. Во всякомъ случаѣ, я никогда не раскаюсь въ томъ, что пріѣхалъ на Кавказъ: эта была мысль, которая принесетъ мнѣ пользу.

Прощайте, цѣлую ваши руки и жду вашихъ писемъ. Адресуйте прямо — Въ Грузію, въ г. Тифлисъ.

Тифлисъ,
1851 г., ноябрь 12.

Къ гр. С. Н. Толстому.

Милый другъ Сережа! Какъ жалко, что мы съ тобой не переписываемся. Что значитъ 20 или 30 гривенниковъ въ годъ и нѣсколько часовъ, посвященныхъ на то, чтобы писать другъ другу? А сколько бы было удовольствія. Я въ настоящую минуту до такой степени жажду поболтать съ тобой про всякую дребедень, что ежели бы конвертъ стоилъ не 10 к., а 30 рублей, я отдалъ бы послѣдніе. Я пишу и завидую удовольствію, которое ты получишь, читая мое письмо.

На-дняхъ давно желанный мною приказъ о зачисленіи меня фейерверкеромъ въ 4-ую батарею долженъ состояться, и я буду имѣть удовольствіе дѣлать фрунтъ и провожать глазами мимо ѣдущихъ офицеровъ и генераловъ. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицамъ въ своемъ шармеровскомъ пальто и въ складной шляпѣ, за которую я заплатилъ здѣсь 10 рублей, несмотря на всю свою величавость въ этой одеждѣ, я такъ привыкъ къ мысли скоро надѣть сѣрую шинель, что невольно правая рука хочетъ схватить за пружины складную шляпу и опустить ее внизъ . .
. . . .
. . . .
. . . . Впрочемъ, ежели мое желаніе исполнится, то я въ день же своего опредѣленія уѣзжаю въ Старогладовскую, а оттуда тотчасъ же въ походъ, гдѣ буду ходить и ѣздить въ тулупѣ или черкескѣ, и тоже по мѣрѣ силъ моихъ буду способствовать съ помощью пушки къ истребленію хищниковъ и непокорныхъ азіатовъ.

. . . .

Сережа, ты видишь по письму моему, что я въ Тифлисѣ, куда пріѣхалъ еще 9 ноября, такъ что немного успѣлъ поохотиться съ собаками, которыхъ тамъ купилъ (въ Старогладовской). а присланныхъ собакъ вовсе не видалъ. Охота здѣсь — чудо! Чистыя поля, болотца, набитыя русаками, и острова не изъ лѣса, а изъ камыша, въ которомъ держатся лисицы. Я всего девять разъ былъ въ полѣ, отъ станицы въ 10—15 верстахъ, и съ двумя собаками, изъ которыхъ одна отличная, а другая дрянь; затравилъ двухъ лисицъ и русаковъ съ 60. Какъ пріѣду, такъ попробую травить козъ.

На охотахъ съ ружьями на кабановъ, оленей я присутствовалъ неоднократно, но ничего самъ не убилъ. Охота эта тоже очень пріятна, но, привыкнувъ охотиться съ борзыми, нельзя полюбить эту. Такъ же, какъ ежели кто привыкнулъ курить турецкій табакъ, нельзя полюбить Жуковъ, хотя и можно спорить, что этотъ лучше.

Я знаю твою слабость: ты вѣрно пожелаешь знать, кто здѣсь были и есть мои знакомые и въ какихъ я съ ними отношеніяхъ. Долженъ тебѣ сказать, что этотъ пунктъ нисколько меня здѣсь не занимаетъ, но спѣшу удовлетворить тебя. Въ батареѣ офицеровъ немного; поэтому я со всѣми знакомъ, но очень поверхностно, хотя и пользуюсь общимъ расположеніемъ, потому что у насъ съ Николенькой всегда есть для посѣтителей водка, вино и закуска; на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ составилось и поддерживается мое знакомство съ другими полковыми офицерами, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться въ Старомъ Юртѣ (на водахъ, гдѣ я жилъ лѣто) и въ набѣгѣ, въ которомъ я былъ. Хотя есть болѣе или менѣе порядочные люди, но такъ какъ я и безъ офицерскихъ бесѣдъ всегда имѣю болѣе интересныя занятія, я остаюсь со всѣми въ одинаковыхъ отношеніяхъ.

Подполковникъ Алексѣевъ, командиръ батареи, въ которую я поступаю, человѣкъ очень добрый и тщеславный. Послѣднимъ его недостаткомъ я, признаюсь, пользовался и пускалъ ему нѣкоторую пыль въ глаза — онъ мнѣ нуженъ. Но и это я дѣлаю невольно, въ чемъ и раскаиваюсь. Съ людьми тщеславными самъ дѣлаешься тщеславенъ.

Здѣсь, въ Тифлисѣ, у меня 3 человѣка знакомыхъ. Больше я не пріобрѣлъ знакомствъ, во-первыхъ, потому, что не желалъ, а во-вторыхъ, потому, что не имѣлъ къ тому случая,— я почти все время былъ боленъ и недѣлю только, что выхожу.

2*

Первый знакомый мой — Багратіонъ, петербургскій (товарищъ Ферзена). Второй—князь Барятинскій. Я познакомился съ нимъ въ набѣгѣ, въ которомъ подъ его командой участвовалъ, и потомъ провелъ съ нимъ одинъ день въ одномъ укрѣпленіи вмѣстѣ съ Ильей Толстымъ, котораго я здѣсь встрѣтилъ. Знакомство это, безъ сомнѣнія, не доставляетъ мнѣ большого развлеченія, потому что ты понимаешь, на какой ногѣ можетъ быть знакомъ юнкеръ съ генераломъ. Третій знакомый мой — помощникъ аптекаря, разжалованный полякъ, презабавное созданіе. Я увѣренъ, что князь Барятинскій никогда не воображалъ, въ какомъ бы то ни было спискѣ, стоять рядомъ съ помощникомъ аптекаря, но вотъ же случилось. Николенька здѣсь на отличной ногѣ; какъ начальники, такъ и офицеры-товарищи, всѣ его любятъ и уважаютъ. Онъ пользуется, сверхъ того, репутаціей храбраго офицера. Я его люблю больше, чѣмъ когда-либо, и когда съ нимъ, то совершенно счастливъ, а безъ него скучно.

Ежели хочешь щегольнуть извѣстіями съ Кавказа, то можешь разсказывать, что второе лицо послѣ Шамиля, нѣкто Хаджи-Муратъ, на-дняхъ передался русскому правительству. Это былъ первый лихачъ (джигитъ) и молодецъ во всей Чечнѣ, а сдѣлалъ подлость. Еще можешь съ прискорбіемъ разсказывать о томъ, что на-дняхъ убитъ извѣстный храбрый и умный генералъ Слѣпцовъ. Ежели ты захочешь знать больно ли ему было, то этого не могу сказать.

. . . .

Тифлисъ,
1851 г., декабрь 23.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Я только что получилъ ваше письмо отъ 24 ноября и тотчасъ же отвѣчаю (я установилъ такой обычай). Послѣдній разъ я вамъ писалъ, что ваше письмо заставило меня плакать и я полагалъ, что причиной этой слабости была моя болѣзнь. Я былъ не правъ. Всѣ ваши письма съ нѣкотораго времени дѣйствуютъ на меня такъ же. Я всегда былъ Лева-рева. Сначала я стыдился этой слабости, но слезы, которыя я проливаю, думая о васъ и о вашей любви къ намъ, такъ радостны, что я имъ позволяю течь безъ всякаго ложнаго стыда. Ваше письмо слишкомъ полно

грусти и потому не могло не произвести подобнаго же дѣйствія. Вы мнѣ всегда давали совѣты, и хотя я, къ сожалѣнію, не всегда слѣдовалъ имъ, я хотѣлъ бы всю мою жизнь лишь слѣдовать вашимъ указаніямъ. Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ о томъ дѣйствіи, которое произвело на меня ваше письмо, и о мысляхъ, которыя возникли во мнѣ за чтеніемъ его. Если я говорю вамъ слишкомъ откровенно, вы простите меня ради моей любви къ вамъ. Говоря, что теперь ваша очередь оставить насъ и соединиться съ тѣми, которыхъ уже нѣтъ и которыхъ вы такъ любили, говоря, что вы просите Бога положить предѣлъ вашему существованію, которое кажется вамъ столь невыносимымъ и одинокимъ,— извините, дорогая тетенька, но мнѣ кажется, что, говоря это, вы ропщете на Бога и обижаете меня и всѣхъ насъ, которые такъ васъ любятъ. Вы просите у Бога смерти, т.-е. самаго большаго несчастія, которое бы могло произойти для меня (это не фраза, но Богъ свидѣтель, что два самыя большія несчастія, которыя могутъ произойти для меня, это смерть ваша и Николеньки, двухъ людей, которыхъ я люблю больше самого себя). Что осталось бы для меня, если бы Богъ услыхалъ вашу молитву? Ради кого старался бы я стать лучше, имѣть хорошія качества, составить о себѣ хорошее мнѣніе въ свѣтѣ? Когда я строю планы личнаго счастія, мысль о томъ, что вы раздѣлите его со мной и будете пользоваться имъ, никогда не покидаетъ меня. Когда я дѣлаю что-нибудь хорошее, я доволенъ собой, потому что знаю, что вы будете довольны мной. Когда я поступаю дурно— чего я больше всего опасаюсь, это вамъ причинить огорченіе. Ваша любовь для меня все, а вы просите Бога, чтобы Онъ насъ разлучилъ. Я не могу вамъ выразить того чувства, которое я питаю къ вамъ,—словъ недостаточно для этого, я боюсь, чтобы вы не подумали, что я преувеличиваю, а между тѣмъ я плачу горючими слезами, пока пишу вамъ. Этой тяжелой разлукѣ я обязанъ сознаніемъ того, какой вы для меня другъ и какъ я васъ люблю. Но я развѣ одинъ, питающій къ вамъ эти чувства—а вы просите у Бога смерти. Вы говорите, что вы одиноки; хотя я и отдѣленъ отъ васъ, но если вы вѣрите моей любви и такая мысль можетъ послужить противовѣсомъ вашему горю, что касается до меня, я никогда не чувствую себя одинокимъ, пока я знаю, что я любимъ вами такъ, какъ оно есть.

Чувствую тѣмъ не менѣе, что дурное чувство диктуетъ эти слова,—я ревную васъ къ вашему горю.

Сегодня произошелъ случай, который могъ бы меня заставить повѣрить въ Бога, если бы я уже не вѣрилъ въ него съ нѣкоторыхъ поръ.

Лѣтомъ въ Старомъ Юртѣ всѣ офицеры были исключительно заняты игрой и довольно большой. Такъ какъ, живя въ лагерѣ, нельзя не видѣться часто, я нерѣдко присутствовалъ при игрѣ и, несмотря на упрашиванія, которыя мнѣ дѣлали, я держался съ мѣсяцъ. Но въ одинъ прекрасный день, шутя я поставилъ немного, проигралъ, снова поставилъ, опять проигралъ, мнѣ не повезло, игорная страсть поднялась во мнѣ, и въ два дня я проигралъ все, что у меня было деньгами, что мнѣ далъ Николенька (около 250 р.) и сверхъ того еще 500 р. серебромъ, на которые я далъ вексель срокомъ по январь 1852 г.

Надо вамъ сказать, что подлѣ лагеря есть аулъ, въ которомъ живутъ чеченцы. Одинъ молодой чеченецъ, Садо, пріѣзжалъ въ лагерь и игралъ; но такъ какъ онъ не умѣлъ считать и записывать, то были такіе негодяи, которые его обманывали. По этому самому я никогда не хотѣлъ играть противъ Садо и ему даже говорилъ, чтобы онъ не игралъ, потому что его надуваютъ, и предложилъ ему играть за него по довѣренности. Онъ былъ мнѣ очень благодаренъ за это и подарилъ мнѣ кошелекъ, а такъ какъ въ обычаѣ этого народа дарить другъ другу, то я ему подарилъ плохонькое ружье, которое купилъ за 8 рублей. Надо вамъ сказать, что для того, чтобы стать *кунакомъ*, т.-е. другомъ, нужно дѣлать подарки и потомъ обѣдать въ домѣ кунака. Послѣ этого по старинному обычаю этого народа (который сохраняется едва ли только не въ преданіи) становятся друзьями на жизнь и на смерть, т.-е. что если я у него спрошу всѣ деньги, его жену, его оружіе и все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, онъ долженъ мнѣ отдать и я тоже ни въ чемъ не долженъ ему отказывать. Садо пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, предложивъ быть его кунакомъ. Я пошелъ къ нему. Угостивъ меня по-своему, онъ предложилъ мнѣ выбрать, что я хочу въ его домѣ: оружіе, лошадь, все... Я хотѣлъ выбрать самое дешевое и взялъ уздечку, отдѣланную въ серебро; но онъ сказалъ мнѣ, что я его этимъ обижу, и заставилъ меня взять шашку, стоящую по меньшей мѣрѣ сто рублей серебромъ.

Отецъ его былъ человѣкъ богатый, но у него деньги закопаны въ землѣ и онъ не даетъ сыну ни копейки. Сынъ, чтобы выручить денегъ, ѣздитъ къ непріятелю красть лошадей, коровъ. Иной разъ онъ подвергаетъ 20 разъ опасности свою жизнь изъ-за вещи, стоящей не болѣе 10 р., но это онъ дѣлаетъ не изъ жадности, а по натурѣ. Самый ловкій воръ очень уважаемъ и его называютъ «джигитъ», молодецъ. У Садо то бываетъ 1000 р., то ни копейки. Послѣ одного изъ моихъ посѣщеній его дома, я подарилъ ему Николенькины серебряные часы и мы стали самыми большими

друзьями. Много разъ онъ доказалъ мнѣ свою преданность, подвергая изъ-за меня свою жизнь опасности,—но это для него ничего не значитъ, это для него обычай и удовольствіе.

Когда я уѣхалъ изъ Стараго Юрта, а Николенька остался тамъ, Садо каждый день приходилъ къ нему и говорилъ, что онъ не знаетъ, что ему безъ меня дѣлать и что онъ страшно скучаетъ. Я писалъ Николенькѣ, что такъ какъ моя лошадь заболѣла, то я прошу его найти мнѣ какую-нибудь въ Старомъ Юртѣ. Садо, узнавъ объ этомъ, ничего не нашелъ лучшаго, какъ явиться ко мнѣ въ станицу и подарить мнѣ свою лошадь, несмотря на всѣ мои усилія отказать ему.

Послѣ глупости, которую я сдѣлалъ, проигравъ въ Старомъ Юртѣ, я больше не бралъ въ руки картъ и читалъ наставленія Садо, который страстный игрокъ и, хотя не знаетѣ игры, всегда бываетъ очень счастливъ въ игрѣ.

Вчера вечеромъ я былъ занятъ мыслями о моихъ денежныхъ дѣлахъ и моихъ долгахъ. Я думаю о томъ, какъ я расплачусь. Долго размышляя объ этомъ, я увидалъ, что, если я не буду много тратить, долги не будутъ мнѣ обременительны и я смогу расплатиться въ два или 3 года; но 500 рублей, которые я долженъ былъ заплатить въ этомъ мѣсяцѣ, приводили меня въ отчаяніе.

Я совсѣмъ не могъ уплатить ихъ, и въ эту минуту они безпокоили меня больше, чѣмъ 4000 Огарева. Я былъ въ отчаяніи отъ этой глупости, что дѣлавши долги въ Россіи, пріѣхалъ ихъ снова дѣлать сюда. Вечеромъ, молясь, я просилъ Бога, чтобы Онъ избавилъ меня отъ этого тяжелаго положенія, и я молился очень горячо. «Но какъ же я могу выпутаться изъ этого дѣла?» думалъ я, ложась спать. Ничего не можетъ случиться такого, чтобы дало мнѣ возможность расплатиться съ этимъ долгомъ. Я уже представлялъ себѣ всѣ непріятности, которыя мнѣ пришлось бы перенести изъ-за этого.

Какъ онъ подастъ ко взысканію, какъ по начальству отъ меня будутъ требовать отзыва, почему я не плачу и т. д. Помоги мнѣ, Господи, сказалъ я и заснулъ.

На другой день я получилъ письмо отъ Николеньки съ приложеніемъ вашего и многихъ другихъ писемъ. Онъ мнѣ пишетъ:

«На-дняхъ былъ у меня Садо, онъ выигралъ у Кнорринга твои векселя и привезъ ихъ мнѣ. Онъ такъ былъ доволенъ этому выигрышу, такъ счастливъ и такъ много меня спрашивалъ: «Какъ думаешь, братъ радъ будетъ, что я это сдѣлалъ?» что я его очень за это полюбилъ. Этотъ человѣкъ дѣйствительно къ тебѣ привязанъ».

Не правда ли, удивительно видѣть свою просьбу услышанной на другой же день, т.-е. удивительна больше всего милость Божія къ существу, столь мало заслужившему ее, какимъ былъ я. И не правда ли, эта черта преданности Садо прелестна. Онъ знаетъ, что у меня есть братъ Сергѣй, который любитъ лошадей, и такъ какъ я обѣщалъ Садо взять его съ собою въ Россію, когда я туда поѣду, онъ сказалъ мнѣ, что хоть бы это ему стоило сто жизней, онъ украдетъ самую лучшую лошадь, какая есть въ горахъ и приведетъ ему.

Пожалуйста, прикажите купить въ Тулѣ шестиствольный пистолетъ и послать его мнѣ и коробочку съ музыкой, если это не слишкомъ дорого стоитъ. Это вещи, которыя ему очень понравятся.

Я все въ Тифлисѣ, сижу у моря, жду погоды, т.-е. денегъ. Прощайте, тетенька. Левушка тысячу разъ цѣлуетъ ваши руки.

Тифлисъ,
1852 г., январь 6.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Вотъ мысли, которыя пришли мнѣ на умъ. Я постараюсь передать ихъ вамъ, потому что я думалъ о васъ. Я очень перемѣнился нравственно, и это со мной уже было столько разъ. Впрочемъ, я думаю, что это со всѣми такъ бываетъ. Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе мѣняешься; вы человѣкъ опытный, скажите, вѣдь это правда? Я думаю, что недостатки и качества, основы характера остаются тѣ же, но взгляды на жизнь, на счастіе должны измѣняться съ годами. Годъ тому назадъ я думалъ найти счастіе въ удовольствіяхъ, въ движеніяхъ; теперь же, напротивъ, отдыхъ физическій и моральный это то, чего я желаю. Но я представляю себѣ состояніе покоя безъ скуки, съ тихой радостью любви и дружбы,—это для меня верхъ счастья. Впрочемъ, очарованіе покоя чувствуешь только послѣ усталости и радости любви только послѣ ея лишенія. И вотъ я лишенъ теперь и того и другого и потому-то я такъ стремлюсь къ нимъ. Мнѣ *нужно* быть лишеннымъ ихъ еще на сколько времени? Богъ знаетъ. Не знаю почему, но я чувствую, что это нужно. Религія и опытъ жизни, какъ бы малъ онъ ни былъ, научили меня, что жизнь есть испытаніе. Для меня она больше, чѣмъ испытаніе, она есть искупленіе моихъ грѣховъ.

Мнѣ кажется, что сумасбродная мысль поѣхать на Кавказъ внушена мнѣ свыше. Это рука Божія ведетъ меня и я непрестанно благодарю Его. Я чувствую, что здѣсь я сталъ лучше (это еще немного, потому что я былъ очень дуренъ), и я твердо увѣренъ, что все, что можетъ со мной случиться здѣсь, будетъ мнѣ на пользу, потому что самъ Богъ этого хочетъ. Быть можетъ, это слишкомъ смѣлая мысль, но я въ этомъ убѣжденъ. Поэтому-то я переношу невзгоды и лишенія физическія, о которыхъ я говорю (какія могутъ быть физическія лишенія для здороваго малаго 23 лѣтъ), какъ бы не чувствуя ихъ, даже съ нѣкоторымъ наслажденіемъ думая о счастіи, которое меня ожидаетъ. Вотъ какъ я его себѣ представляю:

Послѣ нѣкотораго количества лѣтъ, не молодой, не старый я въ Ясной Полянѣ, дѣла мои въ порядкѣ, у меня нѣтъ ни безпокойства, ни непріятностей. Вы также живете въ Ясной. Вы немного постарѣли, но еще свѣжи и здоровы. Мы ведемъ жизнь, которую вели раньше,—я работаю по утрамъ, но мы видимся почти цѣлый день. Мы обѣдаемъ. Вечеромъ я вамъ читаю что-нибудь интересное для васъ. Потомъ мы бесѣдуемъ, я разсказываю вамъ про кавказскую жизнь, вы мнѣ разсказываете ваши воспоминанія о моемъ отцѣ, матери; вы мнѣ разсказываете «страшныя», которыя мы прежде слушали съ испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаемъ людей, которые намъ были дороги, и которыхъ больше нѣтъ. Вы станете плакать и я тоже, но эти слезы будутъ успокоительны; мы будемъ говорить о братьяхъ, которые будутъ къ намъ пріѣзжать время отъ времени. О дорогой Машѣ, которая также будетъ проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ Ясной, которую она такъ любитъ, со всѣми своими дѣтьми. У насъ не будетъ знакомыхъ, никто не придетъ намъ надоѣдать и сплетничать. Это чудный сонъ. Но это еще не все, о чемъ я себѣ позволяю мечтать. Я женатъ, моя жена тихая, добрая, любящая; васъ она любитъ такъ же, какъ и я; у насъ дѣти, которыя васъ зовутъ бабушкой; вы живете въ большомъ домѣ наверху, въ той же комнатѣ, которую прежде занимала бабушка. Весь домъ содержится въ томъ же порядкѣ, какой былъ при отцѣ, и мы начинаемъ ту же жизнь, только перемѣнившись ролями. Вы замѣняете бабушку, но вы еще лучше ея, я замѣняю отца, хотя я не надѣюсь никогда заслужить эту честь. Жена моя замѣняетъ мать, дѣти—насъ. Маша беретъ на себя роль двухъ тетокъ, исключая ихъ горе; даже Гаша замѣняетъ Прасковью Ильинишну. Не будетъ хватать только лица, которое взяло бы на себя вашу роль въ жизни нашей семьи. Никогда не найдется столь прекрасная душа,

столь любящая, какъ ваша. У васъ нѣтъ преемниковъ. Будетъ три новыхъ лица, которыя будутъ иногда появляться среди насъ— это братья, особенно одинъ, который часто будетъ съ нами, Николенька, старый холостякъ, лысый, въ отставкѣ, всегда такой же добрый, благородный.

Я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину, разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки, какъ дѣти будутъ у него цѣловать сальныя руки (но которыя стоятъ того), какъ онъ будетъ съ ними играть, какъ жена моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія о давно прошедшемъ времени, какъ вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ; какъ вы насъ—старыхъ—будете называть попрежнему Левочка, Николенька, и будете бранить меня за то, что я руками ѣмъ, а его за то, что у него руки не чисты.

Если бы меня сдѣлали русскимъ императоромъ, если бы мнѣ дали Пэру, однимъ словомъ, если бы волшебница пришла ко мнѣ съ своей палочкой и спросила меня, чего я желаю, я, положа руку на сердце, отвѣтилъ бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать дѣйствительностью.

Знаю, вы не любите загадывать, но что же тутъ дурного? А это такъ пріятно. Я боюсь, что это слишкомъ эгоистично и что я вамъ удѣлилъ мало мѣста въ этомъ счастіи. Я опасаюсь, что прошлыя горя оставили слишкомъ чувствительный слѣдъ въ вашемъ сердцѣ, и это помѣшаетъ вамъ отдаться этому будущему, которое составило бы мое счастіе. Дорогая тетенька, скажите, были бы вы счастливы? Все это можетъ случиться, и надежда такъ утѣшительна!

Опять я плачу. Зачѣмъ я плачу, думая о васъ? Это слезы радости; я счастливъ отъ сознанія моей любви къ вамъ; какія бы несчастія ни случились, я не сочту себя вполнѣ несчастнымъ, пока вы живы. Помните ли вы нашу разлуку у Иверской часовни, когда мы уѣзжали въ Казань. Тогда, какъ бы по вдохновенію въ самую минуту разлуки, я понялъ, кѣмъ вы были для меня, и, хотя еще ребенокъ, слезами и нѣсколькими отрывочными словами я сумѣлъ дать вамъ понять, что я чувствовалъ. Я никогда не переставалъ васъ любить; но чувство, которое я испыталъ у Иверской, и теперешнее совсѣмъ иныя: теперешнее гораздо сильнѣе, болѣе возвышенное, чѣмъ въ какое-либо другое время.

Сознаюсь вамъ въ одномъ, чего стыжусь, но долженъ сказать вамъ это, чтобы освободить мою совѣсть. Раньше, читая

ваши письма, въ которыхъ вы говорили о вашихъ чувствахъ къ намъ, мнѣ казалось, что вы преувеличиваете. Но только теперь, перечитывая ихъ, я понимаю васъ, вашу безграничную любовь къ намъ и вашу возвышенную душу. Я увѣренъ, что всякій другой, кромѣ васъ, читая это письмо и предыдущее, сдѣлалъ бы мнѣ тотъ же упрекъ. Но я не опасаюсь этого отъ васъ, вы меня слишкомъ хорошо знаете и вы знаете, что, быть можетъ, единственное мое доброе качество—это чувствительность. Этому качеству я обязанъ счастливѣйшими минутами моей жизни. Во всякомъ случаѣ, это послѣднее письмо, въ которомъ я позволяю себѣ выразить столь напыщенныя чувства. Напыщенныя для равнодушныхъ, но вы сумѣете ихъ оцѣнить.

Прощайте, дорогая тетя, черезъ нѣсколько дней надѣюсь снова увидѣть Николеньку, тогда напишу вамъ.

Станція Моздокъ, на полдорогѣ къ Тифлису,
1852 г., январь 12.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

У меня нѣтъ никакой законной причины, чтобы оправдать свое молчаніе, поэтому я начинаю съ того, что прошу у васъ прощенія. Возвратившись съ экспедиціи, я провелъ съ Николенькой 2 мѣсяца въ Старогладовской. Мы вели тамъ нашъ обычный образъ жизни—охота, чтеніе, разговоры, шахматы. За это время я совершилъ поѣздку къ Каспійскому морю, очень интересную и пріятную. Я былъ бы вполнѣ доволенъ этими двумя мѣсяцами, если бы не хворалъ. А въ общемъ нѣтъ худа безъ добра, моя болѣзнь дала мнѣ предлогъ отправиться на лѣто въ Пятигорскъ, откуда я вамъ и пишу. Я здѣсь уже двѣ недѣли и веду образъ жизни очень правильный и уединенный, благодаря чему доволенъ, какъ своимъ здоровьемъ, такъ и поведеніемъ. Встаю въ 4 часа, чтобы пойти пить воды, что продолжается до 6. Въ 6 беру ванну и возвращаюсь домой. Читаю или разговариваю за чаемъ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, который живетъ рядомъ со мной, и съ которымъ мы столуемся вмѣстѣ; затѣмъ пишу до 12—часъ нашего обѣда. Ванюшка, которымъ я вполнѣ доволенъ, готовитъ намъ очень дешево и довольно сносно. Сплю до 4, играю въ шахматы или читаю, снова отправляюсь къ источнику, а возвратившись, если погода хороша,

велю подавать чай въ садъ, гдѣ провожу цѣлые часы, мечтая о Ясной, о чудныхъ мгновеніяхъ, проведенныхъ тамъ, а главное о тетенькѣ, которую я съ каждымъ днемъ люблю все больше и больше. Чѣмъ дальше отходятъ эти воспоминанія, тѣмъ больше я люблю ихъ и тѣмъ лучше научаюсь цѣнить ихъ. Хотя и грустно размышлять о прошедшемъ счастьѣ, а главное о счастьѣ, которое мы пропустили, не сумѣвъ воспользоваться имъ, но я люблю этого рода грусть и черпаю въ ней порою много сладостныхъ мгновеній.

Со времени моего путешествія и пребыванія въ Тифлисѣ мой образъ жизни не измѣнился, я стараюсь заводить какъ можно меньше знакомыхъ и воздерживаться отъ интимности въ тѣхъ знакомствахъ, которыя я уже сдѣлалъ. Къ этому уже привыкли, меня не безпокоятъ, и я увѣренъ, что про меня говорятъ, что я *гордецъ* и *чудакъ*.

Не изъ гордости я такъ веду себя, это вышло само собой; слишкомъ велика разница въ воспитаніи, въ чувствахъ, во взглядахъ у тѣхъ, кого я встрѣчаю здѣсь, чтобы я могъ находить какое-нибудь удовлетвореніе съ ними. Только Николенька имѣетъ способность, несмотря на огромную разницу, какая есть между нимъ и этими господами, проводить съ ними пріятно время и быть любимымъ всѣми. Я завидую ему, но чувствую, что не могу такъ поступать.

Правда и то, что такой образъ жизни не влечетъ за собой удовольствій; но я уже давно не думаю объ удовольствіяхъ, я думаю о томъ, чтобы быть спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я вошелъ во вкусъ историческаго чтенія (это былъ предметъ нашего спора и насчетъ этого теперь я вполнѣ съ вами согласенъ). Мои литературныя работы также подвигаются понемногу, хотя я еще не думаю ничего печатать. Я три раза передѣлалъ работу, которую началъ уже давно, и я разсчитываю еще разъ передѣлать ее, чтобы быть довольнымъ. Быть можетъ, это будетъ работой Пенелопы, но это не отталкиваетъ меня; я пишу не изъ тщеславія, но по влеченію; мнѣ пріятно и полезно работать, и я работаю. Хотя я не веселюсь, какъ я вамъ писалъ, но и не скучаю, потому что я занятъ; но, кромѣ того, я вкушаю еще болѣе высокое, болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ то, которое могло бы мнѣ дать общество—это сознаніе спокойной совѣсти, сознаніе высшей оцѣнки самого себя, сознаніе движенія во мнѣ добрыхъ великодушныхъ чувствъ. А вы въ своемъ послѣднемъ письмѣ говорите мнѣ о благодарности. Увѣряю васъ, дорогая тетенька, что, несмотря на все мое довѣріе къ вамъ, мнѣ на минуту пришла мысль, что вы смѣетесь надо мной. Это

оттого, что было бы слишкомъ смѣшно, если бы я принялъ всерьезъ отъ васъ, которой мы всѣмъ обязаны, слова благодарности за такія вещи, которыя не стоили мнѣ ни малѣйшей жертвы.

Прощайте, до свиданія, дорогая тетенька. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если Богъ не разстроитъ моихъ плановъ, я буду у васъ и своими заботами и любовью смогу доказать вамъ, что хоть немного заслужилъ все то, что вы для меня сдѣлали. Память о васъ такъ жива во мнѣ, что, написавъ это, я нѣсколько минутъ просидѣлъ надъ письмомъ, стараясь представить себѣ ту счастливую минуту, когда снова увижу васъ, когда вы заплачете отъ радости при видѣ меня, когда и я расплачусь, какъ ребенокъ, цѣлуя ваши руки.

Не преувеличивая, я во всю свою жизнь ничего не ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и надеждой, какъ жду теперь этой счастливой минуты. Я хотѣлъ адресовать это письмо Сережѣ, но, независимо отъ моего желанія, я отдался удовольствію говорить вамъ о моихъ чувствахъ, и такъ какъ его насмѣшки по этому поводу слишкомъ огорчили бы меня, я адресую его лучше вамъ, и попрошу васъ показать ему только первый листъ. Я увѣренъ, что его сердце не менѣе чувствительно, чѣмъ мое, но у него есть извѣстный ложный стыдъ, мѣшающій ему говорить о своихъ чувствахъ и лишающій его того нравственнаго удовлетворенія, которое я испытываю въ этотъ моментъ, когда пишу вамъ и думаю о васъ.

Меня совершенно не безпокоитъ мысль, что то, что я вамъ пишу, можетъ показаться напыщеннымъ и смѣшнымъ въ глазахъ чужого человѣка, я такъ увѣренъ, что вы всегда поймете меня.

Было время, когда я тщеславился моимъ умомъ, моимъ положеніемъ въ свѣтѣ, моимъ именемъ, но теперь, я знаю, я чувствую, что если есть во мнѣ что-нибудь хорошаго, и что если есть за что благодарить Провидѣніе, это за доброе сердце, чувствительное и способное любить, которое оно даровало и сохранило мнѣ. Ему одному я обязанъ лучшими пережитыми минутами и тѣмъ, что хотя у меня и нѣтъ удовольствій и общества, я не только доволенъ, но часто бываю счастливъ.

Скоро пять мѣсяцевъ, какъ я служу, слѣдовательно, черезъ мѣсяцъ мнѣ слѣдовало бы дать повышеніе, но я знаю, что пройдетъ еще 6 мѣсяцевъ, а можетъ быть, и больше, прежде чѣмъ я получу чинъ. Положа руку на сердце, я отношусь къ этому совершенно безразлично; единственное, что меня безпокоитъ, это моя поѣздка въ Петербургъ, которую мнѣ нужно совершить и на которую у меня нѣтъ средствъ. Вспоминаю ваше правило, что не надо загадывать, какъ-нибудь да сдѣлается.

Прощайте, дорогая тетенька, кончаю письмо, потому что уже поздно; но такъ какъ почта идетъ только черезъ два дня, и не проходитъ дня, чтобъ я не думалъ о васъ, я вѣроятно буду продолжать его. Итакъ, до свиданія.

Что дѣлаетъ тетя Поля? Здорова ли она? Все такъ же ли довольна своимъ образомъ жизни? Я часто думаю о ней, о ея странной жизни, которая въ сущности должна быть очень печальной; я говорю самому себѣ, что очень скверно было съ моей стороны порвать съ ней всякія отношенія, хотя это случилось невольно, и обѣщаю себѣ написать ей; но такъ трудно начать или возобновить прерванную переписку.

Пятигорскъ,
1852 г., май 30.

Къ ней же.

(По-французски).

Зачѣмъ вы меня обидѣли, chère tante! Вы начинаете ваше письмо, говоря, что, по всей вѣроятности, ваши письма для меня скучны, разъ я такъ долго не пишу.

Развѣ это только одна причина могла помѣшать мнѣ писать вамъ? Если вы выбрали именно эту, то, вѣроятно, вы не вѣрите ни одному слову изъ того, что я вамъ пишу, и считаете меня за лицемѣра, хвастающагося чувствами, которыхъ у него нѣтъ.

Я не заслужилъ отъ васъ этого недовѣрія. Если я не могу объяснить вамъ всѣ основанія моихъ поступковъ, какъ сдѣлалъ бы это въ разговорѣ, надо винить не меня, а нашу разлуку. Я думаю, тетенька, почта далеко не лучшее средство, чтобы сдѣлать разлуку менѣе тягостной.

Лучшее средство—взаимное довѣріе, а его-то у васъ и нѣтъ ко мнѣ. Съ тѣхъ поръ какъ я васъ покинулъ, никогда ни малѣйшее сомнѣніе въ вашихъ чувствахъ ко мнѣ не смущало меня. А вы, дорогая тетенька, вы сомнѣваетесь во мнѣ, и вы не можете себѣ представить, какъ это меня огорчаетъ. Впрочемъ, я говорю вздоръ, развѣ я имѣю право сомнѣваться въ вашихъ чувствахъ? Вы доказали ихъ цѣлой жизнью, полной любви и постоянства, тогда какъ я—что я для этого сдѣлалъ? Я причинялъ вамъ горе, я пренебрегалъ вашими совѣтами, я не умѣлъ цѣнить вашей любви. Да, вы имѣете право считать меня лицемѣромъ и лжецомъ, но у васъ нѣтъ основаній дѣлать это. Ничего не скрывать изъ моихъ поступковъ—каковы бы они ни были и отъ кого бы то ни было—всегда было для меня вопросомъ чести. Надо посту-

пать дурно, чтобы желать скрыть свои поступки отъ глазъ постороннихъ. Надо, чтобы на душѣ было что-нибудь гнусное, чтобъ скрываться отъ человѣка, котораго любишь.

Богъ, видящій сокровенную глубину моей души и направляющій ее, знаетъ, что, благодаря Ему, я никогда не жилъ болѣе безупречно и не чувствовалъ себя нравственно болѣе удовлетвореннымъ, чѣмъ за эти 8 мѣсяцевъ — со времени моей поѣздки въ Тифлисъ и до сего дня.

Я говорю это вовсе не для того, чтобы удовлетворить свое самолюбіе, но потому, что я знаю, что, если вы повѣрите мнѣ, вамъ будетъ пріятно узнать это. Да, дорогая тетенька, вы меня жестоко обидѣли тѣмъ, что считаете меня лицемѣромъ. Мнѣ нечего скрывать отъ кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе отъ васъ. Я постараюсь объяснить вамъ то, что вамъ кажется путаницей въ моихъ служебныхъ дѣлахъ, а также причины, которыя помѣшали мнѣ сдѣлать это раньше.

Я писалъ вамъ изъ Тифлиса, что отставка моя была еще не получена, но что, несмотря на это, я надѣлъ мундиръ и отправился въ батарею. Вотъ какъ это устроилъ генералъ Вольфъ. Онъ приказалъ написать бумагу въ батарею, въ которой было сказано, что графъ Толстой изъявилъ желаніе поступить на службу, но такъ какъ отставки его еще нѣтъ и онъ не можетъ быть зачисленъ юнкеромъ, то предписываю вамъ употребить его на службу съ тѣмъ, чтобы, по полученіи отставки, зачислить его на дѣйствительную службу со старшинствомъ со дня употребленія на службу въ батареѣ.

Итакъ, я положилъ эту бумагу въ карманъ и отправился въ Старогладовскую. Я не нашелъ тамъ Николая; онъ былъ въ экспедиціи. Я облекся въ форму и отправился слѣдомъ за нимъ, т.-е. меня употребили на службу, но я не былъ еще зачисленъ. Бумага, которой не доставало, прибыла въ Тифлисъ въ январѣ мѣсяцѣ, а въ Старогладовской ее получили только въ мартѣ, т.-е. уже послѣ нашего возвращенія изъ экспедиціи.

Я писалъ, что мы уже вернулись изъ экспедиціи, только для того, чтобъ успокоить васъ на нашъ счетъ, такъ какъ раньше поступилъ неосторожно, написавъ Сережѣ, что я разсчитывалъ принять въ ней участіе. Я написалъ, что былъ въ ней добровольцемъ, чтобы вы поняли, что я не могу надѣяться ни на крестъ, ни на повышеніе.

Я вамъ объ этомъ не говорилъ въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ, чтобы не повторять то, что одинаково непріятно какъ вамъ, такъ и мнѣ: дѣло въ томъ, что меня преслѣдуетъ постоянное несчастіе во всемъ, что я предпринимаю. Во время этой

кампаніи я имѣлъ случай быть представленъ два раза георгіевскому кресту, и я не могъ его получить изъ-за опозданія въ нѣсколько дней этой проклятой бумаги. Я былъ представленъ къ 17 февр. (мои именины), но были принуждены отказать за отсутствіемъ этой бумаги.

Списокъ съ представленіями былъ посланъ 19-го, а бумага пришла 20-го. Я вамъ откровенно признаюсь, что изъ всѣхъ воинскихъ почестей мое честолюбіе заставляло меня желать получить только одинъ этотъ маленькій крестикъ. И это запозданіе во мнѣ вызвало страшную досаду, тѣмъ болѣе, что для полученія его существуетъ мнѣ одинъ извѣстный срокъ, а теперь онъ для меня упущенъ. [1])

Вы понимаете, что я скрылъ не только отъ постороннихъ, но даже отъ Николая ту досаду, которую это причинило мнѣ. По той же причинѣ я не говорилъ объ этомъ и вамъ, но теперь мнѣ надо было сказать это, потому что вы принимаете мою скрытность за лицемѣріе. Я писалъ Валерьяну, дорогая тетенька, что 12 іюля исполнится полгода, что я служу, и что это предѣльный срокъ моей службы въ качествѣ юнкера, но это еще не доказываетъ того, чтобъ я разсчитывалъ въ іюлѣ быть въ Россіи. Я уже испыталъ, сколько времени продолжаются всѣ эти «переписки», и больше не обманываю себя. Во всякомъ случаѣ, я буду имѣть счастье обнять васъ не раньше какъ въ 53 году. Сережѣ я написалъ два дня тому назадъ, но посылаю оба письма вмѣстѣ. Ванюшкѣ лучше, но теперь моя очередь. Сегодня я весь день мучился зубами и лихорадкой. Третьяго дня я встрѣтилъ Протасова, и, хотя я почти не знакомъ съ нимъ, былъ очень радъ его видѣть. Онъ сказалъ мнѣ, что Сухотинъ здѣсь, но я еще его не видалъ, потому что почти не выхожу. Хотя глупая, но все живая грамота.

Прощайте, цѣлую ваши руки. Какъ жаль, что I томъ Новой Элоизы затерянъ. Пошлите пожалуйста Сережу поискать его у себя и у Чулковыхъ.

Пятигорскъ,
1852 г., іюнь 26.

---

[1]) Но въ жизни Л. Н. было еще два случая, когда онъ могъ получить георгіевскій крестъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ П. И. Бирюкову (1906 г.) Л. Н. пишетъ: «Второй случай былъ, когда послѣ движенія 18 февраля въ нашу батарею были присланы два креста, и я съ удовольствіемъ вспоминаю что я — не самъ, а по намеку милаго Алексѣева — согласился уступить крестъ ящичному рядовому Андрееву, старому добродушному солдату. Третій случай былъ, когда Левинъ, нашъ бригадный командиръ, посадилъ меня подъ арестъ за то, что я не былъ въ караулѣ, и сказалъ Алексѣеву дать мнѣ крестъ. Я былъ очень огорченъ».

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Давно уже не получаю вашихъ милыхъ писемъ. Дай Богъ, чтобы это молчаніе, какъ я надѣюсь, не было вызвано ничѣмъ серьезнымъ. Можетъ быть, причина задержки только неаккуратность почты, но я чувствую потребность писать вамъ — это меня успокоитъ.

Возвратившись съ водъ [1]), я провелъ мѣсяцъ довольно непріятно по причинѣ смотра, который долженъ былъ дѣлать генералъ.

Марширование и разное стрѣлянье изъ пушекъ не очень пріятно, особенно потому, что это разстраивало регулярность моей жизни.

Къ счастью, это продолжалось недолго и я снова началъ свой образъ жизни, который состоитъ въ охотѣ, писаніи, чтеніи и бесѣдахъ съ Николенькой. Я полюбилъ ружейную охоту и такъ какъ оказалось, что я стрѣляю порядочно, то это занятіе беретъ у меня два — три часа въ день. Въ Россіи не знаютъ, сколько и какая великолѣпная дичь здѣсь. Въ ста шагахъ отъ моего дома я нахожу фазановъ и за какія-нибудь полчаса я убиваю 2 — 3. 4. Кромѣ удовольствія, это упражненіе прекрасно для моего здоровья, которое, несмотря на воды, не въ очень хорошемъ состояніи. Я не боленъ, но я часто страдаю простудой, то болью въ горлѣ, то зубами, которые все не проходятъ, то ревматизмомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, два дня въ недѣлѣ я не выхожу. Не думайте, что я отъ васъ скрываю что-нибудь. Я какъ всегда былъ сильнаго сложенія, но слабаго здоровья. Я думаю слѣдующее лѣто опять провести на водахъ. Если онѣ не поправили меня совсѣмъ, то все-таки мнѣ помогли. Нѣтъ худа безъ добра: когда я нездоровъ, я болѣе усидчиво занимаюсь писаніемъ другого романа, который я началъ. Тотъ, который я отослалъ въ Петербургъ, напечатавъ въ сентябрьской книжкѣ «Современника» 1852 г. подъ названіемъ «Дѣтство» [2]), я подписалъ его Л. Н., и никто, кромѣ Николеньки не знаетъ, кто авторъ. И я не хотѣлъ бы, чтобы это знали.

Мое повышеніе не подвигается впередъ. Буду ли я офицеромъ, поѣду ли въ Петербургъ въ этомъ году,—этого я не знаю:

---

[1]) Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

[2]) «Исторія моего дѣтства». «Современн къ», 1852, сент.

можетъ быть, да, можетъ быть, нѣтъ. Долго объяснять вамъ причины, но чистая правда та, что это зависитъ отъ обстоятельствъ. Увѣряю васъ, что отношусь къ этому равнодушно, я не строилъ честолюбивыхъ плановъ, отправляясь на Кавказъ, и не строю ихъ, и вы не стройте ихъ за меня.

Я даже не знаю, гдѣ вы, но, адресуя въ Ясную, я увѣренъ, что письмо дойдетъ до васъ. Если вы съ Сережей, скажите ему, что я чувствую себя виноватымъ передъ нимъ и что со слѣдующей почтой я исправлю свою небрежность—напишу ему длинное письмо. Состояніе его денежныхъ и любовныхъ дѣлъ очень интересуетъ меня. Если вы съ Машей, поцѣлуйте ее за меня и скажите Валерьяну, что я его люблю и благодарю отъ всего сердца.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши руки. Николай тоже. Ему очень хочется написать вамъ, но вы знаете его бѣду. Можетъ быть, это оставшееся пустое мѣсто соблазнитъ его.

Старогладовская,
1852 г., окт. 20.

Къ гр. С. Н. Толстому.

Пишу второпяхъ, поэтому извини за то, что письмо будетъ коротко и безтолково. «Дѣтство» было испорчено, а «Набѣгъ» такъ и пропалъ отъ цензуры. Все, что было хорошаго, все выкинуто или изуродовано. Я подалъ въ отставку и на-дняхъ, т.-е. мѣсяца черезъ полтора, надѣюсь свободнымъ человѣкомъ ѣхать въ Пятигорскъ, а оттуда въ Россію.

Если представленіе мое пойдетъ, то я и въ отставкѣ получу чинъ, слѣдовательно, ничего не потеряю... Не помню, кому я писалъ о высылкѣ мнѣ 100 руб., которые я не получилъ еще. Узнай про это и вели мнѣ ихъ выслать, и ежели возможно, еще 200 руб. Будь покоенъ, я въ карты не играю, но такъ какъ задумалъ уѣзжать, многимъ бы, почти необходимымъ, хотѣлъ заплатить здѣсь.

Кавказъ,
1853 г., май.

Къ нему же.

Сережа!

Я уже писалъ тебѣ, кажется, что я подалъ въ отставку. Богъ знаетъ, однако, выйдетъ ли, и когда она выйдетъ те-

перь, по случаю войны съ Турціей. Это очень безпокоитъ меня, потому что я теперь уже такъ привыкъ къ счастливой мысли поселиться скоро въ деревнѣ, что вернуться опять въ Старогладовскую и ожидать до безконечности — такъ, какъ я ожидаю всего, касающагося моей службы, — очень непріятно.

Все пишу, но мало и дурно; для того, чтобы писать хорошо, нужно душевное спокойствіе, котораго у меня нѣтъ.

Пятигорскъ,
1853 г., іюль 20.

Къ нему же.

Сережа! Необходимо, чтобъ кто-нибудь похлопоталъ о моихъ бумагахъ въ герольдіи, но такъ какъ я уже потерялъ изъ вида своихъ петербургскихъ знакомыхъ, то напиши ты кому-нибудь, чтобы освѣдомиться: «почему на отношеніе инспекторскаго департамента военнаго министерства въ департаментѣ герольдіи отъ 24-го іюля 1852 г. за № 8190, при которомъ (отношеніи) прилагаешь бумаги графа Льва Толстого на разсмотрѣніе, не сдѣлано никакого распоряженія?» И постараться ускорить это разсмотрѣніе.

Мнѣ писать некогда, потому что я пью чай. Но, впрочемъ, я живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю.

Л. Толстой.

Изъ скромности долженъ прибавить, что до составленія такого рода писемъ дошелъ я не собственнымъ размышленіемъ, а примѣромъ старшихъ братьевъ...

Старогладовская станица,
1853 г., ноябрь 26.

Къ нему же.

. . . .
. . . .
. . . .

Пожалуйста, о бумагахъ моихъ напиши скорѣе. Это нужно. Когда я пріѣду? Знаетъ одинъ Богъ, потому что вотъ уже годъ скоро, какъ я только о томъ и думаю, какъ бы положить въ ножны свой мечъ, и не могу. Но такъ какъ я принужденъ воевать гдѣ бы то ни было, то нахожу болѣе пріятнымъ воевать въ Турціи, чѣмъ здѣсь, о чемъ и просилъ князя Сергѣя Дмитріе-

вича, который писалъ мнѣ, что онъ уже писалъ своему брату, но что̀ будетъ, не знаетъ.

Во всякомъ случаѣ къ новому году я ожидаю перемѣны въ своемъ образѣ жизни, который, признаюсь, невыносимо надоѣлъ мнѣ. Глупые офицеры, глупые разговоры, больше ничего. Хоть бы былъ одинъ человѣкъ, съ которымъ бы можно было поговорить отъ души. Тургеневъ правъ, «что за иронія въ одиночку», — самъ становишься ощутительно глупъ. Несмотря на то, что Николенька увезъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, гончихъ собакъ (мы съ Епишкой часто называемъ его «швиньей» за это), я по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, хожу на охоту одинъ съ легавой собакой. И это одно удовольствіе, — и не удовольствіе, а одурманивающее средство. Измучаешься, проголодаешься и уснешь, какъ убитый, — и день прошелъ. Если будетъ случай, или самъ будешь въ Москвѣ, то купи мнѣ Диккенса (Давидъ Коперфильдъ) на англійскомъ языкѣ и лексиконъ англійскій Садлера, который есть въ моихъ книгахъ.

. . . .
. . . .
. . . .

То, что будутъ стоить мои покупки, вычитай изъ моего двухтысячнаго оклада.

Ст. Старогладовская.
Декабрь, 1853 г.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Жимбу правду сказалъ, что я далеко пойду. Дѣйствительно я ушелъ очень далеко.

Изъ Курска сдѣлалъ 2000 [1]) верстъ вмѣсто тысячи, какъ я думалъ: я поѣхалъ черезъ Полтаву, Балту, Кишиневъ, а не черезъ Кіевъ, что было бы крюкомъ. До Херсонской губерніи былъ хорошій санный путь, но тамъ я долженъ былъ бросить сани и сдѣлать 1000 верстъ на перекладныхъ по ужасной дорогѣ до границы и отъ границы до Бухареста. Эта дорога не поддающаяся описанію; надо ее попробовать, чтобы понять удовольствіе сдѣлать 1000 верстъ въ телѣжкѣ меньше и хуже нашей навозной. Не понимая ни слова по-молдавски и не находя никого,

---

[1]) По дорогѣ въ Румынію.

кто бы понималъ по-русски, при этомъ платя за восемь лошадей вмѣсто двухъ! Хотя мое путешествіе длилось девять дней, я истратилъ больше двухсотъ рублей и пріѣхалъ почти больной отъ усталости.

17 марта. Не продолжалъ письма, такъ какъ не зналъ, что сказать о себѣ. Князя не было здѣсь. Вчера онъ только что пріѣхалъ, и я сейчасъ былъ у него. Онъ принялъ меня лучше, чѣмъ я думалъ, совсѣмъ по-родственному. Онъ обнялъ меня, приглашалъ меня каждый день приходить обѣдать къ нему и хочетъ оставить меня при себѣ; хотя это еще не рѣшено. Какъ только рѣшится, я вамъ напишу.

Простите, дорогая тетенька, я вамъ пишу мало, у меня еще голова не на мѣстѣ. Этотъ большой, красивый городъ, всѣ эти представленія по начальству, итальянская опера, французскій театръ, два молодыхъ Горчакова, славные ребята... однимъ словомъ, я 2-хъ часовъ не сидѣлъ дома и не думалъ о своихъ занятіяхъ.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши ручки. Былъ уже 4 раза на почтѣ, надѣясь найти тамъ письмо отъ васъ.

22 марта. Вчера я узналъ, что я не остаюсь при князѣ, но отправляюсь въ Ольтеницу къ своей батареѣ.

Бухарестъ,
1854 г., мартъ 13.

Къ ней же.

(По-французски).

Представьте, chère tante, что до сихъ поръ, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, которые я здѣсь живу, я не получилъ отъ васъ ни одного письма, хотя я увѣренъ, что вы писали мнѣ и что ваше письмо или ваши письма, должно быть, затерялись; это необычное молчаніе очень удивляетъ и огорчаетъ меня. Если бы оказалось, что письмо, которое я написалъ вамъ, пріѣхавъ сюда, подверглось той же участи, это было бы еще болѣе непріятно.

Хотя я долженъ былъ, несмотря на ваше молчаніе, написать вамъ еще, я этого не сдѣлалъ, отчасти потому, что ждалъ со дня на день вѣстей отъ васъ, отчасти потому, что я подлецъ, въ чемъ откровенно признаюсь и прошу у васъ прощенія. Представляю себѣ, какъ васъ тревожитъ мое молчаніе, особенно если вы еще въ Щербачевкѣ, потому что я довольно часто писалъ Мари и Валерьяну (единственные, отъ кого я получалъ вѣсточки) и мнѣ очень неловко, что въ то время, какъ вы думаете, что я испытываю всѣ

опасности войны, а я еще не нюхалъ турецкаго пороху и спокойно гуляю по Бухаресту, занимаюсь музыкой и ѣмъ мороженое. Въ самомъ дѣлѣ, все это время, за исключеніемъ двухъ недѣль, которыя я провелъ въ Ольтеницѣ, гдѣ я былъ прикомандированъ къ батареѣ, и одной недѣли, которую я провелъ въ разъѣздахъ по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, по приказанію генерала Сержпутовскаго, при которомъ я состою теперь по особымъ порученіямъ, остальное время я оставался въ Бухарестѣ, и долженъ вамъ откровенно сознаться, этотъ разсѣянный образъ жизни, совершенно праздный, очень дорого стоящій, который я веду здѣсь, мнѣ очень не нравится. Сначала меня задерживала здѣсь служба, а теперь я остался на три недѣли изъ-за лихорадки, которую я схватилъ въ дорогѣ, но отъ которой, благодаря Бога, я достаточно освободился, чтобы дня черезъ 2 или 3 явиться къ своему генералу, который въ лагерѣ подъ Силистріей. О моемъ генералѣ скажу, что онъ хорошій человѣкъ и, кажется, хотя мы и мало знакомы, хорошо расположенъ ко мнѣ. Что еще пріятно, это то, что его штабъ состоитъ большей частью изъ людей comme il faut: два сына князя Сергѣя (Горчаковы), которыхъ я встрѣтилъ здѣсь, славные ребята, особенно младшій, у котораго, хотя онъ и не выдумалъ пороха, много благородства въ характерѣ и прекрасное сердце. Я его очень люблю.

Что касается стараго князя, я давно уже не видалъ его. Вы прекрасно понимаете, что у него не только дѣла, что думать о моей особѣ, и что я, какъ вы знаете, не слишкомъ-то пользовался его приглашеніемъ навѣщать его каждый день.

Я не люблю втираться къ такимъ людямъ, какъ онъ, и постоянно напоминать имъ о себѣ. Хотя онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, и, кромѣ того, внушилъ мнѣ такое большое уваженіе къ себѣ, что если когда-нибудь мнѣ понадобится покровитель, я обращусь прямо къ нему.

Вообще я во всѣхъ отношеніяхъ чувствую себя въ довольно хорошемъ положеніи. . . . . и отъ меня зависитъ чувствовать себя совсѣмъ хорошо: для этого надо вести себя хорошо, т.-е. не лѣниться, какъ я лѣнился все это время.

Единственными непріятностями до сихъ поръ были тѣ, что я хворалъ, а также недостатокъ денегъ; теперь же этихъ непріятностей нѣтъ, такъ какъ я вполнѣ здоровъ, а деньги, присланныя Валерьяномъ, вывели меня изъ затрудненія. Я не хочу извиняться за то, что истратилъ много денегъ (такъ какъ, кромѣ денегъ, которыя остались у меня отъ дороги, и тѣхъ, которыя мнѣ прислалъ Валерьянъ, я получилъ уже болѣе 300 рублей серебромъ жалованья). Итакъ, я признаю, что не былъ особенно

экономнымъ, но дѣло въ томъ, что жизнь здѣсь ужасно дорога. Если вы уже въ Ясной, какъ я предполагаю, и если тамъ извѣстны мои распоряженія относительно высылки лошадей и людей, помогите мнѣ, дорогая тетенька, вашими совѣтами, въ особенности относительно повара. Кого надо послать? Мнѣ совѣстно разлучать Николая съ его семьей, и потомъ онъ дѣйствительно слабъ здоровьемъ, но я рѣшительно не знаю, кто бы могъ его замѣнить. Хотя въ крайнемъ случаѣ, мнѣ не нужно хорошаго повара, да и вообще не нужно повара, но непремѣнно нужно когонибудь, кто бы помогъ Димитрію ходить за лошадьми во время пути; и надо, чтобы этотъ кто-нибудь смогъ и здѣсь быть мнѣ полезнымъ. Если бы не это, я попросилъ бы послать одного только Димитрія. Что вы подѣлываете, дорогая и безцѣнная тетенька? Какъ вы провели все это время у Митеньки? Нашли ли вы, что онъ перемѣнился? Какіе у него планы? Хотя, судя по тому благотворному вліянію, которое не только ваше присутствіе, но и ваши письма всегда оказывали на меня, я увѣренъ, что ваше пребываніе у него не останется для него безплоднымъ. Если бы даже я не писалъ вамъ (что могло бы быть только въ самомъ исключительномъ случаѣ), не наказывайте меня, дорогая тетенька, вашимъ молчаніемъ, вы не повѣрите, какъ оно тяготитъ меня, какъ часто я хожу на почту, чтобы справиться, нѣтъ ли для меня письмеца съ адресомъ, *написаннымъ старческимъ почеркомъ*.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки, желаю вамъ много счастья и жду отъ васъ длиннаго письма.

Бухарестъ,
1854 г., май 24.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère et excellente tante!

Представьте, только вчера я получилъ письма ваши и Митеньки отъ 14 апрѣля, написанныя еще изъ Курска. Отвѣчать на всѣ получаемыя письма вошло у меня въ привычку, а отвѣчать на ваши, т.-е. думать о васъ, говорить съ вами, для меня одно изъ самыхъ большихъ удовольствій. Какъ я вамъ, кажется, уже написалъ въ послѣднемъ письмѣ, я въ настоящее время нахожусь въ Бухарестѣ, гдѣ веду тихую и пріятную жизнь.

Итакъ, я вамъ буду говорить о прошломъ, о моихъ воспоминаніяхъ о Силистріи. Я видѣлъ тамъ столько интереснаго, поэтическаго и трогательнаго, что время, проведенное мною тамъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Нашъ лагерь былъ расположенъ по ту сторону Дуная, т.-е. на правомъ берегу, на возвышенномъ мѣстѣ, среди превосходныхъ садовъ, принадлежащихъ Мустафѣ-пашѣ, губернатору Силистріи. Видъ съ этого мѣста не только великолѣпенъ, но для всѣхъ насъ большой важности. Не говоря уже о Дунаѣ, объ его островахъ и берегахъ, изъ которыхъ одни заняты нами, другіе турками, съ этой высоты былъ виденъ городъ, крѣпость, мелкіе форты Силистріи, какъ на ладони. Слышны были пушечные и ружейные выстрѣлы, не перестававшіе ни днемъ, ни ночью; съ помощью зрительной трубы можно было различать турецкихъ солдатъ. Правда, что это странное удовольствіе смотрѣть, какъ люди убиваютъ другъ друга, но тѣмъ не менѣе всякій вечеръ и всякое утро я садился на свою повозку и цѣлыми часами смотрѣлъ, и это дѣлалъ не я одинъ. Зрѣлище было поистинѣ великолѣпное, особенно ночью. По ночамъ обыкновенно мои солдаты принимаются за траншейныя работы, и турки бросаются на нихъ, чтобы помѣшать имъ, и тогда надо видѣть и слышать эту пальбу. Первую ночь, которую я провелъ въ лагерѣ, этотъ ужасный шумъ разбудилъ и напугалъ меня, я думалъ, что пошли на приступъ, и я поскорѣе велѣлъ осѣдлать мою лошадь, но тѣ, кто провели въ лагерѣ уже нѣсколько времени, сказали мнѣ, чтобы я былъ спокоенъ, что эта канонада и ружейная пальба вещь обыкновенная, и это шутя называется «Аллахъ». Тогда я снова легъ спать, но, не будучи въ состояніи заснуть, я забавлялся, съ часами въ рукахъ, считая пушечные удары, и я насчиталъ 110 ударовъ въ минуту. А между тѣмъ вблизи все это не было такъ страшно, какъ казалось. Ночью, когда ничего не видно, это былъ переводъ пороха, и тысячами выстрѣловъ убивали десятка три съ каждой стороны.

Позвольте мнѣ, дорогая тетенька, дальше въ этомъ письмѣ обращаться къ Николенькѣ: такъ какъ я заговорилъ о подробностяхъ войны, я хотѣлъ бы продолжать это, обращаясь къ человѣку, который бы меня понималъ и могъ объяснить вамъ то, что для васъ будетъ не ясно.

Итакъ, это было обыкновеннымъ представленіемъ, которое мы видѣли каждый день и въ которомъ я принималъ иногда участіе, когда меня посылали съ приказаніями въ траншеи. Но бывали также и необыкновенныя представленія, какъ то, которое было наканунѣ приступа, когда была взорвана мина въ 240 пудовъ пороха подъ однимъ изъ непріятельскихъ бастіоновъ.

Утромъ этого дня князь былъ на траншеяхъ со всѣмъ своимъ штабомъ (такъ какъ генералъ, при которомъ я состою, находился въ его штабѣ, то и я тамъ былъ), чтобы дѣлать окончательныя распоряженія въ виду штурма слѣдующаго дня. Планъ штурма, слишкомъ длинный, чтобы я могъ здѣсь его объяснить, былъ такъ хорошо сдѣланъ, все было такъ хорошо предвидѣно, что никто не сомнѣвался въ успѣхѣ. По поводу этого, я долженъ вамъ сказать, я начинаю восхищаться княземъ (впрочемъ, стоитъ только послушать, что говорятъ о немъ офицеры и солдаты: я не только никогда не слыхалъ плохого про него, но онъ большей частью обожаемъ).

Я видѣлъ его подъ огнемъ въ первый разъ въ это утро. Надо было видѣть эту немного комичную фигуру высокаго роста, руки за спиной, фуражка на затылкѣ, въ очкахъ, съ говоромъ, напоминающимъ индюка. Видно, что онъ такъ занятъ общимъ ходомъ дѣлъ, что пули и ядра не существуютъ для него; онъ выставляетъ себя на опасность съ такой простотой, что можно подумать, что онъ и не знаетъ о ней и невольно боишься за него больше, чѣмъ за себя. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ приказанія съ ясностью и точностью и въ то же время внимателенъ со всякимъ. Это—великій человѣкъ, т.-е. человѣкъ способный и честный, какъ я понимаю это слово, человѣкъ, который всю жизнь отдалъ на служеніе родинѣ и не ради тщеславія, а ради долга. Я вамъ разскажу одну черту его характера, которая связана съ исторіей штурма, о которомъ я началъ разсказывать. Послѣ обѣда того же дня взорвали мину, и около 600 орудій открыли огонь противъ форта, который хотѣли взять, и этотъ огонь продолжался всю ночь. Это было зрѣлище и ощущеніе, которое никогда не забудешь. Вечеромъ при всемъ этомъ громѣ князь снова пришелъ, чтобы залечь въ траншеи и самому руководить штурмомъ, который долженъ былъ начаться въ три часа ночи.

Мы были всѣ тамъ же, и какъ всегда наканунѣ сраженія, всѣ мы дѣлали видъ, что о слѣдующемъ днѣ мы не думаемъ больше, чѣмъ о самомъ обыкновенномъ, и у всѣхъ, я въ этомъ увѣренъ, въ глубинѣ души немного сжималось сердце, а можетъ быть, даже очень, при мысли о штурмѣ. Какъ ты знаешь, Николенька, время, предшествующее дѣлу, — самое непріятное единственное, когда есть время бояться, а боязнь—одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ. Къ утру, чѣмъ ближе рѣшительный моментъ, тѣмъ меньше становилось чувство страха и около трехъ часовъ, когда мы всѣ ожидали увидѣть букетъ пущенныхъ ракетъ, что было сигналомъ атаки, я пришелъ въ такое хорошее настроеніе, что если бы пришли и сказали мнѣ, что штурма не

будетъ, мнѣ было бы жалко. И вотъ ровно за часъ до начала штурма пріѣзжаетъ адъютантъ фельдмаршала съ приказаніемъ снять осаду Силистріи. Я могу, не боясь обмануться, сказать, что это извѣстіе было принято всѣми: солдатами, офицерами генералами, какъ истинное несчастіе, тѣмъ болѣе, что знали черезъ лазутчиковъ, которые часто приходили изъ Силистріи и съ которыми мнѣ часто приходилось самому разговаривать, знали, что когда будетъ взятъ этотъ фортъ, въ чемъ никто не сомнѣвался, Силистрія не могла бы держаться болѣе 2-хъ, 3-хъ дней. Не правда ли, что если кому-нибудь это извѣстіе могло доставить горе, такъ это князю, который во всю эту кампанію, стараясь все дѣлать къ лучшему, въ срединѣ своей дѣятельности видитъ, что фельдмаршалъ вмѣшивается въ его дѣла, чтобы все испортить. Имѣя единственную возможность загладить этимъ штурмомъ прежнія неудачи, онъ получаетъ отмѣну въ моментъ начала этого дѣла. И вотъ князь ни на минуту не смутился, онъ, такой впечатлительный, былъ доволенъ, что могъ избѣжать эту рѣзню, которая лежала бы на его отвѣтственности, и во все время отступленія, которымъ онъ руководилъ самъ, желая уйти съ послѣднимъ солдатомъ и которое было произведено въ замѣчательномъ порядкѣ и точности, — въ этомъ отступленіи онъ былъ веселѣе, чѣмъ когда-либо. Что много содѣйствовало его хорошему расположенію духа,—это эмиграція около семи тысячъ семействъ болгаръ, которыхъ мы взяли съ собой въ память звѣрства турокъ, которому я, несмотря на свою недовѣрчивость долженъ былъ повѣрить. Какъ только мы оставили нѣсколько болгарскихъ деревень, которыя занимали раньше, турки пришли туда, и, исключая молодыхъ женщинъ, годныхъ для гарема, уничтожили все, что тамъ было. Я знаю деревню, въ которую я ходилъ изъ лагеря за молокомъ и фруктами, которая была такимъ образомъ разорена. Такъ что, какъ только князь далъ знать болгарамъ, что, кто желаетъ, можетъ перейти съ арміей Дунай и стать русскими подданными, весь край поднимается и всѣ съ женами, дѣтьми, лошадьми, скотиной подъѣзжаютъ къ мосту. Но такъ какъ было невозможно взять ихъ всѣхъ, князь былъ принужденъ отказать пришедшимъ послѣдними и надо было видѣть, какъ это ему было тяжело. Онъ принималъ всѣ депутаціи, которыя приходили отъ этихъ несчастныхъ, разговаривалъ съ каждымъ, старался объяснить имъ невозможность этого, предлагалъ переправиться безъ повозокъ и скотины, беря на себя заботу о ихъ пропитаніи, пока они не пріѣдутъ въ Россію, платилъ изъ собственныхъ средствъ за частныя суда для ихъ перевоза, однимъ словомъ, дѣлалъ все, что только возможно, для блага этихъ людей.

Да, дорогая тетенька, я желалъ бы очень, чтобы ваше пророчество сбылось. О чемъ я больше всего мечтаю, это быть адъютантомъ такого человѣка, какъ онъ, котораго я люблю и уважаю отъ всей глубины моего сердца. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, цѣлую ваши ручки.

Бухарестъ,
1854 г., іюль 4.

Къ гр. С. Н. Толстому.

Любезный другъ Сережа, я, Богъ знаетъ, какъ виноватъ передъ всѣми вами съ самаго начала своего отъѣзда, и отчего это случилось, самъ не знаю; то разсѣянная жизнь, то скучное положеніе и расположеніе, то война, то кто-нибудь помѣшаетъ и т. д. и т. д. Главная же причина — разсѣянная и обильная впечатлѣніями жизнь. Столько я переузналъ, переиспыталъ, перечувствовалъ въ этотъ годъ, что рѣшительно не знаешь, съ чего начать описывать, да и сумѣешь ли описать, какъ хочется. Вѣдь я тетенькѣ написалъ про Силистрію, а тебѣ и Николенькѣ я не напишу такъ, — я бы хотѣлъ вамъ передать такъ, чтобы вы меня поняли, какъ я хочу. Теперь Силистрія старая пѣснь, теперь Севастополь, про который, я думаю, и вы читаете съ замираніемъ сердца, и въ которомъ я былъ 4 дня тому назадъ. Ну, какъ тебѣ разсказать все, что я тамъ видѣлъ и гдѣ я былъ, и что дѣлалъ, и что говорятъ плѣнные и раненые французы и англичане, и *больно ли имъ и очень ли больно*, и какіе герои наши моряки и наши солдаты, и какіе герои наши враги, особенно англичане. Разсказывать это все будемъ въ Ясной послѣ или Пироговѣ; а про многое ты отъ меня же узнаешь въ печати. Какимъ это образомъ, разскажу послѣ, теперь же дамъ тебѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи наши дѣла въ Севастополѣ. Городъ осажденъ съ одной стороны, съ южной, на которой у насъ не было никакихъ укрѣпленій, когда непріятель подошелъ къ нему. Теперь у насъ на этой сторонѣ болѣе 500 орудій огромнаго калибра и нѣсколько рядовъ земляныхъ укрѣпленій, рѣшительно неприступныхъ. Я провелъ недѣлю въ крѣпости и до послѣдняго дня блудилъ, какъ въ лѣсу, между этими лабиринтами батарей. Непріятель уже болѣе трехъ недѣль подошелъ въ одномъ мѣстѣ на 80 саженъ и не идетъ впередъ; при малѣйшемъ движеніи его впередъ, его засыпаютъ градомъ снарядовъ.

Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая

войска вмѣсто: «здорово ребята!», говорилъ: «нужно умирать, ребята, умрете?» и войска кричали: «умремъ, ваше превосходительство, ура!» И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а *взаправду*, и уже 22000 исполнили это обѣщаніе.

Раненый солдатъ, почти умирающій, разсказывалъ мнѣ, какъ они брали 24-ую французскую батарею и ихъ не подкрѣпили; онъ плакалъ навзрыдъ. Рота моряковъ чуть не взбунтовалась за то, что ихъ хотѣли смѣнить съ батареи, на которой они простояли 30 дней подъ бомбами. Солдаты вырываютъ трубки изъ бомбъ. Женщины носятъ воду на бастіоны для солдатъ. Многія убиты и ранены. Священники съ крестами ходятъ на бастіоны и подъ огнемъ читаютъ молитвы. Въ одной бригадѣ, 24-го, было 100 человѣкъ, которые раненые не вышли изъ фронта. Чудное время! Теперь, впрочемъ, послѣ 24-го, мы поуспокоились, — въ Севастополѣ стало прекрасно. Непріятель почти не стрѣляетъ, и всѣ убѣждены, что онъ не возьметъ города, и это дѣйствительно невозможно. Есть три предположенія: или онъ пойдетъ на приступъ, или занимаетъ насъ фальшивыми работами, чтобы прикрыть отступленіе, или укрѣпляется, чтобы зимовать. Первое менѣе, а второе болѣе всего вѣроятно. Мнѣ не удалось ни одного раза быть въ дѣлѣ; но я благодарю Бога за то, что я видѣлъ этихъ людей и живу въ это славное время. Бомбардированіе 5-го числа останется самымъ блестящимъ славнымъ подвигомъ не только въ русской, но и во всемірной исторіи. Болѣе 1500 орудій два дня дѣйствовали по городу и не только не дали сдаться ему, но не заставили замолчать и $^1/_{200}$ нашихъ батарей. Ежели, какъ мнѣ кажется, въ Россіи невыгодно смотрятъ на эту кампанію, то потомство поставитъ ее выше всѣхъ другихъ; не забудь, что мы съ равными, даже меньшими силами, съ одними штыками и съ худшими войсками въ русской арміи (какъ 6-ой корпусъ), деремся съ непріятелемъ многочисленнѣйшимъ и имѣющимъ флотъ, вооруженнымъ 3000 орудіями, отлично вооруженнымъ штуцерами и съ лучшими его войсками. Ужъ я не говорю о преимуществѣ ихъ генераловъ.

Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я убѣжденъ) при такихъ условіяхъ. Надо видѣть плѣнныхъ французовъ и англичанъ (особенно послѣднихъ): это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически, народъ бравый. Казаки говорятъ, что даже рубить жалко, и рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого-нибудь егеря: маленькій, вшивый, морщенный какой-то.

Теперь разскажу какимъ образомъ ты въ печати будешь отъ меня же узнавать о подвигахъ этихъ вшивыхъ и морщенныхъ героевъ. Въ нашемъ артиллерійскомъ штабѣ, состоящемъ, какъ, кажется, я писалъ вамъ, изъ людей очень хорошихъ и порядочныхъ, родилась мысль издавать военный журналъ, съ цѣлью поддерживать хорошій духъ въ войскѣ; журналъ дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его читали солдаты. Мы написали проектъ журнала и представили его князю. Ему очень понравилась эта мысль, и онъ представилъ проектъ и пробный листокъ, который мы тоже составили, на разрѣшеніе Государя. Деньги на изданіе авансируемъ я и Столыпинъ. Я избранъ редакторомъ вмѣстѣ съ однимъ господиномъ Константиновымъ, который издавалъ «Кавказъ» и человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться описанія сраженій, не такія сухія и лживыя, какъ въ другихъ журналахъ. Подвиги храбрости, біографіи и некрологи хорошихъ людей и преимущественно изъ темненькихъ; военные разсказы, солдатскія пѣсни, популярныя статьи объ инженерномъ и артиллерійскомъ искусствѣ и т. д. Штука эта мнѣ очень нравится: во-первыхъ, я люблю это занятіе, а во-вторыхъ, надѣюсь, что журналъ будетъ полезный и не совсѣмъ скверный. — Все это еще предположенія до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ отвѣта Государя, а я, признаюсь, боюсь за него: въ пробномъ листкѣ, который посланъ въ Петербургъ, мы неосторожно помѣстили двѣ статьи, одна моя, другая Ростовцева, не совсѣмъ православныя. Для этой же штуки мнѣ нужны 1500 р., которые лежатъ въ приказѣ и которые я просилъ Валерьяна [1]) прислать мнѣ. Такъ какъ я уже проболтался тебѣ объ этомъ, то передай и ему.

. . . .
. . . .
. . . .

Я, слава Богу, здоровъ, живу весело и пріятно съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пришелъ изъ-за границы. Вообще все мое пребываніе въ арміи раздѣляется на два періода: за границей скверный, — я былъ и боленъ, и бѣденъ, и одинокъ, — въ границахъ пріятный: я здоровъ, имѣю хорошихъ пріятелей, но все-таки бѣденъ, деньги такъ и лѣзутъ.

Писать не пишу, но зато *испытываю*, какъ меня дразнитъ тетенька. Одно безпокоитъ меня: я четвертый годъ живу безъ

---

[1]) В. И. Толстой, мужъ сестры Л. Н-ча, гр. Маріи Николаевны Толстой, много лѣтъ монашествующей въ женской обители Шамардино.

женскаго общества, я могу совсѣмъ загрубѣть и не быть способнымъ къ семейной жизни, которую я такъ люблю.

Прощай же, Богъ знаетъ, когда мы увидиимся, ежели вы съ Николенькой не вздумаете отъѣзжимъ полемъ завернуть какъ-нибудь изъ Тамбова въ главную квартиру.

А война, кажется, затянулась надолго. За Силистрію я, какъ и слѣдовало, не представленъ, а по линіи получилъ подпоручика, чему очень доволенъ, а то у меня было слишкомъ старое отличіе для прапорщика, стыдно было...

На батареѣ, около Севастополя,
1854 г., ноябрь 20.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère et excellente tante!

Я знаю, что въ глубинѣ души вы не можете сомнѣваться въ любви, которую я питаю и несмотря ни на какія обстоятельства не перестаю питать къ вамъ. Знаю, что только горе вызвало у васъ такія жестокія слова, будто вы сомнѣваетесь въ моей любви, которая не только не уменьшается по мѣрѣ того, какъ длится наша разлука и чѣмъ старше я становлюсь, а увеличивается съ каждымъ днемъ.

Ваше письмо отъ 23 октября, которое я получилъ 3-го января, очень огорчило меня. Прошлымъ лѣтомъ я написалъ вамъ болѣе пяти писемъ, изъ которыхъ, вы, какъ я вижу, болѣе половины не получили.

Ради Бога, тетенька, никогда не истолковывайте моего молчанія равнодушіемъ, вы лучше, чѣмъ кто-либо знаете, что для меня оно невозможно; вы знаете, что самая большая любовь, жившая въ моемъ сердцѣ, была и будетъ всегда любовь къ вамъ, не дѣлайте же мнѣ больно, говоря, что вы сомнѣваетесь въ ней— что ваши письма, вѣроятно, не доставляютъ мнѣ удовольствія. Я вамъ говорилъ и изъ глубины души повторяю (я слишкомъ почитаю васъ, чтобы испортить мое чувство къ вамъ ложью), что ваши письма доставляютъ мнѣ не удовольствіе, они для меня величайшее благо, я становлюсь совсѣмъ другимъ, становлюсь лучше, когда получаю одно изъ вашихъ писемъ, которыя перечитываю разъ 100; я такъ счастливъ, получивъ ихъ, что мнѣ не сидится на мѣстѣ мнѣ хочется прочесть ихъ всѣмъ; и если

я передъ тѣмъ далъ увлечь себя на что-нибудь дурное—я останавливаюсь, снова строю планы, какъ стать лучше.

Ради Бога, дорогая тетенька, разъ навсегда: объясняйте себѣ мое молчаніе или неисправностью почты (которая необыкновенно усилилась въ послѣднее время), или тѣмъ, что я не хочу заставлять васъ понапрасну безпокоиться обо мнѣ, и не наказывайте меня вашимъ молчаніемъ.

Я не принималъ участья въ двухъ кровавыхъ сраженіяхъ, бывшихъ въ Крыму, но я былъ въ Севастополѣ тотчасъ послѣ сраженія 24 и провелъ тамъ мѣсяцъ. Больше не дерутся въ открытомъ полѣ по причинѣ зимы, которая очень сурова, особенно теперь, но осада продолжается. Каковъ будетъ исходъ этой войны, Богъ знаетъ, но во всякомъ случаѣ, Крымская кампанія должна кончиться черезъ 3 или 4 мѣсяца. Но—увы!—конецъ Крымской кампаніи не означаетъ конца войны; напротивъ, кажется, что она затянется надолго. Я кажется говорилъ въ моихъ письмахъ къ Сережѣ и Валерьяну объ одномъ занятіи, которое у меня было въ виду, и которое мнѣ очень улыбалось? Теперь, когда это уже дѣло рѣшенное, я могу сказать. У меня была мысль создать военный журналъ. Этотъ проектъ, надъ которымъ я работалъ въ сотрудничествѣ со многими выдающимися людьми, былъ одобренъ княземъ и былъ посланъ на усмотрѣніе Его Величества; но такъ какъ у насъ противъ всего интригуютъ, нашлись люди, которые побоялись конкуренціи этого журнала, и затѣмъ, быть можетъ, идея этого журнала не была въ видахъ правительства, и государь отказалъ.

Эта неудача, признаюсь вамъ, мнѣ доставила большое горе и много измѣнила мои планы. Если, Богъ дастъ, Крымская кампанія хорошо кончится и если я не получу мѣста, которымъ бы я былъ доволенъ, и если не будетъ войны въ Россіи, я оставляю военную службу и ѣду въ Петербургъ въ военную академію. Этотъ планъ пришелъ мнѣ въ голову, во-первыхъ, потому, что я не хотѣлъ бы бросать литературныя занятія, которыми мнѣ невозможно заниматься въ этой лагерной жизни, во-вторыхъ потому, что мнѣ кажется, что я становлюсь тщеславенъ, не то, что тщеславенъ, но мнѣ хочется дѣлать хорошее, а для этого мало быть подпоручикомъ. Въ-третьихъ, потому, что тогда я увижу всѣхъ васъ и всѣхъ моихъ друзей. Николенька пишетъ мнѣ, что Тургеневъ познакомился съ Машенькой [1]), я отъ этого въ восторгѣ; если вы его увидите у нихъ, скажите Варенькѣ, что поручаю ей обнять его отъ меня и сказать ему, что, хотя

---

[1]) Сестра Л. Н.

я его знаю только по писаніямъ, у меня многое есть, что ему сказать.

Прощайте, тетенька; къ новому году—съ которымъ я васъ поздравляю—я, какъ всегда, строю массу плановъ, между прочимъ, надѣюсь увидѣть васъ черезъ пять или шесть мѣсяцевъ, и этотъ планъ мнѣ, конечно, наиболѣе улыбается.

Не знаю, что случится со мною въ этомъ году, но новый годъ начался для меня хорошими предзнаменованіями.

Я здоровъ, какъ . . . ., я въ хорошемъ расположеніи духа, я получилъ письма отъ васъ и отъ братьевъ...

Вы знаете, я немного суевѣренъ... надѣюсь и жду почти каждую минуту, что случится что-нибудь хорошее. Но такъ какъ счастье не можетъ прійти для меня безъ васъ, то я предполагаю, что скоро увижусь съ вами.

Симферополь,
1855 г., январь 6.

Къ Н. А. Некрасову.

Милостивый государь Николай Алексѣевичъ!

Вы уже должны были получить статью мою: «Севастополь въ декабрѣ» и обѣщаніе статьи Столыпина [1]). Вотъ она. Несмотря на дикую орѳографію этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будетъ напечатана безъ цензурныхъ вырѣзокъ, чего старался всѣми силами избѣжать авторъ, вы согласитесь, я надѣюсь, что статей такихъ военныхъ или очень мало или вовсе не печатается у насъ, къ несчастью. Можетъ быть, съ этимъ же курьеромъ пошлется статья Сакена, о которой ничего не говорю и которую, надѣюсь, вы не напечатаете. Поправки въ статьѣ Столыпина сдѣланы черными чернилами Хрулевымъ, лѣвой рукой, потому что правая ранена. Столыпинъ проситъ помѣстить ихъ въ выноскахъ. Пожалуйста, ежели можно помѣстить, какъ мою, такъ и Столыпинскую въ іюльской книжкѣ. Теперь мы всѣ собрались и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организоваться и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня двѣ, 3 или 4 статьи современнаго военнаго содержанія. Лучшіе два сотрудника Бакунинъ и Ростовцевъ еще не успѣли кончить своихъ статей.

---

[1]) Полковой товарищъ и другъ Л. Н-ча, отецъ покойнаго премьера П. А. Столыпина.

Будьте такъ добры отвѣчайте мнѣ и пишите вообще съ этимъ курьеромъ, адъютантомъ Горчакова, и съ будущими, которые безпрестанно снуютъ отъ васъ и сюда. Затѣмъ съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть

покорный слуга

Севастополь,
1855 г., апр. 30.

Къ гр. С. Н. Толстому.

. . . .

Господину Поручику Стрѣлковаго Императорской фамиліи Полка Графу Толстому.

Начальникъ Горной Артиллеріи Южной Арміи Морскихъ и Сухопутныхъ силъ, въ Крыму расположенныхъ, Артиллеріи Подпоручика и Кавалера Графа Толстого.

Рапортъ.

Вслѣдствіе продолжительнаго молчанія Вашего и моего сіятельства, имѣю честь почтительнѣйше донести, что сіе обоюдно было весьма глупо и что я съ своей стороны намѣренъ исправить сію ошибку и впредь не впадать въ оную; о чемъ покорнѣйше прошу и Ваше Сіятельство.

Начальникъ Горной Артиллеріи Подпоручикъ Графъ Толстой.

Позиція при рѣкѣ Бельбекъ, № 54.

Хотѣлъ бы не писать больше ничего съ тѣмъ, чтобы только узнать, гдѣ ты (хотя я знаю, что ты былъ въ Суздалѣ, но долженъ былъ перейти въ Петербургъ, а самъ хотѣлъ ѣхать въ Пирогово), но потомъ вообразилъ себѣ, какъ ты бы разозлился и нѣсколько разъ назвалъ бы меня «самымъ пустяшнымъ малымъ», но главное что самому захотѣлось разсказать и разспросить кое-что, хотя я сильно сомнѣвался, дойдетъ ли и когда къ тебѣ это письмо.

Хотя ты вѣрно знаешь черезъ нашихъ, гдѣ и что я дѣлалъ, повторяю тебѣ свои похожденія съ Кишинева, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, для тебя будетъ интересно же, какъ я ихъ разсказываю, и поэтому ты узнаешь, въ какой я фазѣ нахожусь — такъ какъ ужъ видно моя судьба всегда находится въ какой-нибудь фазѣ. Изъ Кишинева 1 ноября я просился въ Крымъ отчасти для того, чтобы видѣть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться

изъ штаба Сержпутовскаго, который мнѣ не нравился, а больше всего изъ патріотизма, который въ то время, признаюсь, сильно напалъ на меня. Я никуда не просился, а предоставилъ начальству распоряжаться моей судьбой. Въ Крыму прикомандировали къ батареѣ въ самый Севастополь, гдѣ я пробылъ мѣсяцъ весьма пріятно, въ кругу простыхъ, добрыхъ товарищей, которые бываютъ всегда особенно хороши во время настоящей войны и опасности. Въ декабрѣ нашу батарею отвели къ Симферополю, и тамъ я прожилъ $1^1/_2$ мѣсяца въ удобномъ помѣщичьемъ домѣ, ѣздилъ въ Симферополь танцовать и играть на фортепіано съ барышнями и охотиться на Чатырдагѣ съ чиновниками за дикими козами. Въ январѣ опять была тасовка офицеровъ, и меня перевели въ батарею, которая стояла лагеремъ въ 10 верстахъ отъ Севастополя на Бельбекѣ. Тамъ j'ai fait la connaissance de la mère de Кузьма — самый гадкій кружокъ . . . . . въ батареѣ, командиръ хотя и доброе, но сильное и грубое созданіе, никакихъ удобствъ, холодъ въ землянкахъ. Ни одной книги, ни одного человѣка, съ которымъ бы можно поговорить. И тутъ-то я получилъ 1500 рублей на журналъ, который уже былъ отказанъ, и тутъ-то я проигралъ 2500 р. и тѣмъ доказалъ всему міру, что я все-таки *пустяшный малый*, хотя предыдущія обстоятельства и могутъ быть приняты comme circonstances atténuantes, все-таки очень, очень скверно. Въ мартѣ стало теплѣе, и пріѣхалъ въ батарею милый, отличнѣйшій человѣкъ Бреневскій; я сталъ опоминаться, а 1-го апрѣля батарея во время самаго бомбардированія пошла въ Севастополь, и я совсѣмъ опомнился. Тамъ до 15 мая, хотя и въ серьезной опасности, т.-е. по 4 дня черезъ 8 дней дежурнымъ на батареѣ 4-го бастіона, но весна и погода отличныя; впечатлѣній и народа пропасть, всѣ удобства жизни, и насъ собрался прекрасный кружокъ порядочныхъ людей, такъ что эти полтора мѣсяца останутся однимъ изъ самыхъ моихъ пріятныхъ воспоминаній. 15-го мая Горчакову или начальнику артиллеріи вздумалось поручить мнѣ сформировать и командовать горнымъ взводомъ на Бельбекѣ — 20 верстъ отъ Севастополя, чѣмъ я чрезвычайно до сихъ поръ доволенъ во многихъ отношеніяхъ[1]). Вотъ тебѣ общее описаніе; въ слѣдующемъ письмѣ напишу подробнѣе о настоящемъ.

---

[1]) П. И Бирюковъ говоритъ, что переводъ былъ произведенъ по распоряженію государя Александра II, прочитавшаго въ корректурѣ разсказъ «Севастополь въ декабрѣ 1854 г.». Разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на государя, и онъ приказалъ беречь молодого офицера и удалить его изъ опаснаго мѣста.

Адресомъ моимъ, пожалуйста, никогда не затрудняйся— всегда въ главный штабъ Крымской арміи и больше ничего.

. . . .

Позиція при рѣкѣ Бельбекъ № 54,
1855 г., іюль 3.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante! Я получилъ мой заграничный паспортъ и пріѣхалъ въ Москву, чтобы провести нѣсколько дней съ Машенькой, потомъ съѣздить въ Ясную, устроить свои дѣла и проститься съ вами. Но теперь я раздумалъ, особенно по совѣту Машеньки, и рѣшился пробыть съ ней здѣсь недѣлю или двѣ и потомъ ѣхать прямо черезъ Варшаву въ Парижъ. Вы, вѣрно, понимаете, chère tante, почему мнѣ не хочется, даже не слѣдуетъ пріѣзжать теперь въ Ясную или скорѣе въ Судаково. Я, кажется, поступилъ очень дурно въ отношеніи В..., но ежели я бы теперь свидѣлся съ ней, я поступилъ бы еще хуже. Какъ я вамъ писалъ, я къ ней болѣе чѣмъ равнодушенъ, и чувствую, что не могу болѣе обманывать ни себя, ни ее. А пріѣзжай я, можетъ быть, отъ слабости характера и опять сталъ бы надувать себя. Помните ли вы, дорогая тетенька, какъ вы смѣялись надо мной, когда я вамъ сказалъ, что я уѣзжаю въ Петербургъ, чтобы испытать себя, а между тѣмъ этому рѣшенію я обязанъ тѣмъ, что не сдѣлалъ несчастія молодой особы и себя; не подумайте, чтобы это было непостоянство или невѣрность; никто не понравился мнѣ въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, просто я увидѣлъ, что я самъ себя обманывалъ, что у меня не только не было, но и никогда не будетъ по отношенію В. малѣйшаго чувства настоящей любви. Единственно, что меня безпокоитъ, это то, что я причинилъ огорченіе дѣвушкѣ и что мнѣ не удается проститься съ вами передъ отъѣздомъ. Я надѣюсь вернуться въ Россію въ іюлѣ, но если вы пожелаете, я пріѣду въ Ясную, чтобы обнять васъ; еще есть время получить вашъ отвѣтъ въ Москвѣ.

Во всякомъ случаѣ прощайте, цѣлую ваши руки и прошу (это не фраза) никогда не вѣрить, что я измѣнился или могу когда-нибудь измѣниться по отношенію къ вамъ и не любить васъ, какъ всегда, изо всѣхъ силъ.

Москва, 1856 г., январь 12.

Къ гр. С. Н. Толстому.

Я тронусь за границу на 8 мѣсяцевъ; ежели пустятъ, то поѣду. Я писалъ объ этомъ Николенькѣ и звалъ его ѣхать. Ежели бы мы всѣ трое устроились ѣхать вмѣстѣ, это было бы отлично. Ежели каждый возьметъ по тысячѣ рублей, то можно съѣздить отлично. — Пиши, пожалуйста, мнѣ. Какъ понравилось тебѣ «Метель»? Я ею недоволенъ — серьезно. А теперь писать многое хочется, но рѣшительно некогда въ этомъ проклятомъ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, пустятъ ли меня или нѣтъ (за границу), я въ апрѣлѣ намѣренъ взять отпускъ и быть въ деревнѣ.

Петербургъ,
1856 г., мартъ 25.

Къ нему же.

Я пишу нѣсколько словъ изъ Ясной Поляны, куда пріѣхалъ вчера . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Я получилъ и то посредствомъ разныхъ ухищреній отпускъ въ половинѣ мая, несмотря на то, что мнѣ его обѣщали каждый день. Въ Москвѣ же я пробылъ 10 дней ужъ по своей винѣ, но зато чрезвычайно пріятно, безъ шампанскаго и цыганъ, а немножко влюбленный, въ кого, разскажу тебѣ послѣ. Я пробуду въ Ясной до августа, слѣдовательно встрѣчу и провожу тебя. Въ августѣ же (ежели будутъ деньги), отпускъ вышелъ уже, поѣду за границу
. . . .
. . . .
. . . . Хотѣлъ я хоть отъ тетеньки узнать твое мнѣніе о моихъ «Гусарахъ», но, говорятъ, ты не читалъ еще. Напиши, сколько ты мнѣ ставишь за это: 1, 2, 3, 4 или 5. Я нынче поѣду къ Машѣ и вернусь къ Троицыну дню и безвыѣздно два мѣсяца сижу въ Ясной.

Пожалуйста, отвѣчай. До свиданія, милый другъ.

Ясная Поляна,
1856 г., май 29.

Къ нему же.

Теперь только, въ 9 часовъ вечера, понедѣльникъ, могу дать тебѣ хорошій отвѣтъ, а то все было хуже и хуже; привозили двухъ докторовъ, пускали еще сорокъ піявокъ, но сію минуту только я заснулъ, и, проснувшись, почувствовалъ себя значительно лучше. Раньше дней 5—6 все-таки и думать нельзя мнѣ ѣхать. Такъ до свиданія, пожалуйста, увѣдомь, когда ты уѣдешь и точно ли есть большія упущенія у тебя въ хозяйствѣ и не очень безъ меня выбивай мѣста. Собакъ, можетъ быть, пошлю завтра.

Ясная Поляна,
1856 г., начало сент.

Къ нему же.

Любезный другъ Сережа! Здоровье мое и поправилось и нѣтъ. Боли-то нѣтъ и воспаленія нѣтъ, но какая-то тяжесть въ груди, покалываетъ и къ вечеру болитъ. Можетъ быть, оно и пройдетъ понемногу само-собой, но я не скоро рѣшусь ѣхать въ Курскъ и ежели не скоро, то и совсѣмъ нечего ѣхать. Скорѣе, ежели недѣли двѣ не будетъ лучше, я съѣзжу въ Москву.

Пожалуйста, не сердись на меня и не думай, чтобы я желалъ тебѣ измѣнить. Мнѣ, напротивъ, страшно хотѣлось ѣхать и собакъ я вернулъ почти съ дороги . . . .
. . . .
. . . .
Я еще не выхожу изъ комнаты. Тетенька здорова и цѣлуетъ тебя. Прощай, будь здоровъ и затрави тамъ 10 лисицъ и пріѣзжай къ намъ.

Отвѣчай пожалуйста.

Ясная Поляна,
1856 г., сентябрь 15.

Къ нему же.

Извини, любезный другъ Сережа, что пишу два слова, все некогда. Мнѣ все неудача съ моего отъѣзда: никого нѣтъ здѣсь, кого я люблю. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», говорятъ, обругали меня за военные разсказы: я еще не читалъ, но, главное,

Константиновъ объявилъ мнѣ, только что я пріѣхалъ, что великій князь Михаилъ, узнавъ, что я будто бы сочинилъ пѣсню, недоволенъ особенно тѣмъ, что будто бы я училъ ею солдатъ. Это гнусно. Я объяснялся по этому случаю съ начальникомъ штаба. Хорошо только то, что здоровье мое хорошо и что Шипулинскій сказалъ, что у меня грудь здоровешенька.

Тетенькѣ цѣлую ручки.

Гр. Л Толстой. Твой другъ и братъ.

Книги идутъ плохо. Продано и тѣхъ, и другихъ экземпляровъ 900.

Петербургъ,
1856 г., ноябрь 10.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Виноватъ, что дня три не отвѣчалъ на ваше письмо. Я ужасно былъ занятъ все это время. Я написалъ въ одинъ мѣсяцъ совершенно новый разсказъ... для «Библіотеки для Чтенія», и передѣлалъ старое для «О. З.» Я вамъ пришлю ихъ. Зато этотъ мѣсяцъ я провелъ прекрасно, какъ то время передъ болѣзнью, когда я писалъ «Юность» съ утра до вечера. Кромѣ того, у меня фортепьяно и ноты, новыя книги и изрѣдка—Дружининъ, Боткинъ, Анненковъ, съ которыми мы иногда проводили вечера, часовъ 6 болтая о пустякахъ и разсуждая о дѣлѣ, такъ что не видали, какъ летитъ время. О свѣтскихъ моихъ знакомыхъ — я ни у кого не былъ, и желаю быть какъ можно меньше, такъ мнѣ хорошо одному дома. Здоровье мое хорошо, чему я обязанъ, какъ мнѣ кажется, не столько Шипулинскому, сколько гимнастикѣ, которую я дѣлаю каждый день, только продолжаются безсонницы, никакъ не могу спать больше 6, 7 часовъ въ день.

Вы мнѣ пишете про В. опять въ томъ же тонѣ, въ которомъ вы всегда мнѣ говорили про нее, и я отвѣчаю опять такъ же, какъ и всегда. Только что я уѣхалъ и недѣлю послѣ этого, мнѣ кажется, что я былъ влюбленъ, что называется, но съ моимъ воображеніемъ это не трудно. Теперь же и послѣ этого, особенно какъ я пристально занялся работой, я бы желалъ и очень желалъ мочь сказать, что я влюбленъ или просто люблю ее, но этого нѣтъ. Одно чувство, которое я имѣю къ ней,—это бла-

годарность за ея любовь и еще мысль, что изъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, она лучше всѣхъ была бы для меня женой, какъ я думаю о семейной жизни. Вотъ въ этомъ-то я и желалъ бы знать ваше откровенное мнѣніе—ошибаюсь ли я или нѣтъ, и желалъ бы слышать ваши совѣты, во-первыхъ, потому, что вы знаете и ее и меня, и, главное, потому, что вы меня любите, а люди, которые любятъ, никогда не ошибаются. Правда, я очень дурно поиспытывалъ себя, потому что съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ, велъ жизнь скорѣе уединенную, чѣмъ разсѣянную, и видѣлъ мало женщинъ, но, несмотря на это, часто мнѣ приходили минуты досады на себя, что я сошелся съ ней, и что я раскаивался въ этомъ. Все-таки я говорю, что если бы я убѣдился, что она—натура постоянная и будетъ любить меня всегда, хоть не такъ, какъ теперь, а больше, чѣмъ всѣхъ, то я бы ни минуты не задумался жениться на ней. Я увѣренъ, что тогда бы моя любовь къ ней все увеличивалась бы и увеличивалась и что посредствомъ этого чувства изъ нея бы можно было сдѣлать хорошую женщину.

Прощайте, chère tante, цѣлую ваши руки. Сережѣ я напишу съ этой же почтой.

Москва,
1856 г., декабрь 5.

Къ ней же.

(По-французски).

Пріѣхалъ вчера въ Парижъ, дорогая тетенька, и спѣшу хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, сообщить о себѣ.

На поѣздку изъ Москвы въ Парижъ, почти безъ остановокъ, я употребилъ 11 дней. Хотя я еще очень усталъ, но вполнѣ здоровъ. Нашелъ здѣсь Некрасова и Тургенева и разсчитываю провести здѣсь мѣсяцъ, чтобы весною отправиться въ Италію. Ни путешествіе, ни здѣшняя жизнь не дороги, но я истратилъ много денегъ въ Москвѣ, гдѣ мы провели, какъ вамъ разскажетъ Сергѣй, три недѣли, для меня, по крайней мѣрѣ, очень пріятныя.

Судя по вашему письму, дорогая тетенька, я вижу, что мы не понимаемъ другъ друга по вопросу о С. Хотя я и признаю, что я виновенъ въ непослѣдовательности, и что все могло произойти совсѣмъ иначе, я считаю, что я дѣйствовалъ вполнѣ честно. Я не переставалъ говорить, что я не знаю, каково то чув-

ство, которое я испытываю къ молодой особѣ, но что это не любовь и что я самъ желаю испытать себя. Испытаніе показало мнѣ, что я ошибался, и я написалъ это В., какъ только могъ искренно.

Послѣ этого мои отношенія къ ней были настолько чисты, что я увѣренъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не будетъ ей непріятно, если она выйдетъ замужъ. Поэтому-то я и написалъ ей, что я хотѣлъ бы, чтобы она мнѣ писала. Я не вижу, почему молодой человѣкъ долженъ быть влюбленнымъ въ молодую особу и жениться на ней, а не имѣть съ ней дружественныхъ отношеній; что касается дружбы и интереса, я навсегда сохраню ихъ по отношенію къ ней.

Если бы m-lle V., написавшая мнѣ такое смѣшное письмо, припомнила бы мое поведеніе по отношенію къ В. [1]), какъ я старался приходить какъ можно рѣже и какъ она звала меня бывать чаще и входить въ болѣе близкія отношенія. Я понимаю, что она сердится, такъ какъ то, чего она такъ желала, не сдѣлалось (я быть можетъ, жалѣю объ этомъ больше ея), но это еще не причина говорить человѣку, который старался поступать наилучшимъ образомъ, который пожертвовалъ многимъ изъ страха сдѣлать несчастіе другихъ, говорить ему, что онъ свинья, и стараться увѣрить въ этомъ всѣхъ. Я увѣренъ, что въ Тулѣ убѣждены, что я самое страшное чудовище.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши руки. Пишите мнѣ: France, Paris, Rue de Rivoli, Hôtel Maurice, № 149. Ежели Сережа съ вами, поздравьте его съ рожденіемъ, обнимаю и прошу не раздумывать ѣхать за границу. Я пробуду въ Парижѣ до 22 марта.

Парижъ,
1857 г., февраль 22.

Къ ней же.

(По-французски).

Дорогая тетенька

Сегодня я началъ говѣть здѣсь, въ Женевѣ, а вчера получилъ ваше письмо, адресованное въ Парижъ.

Мнѣ не за чѣмъ говорить вамъ, какъ для меня всегда пріятны ваши письма, и какое удовольствіе доставило мнѣ это пись-

---

[1]) У Л. Н. былъ романъ съ дѣвушкой В. А., и близкіе думали, что онъ на ней женится.

мо, полученное въ тотъ вечеръ, когда я долженъ былъ исповѣдоваться.

Надѣюсь, вы мнѣ прощаете всѣ мои прегрѣшенія передъ вами. Я знаю, что ихъ у меня много, и молю Бога помочь мнѣ не впадать въ нихъ больше. Какъ я хотѣлъ бы, чтобы Валерія и Вергани простили мнѣ то горе, которое я имъ причинилъ, простили бы совсѣмъ, такъ, чтобы ужъ и не вспоминать объ этомъ.

Вы говорите, дорогая тетенька, что давно ужъ перестали понимать меня. Это не моя вина, увѣряю васъ, въ этомъ дѣлѣ я самъ себя понялъ только позже, но клянусь вамъ, что слишкомъ люблю васъ, чтобы когда-нибудь скрыть что-нибудь отъ васъ, и что надѣюсь всегда жить такъ, чтобы не имѣть отъ васъ тайнъ.

Что касается В., я никогда не любилъ ее настоящей любовью; я увлекся нехорошимъ желаніемъ внушить любовь. Это доставляло мнѣ никогда еще неиспытанное наслажденіе. Но время, которое я провелъ вдали отъ нея, доказало мнѣ, что у меня даже не было желанія увидать ее, а не только жениться на ней. Мнѣ было страшно подумать объ обязанностяхъ, которыя долженъ буду выполнять по отношенію къ ней, не любя ея; и это заставило меня уѣхать раньше, чѣмъ я думалъ. Я очень плохо поступилъ, я просилъ Бога простить меня и прошу этого у всѣхъ, кому причинилъ огорченіе; но поправить это дѣло невозможно, и теперь ничто въ мірѣ не можетъ возобновить этого.

Я желаю много счастья О., я въ восторгѣ отъ ея замужества, но я признаюсь вамъ, дорогая тетенька, что если что можетъ мнѣ доставить наибольшую радость, такъ это узнать, что В. выходитъ замужъ за человѣка, котораго она любитъ и который ея стоитъ; потому что, хотя въ глубинѣ души у меня нѣтъ ни малѣйшей любви къ ней, я все-таки нахожу, что она добрая и достойная дѣвушка.

Поздравляю васъ, тетенька, съ причастіемъ и съ праздникомъ Пасхи. Христосъ воскресе! Я прошлаго года встрѣтилъ этотъ праздникъ съ Толстыми въ Петербургѣ, и нынче вечеромъ встрѣчу съ ними въ Женевѣ. Онѣ очень добрыя и хорошія госпожи, просили меня кланяться вамъ.

Это второе письмо, которое я вамъ пишу изъ Женевы; я говорю это на тотъ случай, что если одно изъ нихъ пропадетъ, вы все-таки не должны сомнѣваться во мнѣ.

Мѣстность чудная, чувствую себя здѣсь такъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, что не знаю, не останусь ли здѣсь до сентября, т.-е. до моего возвращенія въ Россію. Я началъ здѣсь

лѣченіе сѣрными ваннами и чувствую себя прекрасно,—занимаюсь, читаю, любуюсь природой, наблюдаю здѣшній свободный, милый народъ и надѣюсь, что все это мнѣ долго не наскучитъ и принесетъ пользу. Ежели Сережа пріѣхалъ, скажите, чтобы онъ затравилъ за меня 2-хъ лисицъ, а осенью я самъ затравлю. Вотъ бы они посмотрѣли здѣшнюю жизнь, ужъ они бы не могли не согласиться, что здѣсь лучше нашего. Ежели Николенька пріѣдетъ, велите ему, пожалуйста, написать мнѣ хоть строчку. Я ему напишу уже въ Тулу, а не на Кавказъ, куда письма ходятъ 2 мѣсяца, а оттуда въ Тулу въ 2 недѣли. «Сильфотонтень слданеи турбалъ онъ... это Николаю Сергѣевичу. Желаю ему всего лучшаго — физическаго и нравственнаго здоровья и очень радъ, что онъ нашелся и я его увижу. Нат. Петр. обнимаю. Ванечка ея мнѣ пишетъ, мы съ нимъ очень сошлись послѣднее время, и онъ точно — золотой человѣкъ. Я воображаю, какъ Наташа за пасьянсомъ иногда обсуживаетъ меня и ругаетъ. Наташа! не суди, да не осужденъ будешь.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки и желаю вамъ всякаго, вполнѣ заслуженнаго вами, счастья, какого вы себѣ сами пожелаете.

C. Léon Tolstoi.

Адресъ мой: Suisse, Génève, Hôtel de Bergues

Женева,
1857 г., апрѣль 17.

Къ ней же.

(По-французски).

Chère tante!

Если бы Сергѣй не сообщилъ мнѣ, о васъ, меня бы сильно безпокоило ваше молчаніе. Со времени отъѣзда я написалъ вамъ 2 письма, одно съ пути, другое изъ Парижа, а отъ васъ ни одного не получилъ. Я думаю, что мои письма не дошли до васъ. Это было бы очень досадно, потому что я увѣренъ, что это заставило бы васъ очень безпокоиться и бояться за меня.

Провелъ полтора мѣсяца въ Парижѣ и такъ пріятно, что каждый день я говорилъ себѣ, что я хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ за границу. Я очень мало посѣщалъ общества и литературный міръ, а такъ же кафе и публичные балы, но, несмотря на это, я здѣсь нашелъ столько новаго и интереснаго для меня, что каждый день, ложась спать, я говорю себѣ: какая жалость

что день прошелъ такъ скоро, и я не успѣлъ сдѣлать всего того, что хотѣлъ.

Представьте, встрѣтилъ въ Парижѣ массу родственниковъ— Трубецкихъ, маминыхъ кузеновъ, Мансуровыхъ и Мещерскую, тоже маминыхъ кузинъ, потомъ Хлюстиныхъ, и во всѣхъ этихъ семьяхъ есть барышни, которыя оказались моими кузинами. Но я былъ такъ занятъ, что, хотя нѣкоторыя изъ этихъ кузинъ прелестны, я очень рѣдко навѣщалъ ихъ.

Бѣдный Тургеневъ очень боленъ физически и еще болѣе морально. Его несчастная связь съ m-me V. и ея дочерью держитъ его здѣсь, въ климатѣ, который вреденъ ему, и на него жалко смотрѣть. Я никогда не думалъ, чтобы онъ могъ такъ любить.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на удовольствіе, доставленное мнѣ жизнью въ Парижѣ, на меня безъ всякой причины напала невыразимая тоска, и хотя я положилъ выѣхать изъ Парижа въ маѣ мѣсяцѣ, я рѣшился поѣхать на нѣкоторое время въ Швейцарію, въ Женеву. Здѣсь я уже 3 дня, но красивая мѣстность и прелестная жизнь въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Женевы, такъ понравились мнѣ, что я думаю остаться здѣсь довольно долго.

Я здѣсь не знаю никого, за исключеніемъ Толстыхъ и Строгонова — мужа великой княгини, но постараюсь бывать у нихъ возможно рѣже и не заводить новыхъ знакомствъ. Мнѣ здѣсь очень хорошо, спокойно, среди чудной природы почти въ полномъ одиночествѣ. Разсчитываю много работать здѣсь и пока не строю другихъ плановъ относительно путешествія. Все, что я знаю — это то, что осенью вернусь въ Ясную, гдѣ буду имѣть счастье обнять васъ. Наташу обнимаю. Что дѣлаютъ сосѣдки? Простили ли онѣ великаго преступника?

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши руки. Я рѣшилъ писать вамъ каждыя двѣ недѣли, и мнѣ стыдно, что до сихъ поръ я этого не дѣлалъ.

Скажите, тетенька, пожалуйста, Василью, чтобы онъ непремѣнно писалъ мнѣ каждый мѣсяцъ и написалъ бы подробно, сколько въ Ясной и Грецовкѣ душъ—крестьянскихъ и дворовыхъ, сколько тяголъ, сколько земли пахотной крестьянской, пахотной господской, сколько луговъ, сколько подъ усадьбой, сколько всего земли. Это мнѣ нужно для соображенія. Адресъ мой такъ: Suisse, Génève, Comte Léon Tolstoi. Hôtel Bergues.

Женева,
1857 г., **апрѣль 4.**

Къ ней же.

(По-французски).

Я только что получилъ ваше письмо, дорогая тетушка, которое застало меня, какъ вы должны знать изъ моего послѣдняго письма, въ окрестностяхъ Женевы, въ Кларанѣ, въ томъ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ жила Юлія Руссо... Не буду пытаться описывать вамъ всю красоту этого края, особенно теперь, когда все въ въ зелени и цвѣтахъ. Я вамъ скажу только, что буквально невозможно оторваться отъ этого озера, отъ этихъ береговъ и что я провожу большую часть моего времени въ созерцаніи и восхищеніи, гуляя или просто стоя у окна моей комнаты. Я не перестаю радоваться пришедшей мнѣ мысли оставить Парижъ и пріѣхать сюда провести здѣсь весну, хотя я этимъ и заслужилъ отъ васъ упрекъ въ непостоянствѣ. Право, я счастливъ и начинаю чувствовать выгоды въ рубашечкѣ родиться.

Здѣсь прелестное русское общество: Пущины, Карамзины, Мещерскіе, и всѣ, Богъ знаетъ, за что меня полюбили; я это чувствую, и мнѣ такъ было тутъ мило и хорошо, тепло этотъ мѣсяцъ, что я провелъ, что грустно думать объ отъѣздѣ.

Всѣ эти семьи уѣзжаютъ черезъ недѣлю и если мои друзья, Боткины и Дружинины, не пріѣдутъ сюда, я поѣду къ нимъ во Флоренцію. Жду отъ нихъ отвѣта.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки. Мнѣ кажется, какъ будто вы мною недовольны по вашему письму, и мнѣ это было грустно. Ежели я виноватъ (и во многомъ я виноватъ передъ вами), то простите меня за то, что я васъ всегда и теперь особенно люблю изо всѣхъ силъ, какъ вы говорите. Я ничего не получаю отъ старосты, и это меня, признаюсь, огорчаетъ и злитъ. Пожалуйста, прикажите ему, ma tante. Что ему трудно каждый мѣсяцъ писать одно письмо? Да еще велите ему поскорѣе выслать деньги, о которыхъ я писалъ. Ежели Валерьяна нѣтъ въ Москвѣ, то можно передать ихъ банкиру черезъ Рябинина, т.-е. адресовать деньги А. А. Рябинину въ Москву, въ Уланскій пер., домъ бывшій Тургенева, съ просьбой взять на нихъ вексель у Бранденбурга и выслать мнѣ въ Женеву. Ему, кромѣ того, объ этомъ писано и онъ знаетъ.

Кларанъ,
1857 г., май 18.

Къ ней же.

(По-французски).

Кажется, я писалъ вамъ, дорогая тетушка, что я уѣхалъ изъ Кларана съ намѣреніемъ предпринять довольно большое путешествіе черезъ Сѣверную Швейцарію, Рейнъ, Голландію и оттуда въ Англію. Оттуда я снова разсчитываю проѣхать черезъ Францію и Парижъ и въ августѣ провести нѣсколько времени въ Римѣ и Неаполѣ. Если я буду въ состояніи перенести морскія путешествія, что я увижу на моемъ переѣздѣ изъ Гаги въ Лондонъ, я думаю вернуться черезъ Средиземное море, Константинополь и Черное море и Одессу. Но все это только планы, которые я, быть можетъ, не осуществлю, по причинѣ моего измѣнчиваго настроенія, за которое вы меня справедливо упрекаете, дорогая тетушка. Я пріѣхалъ въ Люцернъ. Это городъ въ Сѣверной Швейцаріи, не далеко отъ Рейна, и я уже задерживаюсь въ пути, чтобы провести нѣсколько дней въ этомъ очаровательномъ городкѣ. Во всякомъ случаѣ, черезъ мѣсяцъ или самое большее—полтора я думаю быть въ Парижѣ, гдѣ я назначилъ свиданіе нѣсколькимъ друзьямъ и куда просилъ адресовать мнѣ письма. Если Машенька отвѣтитъ мнѣ въ Парижъ и приметъ мое предложеніе, я могу отложить поѣздку въ Италію и сейчасъ же, черезъ шесть дней по полученіи ея письма, буду въ Ясной или въ Покровскомъ. Я опять совсѣмъ одинъ и, признаюсь вамъ, уединеніе часто бываетъ очень тяжело мнѣ, такъ какъ знакомства, которыя дѣлаешь въ отеляхъ и по желѣзной дорогѣ, не удовлетворяютъ. Но въ этомъ уединеніи есть и хорошая сторона, оно заставляетъ меня работать. Я немного работаю, но дѣло идетъ плохо, какъ обыкновенно лѣтомъ.

Здоровье мое не плохое, но и не совсѣмъ хорошее. Благодаря сильной жарѣ и постояннымъ моимъ путешествіямъ, у меня головныя боли и приливы крови, но съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ пить вино, чай и кофе и ѣмъ меньше мяса, чувствую себя хорошо. Право, это тутъ Троицкій—славный докторъ, все, что онъ мнѣ говорилъ — правда, даже зейдлицкіе порошки его я снова сталъ пить.

Одно у меня осталось — непріятная вещь — расширеніе жилъ въ ногахъ, которыя я натрудилъ длинными походами по горамъ и въ жаръ. Что мнѣ еще сказать вамъ, дорогая тетенька, о моемъ физическомъ и нравственномъ состояніи, — если бы я не чувствовалъ, что путешествія во многихъ отношеніяхъ

полезны мнѣ, и что я здѣсь не теряю времени — я уже мѣсяцъ тому назадъ вернулся бы въ Россію.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, особенно уже въ мои годы, такъ и тянетъ домой къ вамъ подъ крылышко.

Но ужъ такъ какъ я здѣсь и положилъ себѣ до осени ѣздить, и деньги есть, то хочу воспользоваться сколько можно.

Прощайте, дорогая тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и жду писемъ отъ васъ въ Парижъ, до востребованія.

Разумѣется, обнимаю Сережу; когда онъ мнѣ не пишетъ долго, мнѣ все кажется, что онъ дѣлаетъ мутные глаза и язвительно трунитъ надо мной за что-нибудь, тѣмъ болѣе, что я нерѣдко подаю поводъ къ тому. *Пустяшный малый.* Что Николенька? Его лѣнь писать сначала была забавна, потомъ стало досадно, а теперь просто становится горько и грустно. Какъ въ самомъ дѣлѣ, оба любимъ другъ друга, хотѣли бы быть вмѣстѣ, и года проходятъ, что мы даже вѣсти другъ о другѣ не получаемъ. Наташа! Gu!

Люцернъ,
1857 г., іюль 8.

Къ гр. А. А. Толстой [1]).

Бабушка! Весна!..

Отлично жить на свѣтѣ хорошимъ людямъ; даже и такимъ, какъ я, хорошо бываетъ. Въ природѣ, въ воздухѣ, во всемъ— надежда, будущность—и прелестная будущность... Иногда ошибешься—и думаешь, что не одну природу ждетъ будущность и счастье, а и тебя тоже,—и хорошо бываетъ. Я теперь въ такомъ состояніи, и съ свойственнымъ мнѣ эгоизмомъ тороплюсь писать вамъ о предметахъ только для меня интересныхъ. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я старая промерзлая, гнилая и еще подъ соусомъ свареная картофелина; но весна такъ дѣйствуетъ на меня, что иногда застаю себя въ полномъ разгарѣ мечтаній о томъ, что я—растеніе, которое распустится вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими, и станетъ просто, спокойно и радостно расти на свѣтѣ Божіемъ. По этому случаю, къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавши этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое—прочь! всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки, всѣ запутанныя, неясныя

---

[1]) Гр. А. А. Толстая, фрейлина Двора, дальняя родственница Л. Н., приходившаяся ему теткой, но въ шутку онъ называлъ ее иногда «бабушкой»

привязанности, всѣ сожалѣнія, даже раскаянія—все прочь!.. Дайте мѣста необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и вырастетъ вмѣстѣ съ весной. . . . .
. . . .
. . . .

Прощайте, милая бабушка! не сердитесь на меня за этотъ вздоръ, а отвѣтьте умное и пропитанное добротой — и христіанской добротой! — словечко. Я давно хотѣлъ написать вамъ, что вамъ удобнѣе писать по-французски, а мнѣ женская мысль понятнѣе по-французски.

Ясная Поляна,
1858 г., апр.

Къ А. А. Фету.

Драгоцѣнный дяденька! Пишу два слова только, чтобы сказать, что обнимаю васъ изо всѣхъ силъ, что письмо ваше получилъ, что М. П. [1]) цѣлую руки, всѣмъ вашимъ кланяюсь. Тетенька очень благодарна за память и кланяется; и сестра кланяется. Что за весна была и есть чудная! Я въ одиночествѣ смаковалъ ее чудесно. Братъ Николай долженъ быть въ Никольскомъ (Вяземскомъ); поймайте его и не пускайте, я въ этомъ мѣсяцѣ хочу придти къ вамъ. Тургеневъ поѣхалъ въ Винцигъ до августа лѣчить свой пузырь. Чортъ его возьми. Надоѣло любить его. Пузыря не вылѣчитъ, а насъ лишитъ. Затѣмъ прощайте, любезный другъ; ежели до моего прихода не будетъ стихотворенія, ужъ я изъ васъ его в ы ж м у.

Вашъ *гр. Л. Толстой.*

Какой Троицынъ день былъ вчера! Какая обѣдня, съ вянущей черемухой, сѣдыми волосами и ярко-краснымъ кумачемъ и горячее солнце.

Ясная Поляна,
1858 г., май 12.

Къ нему же.

Ау! Дяденька! Ауу! Во-первыхъ, сами не отзоветесь ничѣмъ, когда весна, и знаете, что всѣ о васъ думаютъ, и что я, какъ Прометей, прицѣпленъ къ скалѣ и все-таки алкаю васъ видѣть и

[1]) Марія Петровна, жена А. А. Фета, урожденная Боткина.

слышать. Или бы пріѣхали, или хоть позвали бы къ себѣ хорошенько. А во-вторыхъ, зажилили брата [1]), и очень хорошаго брата, по прозвищу Фирдуси. Главная тутъ преступница, я думаю, Марья Петровна, которой очень кланяюсь и прошу возвратить собственнаго нашего брата. Безъ шутокъ, онъ велѣлъ сказать, что на той недѣлѣ будетъ; Дружининъ тоже будетъ. Пріѣзжайте и вы, голубчикъ дяденька. Право, а потомъ ужъ и въ Козюлькино (Новоселки). Ив. П. и Над. Аф. душевный поклонъ и до свиданія.

Ясная Поляна,
1858 г., май 16.

Къ нему же.

Душенька, дяденька Фетинька. Ей-Богу душенька, и я васъ ужасно, ужасно люблю. Вотъ-те и все. Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй, пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. А можетъ быть, противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ любить васъ. Что-то иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозомъ и коростой нѣтъ-нѣтъ да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себѣ не позволяю и не позволю. Изо всѣхъ силъ благодарю васъ за хлопоты о ветеринарѣ и пр. Нашелъ я тульскаго и началъ лѣченье. Что будетъ,— не знаю. Да и чортъ съ ними со всѣми. Дружининъ проситъ по дружбѣ сочинить повѣсть. Я, право, хочу сочинить. Такую сочиню, что ужъ ничего не будетъ. Шахъ персидскій куритъ табакъ, а я тебя люблю. Вотъ она штука-то. Безъ шутокъ, что вашъ Гафизъ? Вѣдь какъ ни вертись, а верхъ мудрости и твердости для меня это только радоваться чужой поэзіей, а свою собственную не пускать въ люди въ уродливомъ нарядѣ, а свою самому ѣсть съ хлѣбомъ насущнымъ. А иногда такъ вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ и такъ досадно, что до сихъ поръ еще это не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишься вставать или доѣдать обѣдъ, чтобы начинать. Всѣхъ такъ называемыхъ глупостей не переговоришь, но пріятно хоть одну сказать такому дяденькѣ, какъ вы, который живетъ только однѣми такъ называемыми глупостями «закурдалами». Пришлите мнѣ одно самое здоровое переведенное вами стихотвореніе Гафиза me faire venir l'eau à la bouche, а я вамъ пришлю образчикъ пшеницы.

---

[1]) Графа Николая Николаевича Толстого.

Охота надоѣла смерть. Погода стоитъ прелестная, но я одинъ не ѣзжу. Гончія ваши, Иванъ Петровичъ, живы и здоровы, равно Прокофій и сѣрый меринъ. Очень благодарю васъ за разрѣшеніе и воспользуюсь имъ до порошъ. Тогда отправлю Прокофія съ гончими. Еще краснаго звѣря, съ тѣхъ поръ какъ съ вами разстался, травилъ и затравилъ одну лисицу около себя въ поляхъ и самъ. На-дняхъ напишу вамъ, а теперь только благодарю за хлопоты и крѣпко обнимаю. Энциклопедію пришлите. Тетенька очень благодаритъ за память; и это не фраза, а всякій разъ, какъ я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонитъ голову и скажетъ: «Однако (почему однако?) какой славный человѣкъ этотъ Фетъ». А я знаю за что славный — за то, что она думаетъ, что онъ меня очень любитъ. Ну-съ, прощайте. Пописывайте мнѣ иногда безъ возбудителя ветеринара.

Ясная Поляна,
1858 г., окт. 24.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Во-первыхъ, поздравляю васъ, во-вторыхъ, я боюсь, что до васъ дойдетъ какъ-нибудь съ прибавленіями мое приключеніе и потому самъ спѣшу извѣстить васъ о немъ.

Мы были съ Николенькой на медвѣжьей охотѣ, 21 я убилъ медвѣдя, 22-го мы снова пошли и со мной случилось нѣчто самое необыкновенное. Медвѣдь не видя меня бросился на меня, я выстрѣлилъ въ него съ 6-ти шаговъ, первый разъ промахнулся, со второго выстрѣла въ 2-хъ шагахъ я его смертельно ранилъ, но онъ бросился на меня, повалилъ на землю и, пока ко мнѣ бѣжали, онъ укусилъ меня два раза въ лобъ надъ и подъ глазомъ. По счастію это продолжалось не болѣе 10 или 15 секундъ; медвѣдь убѣжалъ, и я поднялся съ небольшой раной, которая не уродуетъ меня и не причиняетъ мнѣ страданій. Ни кость черепа, ни глазъ не повреждены, я отдѣлался небольшимъ шрамомъ, который останется на лбу.

Теперь я въ Москвѣ и чувствую себя совсѣмъ хорошо. Я пишу вамъ чистую правду, ничего не скрывая, чтобы вы не безпокоились. Теперь все прошло и остается только благодарить Бога, который меня спасъ столь необычайнымъ образомъ.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши ручки; Маша, братья и дѣти тоже. Всѣ здоровы. Сергѣй, слава Богу, еще не

проигралъ то, что выигралъ, и надо надѣяться, не будетъ больше играть, такъ какъ у него больше нѣтъ денегъ.

Если маленькая записочка, которую я послалъ вамъ въ письмѣ къ Якову, у васъ, то уничтожьте ее пожалуйста. Наташѣ поклонъ.

1858 г., декабрь 25.

Къ гр. С. Н. Толстому.

Ты, я думаю, получилъ извѣстіе о смерти Николеньки. Мнѣ жаль тебя, что ты не былъ тутъ; какъ это ни тяжело, мнѣ хорошо, что все это было при мнѣ, и что все это подѣйствовало на меня, какъ должно было. Не такъ, какъ смерть Митеньки [1]), о которой я узналъ, вовсе не думая о немъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое дѣло. Съ Митенькой были связаны воспоминанія дѣтства и родственное чувство только: а это былъ положительно человѣкъ для тебя и для меня, котораго мы любили и уважали положительно больше всѣхъ на свѣтѣ. Ты это знаешь, эгоистическое чувство, которое послѣднее время приходило, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а теперь страшно это писать и вспоминать, что это думалъ. До послѣдняго дня онъ со своей необычайной силой характера и сосредоточенностью дѣлалъ все, чтобы мнѣ не быть въ тягость. Въ день своей смерти онъ самъ одѣлся и умылся, и утромъ я его засталъ одѣтаго на креслѣ. Это было часовъ за 9 до смерти, что онъ покорился болѣзни и попросилъ себя раздѣть. Первое было въ нужникѣ. Я вышелъ внизъ и слышу дверь его отворилась; я вернулся, его нѣтъ нигдѣ. Сначала я боялся войти, онъ не любилъ, но тутъ онъ мнѣ самъ сказалъ: «помоги мнѣ».

И онъ покорился и сталъ другой: кроткій, добрый этотъ день; не стоналъ, ни про кого не говорилъ, всѣхъ хвалилъ и мнѣ говорилъ: «Благодарствуй, мой другъ». Понимаешь, что это значитъ въ нашихъ отношеніяхъ. Я сказалъ ему, что слышалъ, какъ онъ кашлялъ утромъ, но не вошелъ изъ за fausse honte. «Напрасно, это бы меня утѣшило». Страдать — онъ страдалъ, но онъ только разъ сказалъ дня за два до смерти: «что за ужасныя ночи безъ сна. Къ утру давитъ кашель мѣсяцъ! и что грезится—Богъ знаетъ. Еще такія ночи двѣ — это ужасно». Ни разу ясно онъ не сказалъ, что чувствуетъ приближеніе смерти. Но онъ только не говорилъ. Въ день смерти онъ зака-

---

[1]) Братъ Л. Н-ча.

залъ комнатное платье и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда я сказалъ, что если не будетъ лучше, то мы съ Машенькой не поѣдемъ въ Швейцарію, онъ сказалъ: «развѣ ты думаешь, что мнѣ будетъ лучше?» такимъ голосомъ, что видно онъ чувствовалъ, но для меня не говорилъ, а я для него не показывалъ; однако съ утра я зналъ какъ будто и все былъ у него. Онъ умеръ совсѣмъ безъ страданій наружныхъ, по крайней мѣрѣ. Рѣже, рѣже дышалъ и кончилось. На другой день я сошелъ къ нему и боялся открыть лицо. Мнѣ казалось, что оно будетъ еще страдальческѣе, страшнѣе, чѣмъ во время болѣзни, и ты не можешь себѣ вообразить, что это было за прелестное лицо съ его лучшимъ веселымъ спокойнымъ выраженіемъ.

Вчера его похоронили тутъ. Я одно время думалъ перевести, телеграфировать тебѣ, да раздумалъ. Нечего ковырять рану. Мнѣ жалко тебя, что тебя извѣстіе это застанетъ на охотѣ, въ разсѣянности и не прохватитъ такъ, какъ насъ. Это здорово. Я чувствую теперь то, что слыхалъ часто, что какъ потеряешь такого человѣка, какъ онъ для насъ, такъ много легче самому становится думать о смерти.

Твое письмо пришло въ самую минуту, какъ его отпѣвали. Да, ужъ не будешь полевать съ нимъ.

Два дня до смерти читалъ онъ мнѣ свои записки объ охотѣ и много говорилъ о тебѣ. Онъ говорилъ о тебѣ, что ты всѣмъ отъ Бога сдѣланъ счастливымъ человѣкомъ и самъ себя мучаешь. Я только на второй день хватился сдѣлать его портретъ и маску. Потретъ уже не засталъ его удивительнаго выраженія, но маска прелестна.

Гіера,
1860 г., сент.

Къ Д. А. Дьякову [1]).

Благодарствуй за каталоги и за письмо, любезный другъ. Все прекрасно. Списокъ журналамъ я самъ составлю. Душевно радуемся мы съ сестрой, что жену твою мучили не напрасно. Богъ дастъ я увижу ее здоровой, а то ужъ это слишкомъ бы было скверно. Я все подумываю о поѣздкѣ въ Парижъ и Лондонъ, но кашель не проходитъ и задерживаетъ меня. Машенька тебѣ очень кланяется. Здоровье ея кажется получше, но едва ли она пріѣдетъ въ Парижъ. Чего ты можетъ быть не знаешь и что мнѣ

[1]) Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Л—я Н—ча въ его молодости.

хочется сказать тебѣ, это, что отличный человѣкъ и что ты только послушался своего сердца пріѣхалъ къ намъ, а ничего бы нельзя было выдумать для насъ лучше. Я по Машенькѣ вижу и по себѣ чувствую, какъ ты—и никто бы другой не могъ этого сдѣлать—поднялъ насъ.

Прощай, душа моя, всегда мысленно обнимаю тебя.

**Изъ-за границы,
1860 г., осень.**

Къ А. А. Фету.

Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 сентября онъ умеръ, буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Никол. Никол. Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: «да что жъ это такое?» Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ ежели онъ ничего не нашелъ, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужъ вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ. Дня за два я ему говорю: «нужно бы тебѣ удобство въ комнату поставить». «Нѣтъ, говоритъ, я слабъ, но еще не такъ; еще мы поломаемся».

До послѣдней минуты онъ не отдавался ей, все самъ дѣлалъ, все старался заниматься, писалъ, меня спрашивалъ о моихъ писаньяхъ, совѣтовалъ. Но все это, мнѣ казалось, онъ дѣлалъ уже не по внутреннему стремленію, а по принципу. Одно — природа, это осталось до конца. Наканунѣ онъ пошелъ въ свою спальню и упалъ отъ слабости на постель у открытаго окна. Я пришелъ, онъ говоритъ со слезами на глазахъ: «какъ я наслаждался теперь часъ цѣлый». — Изъ земли взятъ и въ землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что тамъ, въ природѣ, которой частью сдѣлаешься въ землѣ, останется и найдется что-нибудь. Всѣ, кто знали и видѣли его послѣднія минуты, говорятъ: «какъ удивительно спокойно, тихо онъ умеръ»; а я знаю, какъ страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло отъ меня. Тысячу разъ я говорю себѣ: «оставьте мертвымъ хоронить

мертвыхъ», но надо же куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть. Нельзя уговорить камень, чтобы онъ падалъ кверху, а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всей мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ, говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье, и добродѣтель, и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. «Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе». Какъ же. Я беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую все таки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: «да что жъ это такое?» Но разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь... Я зиму проживу здѣсь по той причинѣ, что и здѣсь, и все равно жить гдѣ бы то ни было.

Пишите мнѣ, пожалуйста. Я васъ люблю такъ же, какъ братъ васъ любилъ и помнилъ до послѣдней минуты...

Изъ-за границы,
1860 г., окт. 17.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Я только что получилъ ваше письмо, дорогая тетенька, здѣсь, въ Дрезденѣ, куда я пріѣхалъ сегодня утромъ. Я думаю, что вы должны были уже получить нѣсколько писемъ отъ меня и что теперь вы успокоились на мой счетъ.

Я здоровъ и горю желаніемъ вернуться въ Россію. Но разъ я въ Европѣ и не зная, когда снова попаду сюда, вы понимаете, что я хотѣлъ какъ можно больше воспользоваться моимъ путешествіемъ. И, кажется, я это сдѣлалъ. Я везу такое количество впечатлѣній, знаній, что я долженъ бы долго работать, прежде

чѣмъ уложить все это въ моей головѣ. Я разсчитываю остаться въ Дрезденѣ до 10/22 и къ Пасхѣ, во всякомъ случаѣ, предполагаю быть въ Ясной. Отсюда, если къ 25-му не откроется навигація, я ѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ, гдѣ мнѣ нужно быть, чтобы получить разрѣшеніе на журналъ, который я намѣренъ издавать при Яснополянской школѣ.

Напишите мнѣ, пожалуйста, словечко въ Петербургъ (Давыдову, въ книжный магазинъ, на Невскомъ) и скажите, какъ поживаете вы и тетя Поля (цѣлую ея руки) и Сережа, и какъ идетъ все въ Ясной, чтобы я могъ съ веселымъ и спокойнымъ духомъ возвращаться. Прощайте, цѣлую Ваши руки. Я везу съ собой нѣмца изъ университета, — учителя и приказчика, очень милаго и образованнаго, но еще очень молодого и непрактическаго человѣка.

Дрезденъ,
1861 г., апр.

Къ А. А. Фету.

Обнимаю васъ отъ души, любезный другъ Аѳан. Аѳан., за ваше письмо и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фетъ. Ивана Сергѣевича [1]) мнѣ хочется видѣть, а васъ въ десять разъ больше. Такъ давно мы не видались, и такъ много съ нами обоими случилось съ тѣхъ поръ. Вашей хозяйственной дѣятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содѣйствовалъ ей. Не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать. Другъ—хорошо; но онъ умретъ, онъ уйдетъ какъ-нибудь, не поспѣешь какъ-нибудь за нимъ; а природа, на которой женился посредствомъ купчей крѣпости, или отъ которой родился по наслѣдству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и не сговорчивая, и важная, и требовательная, да за то ужъ это такой другъ, котораго не потеряешь до смерти, а и умрешь — все въ нее же уйдешь. Я, впрочемъ, теперь меньше предаюсь этому другу, у меня другія дѣла, втянувшія меня; но все безъ этого сознанія, что она тутъ, какъ повихнулся — есть за кого ухватиться, — плохо бы было жить.

Дай вамъ Богъ успѣха, успѣха, чтобы радовала васъ ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, въ этомъ я не со-

[1]) Тургенева.

мнѣваюсь. Марьѣ Петровнѣ жму руку и прошу меня не забывать. Особенное будетъ несчастье, ежели я не побываю у васъ нынче лѣтомъ, а когда, не знаю.

Ясная Поляна,
1861 г., май 19.

Къ Н. Г. Чернышевскому.

Милостивый государь Николай Гавриловичъ. Вчера вышелъ 1-й № моего журнала [1]). Я васъ очень прошу внимательно прочесть его и сказать о немъ искренно и серьезно ваше мнѣніе въ «Современникѣ». Я имѣлъ несчастье писать повѣсти, и публика, не читая, будетъ говорить: «Да... дѣтство очень мило, но журналъ?..» А журналъ и все дѣло [2]) составляетъ для меня все. Отвѣтьте мнѣ въ Тулу.

Ясная Поляяна,
1862 г., февр. 6.

Къ Т. А. Ергольской.

Chère tante!

Я нынче ѣду изъ Самары за 130 верстъ въ Каралыкъ, Николаевскаго уѣзда. Адресъ мой — въ Самару, Юрію Өедоровичу Самарину, для передачи Л. Н. Т.

Путешествіе я сдѣлалъ прекрасное, мѣсто мнѣ очень нравится, здоровье лучше, т.-е. меньше кашляю. Алексѣй [3]) и ребята [4]) живы и здоровы, что можете сообщить ихъ роднымъ. Пожалуйста, напишите мнѣ о Сережѣ [5]) или онъ самъ. Всѣмъ дорогимъ товарищамъ поклонъ и прошу ихъ писать мнѣ, что и какъ у нихъ дѣлается и живется. Влад. Ив. молодцомъ еще. Съ мѣста напишу вамъ поподробнѣе.

Цѣлую ваши руки. *Л. Толстой.*

Разумѣется, извѣстія о Машенькѣ вы мнѣ сообщите.

Самара,
1862 г., май 27.

---

1) «Ясная Поляна».
2) Народныя школы.
3) Слуга.
4) Два крестьянскихъ мальчика, взятыхъ Л. Н. изъ Ясной Поляны.
5) Братъ Л-а Н-ча.

Къ ней же.

Chère tante!

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я безъ всякихъ извѣстій о васъ и изъ дома, пожалуйста, напишите мнѣ о всѣхъ, во 1) родныхъ, во 2) студентахъ и т. д. Вы вѣрно получили мои 2 письма. Мы съ Алексѣемъ потолстѣли, въ особенности онъ, но кашляемъ немного, тоже въ особенности онъ. Живемъ мы въ кибиткѣ, я нашелъ пріятеля Столыпина — атаманомъ въ Уральскѣ и ѣздилъ къ нему и привезъ оттуда писаря, но диктую и пишу мало. Лѣнь одолѣваетъ при кумысѣ. Черезъ двѣ недѣли я намѣренъ отсюда выѣхать, и потому къ Ильину дню думаю быть дома. Меня мучаетъ неизвѣстность въ этой глуши и еще мысль о томъ, что я безобразно отсталъ въ изданіи журнала [1]). Цѣлую ваши ручки. Пожалуйста, пишите подробно о Сережѣ, Машѣ [2]), студентахъ [3]), которымъ кланяюсь.

При семъ письма ребятъ родителямъ.

Изъ Самарской губ. Каралыкъ,
1862 г., іюнь 28.

Къ гр. А. А. Толстой.

. . . .
. . . .
. . . . Дѣла этого [4]) оставить я никакъ не хочу и не могу. Вся моя дѣятельность, въ которой я нашелъ счастіе и успокоеніе, испорчена. Тетенька больна такъ, что не встанетъ. Народъ смотритъ на меня ужъ не какъ на честнаго человѣка, мнѣніе котораго я заслуживалъ годами, а какъ на преступника, поджигателя или дѣлателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся.

— «Что, братъ? Попался. Будетъ тебѣ толковать намъ объ честности, справедливости, — самого чуть не заковали».

О помѣщикахъ — что и говорить: это стонъ восторга. Напишите мнѣ, пожалуйста, поскорѣй, посовѣтовавшись съ Пе-

---

[1]) «Ясная Поляна».

[2]) Сестра.

[3]) Учителя, приглашенные Л. Н. для занятій въ школахъ.

[4]) Въ Ясной Полянѣ, во время отсутствія Льва Николаевича, былъ сдѣланъ грубый обыскъ со взломомъ письменнаго стола, прочтеніемъ интимныхъ писемъ и проч.

ровскимъ или А. Толстымъ, или съ кѣмъ хотите, — какъ мнѣ написать и какъ передать письмо Государю. Выхода мнѣ нѣтъ другого — какъ получить такое же гласное удовлетвореніе, какъ и оскорбленіе, (поправить дѣло уже невозможно), или экспатріироваться, на что я твердо рѣшился. Къ Герцену я не поѣду; Герценъ самъ по себѣ — и я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю имѣніе, чтобы уѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя знать минутой впередъ, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуютъ и не высѣкутъ, — и уѣду.

. . . .

. . . .

. . . .

Я часто говорю себѣ — какое огромное счастье, что меня не было дома; ежели бы я былъ, то теперь навѣрно бы уже судился, какъ убійца. . . . .

. . . .

. . . .

Ясная Поляна,
1862 г., авг.

Къ А. А. Фету.

Фетушка, дяденька и просто милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ. Хотѣлъ я самъ быть у васъ, но не удается. Когда я васъ увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишкомъ много близкаго, незабываемаго — Николенька, да и кромѣ того. Заѣзжайте познакомиться со мной. Цѣлую руку Марьи Петровны. Прощайте, милый другъ. Обнимаю васъ отъ всей души.

Ясная Поляна,
1862 г., окт. 9.

Къ нему же.

Ваши оба письма одинаково были мнѣ важны, значительны и пріятны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я живу въ мірѣ столь далекомъ отъ литературы и ея критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое — удивленіе. Да кто же такой написалъ «Казаковъ» и «Поликушку»? Да и что разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе, а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покапаешься въ головѣ и най-

дешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу, между старымъ, забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ заглавіемъ художественное. И, сличая съ тѣмъ, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется. Вы правы, разумѣется. Да вѣдь такихъ читателей, какъ вы, мало. «Поликушка» — болтовня на первую попавшуюся тему человѣку, который «и владѣетъ перомъ», а «Казаки» «съ сукровицей», хотя и плохо. Теперь я пишу исторію пѣгаго мѣрина [1]), къ осени, я думаю, напечатаю. Впрочемъ, теперь какъ писать? Теперь незримыя усилія даже зримыя, и притомъ я въ «юхванствѣ» [2]) опять по уши. И Соня [3]) со мной. Управляющаго у насъ нѣтъ, есть помощники по полевому хозяйству и постройкамъ, а она одна ведетъ контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня. И все идетъ понемножку, хотя разумѣется, плохо сравнительно съ идеаломъ. Что вы думаете о польскихъ дѣлахъ? Вѣдь дѣло-то плохо, не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ снимать опять мечъ съ заржавленнаго гвоздя?..

Что ежели мы пріѣдемъ въ Никольское, — увидимъ мы васъ? Когда вы будете у Борисовыхъ? Не пригонимъ ли мы такъ, чтобы вмѣстѣ съѣхаться? Прощайте. Марьѣ Петровнѣ мой душевный поклонъ. Соня и тетенька кланяются.

Ясная Поляна,
1863 г., апр.

Къ гр. С. А. Толстой [4]).

. . . .

...Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно съ людьми. На охотѣ, я забываю, помню объ одномъ дупелѣ, но съ людьми, при всякомъ столкновеніи, словѣ, я вспоминаю о тебѣ, и все мнѣ хочется сказать тебѣ то, что я никому, кромѣ тебя, не могу сказать.

Село Никольское,
1864 г., авг.

---

[1]) Повѣсть «Холстомѣръ».

[2]) «Юхванствомъ» или «юфанствомъ» въ шутку называли увлеченіе Л. Н-ча земледѣльческими работами. Слово «юфанство» отъ имени рабочаго Юфана, пріемамъ котораго подражалъ Л. Н.

[3]) Жена Л. Н.

[4]) Жена Л. Н-ча.

Къ ней же.

. . . .

Страшный тамъ случай, поразившій меня ужасно. Баба скотница упустила бадью въ колодецъ на конномъ дворѣ. Колодецъ всего 12 аршинъ. Сѣла на палку и велѣла себя спустить мужику. Мужикъ, староста-пчеловодъ, единственный мнѣ знакомый и милый въ Никольскомъ; баба слѣзла внизъ и упала съ палки. Мужикъ староста велѣлъ себя спустить, долѣзъ до половины, упалъ съ палки внизъ. Побѣжали за народомъ, вытащили черезъ полчаса — оба мертвые. Въ колодцѣ было всего три четверти воды, вчера хоронили.

. . . .

Село Никольское.
Авг., 1864 г.

Къ А. А. Фету.

Все собираюсь, собираюсь писать вамъ, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и откладываю, оттого, что хочется много написать. А кромѣ многаго надо написать малое нужное. Вотъ что: получивъ ваше письмо, мы ахнули.

Вотъ какъ онъ хорошо про собачій воротникъ, проѣденный молью, говоритъ, а ѣдетъ-таки въ Москву.

Я, какъ болѣе опытный человѣкъ, не удивился и не ахнулъ. Одно, что насъ обоихъ занимаетъ, это то, когда вы ѣдете въ Москву? И главное, когда вы будете у насъ? Надѣемся, что поѣздка въ Москву не измѣнитъ плана погостить у насъ. Мы васъ обоихъ еще разъ оба очень объ этомъ просимъ. Мы сами ѣдемъ въ Москву послѣ праздниковъ, т.-е. въ половинѣ января и пробудемъ до февраля. Когда же вы будете у насъ: до или послѣ? Пожалуйста напишите. Что вы подѣлываете? Какъ хозяйство? Не пишете ли что? У насъ все хорошо. Дѣти и жена здоровы. Хозяйствомъ я передъ вами похвастаюсь, когда вы пріѣдете. И я довольно много написалъ нынѣшнюю осень своего романа. «Ars longa, vita brevis», — думаю я всякій день. Коли можно бы было успѣть $^1/_{100}$ долю исполнить того, что понимаешь, но выходитъ только $^1/_{10000}$ часть. Все-таки это сознаніе, что могу,— составляетъ счастіе нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынѣшній годъ съ особенной силой его испытываю. Ну и прощайте. Обнимаю васъ, кланяюсь вашей женѣ. Напишите же, пожалуйста, когда навѣрное вы будете у насъ. Мы хотимъ васъ помѣстить получше, чтобы вы подольше у насъ погостили. Не говорите: «ничего не нужно» и т. п. — вы лишите насъ огромнаго

удовольствія, на которое мы съ осени разсчитывали, — подольше побыть съ вами. У насъ теперь гости: сестра съ дочерьми, на праздникъ пріѣдутъ Д—ы и Феты, и всѣмъ будетъ хорошо, ежели вы напишете навѣрное.

Ясная Поляна,
1864 г., конецъ ноября.

Къ Т. А. Берсъ [1]).

. . . .

Да, вотъ я разсуждаю уже 2-й день, что очень грустно, оттого что на свѣтѣ всѣ эгоисты, изъ которыхъ первый я самъ. Я не упрекаю никого, но думаю, что это очень скверно и что нѣтъ эгоизма только между мужемъ и женой, когда они любятъ другъ друга. Мы живемъ теперь два мѣсяца одни одинешеньки съ дѣтьми, которыя первые эгоисты, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Въ Пироговѣ насъ забыли и въ Москвѣ, думаемъ, тоже. И самъ понемножку забываешь. Я не могу разсказать, что я хочу, но ты очень молода и потому, можетъ быть, поймешь, а мнѣ два дня все это одно въ головѣ. И особенно Феты навели меня на эту мысль. Какъ хорошо тому жить и съ тѣмъ жить, кто умѣетъ любить. Ты, пожалуйста, напиши (все равно, правда ли, неправда ли), что ты насъ любишь — для насъ. Я Дорку (собачку) полюбилъ за то, что она не эгоистка. Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться другому счастью. Ты никому не читай, что я пишу, а то подумаютъ, что я съ ума сошелъ. Я только проснулся и въ головѣ сумбуръ и раздраженіе, какъ будто бы мнѣ 15 лѣтъ и все хочется понять, чего нельзя понять, и ко всѣмъ чувствуешь нѣжность и раздраженіе. Мы тебя скоро увидимъ. Это очень хорошо. Прощай, напиши намъ подробнѣе о себѣ. Хотя это моя дичь и не стоитъ того...

. . . .

Ясная Поляна,
1865 г., февр.

Къ Т. А. Ергольской.

(По-французски.)

Cèhre tante!

Мы все живемъ по-старому. Соня и дѣти, слава Богу, здоровы. У Берсовъ тоже все хорошо. Мы видаемся съ ними каждый день и каждый день кто-нибудь у насъ или мы у кого-нибудь бываемъ—

---

1) Свояченица Л. Н.

Перфильевы, Горчаковы, Оболенскій маленькій съ женою. Нынче у меня будетъ Чичеринъ, котораго вы такъ любите и который все такой же. Я думаю, Соня вамъ припишетъ еще, я же, признаюсь, тороплюсь и пишу съ тѣмъ, чтобы попросить васъ о милости. Я послалъ вчера на ваше имя сѣмянъ. Будьте такъ добры, отдайте ихъ садовнику и скажите, чтобы сѣмена оранжерейныхъ растеній, какъ-то: азалій, камелій, акацій и т. п., не сѣялъ до моего пріѣзда, ежели онъ не знаетъ вѣрно, въ какой землѣ и какъ ихъ надо сѣять. Мы еще не получали отъ васъ ничего; пожалуйста, напишите намъ два слова, чтобы только мы знали, что вы здоровы. Что Сережа и Машенька съ дѣтьми?

Москва,
1865 г., мартъ 8.

Къ А. А. Фету.

Простите меня, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что долго не отвѣчалъ вамъ. Не знаю, какъ это случилось. Правда, въ это время было больно одно изъ дѣтей, и я самъ едва удержался отъ сильной горячки и лежалъ три дня въ постели. Теперь у насъ все хорошо и даже очень весело. У насъ Таня, потомъ сестра съ своими дѣтьми, и наши дѣти здоровы и цѣлый день на воздухѣ. Я все пишу понемножку и доволенъ своей работой. Вальдшнепы все еще тянутъ, и я каждый вечеръ стрѣляю *по нимъ*, т.-е. преимущественно мимо. Хозяйство мое идетъ хорошо, т.-е. мало тревожитъ меня,—все, что я отъ него требую. Вотъ все про меня. На вашъ вопросъ упомянуть о Ясной Полянѣ-школѣ, я отвѣчаю отрицательно. Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее (Я. П.) журналы забыли, и мнѣ не хочется напоминать, не потому, чтобы я отрекался отъ выраженнаго тамъ, но, напротивъ, потому, что не перестаю думать объ этомъ, и ежели Богъ дастъ жизни, надѣюсь еще изъ всего этого составить книгу, съ тѣмъ заключеніемъ, которое вышло для меня изъ моего 3-хлѣтняго страстнаго увлеченія этимъ дѣломъ. Я не понялъ вполнѣ то, что вы хотите сказать въ статьѣ, которую вы пишете; тѣмъ интереснѣе будетъ услышать отъ васъ, когда свидимся. Наше дѣло землевладѣльческое теперь подобно дѣламъ акціонера, который бы имѣлъ акціи, потерявшія цѣну и не имѣющія хода на биржѣ. Дѣло очень плохо. Я для себя рѣшаю его только такъ, чтобы оно не требовало отъ меня столько вниманія и участія, чтобы это участіе лишало меня моего спокойствія. Послѣднее время я своими дѣлами доволенъ, но общій ходъ

дѣлъ, т.-е. предстоящее народное бѣдствіе голода съ каждымъ днемъ мучаетъ меня больше и больше. Такъ странно и даже хорошо и страшно. У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, молодыя наши дамы въ кисейныхъ платьяхъ, рады, что жарко и тѣнь, а тамъ этотъ злой чортъ голодъ дѣлаетъ уже свое дѣло, покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохнувшей землѣ и обдираетъ мозольные пятки мужиковъ и бабъ и трескаетъ копыта у скотины. Право, страшная у насъ погода, хлѣба и луга. Какъ у васъ? Напишите повѣрнѣе и поподробнѣе. Боткинъ у васъ. Пожмите ему отъ меня руку. Зачѣмъ онъ ко мнѣ не заѣхалъ? Я на-дняхъ ѣду въ Никольское еще одинъ безъ семьи и потому не надолго и къ вамъ не пріѣду. Но то-то хорошо было бы, коли бы въ это же время судьба принесла васъ къ Борисову. Кланяюсь отъ себя и жены Марьѣ Петровнѣ. Мы въ іюнѣ намѣрены со всею семьей переѣхать въ Никольское; тогда увидимся, и уже навѣрное буду у васъ.

Что за злая судьба на васъ? Изъ вашихъ разговоровъ я всегда видѣлъ, что одна только въ хозяйствѣ была сторона, которую вы сильно любили и которая радовала васъ,—это коннозаводство, и на нее-то и обрушилась бѣда. Приходится вамъ опять перепрягать свою колесницу, а «юхванство» перепрячь изъ оглобель на пристяжку, а мысль и художество ужъ давно у васъ переѣзжены въ корень. Я ужъ перепрягъ и гораздо покойнѣе поѣхалъ.

«Довольно» мнѣ не нравится. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тутъ субъективность полная безжизненнаго страданія.

Ясная Поляна,
1865 г., май 16.

Къ Т. А. Ергольской.

Мы вчера переѣхали на квартиру, гдѣ намѣрены прожить до 23-го. До сихъ поръ нашъ переѣздъ и наше пребываніе въ Москвѣ совершенно удачны и пріятны. Мы и дѣти здоровы, наши родные тоже. Квартиру мы наняли на Дмитровкѣ, въ домѣ Хлудова, бельэтажъ, въ шесть комнатъ, прекрасно меблированныхъ, съ дровами, съ самоваромъ, водой, всей посудой, серебромъ и бѣльемъ столовымъ, за 155 руб. въ мѣсяцъ, наняли повара за 10 руб. въ мѣсяцъ, такъ что мы проживемъ это время, какъ дома, со всѣми удобствами. Мы отъ васъ не получили еще ни одного письма. Напишите намъ пожалуйста. Мы разберемъ,

какъ бы вы ни написали. Соня вамъ, вѣрно, напишетъ въ этомъ же письмѣ и опишетъ все о Сереженькѣ, что васъ, мы знаемъ, больше всего интересуетъ. Онъ дня три тому назадъ было закашлялся, и надо было видѣть испугъ дѣдушки и бабушки. Они не меньше насъ любятъ нашихъ дѣтей. Для больной Тани призывали специалиста доктора, и онъ утѣшилъ насъ, увѣряя, что у ней нѣтъ еще грудной болѣзни. Но онъ сказалъ, что ее надо беречь. Она, было, очень ослабѣла отъ лихорадки, которая у нея продолжалась и здѣсь, но теперь уже третій день, какъ ея нѣтъ.

Вчера я былъ у Горчаковыхъ и узналъ новость, которая вѣрно удивитъ васъ: Елена держитъ экзаменъ въ университетѣ и исполняетъ должность начальницы женской гимназіи за Москвой рѣкой и тамъ и живетъ одна. Видѣлись ли вы съ Машенькой? Что она? Мы ей, вѣроятно, напишемъ нынче же. Что Сережа? Былъ ли у васъ? Сдѣлайте милость, тетенька, сыщите у меня въ кабинетѣ, въ книжномъ шкафу, на третьей полочкѣ сверху, пачки писемъ Марьи Ап. Волковой и, уложивъ ихъ въ клеенку, пошлите по почтѣ ко мнѣ. Съ этой же почтой я пишу А. Н. Бибикову съ просьбой, чтобы онъ изрѣдка заглядывалъ бы ко мнѣ и присмотрѣлъ за моимъ хозяйствомъ и исполнялъ бы ваши порученія. Будьте такъ добры, передайте отъ меня старостѣ, чтобъ онъ во всемъ слушался его. Прощайте, chère tante. Со всѣмъ семействомъ цѣлую ваши руки. Таня и все Берсовское семейство дѣлаютъ тоже. Прикажите старостѣ каждую недѣлю черезъ Дуняшу писать мнѣ.

Москва,
1866 г., янв.

Къ А. А. Фету.

Милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо сто лѣтъ тому назадъ, и виноватъ за это тѣмъ болѣе, что, помню, въ этомъ письмѣ вы мнѣ пишете очень мнѣ интересныя вещи о моемъ романѣ, и еще пишете irritabilis poetarum gens. Ну, ужъ не я. Я помню, что порадовался, напротивъ, вашему сужденію объ одномъ изъ моихъ героевъ—князѣ Андреѣ, и вывелъ для себя поучительное изъ вашего сужденія. Онъ однообразенъ, скученъ и только un homme comme il faut во всей первой части. Это правда, но виноватъ въ этомъ не онъ, а я. Кромѣ замысла характеровъ и движенія ихъ, кромѣ замысла столкновеній характеровъ, есть у меня еще замыселъ историческій, который чрезвычайно усложняетъ мою работу,

и съ которой я не справляюсь, какъ кажется. И отъ этого въ 1-й части я занялся исторической стороной, а характеръ стоитъ и не движется. И это недостатокъ, который я ясно понялъ вслѣдствіе вашего письма и, надѣюсь, что исправилъ. Пожалуйста, пишите мнѣ, милый другъ, все, что вы думаете обо мнѣ, т.-е. о моемъ писаніи, дурного. Мнѣ всегда это въ великую пользу, а кромѣ васъ у меня никого нѣтъ. Я вамъ не пишу по четыре мѣсяца и рискую, что вы проѣдете въ Москву, не заѣхавъ ко мнѣ, а все-таки вы человѣкъ, котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ, кромѣ единаго, будетъ сытъ человѣкъ. Пишу вамъ главное затѣмъ, чтобы умолять васъ заѣхать къ намъ, когда вы поѣдете «обнимать». На что это похоже, что мы такъ подолгу не видимся! Жена и я слезно просимъ Марью Петровну заѣхать къ намъ. Я на-дняхъ, одинъ, т.-е. съ сестрой Таней, ѣду на короткое время въ Москву. Ее я отвожу къ родителямъ, а самъ ѣду для того, чтобы печатать 2-ю часть своего романа. Что вы дѣлаете? Не по земству, не по хозяйству, — это все дѣла несвободныя человѣка. Это вы и мы дѣлаемъ такъ же стихійно и несвободно, какъ муравьи копаютъ кочку, и въ этомъ родѣ дѣлъ нѣтъ ни хорошаго, ни дурного; — а что вы дѣлаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будетъ на свѣтѣ. Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Какъ выражается? И не разучилась ли выражаться? Это главное. Прощайте, милый другъ, обнимаю васъ; и отъ себя и отъ жены прошу передать душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ, которую мы надѣемся у себя видѣть и очень о томъ просимъ.

Ясная Поляна,
1866 г., ноябрь 7.

Къ нему же.

Ежели бы я вамъ писалъ, милый другъ Аѳан. Аѳан., всякій разъ, какъ я о васъ думаю, то вы бы получали отъ меня по два письма въ день. А всего не выскажешь и, кромѣ того, то лѣнь, а то слишкомъ занятъ, какъ теперь. На-дняхъ я пріѣхалъ изъ Москвы и предпринялъ строгое лѣченіе, подъ руководствомъ Захарьина, и, главное, печатаю романъ въ типографіи Риса, готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и долженъ такъ день за день подъ страхомъ штрафа и несвоевременнаго выхода. Это и пріятно и тяжело, какъ вы знаете.

О «Дымѣ» я вамъ писать хотѣлъ давно и, разумѣется, то самое, что вы мнѣ пишете. Отъ этого-то мы и любимъ другъ друга, что одинаково думаемъ умомъ сердца, какъ вы называете. (Еще за это письмо вамъ спасибо большое. Умъ ума и умъ сердца — это мнѣ многое объяснило.) Я про «Дымъ» думаю то, что сила поэзіи лежитъ и въ любви; направленіе этой силы зависитъ отъ характера. Безъ силы любви нѣтъ поэзіи; ложно направленная сила, — непріятный, слабый характеръ поэта претитъ. Въ «Дымѣ» нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Вы видите,— это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказать это мнѣніе, потому что я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю; но, кажется, мое впечатлѣніе общее всѣмъ. Еще одинъ кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ 20-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды — силы. — Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣнибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я это вамъ говорилъ потому, что долгъ платежомъ красенъ и что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи,—нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю.—Хотѣлъ еще писать, но пріѣхали гости и помѣшали. Прощайте, обнимаю васъ, милый другъ, и цѣлую руку Марьи Петровны и прошу за меня пожать руку Борисову, у котораго надѣюсь быть осенью. Я адресую во Мценскъ, потому что вы тамъ на выборахъ. Мнѣ такъ хочется васъ видѣть, что я бы пріѣхалъ къ вамъ, ежели бы было возможно. Благодѣтель, голубчикъ, пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ.

Ясная Поляна,
1867 г., іюнь 27.

Къ нему же.

Получилъ ваше письмо и отвѣчаю не столько на него, сколько на свои мысли о васъ. Ужъ вѣрно я не менѣе вашего тужу о томъ, что мы такъ мало видимся. Я дѣлалъ планы пріѣхать къ вамъ и дѣлаю еще. Но до сихъ поръ вотъ не готовъ шестой томъ,

который я думалъ кончить мѣсяцъ тому назадъ, — до сихъ поръ, хотя весь давно набранъ, — не конченъ.

Знаете ли, что было для меня нынѣшнее лѣто? — Неперестающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ, такъ себѣ, кое-что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое-что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что кромѣ идіотовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Жду васъ съ нетерпѣніемъ къ себѣ. Иногда душитъ неудовлетворенная потребность въ родственной натурѣ, какъ ваша, чтобы высказать все накопившееся.

Уже написавъ это письмо, рѣшилъ окончательно свою поѣздку въ Пензенскую губернію для осмотра имѣнія, которое я намѣреваюсь купить въ тамошней глуши. Я ѣду завтра 31-го и вернусь около 14-го. Васъ же жду къ себѣ и прошу вмѣстѣ съ женой къ ея именинамъ, т.-е. пріѣхать 15-го и пробыть у насъ, по крайней мѣрѣ, дня три.

Ясная Поляна,
1869 г., авг. 30.

Къ гр. С. А. Толстой.

. . . .

Что съ тобой и дѣтьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь безпокойствомъ. Третьяго дня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ и со мной было что-то необыкновенное. Было два часа ночи, я усталъ страшно, хотѣлось спать и ничего не болѣло. Но вдругъ на меня напала тоска, страхъ, ужасъ, такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. Подробности этого чувства я тебѣ разскажу впослѣдствіи, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывалъ и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство въ гораздо меньшей

степени возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не поддавался ему, тѣмъ болѣе, что оно и было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Въ эту поѣздку я въ первый разъ почувствовалъ, до какой степени я сросся съ тобой и съ дѣтьми. Я могу оставаться одинъ въ постоянныхъ занятіяхъ, какъ я бываю въ Москвѣ, но какъ теперь, безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ.

. . . .

Изъ Пензенской губ.,
1869 г., сент.

Къ А. А. Фету.

Письмо ваше, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ я 1-го февраля. Но даже если бы получилъ и нѣсколько прежде, я не могъ бы ѣхать. Вы мнѣ пишете: «я о д и н ъ, о д и н ъ...» А я читаю и думаю: вотъ счастливецъ—о д и н ъ. А у меня жена, трое дѣтей, четвертый грудной, двѣ старухи тетки, нянька и двѣ горничныя. И все это вмѣстѣ больно: лихорадка и жаръ, слабость, головная боль, кашель. Въ такомъ положеніи застало меня ваше письмо. Теперь начинаютъ поправляться; но за столомъ еще обѣдаю я со старухой теткой изъ десяти человѣкъ. Да и я второй день боленъ грудью и бокомъ. Какъ только поправимся, то пріѣду къ вамъ. Многое, очень многое хочется вамъ сообщить. Я очень много читалъ Шекспира, Гёте, Пушкина, Гоголя, Мольера,—и обо всемъ этомъ многое хочется вамъ сказать. Я нынѣшній годъ не получаю ни одного журнала и ни одной газеты и нахожу, что это очень полезно. Пожалуйста, пишите мнѣ изрѣдка, чтобы мнѣ знать, можно ли застать васъ дома.

Ясная Поляна,
1870 г., февр. 4.

Къ нему же.

Получилъ ваше письмо уже съ недѣлю, но не отвѣчалъ, потому что съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. И судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня отъ Борисова, ваша кожа, отдаваемая за пергаментъ для моего диплома греческаго, находится въ опасности. Невѣроятно и ни на что не похоже. Но я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre

ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія.

Жду съ нетерпѣніемъ случая показать-кому-нибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на меня Богъ наслалъ эту дурь. Во-первыхъ, я наслаждаюсь, во-вторыхъ, убѣдился, что изо всего истинно прекраснаго и простого прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ— и знаютъ, но не понимаютъ; въ-третьихъ,—тому, что я не пишу и писать дребедени многословной никогда не стану. И виноватъ, и ей-Богу никогда не буду. Ради Бога объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басенъ Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ. Сколько я теперь ужъ могу судить, Гомеръ только изгаженъ нашими взятыми съ нѣмецкаго образца переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дистилированная вода и вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ, эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать. Можете торжествовать: безъ знанія греческаго—нѣтъ образованія. Но какое знаніе? Какъ его пріобрѣтать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные, какъ день, доводы.

Вы не пишите ничего о Марьѣ Петровнѣ, изъ чего съ радостью заключаемъ, что ея выздоровленіе хорошо подвигается. Мои всѣ здоровы и вамъ кланяются.

1870 г., дек.

Къ гр. С. А. Толстой.

. . . .

Обѣжалъ выставку [1]) и немного опоздалъ. Я подъѣзжалъ къ дебаркадеру, былъ второй звонокъ, и билетовъ не выдаютъ. Первое лицо я встрѣчаю растрепаннаго барина съ барыней, который мнѣ кричитъ: хотите взять билетъ? Я взялъ, но вещи мои не пріѣхали и билетъ пропадаетъ. Я говорю: мнѣ до Нижняго; онъ говоритъ: и я до Нижняго. Я говорю: мнѣ нельзя одинъ

---

[1]) Въ Москвѣ.

билетъ, мнѣ два. Онъ говоритъ: у меня два. Я заплатилъ барину двадцать рублей, вскочилъ въ вагонъ, третій звонокъ и поѣхалъ.

Къ чему это—не знаю. Но необыкновенно.

. . . .

**По дорогѣ между Москвой и Н.-Новгородомъ,
1871 г., іюнь.**

Къ ней же.

. . . .

Съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда [1]), каждый день въ шесть часовъ вечера начинается тоска, какъ лихорадка, тоска физическая, ощущеніе которой я не могу лучше передать, какъ то, что душа съ тѣломъ разстается. Душевной тоски о тебѣ я не позволяю подниматься. И никогда не думаю о тебѣ и дѣтяхъ, и оттого не позволяю себѣ думать, что всякую минуту готовъ думать, а стоитъ раздуматься, то сейчасъ уѣду. Состоянія я своего не понимаю: или я простудился въ кибиткѣ въ первыя холодныя ночи, или кумысъ мнѣ вреденъ, но въ три дня, которые я здѣсь, мнѣ хуже. Главное слабость, тоска, хочется играѣть въ милашку и плакать, а ни съ башкирами, ни со Степой это неудобно.

. . . .

Больнѣе мнѣ всего за себя то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя одной десятой того, что есть. Нѣтъ умственныхъ и, главное, поэтическихъ наслажденій. На все смотрю, какъ мертвый, то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть, понимаю, соображаю, но не вижу насквозь съ любовью, какъ прежде. Если и бываетъ поэтическое расположеніе, то самое кислое, плаксивое, и хочется плакать.

. . . .

Ново и интересно многое: башкирцы, отъ которыхъ Геродотомъ пахнетъ, и русскіе мужики, и деревни, особенно прелестныя по простотѣ и добротѣ народа.

. . . .

**Изъ Самарской губ.,
1871 г., іюнь 18.**

---

[1]) На кумысъ.

Къ ней же.

. . . .

Поѣздка наша продолжалась 4 дня и удалась прекрасно. Дичи пропасть, дѣвать некуда, утокъ пропасть и ѣсть некому. И башкиры, и мѣста, гдѣ мы были, и товарищи наши—прекрасны. Принимали насъ вездѣ съ гостепріимствомъ, которое трудно описать. Куда пріѣзжаешь, хозяинъ закалываетъ жирнаго курдютскаго барана, становитъ огромную кадку кумыса, стелетъ ковры и подушки на полу, сажаетъ на нихъ гостей и не выпускаетъ, пока не съѣдятъ его барана и не выпьютъ его кумыса. Изъ рукъ поитъ гостей и руками (безъ вилки въ ротъ) кладетъ гостямъ баранину и жиръ, и нельзя его обидѣть. Много было смѣшного. Мы съ Костенькой пили и ѣли съ удовольствіемъ, и это намъ, очевидно, было въ пользу, но Степа и баронъ были смѣшны и жалки, особенно баронъ. Ему хотѣлось не отставать, онъ пилъ, но подъ конецъ его вырвало на ковры, и потомъ когда мы на обратномъ пути намекнули не заѣхать ли опять къ гостепріимному башкиру, то онъ чуть не со слезами сталъ просить, чтобы не ѣздили.

. . . .

Изъ Самарск. губ.,
1871 г., іюнь.

Къ А. А. Фету.

Благодарю васъ за ваше письмо, любезный другъ. Кажется, что жена сдѣлала фальшивую тревогу, отославъ меня на кумысъ и убѣдивъ меня, что я боленъ. Какъ бы то ни было, теперь, послѣ 4-хъ недѣль, я, кажется, совсѣмъ оправился. И какъ слѣдуетъ при кумысномъ лѣченіи,—съ утра до вечера пьянъ, потѣю и нахожу въ этомъ удовольствіе. Здѣсь очень хорошо, и если бы не тоска по семьѣ, я былъ бы совершенно счастливъ здѣсь. Если бы начать описывать, то я исписалъ бы сто листовъ, описывая здѣшній край и мои занятія. Читаю и Геродота, который съ подробностью и большою вѣрностью описываетъ тѣхъ самыхъ галакто-фаговъ-скифовъ, среди которыхъ я живу.

Вчера началъ писать это письмо и писалъ, что я здоровъ. Нынче опять болитъ бокъ. Самъ не знаю, насколько я нездоровъ, но нехорошо уже то, что принужденъ и не могу не думать о моемъ бокѣ и груди. Жара третій день стоитъ страшная. Въ ки-

биткѣ накалено, какъ на полкѣ, но мнѣ это пріятно. Край здѣсь прекрасный, по своему возрасту только что выходящій изъ дѣвственности по богатству, здоровью и въ особенности по простотѣ и неиспорченности народа. Я, какъ и вездѣ, примѣриваюсь, не купить ли имѣніе. Это мнѣ занятіе и лучшій предлогъ для узнанія настоящаго положенія края. Теперь остается 10 дней до шести недѣль, тогда напишу вамъ и устроимся, чтобы увидѣться. Помогай вамъ Богъ съ вашими трудами. Хомутовъ на васъ много: и труднѣе и интереснѣе всѣхъ Петя. Поцѣлуйте его за меня. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Изъ Уфимской губ.,
1871 г., іюль 18.

Къ Н. Н. Страхову.

. . . .

Знаете ли, что меня въ васъ поразило болѣе всего? Это выраженіе вашего лица, когда вы разъ, не зная, что я въ кабинетѣ, вошли изъ сада въ балконную дверь. Это выраженіе чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мнѣ васъ, разумѣется съ помощью того, что вы писали и говорили. Я увѣренъ, что вы предназначены къ чисто философской дѣятельности. Я говорю «чисто», въ смыслѣ отрѣшенія отъ поэтическаго, религіознаго объясненія вещей. Ибо философія чисто умственная есть уродливое западное произведеніе, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе мыслители не понимали ее такъ. У васъ есть одно качество, которое я не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ: это—при ясности и краткости изложенія мягкость, соединенная съ силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами. Я не знаю содержанія вашего предполагаемаго труда, но заглавіе мнѣ очень нравится, если оно опредѣляетъ содержаніе въ общемъ смыслѣ. Но да не будетъ это статья, но, пожалуйста, сочиненіе. Но бросьте развратную журнальную дѣятельность. Я вамъ про себя скажу: вы, вѣрно, испытываете то, что я испытывалъ тогда, когда жилъ, какъ вы, въ суетѣ, что изрѣдка выпадаютъ въ мѣсяцы часы досуга и тишины, во время которыхъ вокругъ тебя устанавливается понемногу ничѣмъ не нарушимая своя собственная атмосфера и въ этой атмосферѣ всѣ жизненныя явленія начинаютъ размѣщаться такъ, какъ они должны быть и суть для тебя, и чувствуешь себя и свои силы: какъ измученный человѣкъ послѣ бани. И въ эти-то минуты для себя (не для другихъ) истинно хочется работать и бываешь счастливъ однимъ

сознаніемъ себя и своихъ силъ, иногда и работы. Это-то чувство вы, я думаю, испытываете, и нерѣдко и я прежде, теперь же это мое нормальное положеніе, и только изрѣдка я испытываю ту суету, въ которой и вы меня застали и которая только изрѣдка перерываетъ это состояніе. Вотъ этого-то я бы желалъ вамъ.

. . . .

Ясная Поляна,
1872 г.

Къ нему же.

. . . .

Огромныхъ денегъ я не жду за книгу и даже увѣренъ, что хотя и слѣдовало бы, ихъ не будетъ; первое изданіе разойдется сейчасъ же, а потомъ особенности книги разсердятъ педагоговъ, всю книгу растащатъ по хрестоматіямъ; и книга не пойдетъ. Имѣютъ свои судьбы книги, и авторы чувствуютъ эти судьбы. Такъ и вы знаете, что ваша книга хороша, и я это знаю, но вы чувствуете, что она не пойдетъ. Издавая «Войну и миръ», я знаю, что она исполнена недостатковъ, но знаю, что она будетъ имѣть тотъ самый успѣхъ, какой она имѣла, а теперь вижу очень мало недостатковъ въ Азбукѣ, знаю ея огромное преимущество надъ всѣми такими книгами и не жду успѣха, именно того, который должна имѣть учебная книга.

. . . .

1872 г.

Къ А. А. Фету.

Какъ мнѣ грустно было узнать, что вы были въ Москвѣ и еще хуже, что, когда я на-дняхъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву, я узналъ, что вы наканунѣ уѣхали. Какъ же было не написать мнѣ словечко о своемъ положеніи? Я могу не переписываться по годамъ со своими друзьями, но когда другъ въ бѣдѣ, то ужасно совѣстно и больно не знать. Напишите, какъ вы теперь? Не зарабатывайтесь своимъ судействомъ. Вы мнѣ это проповѣдываете, а вамъ едва ли не нужнѣе, я ужъ лѣтъ 9 не помню васъ хоть на денекъ спокойнымъ и свободнымъ. Въ Москвѣ теперь хотѣлъ съѣздить къ Боткину, чтобы разузнать про васъ, но самъ заболѣлъ, пролежалъ и больной насилу добрался домой. Теперь лучше. Дома все хорошо; и домъ вы нашъ не узнаете:

мы всю зиму ужъ пользуемся новой пристройкой. Еще новость, это — что я опять завелъ школу, и жена, и дѣти, мы всѣ учимъ и всѣ довольны. Я кончилъ свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочиненіе, котораго не только въ письмѣ, но и на словахъ едва ли разскажу, несмотря на то, что вы тотъ, кому можно разсказать. Теперь пишу и вспоминаю, какъ давно мы потерялись изъ виду. Напишите, пожалуйста, поподробнѣе. Жена и я просимъ передать душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ. Какъ ея здоровье? Прощайте.

. . . .

Ясная Поляна,
1872 г., февр. 20.

Къ А. Ф. Писемскому.

Милостивый Государь Алексѣй Ѳеофилактовичъ.

Отъ всей души благодарю васъ за ваше письмо и присылку книги. Кромѣ удовольствія вашего письма, это сдѣлало то, что я второй разъ прочелъ вашъ романъ [1]) и второе чтеніе только усилило то впечатлѣніе, о которомъ я говорилъ вамъ. Третья часть, которую я еще не читалъ тогда, такъ же прекрасна, какъ первыя главы, которыя меня при первомъ чтеніи привели въ восторгъ. Одно только непріятное впечатлѣніе произвели на меня ваши письма, это то, что мнѣ стало совѣстно, что я не былъ у васъ.

Въ первый разъ, какъ буду, устроюсь, чтобы провести у васъ вечеръ. Перфильевъ, впрочемъ, знаетъ, какой я всегда шальной въ Москвѣ.

. . . .

1872 г., мартъ 3.

Къ Н. Н. Страхову.

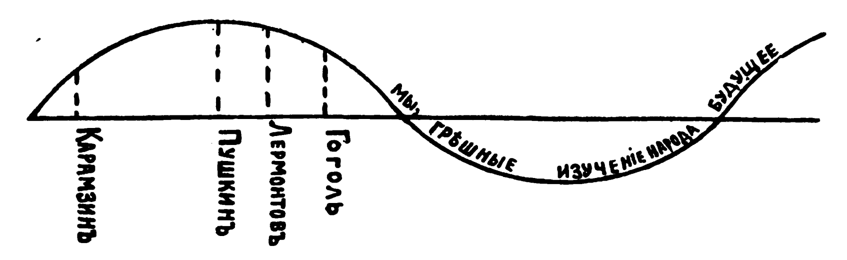
. . . .

Замѣтили ли вы въ наше время въ мірѣ русской поэзіи связь между двумя явленіями, находящимися между собой въ обратномъ отношеніи: упадокъ поэтическаго творчества всякаго рода—

---

[1]) Дѣло, вѣроятно, идетъ о романѣ Писемскаго «Въ водоворотѣ», изданномъ въ 1872 г. и ранѣе напечатанномъ въ «Бесѣдѣ» С. В. Юрьева 1871 г.

музыки, живописи, поэзіи и стремленіе къ изученію русской народной поэзіи всякаго рода, — музыки, живописи и украшенія, и поэзіи. Мнѣ кажется, что это даже не упадокъ, а смерть съ залогомъ возрожденія въ народности. Послѣдняя волна, поэтическая парабола, была при Пушкинѣ на высшей точкѣ,

потомъ Лермонтовъ, Гоголь, мы грѣшные, и ушла подъ землю, другая линія пошла въ изученіе народа и выплыветъ, Богъ дастъ, а Пушкина періодъ умеръ, совсѣмъ сошелъ на-нѣтъ.

Вы понимаете, вѣроятно, что я хочу сказать. Счастливы тѣ, кто будетъ участвовать въ выплываніи. Я надѣюсь.

. . . .

Ясная Поляна,
1872 г., мартъ.

Къ гр. А. А. Толстой.

Любезный другъ Alexandrine, — вы одна изъ тѣхъ людей, которые всѣмъ существомъ своимъ говорятъ своимъ друзьямъ: «Я раздѣляю съ тобой твои горести, а ты раздѣли со мной свои радости». 1) И я вотъ, всегда разсказывающій вамъ о своемъ счастіи, теперь ищу вашего сочувствія въ моемъ горѣ. Нежданно, негаданно на меня обрушилось событіе, измѣнившее всю мою жизнь.

. . . .
. . . .
. . . .

Страшно подумать, страшно вспомнить о всѣхъ мерзостяхъ, которыя мнѣ дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать. Съ сѣдой бородой, съ шестью дѣтьми и съ сознаніемъ полезной и трудовой

---

1) Въ письмѣ эта фраза приведена по-англійски: «I will share with thee thy sorrows, and thou thy joys with me».

жизни, съ твердой увѣренностью, что я не могу быть виновнымъ, съ презрѣніемъ, котораго я не могу не имѣть къ судамъ новымъ, сколько я ихъ видѣлъ, съ однимъ желаніемъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, какъ я всѣхъ оставляю въ покоѣ, невыносимо жить въ Россіи, — съ страхомъ, что каждый мальчикъ, которому лицо мое не понравится, можетъ заставить меня сидѣть на лавкѣ передъ судомъ, а потомъ въ острогѣ. . . . .
. . . .
. . . .

Ясная Поляна,
1872 г., авг.

Къ Н. Н. Страхову.

Вы вѣрно сердитесь и досадуете на меня, дорогой Николай Николаевичъ, и имѣете полное право, за то, что я не отвѣтилъ, не посылалъ денегъ, и не посылаю ариѳметики 4-й книги. Я виноватъ, но вы не можете себѣ представить, до чего я разстроенъ и взволнованъ всѣ эти дни. Случилось во время моего отсутствія въ Самарѣ, что молодой быкъ убилъ на-смерть пастуха. И я узналъ, что такое наши суды и подъ какимъ Дамокловымъ мечомъ мы всѣ живемъ. Я подъ слѣдствіемъ, обязанъ подпиской не выѣзжать изъ дома. Тутъ же мнѣ привелось быть присяжнымъ, и вы не можете себѣ представить всѣхъ мелкихъ мерзостей, которыя мнѣ дѣлаетъ судъ, и признаюсь, какъ это ни стыдно, что я еще не дошелъ до положенія Аксенова. Можетъ быть, дойду, когда меня посадятъ въ острогъ, что очень возможно, но теперь я раздраженъ такъ, что боленъ физически и нравственно и не могу ни о чемъ думать, кромѣ какъ о томъ, за что мучаютъ человѣка, который всѣхъ оставляетъ въ покоѣ и только объ одномъ и проситъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Теперь я такъ раздраженъ, что рѣшилъ уѣхать въ Англію и продать все, что имѣю въ Россіи. Не буду описывать вамъ всего. Это скучно и меня раздражаетъ.

Ясная Поляна,
1872 г., сент. 15.

Къ А. А. Фету.

Какъ стыдно луку передъ розой,
Хотя стыда причины нѣтъ;
Такъ стыдно мнѣ отвѣтить прозой
На вызовъ вашъ, любезный Фетъ.

Итакъ, пишу впервой стихами,
Но не безъ робости, отвѣтъ. —
Когда? Куда? Рѣшайте сами,
Но заѣзжайте къ намъ, о Фетъ.
Сухимъ доволенъ буду лѣтомъ,
Пусть погибаютъ рожь, ячмень,
Коль побесѣдовать мнѣ съ Фетомъ
Удастся вволю цѣлый день.
Заботливы мы слишкомъ оба,
Пускай въ грядущемъ много бѣдъ,
Своя довлѣетъ дневи злоба, —
Такъ лучше жить, любезный Фетъ.

Безъ шутокъ, пишите поскорѣе, чтобы знать, когда выслать за вами лошадей. Ужасно хочется васъ видѣть.

Ясная Поляна,
1872 г., ноябрь 12.

Къ нему же.

Стихотвореніе ваше прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли отъ красоты выражено прелестно. У васъ весною поднимаются поэтическія дрожжи, а у меня воспріимчивость къ поэзіи.

Я былъ въ Москвѣ, купилъ 43 номера покупокъ на 450 рублей, и ужъ не ѣхать послѣ этого въ Самару нельзя. Какъ уживается въ новомъ гнѣздѣ ваша пташка? Не забывайте насъ. До 20-го мы не уѣдемъ, а послѣ 20-го адресъ — Самара.

Ясная Поляна.
1873 г., май 11.

Къ нему же.

У насъ горе: Петя меньшой заболѣлъ крупомъ и въ два дня умеръ. Эта первая смерть за 11 лѣтъ въ нашей семьѣ, и для жены очень тяжелая. Утѣшаться можно, что если бы выбирать одного изъ насъ восьмерыхъ, эта смерть легче всѣхъ и для всѣхъ; но сердце, и особенно материнское — это удивительное высшее проявленіе Божества на землѣ, — не разсуждаетъ, и жена очень горюетъ. Благодарю васъ, что не забываете меня письмами. Какъ бы хорошо было, если бы не забыли и проѣзжая въ Москву.

Порадовался я успѣхамъ вашихъ занятій съ Оленькой; я такъ и ждалъ. У меня одно изъ лучшихъ, радостнѣйшихъ занятій — это уроки съ дѣтьми математики и греческаго. Передайте нашъ душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна,
1873 г., ноябрь 18.

Къ нему же.

У насъ горе за горемъ: вы съ Марьей Петровной вѣрно пожалѣете насъ, главное Соню. Меньшой сынъ 10-ти мѣсяцевъ заболѣлъ недѣли три тому назадъ той страшной болѣзнью, которую называютъ головною водянкою, и послѣ страшныхъ 3-недѣльныхъ мученій третьяго дня умеръ, а нынче мы его схоронили. Мнѣ это тяжело черезъ жену, но, ей, кормившей самой, было очень трудно.

Вы хвалите Каренину, мнѣ это очень пріятно, да и какъ я слышу, ее хвалятъ; но навѣрное никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я. Съ одной стороны школьныя дѣла, съ другой — странное дѣло — сюжетъ новаго писанья, овладѣвшій мною именно въ самое тяжелое время болѣзни ребенка, и самая эта болѣзнь и смерть.

Ваше стихотвореніе мнѣ кажется эмбріономъ прекраснаго стихотворенія; оно, какъ поэтическая мысль, мнѣ совершенно ясно, но совершенно неясно, какъ произведеніе слова. Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ «Temps» Двухъ гусаровъ и письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ и что г-жой Віардо и Тургеневымъ переводятся другія повѣсти, — что ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было.

Очень благодарю Петра Аѳан. за генеалогію лошадей. Я боюсь только, не слишкомъ ли тяжелъ и рысистъ молодой жеребецъ; старый жеребецъ мнѣ больше бы нравился. Очень рады будемъ съ женою, если вы съ Марьей Петровной заѣдете къ намъ и подарите намъ денекъ.

Ясная Поляна,
1874 г., мартъ.

Къ нему же.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, у меня затѣялась необходимая покупка земли въ Никольскомъ, для которой мнѣ нужно на годъ занять 10 тысячъ подъ залогъ земли. Можетъ случиться,

что у васъ есть деньги, которыя вамъ нужно помѣстить. Если такъ, то напишите Ивану Ивановичу Орлову въ Чернь, село Никольское, и онъ пріѣдетъ къ вамъ для переговоровъ о подробностяхъ и будетъ вести это дѣло съ вами независимо отъ нашихъ отношеній. Я еще не отвѣчалъ вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя очень благодаренъ вамъ за него. Какъ бы я охотно пріѣхалъ къ вамъ, но заваленъ такъ дѣлами школьными, семейными и хозяйственными, что даже на охоту не успѣваю ходить. Надѣюсь быть свободнѣе, какъ зима настанетъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна
1874 г., окт. 22.

Къ нему же.

Вотъ третій день, что мы пріѣхали благополучно, и я только что опомнился и спѣшу писать вамъ, дорогой Аѳан. Аѳанасьевичъ, и благодарить васъ за ваши два письма, которыя больше чѣмъ всегда были цѣнны въ нашей глуши. Надѣюсь, что здоровье ваше лучше. Это было замѣтно по второму вашему письму, и надѣюсь, что вы преувеличивали. Дайте мнѣ еще опомниться, тогда подумаю, какъ бы побывать у васъ. Вы же по старой, хорошей привычкѣ, пожалуйста, какъ это вамъ ни трудно, не проѣзжайте въ Москву, не заѣхавъ. Урожай у насъ былъ средній, но цѣны на работу огромныя, такъ что въ концѣ только сойдутся концы. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями. Теперь же берусь за скучную, пошлую А. Каренину съ однимъ желаніемъ: поскорѣе опростать себѣ мѣсто—досугъ для другихъ занятій, но только не педагогическихъ, которыя люблю, но хочу бросить. Они слишкомъ много берутъ времени. Какъ о многомъ и многомъ хочется съ вами переговорить, но писать не умѣю. Надо пожить, какъ мы жили въ Самарской здоровой глуши, видѣть эту совершавшуюся на глазахъ борьбу кочевого быта (милліоновъ на громадныхъ пространствахъ) съ земледѣльческимъ первобытнымъ, чувствовать всю значительность этой борьбы, чтобы убѣдиться въ томъ, что разрушителей общественнаго порядка, если не 1, то не болѣе 3 скоро бѣгающихъ и громко кричащихъ, что эта болѣзнь паразита живого дуба, и что дубу до нихъ дѣла нѣтъ. Что это не дымъ, а тѣнь, бѣгающая отъ дыма.

Къ чему занесла меня судьба туда въ (Самару)—не знаю, но знаю, что я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ (вѣдь

это считается очень важнымъ), и мнѣ скучно и ничтожно было:— но что тамъ мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ во взглядѣ, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно. Нашъ усердный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна,
1875 г., авг. 26.

Къ Н. Н. Страхову.

У насъ съ вами раздвоилась переписка, дорогой Николай Николаевичъ, я только что отвѣтилъ на ваше философское письмо, какъ получилъ радостный отвѣтъ на мое.—Вы пишете: Такъ ли вы понимаете мой романъ и что я думаю о вашихъ сужденіяхъ; разумѣется такъ. Разумѣется, мнѣ невыразимо радостно ваше пониманіе, но не всѣ обязаны понимать такъ, какъ вы. Можетъ быть, вы только охотникъ до этихъ дѣловъ, какъ и я, какъ и наши тульскіе голубятники. Онъ турмана цѣнитъ очень дорого, но есть ли настоящія достоинства въ этомъ турманѣ—вопросъ. Кромѣ того, вы знаете—нашъ братъ безпрестанно, безъ переходовъ, прыгаетъ отъ унынія и самоуничиженія къ непомѣрной гордости. Это я къ тому говорю, что ваше сужденіе о моемъ романѣ вѣрно, но не на все, т.-е. все вѣрно, но то, что вы сказали, выражаетъ не все, что я хотѣлъ сказать. Напримѣръ, вы говорите о двухъ сортахъ людей. Это я чувствую—знаю, но этого я не имѣлъ въ виду; но когда вы говорите, я знаю, что это одна изъ правдъ, которую можно сказать. Если же бы я хотѣлъ сказать словами все то, что имѣлъ въ виду выразить романомъ, то я долженъ бы былъ написать романъ тотъ самый, который я написалъ сначала. и если критики теперь уже понимаютъ и въ фельетонѣ могутъ выразить то, что я хочу сказать, то я ихъ поздравляю и смѣло могу увѣрить qu'ils en savent plus long que moi. Очень, очень благодарю васъ. Когда я прочелъ свое унылое и смиренное письмо, я понялъ, что я, въ сущности, прошу похвалы, и вы мнѣ ее прислали. Хотя ваша похвала, я знаю, искренняя, хотя признаюсь—охотницкая—мнѣ очень дорога. То, что я сдѣлалъ ошибки въ вѣнчаніи, мнѣ очень обидно, тѣмъ болѣе, что я люблю эту главу. Боюсь, не будетъ ли тоже ошибокъ по спеціальности, которой я касаюсь въ томъ, что выйдетъ теперь въ апрѣлѣ. Пожалуйста напишите, если найдете или другіе найдутъ. Вы правы, что «Война и миръ» растетъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ

странно и радостно, когда мнѣ кто-нибудь напомнитъ изъ нея, какъ это сдѣлалъ недавно Истоминъ (онъ будетъ у васъ); но странно, я помню изъ нея очень не много мѣстъ, остальное забываю.

И если близорукіе критики думаютъ, что я хотѣлъ описывать только то, что мнѣ нравится, какъ обѣдаетъ Облонскій и какія плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всемъ, почти во всемъ, что я писалъ, мною руководила потребность собранія мыслей, сцѣпленныхъ между собой для выраженія себя; но каждая мысль, выраженная словами особо, теряетъ свой смыслъ, страшно понижается, когда берется одна и безъ того сцѣпленія, въ которомъ она находится. Само же сцѣпленіе составлено не мыслію (я думаю), а чѣмъ-то другимъ и выразить основу этого сцѣпленія непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно словами, описывая образы, дѣйствія, положенія. Вы все это знаете лучше меня, но меня занимало это послѣднее время. Одно изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ это было для меня самоубійство Вронскаго, которое вамъ понравилось. Этого никогда со мной такъ ясно не бывало. Глава о томъ, какъ Вронскій принялъ свою роль послѣ свиданія съ мужемъ, была у меня давно написана. Я сталъ поправлять и совершенно для меня неожиданно, но несомнѣнно, Вронскій сталъ стрѣляться. Теперь же для дальнѣйшаго оказывается, что это было органически необходимо.—Такъ вотъ почему такая милая умница, какъ Григорьевъ, для меня мало интересенъ; правда, что если бы не было совсѣмъ критики, то тогда бы Григорьевъ и вы, понимающіе искусство, были бы излишни. Теперь же, правда, когда $^9/_{10}$ всего печатнаго есть критика искусства, нужны люди, которые бы показывали безсмыслицу отыскиванія отдѣльныхъ мыслей въ художественномъ произведеніи и постоянно руководили бы читателей въ томъ безконечномъ лабиринтѣ сцѣпленій, въ которомъ и состоитъ сущность искусства, и по тѣмъ законамъ, которые служатъ основаніемъ этихъ сцѣпленій. Написалъ вамъ это письмо уже нѣсколько дней тому назадъ и хотѣлъ не посылать — такъ въ немъ и выпираетъ польщенное авторское тщеславіе. Но написалъ 7 писемъ сейчасъ и надо писать вамъ новое, и рѣшился послать это. Шила въ мѣшкѣ не утаишь и вы меня знаете насквозь.

. . . .

Ясная Поляна,
1876 г., апр. 26.

Къ А. А. Фету.

На ваше длинное и задушевное письмо я давно не отвѣчалъ оттого, что все былъ нездоровъ и не въ духѣ и теперь также, но пишу хотя нѣсколько строкъ. У насъ полонъ домъ народа: племянница Нагорная съ 2-мя дѣтьми, Кузминскіе съ 4-мя дѣтьми, и Соня все хвораетъ, и я въ уныніи и тупости. Одна надежда на хорошую погоду, а ея-то и нѣтъ. Такъ какъ мы съ вами похожи, то вы должны знать это состояніе: то чувствуешь себя Богомъ, что нѣтъ для тебя ничего сокрытаго, а то глупѣе лошади, и теперь я такой. Такъ не взыщите. До другого письма.

Ясная Поляна,
1876 г., май 18.

Къ Н. Н. Страхову.

Вы истинный другъ, дорогой Николай Николаевичъ. Несмотря на мое молчаніе и молчаніе на важное письмо ваше, вы все-таки радуете меня своими письмами. Не могу выразить, какъ я благодаренъ вамъ за послѣднее, незаслуженное мною, письмо ваше; чтобы объяснить и оправдать мое молчаніе, долженъ говорить о себѣ. Пріѣхавъ изъ Самары и Оренбурга вотъ скоро два мѣсяца (я сдѣлалъ чудесную поѣздку), я думалъ, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу, окончаніе романа, и возьмусь за новое, и вдругъ вмѣсто этого всего— ничего не сдѣлалъ. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныніе. Отчаяніе въ своихъ силахъ. Что мнѣ суждено судьбою, не знаю, но доживать жизнь безъ уваженія къ ней—а уваженіе къ ней дается только извѣстнаго рода трудомъ—мучительно. Думать даже—и къ тому нѣтъ энергіи. Или совсѣмъ худо или сонъ передъ хорошимъ періодомъ работы. Думать не могу самъ, но понимать могу, особенно васъ и понялъ, и оцѣнилъ ваше первое письмо, и всей душой желаю, чтобы вы окончили этотъ трудъ. Я перечелъ его нѣсколько разъ и читалъ Фету, и съ нимъ поняли и одобрили ваши мысли, насколько мы ихъ поняли. Одно, вопросъ о томъ, что есть настоящее познаніе, требуетъ невольно отвѣта. Настоящее, по-моему—и я увѣренъ, по вашему будетъ такъ же, но вы лучше меня это выразите—дается сердцемъ, т.-е. любовью. Мы знаемъ то, что любимъ только. Послѣдній вопросъ въ нашей философской перепискѣ былъ: что есть зло? Я могу отвѣтить на него для себя. Разъясненіе на этотъ отвѣтъ я вамъ дамъ въ

другой разъ, и надѣюсь, на Рождествѣ. Мы съ женой мечтаемъ, что вы пріѣдете. Пожалуйста, пріѣзжайте. Такъ отвѣтъ слѣдующій: зло есть то, что разумно съ мірской точки зрѣнія. Убійство, грабежъ, наказаніе, все разумно—основано на логическихъ выводахъ. Самопожертвованіе—любовь—безсмыслица. Былъ я на-дняхъ въ Москвѣ только за тѣмъ, чтобы узнать новости о войнѣ. Все это очень волнуетъ меня. Теперь вся ерунда сербскаго движенія, ставшая исторіей прошедшаго, получила значеніе. Та сила, которая производитъ войну, выразилась преждевременно и указала направленіе.

Ясная Поляна,
1876 г., ноябрь 13.

Къ А. А. Фету.

Письмо ваше съ стихотвореніемъ пришло ко мнѣ съ тою же почтой, съ которой привезли мнѣ и ваше собраніе сочиненій, которое я выписывалъ изъ Москвы. Стихотвореніе это не только достойно васъ, но оно особенно и особенно хорошо съ тѣмъ самымъ философски поэтическимъ характеромъ, котораго я ждалъ отъ васъ. Прекрасно, что это говорятъ звѣзды. И особенно хороша послѣдняя строфа. Хорошо тоже,—что замѣтила жена,—что на томъ же листкѣ, на которомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керосинъ сталъ стоить 12 коп. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта. Съ вашими стихотвореніями выписалъ я Тютчева, Баратынскаго и Толстого. Сообществомъ съ Тютчевымъ я знаю, что вы довольны. Баратынскій тоже не осрамитъ васъ своей компаніей; Баратынскій настоящій, хотя мало красоты, изящества, но есть прекрасныя вещи.

Я понемножку началъ писать и очень доволенъ своею судьбой.

Ясная Поляна,
1876 г., дек. 7.

Къ П. И. Чайковскому.

Посылаю вамъ, дорогой Петръ Ильичъ, пѣсни. Я ихъ еще пересмотрѣлъ. Это удивительное сокровище въ вашихъ рукахъ. Но, ради Бога, обработайте ихъ и пользуйтесь въ моцартовско-гайдновскомъ родѣ, а не въ бетховено-шумано-берліозо-искусственномъ, ищущемъ неожиданнаго, родѣ. Сколько я не договорилъ съ вами! Даже ничего не сказалъ изъ того, что хотѣлъ. И некогда было. Я наслаждался. И это мое послѣднее пребываніе

въ Москвѣ останется для меня однимъ изъ лучшихъ воспоминаній.

Я никогда не получалъ такой дорогой для меня награды за мои литературные труды, какъ этотъ чудный вечеръ. И какой милый Рубинштейнъ!

Поблагодарите его еще разъ за меня. Онъ мнѣ очень понравился. Да и всѣ эти жрецы высшаго въ мірѣ искусства, засѣдавшіе за пирогомъ, оставили во мнѣ такое чистое и серьезное впечатлѣніе. А ужъ о томъ, что происходило для меня въ круглой залѣ, я не могу вспомнить безъ содроганія. Кому изъ нихъ можно послать мои сочиненія, т.-е. у кого нѣтъ ихъ и кто ихъ будетъ читать?

Вещи ваши не смотрѣлъ, но, когда примусь, буду, нужно ли вамъ или не нужно ли, писать свои сужденія, потому что я полюбилъ вашъ талантъ. Прощайте. Дружески жму вашу руку.

Про какой портретъ мнѣ говорилъ Рубинштейнъ? Ему я радъ прислать, попросивъ его о томъ же, но для консерваторіи это что-то не то...

1876 г., дек.

Къ Н. Н. Страхову.

. . . .

Мучительно и унизительно жить въ совершенной праздности и противно утѣшать себя тѣмъ, что я берегу себя и жду какого-то вдохновенія. Все это пошло и ничтожно. Если бы я былъ одинъ, я бы не былъ монахомъ, я былъ бы юродивымъ, т.-е. не дорожилъ бы ничѣмъ въ жизни и не дѣлалъ бы никому вреда. Пожалуйста, не утѣшайте меня и въ особенности тѣмъ, что я—писатель. Этимъ я уже давно и лучше васъ себя утѣшаю, но это не беретъ и только внемлетъ моимъ жалобамъ, и это уже меня не утѣшаетъ. На-дняхъ слушалъ урокъ священника дѣтямъ изъ Катехизиса. Все это было такъ безобразно. Умныя дѣти такъ очевидно не только не вѣрятъ этимъ словамъ, но и не могутъ не презирать этихъ словъ, что мнѣ захотѣлось попробовать изложить въ катехизической формѣ то, во что я вѣрю, и я попытался. И попытка эта показала мнѣ, какъ это для меня трудно и—боюсь—невозможно. И отъ этого мнѣ грустно и тяжело.

. . . .

Ясная Поляна,
1877 г.

Къ А. А. Фету.

Послѣднее письмо ваше, писанное въ три пріема, слава Богу, не пропало. Я дорожу всякимъ письмомъ вашимъ и особенно такимъ, какъ это.

Вы не повѣрите, какъ меня радуетъ то, что вы приписываете въ предпослѣднемъ, какъ вы говорите, «о сущности божества». Я со всѣмъ согласенъ и многое хотѣлъ бы сказать, но въ письмѣ нельзя и некогда. Вы въ первый разъ говорите мнѣ о божествѣ—Богѣ. А я давно уже, не переставая, думаю объ этой главной задачѣ. И не говорите, что нельзя думать;—не только можно, но должно. Во всѣ вѣка лучшіе, т.-е. настоящіе, люди думали объ этомъ. И если мы не можемъ т а к ъ ж е, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны найти—к а к ъ. Читали ли вы: Pensées de Pascal? т.-е. недавно на большую голову. Когда, Богъ дастъ, вы пріѣдете ко мнѣ, мы поговоримъ о многомъ, и я вамъ дамъ эту книгу. Если бы я былъ свободенъ отъ своего романа, котораго конецъ уже набранъ, и я поправляю корректуру, я бы сейчасъ по полученіи вашего письма пріѣхалъ къ вамъ. Такъ, я не знаю, почему ваше послѣднее письмо забрало меня за живое, т.-е. дружбу къ вамъ. Ужасно хочется васъ видѣть.

Поэтъ мой К..., которому я велѣлъ наизусть выучить то, что вы пишете мнѣ о немъ, написалъ тутъ же вамъ посланіе, очень плохое, но просилъ послать. Боюсь, что онъ болѣе стихотворецъ, чѣмъ поэтъ. Но какое милое стихотвореніе Полонскаго, оно напечатано въ Нивѣ.

Прощайте, до свиданія, пожалуйста пишите о себѣ, о своемъ здоровьѣ, хоть два слова. Жена кланяется вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна,
1877 г., апр. 14.

Къ Н. Н. Страхову.

. . . .

И въ дурномъ, и въ хорошемъ расположеніи духа мысль о войнѣ застилаетъ для меня все. Не война самая, но вопросъ о нашей несостоятельности, который вотъ вотъ долженъ рѣшиться, и о причинахъ этой несостоятельности, которыя мнѣ становятся все яснѣе и яснѣе.

Нынче Степа разговаривалъ съ Сергѣемъ о войнѣ и Сергѣй сказалъ: что на войнѣ хорошо молодымъ солдатамъ попользо-

ваться на счетъ турчанокъ, и когда Степа сказалъ, что это нехорошо, онъ сказалъ: да что, вѣдь ей ничего не убудетъ. Чортъ съ ней.—Это говоритъ тотъ Сергѣй, который сочувствовалъ сербамъ и котораго приводятъ въ доказательство народнаго сочувствія. А задушевная мысль о войнѣ только турчанка. Т.-е. разнузданность животныхъ инстинктовъ. Когда Степа разсказалъ, что дѣла идутъ плохо, онъ сказалъ: «что жъ не возьмутъ Михаила Григорьевича Черняева (онъ знаетъ имя и отчество), онъ бы ихъ размайорилъ». Турчанка и слѣпое довѣріе къ имени новому народному. Мнѣ кажется, что мы находимся на краю большого переворота. Пишите мнѣ, пожалуйста, о томъ, что дѣлается и говорится въ Петербургѣ.

. . . .

Ясная Поляна,
1877 г. авг.

Къ А. А. Фету.

Какъ мало на свѣтѣ настоящихъ умныхъ людей, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Появился было г-нъ Болговъ, и какъ я обрадовался ему, но и тотъ тотчасъ же обратился въ васъ. Можно не узнать произведеніе ума, къ которому равнодушенъ, но произведеніе ума любимаго, выдающее себя за чужое, такъ же смѣшно и странно видѣть, какъ если бы я пріѣхалъ къ вамъ судиться и, глядя на васъ во всѣ глаза, увѣрялъ бы, что я адвокатъ Петровъ. Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалитъ меня; но я вполнѣ согласенъ съ нею; и мнѣ очень радостно было читать анализъ своихъ мыслей, при которомъ всѣ мои мысли, взгляды, сочувствія, затаенныя стремленія поняты вѣрно и поставлены всѣ на настоящее мѣсто. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы она была напечатана; хотя я обращалъ къ вамъ то, что вы говорили мнѣ, знаю, что почти никто не пойметъ ея.

Я все это время охочусь и хлопочу объ устройствѣ нашего педагогическаго персонала на зиму. Ѣздилъ въ Москву въ поискахъ за учителемъ и гувернеромъ. Нынче же чувствую себя совсѣмъ больнымъ. Вы не пишете о себѣ, стало быть, хорошо.

Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна,
1877 г., сент. 2.

Къ Н. Н. Страхову.

. . . .

Объ исканіи вѣры... Вы пишете, что всякія сдѣлки съ мыслью вамъ противны; мнѣ—тоже. И еще пишете, что для вѣрующихъ всякая безсмыслица хороша, лишь бы пахло благочестіемъ (я бы замѣтилъ: лишь бы проникнуто было вѣрою, надеждою и любовью). Они въ безсмыслицахъ, какъ рыба въ водѣ, имъ противно ясное и опредѣленное. И я тоже. Я объ этомъ началъ писать и написалъ довольно много, но теперь оставилъ, увлекшись другими занятіями, но, разсчитывая на вашу способность (необычайную) понимать другихъ, попытаюсь въ этомъ письмѣ сказать, почему я думаю, что то, что вамъ кажется страннымъ, вовсе не странно. Разумъ мнѣ ничего не говоритъ и не можетъ сказать на три вопроса, которые легко выразить однимъ: что я такое? Отвѣты на эти вопросы даетъ мнѣ въ глубинѣ сознанія какое-то чувство. Тѣ отвѣты, которые мнѣ даетъ это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами (орудіемъ мысли); но я не одинъ искалъ и ищу отвѣта на эти вопросы. Все жившее человѣчество въ каждой душѣ мучимо было тѣми же вопросами и получало тѣ же смутные отвѣты въ своей душѣ. Милліарды смутныхъ отвѣтовъ однозначащихъ дали опредѣленность отвѣтамъ. Отвѣты эти—религія. На взглядъ разума отвѣты безсмысленны. Безсмысленны даже по одному тому, что они выражены словами, но они все-таки одни отвѣчаютъ на вопросы сердца. Какъ выраженіе, какъ форма, они безсмысленны, но, какъ содержаніе, они одни истинны. Смотрю всѣми глазами на форму — содержаніе ускользаетъ; смотрю всѣми глазами на содержаніе — мнѣ дѣла нѣтъ до формы.

Я ищу отвѣта на вопросы по существу своему во имя разума и требую, чтобы они выражены были словомъ, орудіемъ разума, и потому удивляюсь, что форма отвѣтовъ не удовлетворяетъ разума. Но вы скажете: поэтому и отвѣтовъ не можетъ быть. Нѣтъ, вы не скажете этого, потому что вы знаете, что отвѣты есть, что этими отвѣтами только живутъ, жили всѣ люди и вы сами живете. Сказать, что этихъ отвѣтовъ не можетъ быть,— все равно, что сказать, ѣхавши по льду, что рѣки не могутъ замерзать потому, что отъ холода тѣла сжимаются, а не расширяются. Сказать, что эти отвѣты безсмысленны, — то же, что сказать, что я чего-то въ нихъ не умѣю понимать. И не умѣете вы понимать, какъ мнѣ кажется, вотъ отчего: отвѣты спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другіе. Я называю ихъ вопросами сердца.

На эти вопросы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій, отвѣчаютъ люди не словами, орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всей жизнью, дѣйствіями, изъ которыхъ слово есть одна только часть.

Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю, и вы, и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣйствій, жизни людей, непосредственно (какъ зѣвота) вліявшихъ одни на другихъ, начиная съ жизней Авраамовъ, Моисеевъ, Христовъ, святыхъ отцовъ, ихъ жизнями и внѣшними даже дѣйствіями — колѣнопреклоненіями, постомъ, соблюденіями дней и т. д. Во всей массѣ безчисленныхъ дѣйствій этихъ людей почему-то извѣстныя дѣйствія выдѣлялись и составляли одно цѣлое преданіе, служащее единственнымъ отвѣтомъ на вопросы сердца. И потому для меня въ этомъ преданіи не только нѣтъ ничего безсмысленнаго, но я даже и не понимаю. какъ къ этимъ явленіямъ прилагать провѣрку смысленнаго и безсмысленнаго. Одна провѣрка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти преданія, это то, согласны ли даваемые отвѣты съ смутнымъ одиночнымъ отвѣтомъ, начертаннымъ у меня въ глубинѣ сознанія (о которомъ я говорилъ раньше). И потому, когда мнѣ это преданіе говоритъ, что я долженъ хоть разъ въ годъ пить вино, которое называется кровью Бога, я, понимая по-своему или вовсе не понимая этого акта, исполняю его. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что бы противорѣчило смутному сознанію. Также я въ извѣстные дни ѣмъ капусту, а въ другіе — мясо; но когда мнѣ преданіе (изуродованное борьбой разумѣній съ различными толкованіями) говоритъ: «будемте всѣ молиться, чтобы побить побольше турокъ», или даже говоритъ, что тотъ, кто не вѣритъ, что это настоящая кровь и т. п., тогда, справляясь не съ разумѣніемъ, но хоть съ смутнымъ, но несомнѣннымъ голосомъ сердца, я говорю, это преданіе — ложное. Такъ что я вполнѣ плаваю какъ рыба въ водѣ въ безсмыслицахъ и только не покоряюсь тогда, когда преданіе мнѣ передаетъ осмысленныя имъ дѣйствія, не совпадающія съ основной безсмыслицей смутнаго сознанія, лежащаго въ моемъ сердцѣ. Если вы поймете, несмотря на неточность моихъ выраженій, мою мысль, напишите, пожалуйста, согласны ли вы съ ней или нѣтъ, и тогда, почему. Совѣстно мнѣ говорить, но говорю, что чувствую. Я такъ убѣжденъ въ томъ, что я говорю, и убѣжденіе это такъ для меня отрадно, что я не для себя желаю вашего сужденія, но для васъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы испытывали то же спокойствіе и ту же свободу духовную, которую испытываю я. Знаю, что пути постигновенія даже формальныхъ математическихъ истинъ для

каждаго ума — свои, тѣмъ болѣе они должны быть свои особенные для постигновенія метафизическихъ истинъ, но мнѣ такъ ясно (какъ фокусъ, который вамъ показанъ), что не могу понять, въ чемъ для другихъ можетъ быть еще непонятенъ этотъ фокусъ. Знаю тоже, что если мнѣ въ Москву надо ѣхать на сѣверъ и сѣсть на машину въ Тулѣ, то это никакъ не можетъ служить общимъ правиломъ для всѣхъ людей, находящихся на разныхъ концахъ свѣта и желающихъ пріѣхать въ Москву, тѣмъ болѣе для васъ, потому что знаю, что у васъ съ собой много поклажи (ваше знаніе и прошедшіе труды), а я налегкѣ, но я могу васъ увѣрить, что я въ Москвѣ, больше никуда не могу желать ѣхать и что въ Москвѣ очень хорошо.

. . . .

Ясная Поляна,
1878 г., янв.

Къ А. А. Фету.

Къ моему великому несчастію, предположенія ваши невѣрны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не только не за работой, но вамъ не отвѣчалъ потому, что все это время былъ нездоровъ. Послѣднее время я даже лежалъ нѣсколько дней. Простуда въ разныхъ видахъ: зубы, бокъ,—но результатъ тотъ, что время проходитъ, мое лучшее время, и я не работаю.

Спасибо вамъ, что не наказываете меня за молчаніе, а еще награждаете, давъ намъ первымъ прочесть ваше стихотвореніе. Оно прекрасно, на немъ есть тотъ особенный характеръ, который есть въ вашихъ послѣднихъ, столь рѣдкихъ стихотвореніяхъ. Очень они компактны, и сіяніе отъ нихъ очень далекое. Видно, на нихъ тратится ужасно много поэтическаго запаса. Долго накопляется, пока кристаллизируется. «Звѣзды» это и еще одно изъ послѣднихъ—одного сорта. Въ подробностяхъ же вотъ что. Прочтя его, я сказалъ женѣ: «стихотвореніе Фета прелестное, но одно слово нехорошо». Она кормила и суетилась, но за чаемъ, успокоившись, взяла читать и тотчасъ же указала на то слово, которое я считалъ нехорошимъ: «к а к ъ Б о г и». Страховъ мнѣ пишетъ, спрашивая о васъ: я далъ ему вашъ адресъ. Нашъ душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Дай вамъ Богъ устраивать получше и подольше не устроить, а то скучно будетъ. До слѣдующаго письма,—нынче некогда.

P. S. Главное быть здоровымъ и меня любить по-старому.

Ясная Поляна,
1878 г., янв. 27.

Къ Н. Н. Страхову.

. . . .

Другое это то, что я нынче говѣлъ и сталъ читать Евангеліе и Ренана: «Жизнь Іисуса», всю прочелъ, и все время читалъ и удивлялся на васъ. Могу объяснить ваше пристрастіе къ Ренану только тѣмъ, что вы были очень молоды, когда читали его. Если у Ренана есть какія-нибудь свои мысли, то это двѣ слѣдующія: 1) что Христосъ не зналъ l'évolution et le progrès, и въ этомъ отношеніи Ренанъ старается поправлять его и съ высоты этой мысли критикуетъ его (стр. 314, 315, 316). Это ужасно, для меня по крайней мѣрѣ; прогрессъ, по мнѣ, есть логариѳмъ времени, т.-е. ничего, констатизмъ факта, что мы живемъ во времени, и вдругъ это-то становится судьей высшей степени, которую мы знаемъ. Легкомысленность или недобросовѣстность этого воззрѣнія удивительны. Христіанская истина, т.-е. наивысшее выраженіе абсолютнаго добра, есть выраженіе самой сущности внѣ формы, времени и др.

Ренаны же смѣшиваютъ ея выраженіе абсолютно съ выраженіемъ ея въ исторіи и сводятъ ее на временное проявленіе и тогда обсуждаютъ. Если христіанская истина высока и глубока, то только потому, что субъективно абсолютна. Если же разсматривать ея объективное проявленіе, то она наравнѣ съ Code Napoleon и т. п. Другая новая у Ренана мысль—это то, что если ученіе есть ученіе Христа, то былъ какой-нибудь человѣкъ, и этотъ человѣкъ непремѣнно — потѣлъ и ходилъ на часъ. Для насъ изъ христіанства всѣ человѣческія унижающія реалистическія подробности исчезли потому же, почему исчезли всѣ подробности обо всѣхъ, жившихъ когда-нибудь жидахъ и др., потому, почему все исчезаетъ, что не вѣчно, т.-е. песокъ, который не нуженъ, промытъ, осталось золото, по неизмѣняемому закону; кажется, что же дѣлать людямъ, какъ не брать это золото? Нѣтъ. Ренанъ говоритъ, если есть золото, то былъ и песокъ, и онъ старается найти, какой былъ песокъ. И все это съ глубокомысленнымъ видомъ. Но что еще болѣе забавно бы было, если бы не было такъ ужасно глупо, это то, что и песку этого они не находятъ никакого и только утверждаютъ, что онъ долженъ былъ быть. Я прочелъ все и долго искалъ и спрашивалъ себя: но что же изъ этихъ историческихъ подробностей я узналъ новаго? И вспомните и признайтесь, что ничего, ровно ничего. Я предлагаю дополнить Ренана, сдѣлать соображенія о томъ, какія и какъ были физическія отправленія. Все прогрессъ, все évolution.

Можетъ быть, что для того, чтобы узнать растеніе, надо знать среду, и даже, чтобы узнать человѣка, какъ государственное животное, надо узнать среду и движеніе, развитіе, но чтобы понять красоту, истину и добро, никакое изученіе среды не поможетъ, да и не имѣетъ ничего общаго съ разсматриваемымъ.Тамъ идемъ по плоскости, а тутъ совсѣмъ другое направленіе — вглубь и вверхъ. Нравственную истину можно и должно изучать и конца ея изученія нѣтъ, но это изученіе идетъ вглубь, какъ ведутъ его люди религіозные, а это дѣтская, пошлая и подлая шалость.

. . . .

Ясная Поляна,
1878 г., апр.

Къ А. А. Фету.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ на-дняхъ ваше послѣднее, краткое, но многосодержательное письмо и вижу по его тону, что вы въ очень хорошемъ душевномъ настроеніи, хотя и были больны. Вы поминаете о вашей статьѣ. Пожалуйста, не приписывайте значенія моему сужденію, во-первыхъ, потому, что я плохой судья при слушаніи, а не чтеніи про себя, а во-вторыхъ, потому, что въ этотъ день я былъ въ самомъ дурномъ физически расположеніи духа. Когда вы будете передѣлывать, не забудьте еще выправить пріемы связей отдѣльныхъ частей статьи. У васъ часто встрѣчаются излишнія вступленія, какъ, напр.: «теперь мы обратимся...» или — «взглянемъ...» и т. п. Главное, разумѣется, въ расположеніи частей относительно фокуса и когда правильно расположено, — все ненужное, лишнее само собою отпадаетъ, и все выигрываетъ въ огромныхъ степеняхъ.

Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ и радовался полученію отъ васъ письма. Онъ все такой же, и мы знаемъ ту ступень сближенія, которая между нами возможна. Мнѣ ужасно хочется писать, но нахожусь въ тяжеломъ недоумѣніи: фальшивый ли это или настоящій аппетитъ.

Ужасно хочется побывать у васъ и навѣрное побываю, но теперь еще много поѣздокъ необходимѣйшихъ. Нынче ѣду на земское собраніе.

1878 г., сент. 5.

Къ гр. А. А. Толстой.

. . . .
. . . .
. . . .

Очень, очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для Петербургской поѣздки, если бы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ. Желаніе это уже дошло до maximum'а, теперь нуженъ толчокъ. А толчка этого нѣтъ, даже скорѣе толчки обратные, въ видѣ моего нездоровья. Буду ждать. Перовскаго личность вы совершенно вѣрно опредѣляете a grand traits, такимъ и я представлялъ себѣ; и такая фигура — одна наполняющая картину; біографія его — была бы груба, но съ другими противоположными ему тонкими, мягкой работы, нѣжными характерами, какъ Жуковскій даже, котораго вы, кажется, хорошо знали, и съ другими и главное съ декабристами, эта крупная фигура, составляющая тѣнь къ Ник. Павл. самой крупной a grands traits фигурѣ, выражаетъ вполнѣ то время. — Я теперь весь погруженъ въ чтеніе этихъ временъ 20-хъ годовъ и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню, 30-е года, уже исторія. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все устанавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты.

. . . .
. . . .
. . . .

Молюсь Богу, чтобы Онъ мнѣ позволилъ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра. И еще важнѣе, мнѣ бы хотѣлось сказать. Но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

. . . .

Ясная Поляна,
1878 г.

Къ Н. Н. Страхову.

Благодарю васъ, дорогой Николай Николаевичъ, за присылку Григорьева. Я прочелъ предисловіе Григорьева, но—не сердитесь на меня — чувствую, что посаженный въ темницу,

никогда не прочту всего. Не потому, что не цѣню Григорьева, напротивъ, но критика для меня скучнѣе всего, что только есть скучнаго на свѣтѣ. Въ критикѣ искусства все правда, а искусство потому только и искусство, что оно все. Я со страхомъ чувствую, что перехожу на лѣтнее состояніе: мнѣ противно то, что я написалъ, и теперь у меня лежатъ корректуры на апрѣльскую книжку и боюсь, что не въ силахъ ихъ поправить. Все въ нихъ скверно и все надо передѣлать, все, что напечатано, и все перемарать и бросить, и отречься и сказать; виноватъ, впередъ не буду, и постараться написать что-нибудь новое и ужъ не такое нескладное и ни то ни семное. Вотъ, въ какое я прихожу состояніе, и это очень непріятно... И не хвалите мой романъ. Паскаль завелъ себѣ поясъ съ гвоздями, который онъ пожималъ всякій разъ, какъ чувствовалъ, что похвала его радуетъ. Мнѣ надо завести такой поясъ. — Покажите мнѣ искреннюю дружбу — или ничего не пишите про мой романъ, или напишите мнѣ только все, что въ немъ дурно. И если правда то, что я подозрѣваю, что я слабѣе, то, пожалуйста, напишите мнѣ. Мерзкая наша писательская должность — развращающая. У каждаго писателя есть своя атмосфера хвалителей, которую онъ осторожно носитъ вокругъ себя и не можетъ имѣть понятія о своемъ значеніи и о времени упадка. Мнѣ бы хотѣлось не заблуждаться и не развращаться дальше. Пожалуйста, помогите мнѣ въ этомъ. И не стѣсняйтесь только, что вы строгимъ осужденіемъ можете помѣшать дѣятельности человѣка, имѣвшаго талантъ. Гораздо лучше будетъ остановиться на «Войнѣ и мирѣ», чѣмъ писать «Часы» или т. п.

Ясная Поляна,
1879 г., апр. 9.

Къ А. А. Фету.

Есть молитва, которая говоритъ: «не по заслугамъ, но по милосердію Твоему». Такъ и вы. Еще получилъ отъ васъ длинное хорошее письмо. Непремѣнно и скоро поѣду въ Кіевъ и Воробьевку, и все тогда вамъ разскажу, а теперь только отвѣчу на ваши опасенія. Декабристы мои Богъ знаетъ гдѣ теперь, я о нихъ и не думаю, а если бы и думалъ и писалъ, то льщу себя надеждой, что мой духъ одинъ, которымъ пахло бы, былъ бы невыносимъ для стрѣлявшихъ въ людей для блага человѣчества. Какъ правы мужики и вы, что стрѣляютъ господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиковъ. Но долженъ сказать, я добро-

совѣстно не читаю газетъ даже теперь и считаю обязанностью всѣхъ отвращать отъ этой пагубной привычки. Сидитъ человѣкъ старый, хорошій въ Воробьевкѣ; переплавилъ въ своемъ мозгу двѣ-три страницы Шопенгауэра и выпустилъ ихъ по русски, съ кія кончилъ партію, убилъ вальдшнепа, полюбовался жеребенками отъ Закраса, сидитъ съ женою, пьетъ славный чай, куритъ, всѣми любимъ и всѣхъ любитъ, и вдругъ привозятъ вонючій листъ сырой, рукамъ больно, глазамъ больно, и въ сердцѣ злоба осужденій, чувство отчужденности, чувство, что я никого не люблю, никто меня не любитъ, и начинаетъ говорить, говоритъ и сердится, и страдаетъ. Это надо бросить. Будетъ много лучше.

Надѣюсь, до свиданія. Наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна,
1879 г., апр. 17.

Къ нему же.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Страховъ мнѣ пишетъ, что онъ хотѣлъ исполнить мою просьбу: уничтожить въ васъ всякое, какое могло быть, недоброжелательство ко мнѣ или недовольство мною, — но что это оказалось совершенно излишне. Онъ ничего не могъ мнѣ написать пріятнѣе.

И это же я чую въ вашемъ письмѣ. А это для меня главное. И еще будетъ лучше, когда вы по старой привычкѣ заѣдете ко мнѣ. Мы оба съ женою ждемъ этого съ радостью. Теперь лѣто и прелестное лѣто, и я, какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня. И я радуюсь жизни и больше почти ничего не дѣлаю. У насъ полонъ домъ гостей. Дѣти затѣяли спектакль, и у нихъ шумно и весело. Я съ трудомъ нашелъ уголокъ и выбралъ минутку, чтобы написать вамъ словечко. Пожалуйста же по-старому любите насъ, какъ и мы. Передайте нашъ привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна,
1880 г., іюль 8.

Къ Александру III.

Ваше Императорское Величество!

Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человѣкъ пишу русскому Императору и совѣтую ему, что ему дѣлать въ самыхъ сложныхъ, трудныхъ обстоятельсвахъ, которыя когда-

либо бывали. Я чувствую, какъ это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себѣ: ты напишешь, письмо твое будетъ не нужно его не прочтутъ, или прочтутъ и найдутъ, что это вредно и накажутъ тебя за это. Вотъ и все, что можетъ быть. И дурного въ этомъ для тебя не будетъ ничего такого, въ чемъ бы ты раскаялся. Но если ты не напишешь и потомъ узнаешь, что никто не сказалъ царю то, что ты хотѣлъ сказать, и что царь потомъ, когда уже ничего нельзя будетъ перемѣнить, подумаетъ и скажетъ: «если бы тогда кто-нибудь сказалъ мнѣ это»,—если это случится такъ, то ты вѣчно будешь раскаиваться, что не написалъ того, что думалъ. И потому я пишу Вашему Величеству то, что я думаю.

Я пишу изъ деревенской глуши, ничего вѣрнаго не знаю. То, что знаю, знаю по газетамъ и слухамъ, и потому, можетъ быть, пишу ненужные пустяки о томъ, чего вовсе нѣтъ,—тогда ради Бога простите мою самонадѣянность и вѣрьте, что я пишу не потому, что я высоко о себѣ думаю, а потому только, что, уже столь много виноватый передъ всѣми, боюсь быть еще виноватымъ, не сдѣлавъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Я буду писать не въ томъ тонѣ, въ которомъ обыкновенно пишутъ письма государю—съ цвѣтами подобострастія и фальшиваго краснорѣчія, которые только затемняютъ и чувства и мысли. Я буду писать просто, какъ человѣкъ къ человѣку.

Настоящія чувства моего уваженія къ Вамъ, какъ къ человѣку и къ царю, виднѣе будутъ безъ этихъ украшеній.

Отца Вашего, царя русскаго, сдѣлавшаго много добра и всегда желавшаго добра людямъ, стараго, добраго человѣка, безчеловѣчно изувѣчили и убили не личные враги его, но враги существующаго порядка вещей: убили во имя какого-то блага всего человѣчества.

Вы стали на его мѣсто, и передъ Вами тѣ враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете мѣсто Вашего отца, и для того мнимаго общаго блага, котораго они ищутъ, они должны желать убить и Васъ.

Къ этимъ людямъ въ душѣ Вашей должно быть чувство мести, какъ къ убійцамъ отца, и чувство ужаса передъ тою обязанностью, которую Вы должны были взять на себя. Болѣе ужаснаго положенія нельзя себѣ представить, болѣе ужаснаго потому, что нельзя себѣ представить болѣе сильнаго искушенія зла. «Враги отечества, народа, презрѣнные мальчишки, безбожныя твари, нарушающія спокойствіе и жизнь ввѣренныхъ милліоновъ, и убійцы отца. Что другое можно сдѣлать съ ними,

какъ не очистить отъ этой заразы русскую землю, какъ не раздавить ихъ, какъ мерзкихъ гадовъ? Этого требуетъ не мое личное чувство, даже не возмездіе за смерть отца, этого требуетъ отъ меня мой долгъ, этого ожидаетъ отъ меня вся Россія».

Въ этомъ-то искушеніи и состоитъ весь ужасъ Вашего положенія. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвѣщенные ученіемъ Христа.

Я не говорю о Вашихъ обязанностяхъ царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человѣка, и онѣ должны быть основой обязанностей царя и должны сойтись съ ними.

Богъ не спроситъ Васъ объ исполненіи обязанности царя, не спроситъ объ исполненіи царской обязанности, а спроситъ объ исполненіи человѣческихъ обязанностей. Положеніе Ваше ужасно, но только затѣмъ и нужно ученіе Христа, чтобы руководить насъ въ тѣхъ страшныхъ минутахъ искушенія, которыя выпадаютъ на долю людей. На Вашу долю выпало ужаснѣйшее изъ искушеній. Но какъ ни ужасно оно, ученіе Христа разрушаетъ его: всѣ сѣти искушеній, обставленныя вокругъ Васъ, какъ прахъ разлетятся передъ человѣкомъ, исполняющимъ волю Бога.

Мѳ. 5, 43. «Вы слышали, что сказано: люби ближняго и возненавидь врага твоего; а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ... благотворите ненавидящихъ васъ... да будете сынами Отца вашего Небеснаго».

Мѳ. 5, 38. Вамъ сказано: «Око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю: не противься злому».

Мѳ. 18, 22. «Не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ».

«Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать». Это сказано человѣку, и всякій человѣкъ можетъ исполнить это. И никакія царскія, государственныя соображенія не могутъ нарушить заповѣдей этихъ.

Мѳ. 5, 19. «И кто нарушитъ одну изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей, малѣйшимъ наречется въ Царствіи Небесномъ; а кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ».

Мѳ. 7, 24. «Итакъ, всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ; (25) и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ. (26) А всякій, кто слушаетъ сіи слова мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; (27) и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое».

Знаю я, какъ далекъ тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, отъ тѣхъ божескихъ истинъ, которыя выражены въ ученіи Христа и которыя живутъ въ нашемъ сердцѣ. Но истина—истина, и она живетъ въ нашемъ сердцѣ и отзывается восторгомъ и желаніемъ приблизиться къ ней. Знаю я, что я, ничтожный, дрянной человѣкъ, въ искушеніяхъ, въ 1000 разъ слабѣйшихъ, чѣмъ тѣ, которыя обрушились на Васъ, отдавался не истинѣ и добру, а искушенію, и что дерзко и безумно мнѣ, исполненному зла человѣку, требовать отъ Васъ той силы духа, которая не имѣетъ примѣровъ, требовать, чтобы Вы, русскій царь, подъ давленіемъ всѣхъ окружающихъ, и любящій сынъ, послѣ убійства отца простили бы убійцъ и отдали бы имъ добро за зло; но не желать этого я не могу; не могу не видѣть того, что всякій шагъ Вашъ къ прощенію есть шагъ къ добру, всякій шагъ къ наказанію есть шагъ ко злу,—не видѣть этого я не могу. Но какъ для себя, въ спокойную минуту, когда нѣтъ искушенія, надѣюсь, желаю всѣми силами души избрать путь любви и добра, такъ и за Васъ желаю и не могу не надѣяться, что Вы будете стремиться къ тому, чтобы быть совершенными, какъ Отецъ Вашъ на небѣ, и Вы сдѣлаете величайшее дѣло въ мірѣ — поборете искушеніе: и Вы, царь, дадите міру величайшій примѣръ исполненія ученія Христа — отдадите добро за зло. *«Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всѣмъ простите»*. Это и только это надо дѣлать. Это воля Бога. Достанетъ ли у кого или не достанетъ силы сдѣлать это, это другой вопросъ. Но только этого одного надо желать, къ этому одному стремиться, это одно считать хорошимъ и знать, что всѣ соображенія противъ этого — искушенія и соблазны и что *всѣ они* ни на чемъ не основаны, шатки и темны.

Но кромѣ того, что всякій человѣкъ долженъ и не можетъ ничѣмъ другимъ руководиться въ своей жизни, какъ этимъ выраженіемъ воли Божіей, исполненіе этихъ заповѣдей Божіихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое для жизни Вашей (и Вашего народа) разумное дѣйствіе.

Истина и благо — всегда истина и благо и на землѣ и на небѣ.

«Простить ужаснѣйшихъ преступниковъ противъ человѣческихъ и божескихъ законовъ и воздать имъ добро за зло» — многимъ это покажется въ лучшемъ смыслѣ идеализмомъ, безуміемъ, а многимъ—злонамѣренностью. Они скажутъ: «не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь». Но стоитъ вызвать тѣхъ, которые скажутъ это, на доказательства ихъ мнѣнія,—и безуміе, злонамѣренность окажутся на ихъ сторонѣ.

Около 20 лѣтъ тому назадъ завелось какое-то гнѣздо людей, большею частью молодыхъ, ненавидящихъ существующій порядокъ вещей и правительство. Люди эти представляютъ себѣ какой-то другой порядокъ вещей или даже никакого себѣ не представляютъ и всѣми безбожными, безчеловѣчными средствами—пожарами, грабежами, убійствами—разрушаютъ существующій строй общества, 20 лѣтъ борются съ этимъ гнѣздомъ, и какъ уксусное гнѣздо, постоянно зарождающее новыхъ дѣятелей, до сихъ поръ гнѣздо это не только не уничтожено, но оно растетъ, и люди эти дошли до ужаснѣйшихъ по жестокости и дерзости поступковъ, нарушающихъ ходъ государственной жизни.

Тѣ, которые хотѣли бороться съ этой язвой внѣшними, наружными средствами, употребляли два рода средствъ: одно—прямое отсѣченіе больного, гнилого, строгость наказанія, другое—предоставленіе болѣзни своему ходу, регулированіе ея: это были либеральныя мѣры, которыя должны были удовлетворить безпокойныя силы и утишить напоръ враждебныхъ силъ.

Для людей, смотрящихъ на дѣло съ матеріальной стороны, нѣтъ другихъ путей—или рѣшительныя мѣры пресѣченія или либеральнаго послабленія. Какіе бы и гдѣ бы ни собирались люди толковать о томъ, что нужно дѣлать въ теперешнихъ обстоятельствахъ, кто бы они ни были, знакомые въ гостиной, члены совѣта, собранія представителей, если они будутъ говорить о томъ, что дѣлать для пресѣченія зла, они не выйдутъ изъ этихъ двухъ воззрѣній на предметъ: или пресѣкать — строгость, казни, ссылки, полиція, стѣсненія цензуры и т. п., или либеральныя потачки — свобода, умѣренная мягкость мѣръ взысканій и даже представительство—конституція, соборъ.

Люди могутъ сказать много еще новаго относительно подробностей того и другого образа дѣйствій; во многомъ многіе изъ одного и того же лагеря будутъ несогласны, будутъ спорить, но ни тѣ, ни другіе не выйдутъ—одни изъ того, что они будутъ отыскивать средства насильственнаго пресѣченія зла, другіе—изъ того, что они будутъ отыскивать средства нестѣсненія, даванія хода затѣявшемуся броженію. Одни будутъ лѣчить болѣзнь рѣшительными средствами противъ самой болѣзни, другіе будутъ лѣчить не болѣзнь, но будутъ стараться поставить организмъ въ самыя выгодныя гигіеническія условія, надѣясь, что болѣзнь пройдетъ сама собою. Скажутъ много новыхъ подробностей, но ничего не скажутъ новаго, потому что та и другая мѣра уже были употреблены и ни та, ни другая не только не излѣчили больного, но не оказали никакого вліянія. Болѣзнь шла донынѣ, постоянно ухудшаясь. И потому я пола-

гаю, что нельзя такъ сразу называть исполненіе воли Бога по отношенію къ дѣламъ политическимъ мечтаніемъ и безуміемъ. Если даже смотрѣть на исполненіе закона Бога, святыню святынь, какъ на средство противъ житейскаго мірского зла, и то нельзя смотрѣть на него презрительно послѣ того, какъ, очевидно, вся житейская мудрость не помогла и не можетъ помочь.

Больного лѣчили и сильными средствами, и переставали давать сильныя средства, а давали ходъ его отправленія: ни та, ни другая система не помогли, — больной все больнѣе. Представляется еще средство—средство, о которомъ ничего не знаютъ врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое, неотъемлемое преимущество средство это имѣетъ передъ другими средствами—это то, что тѣ употреблялись безполезно, а это никогда еще не употреблялось.

Пробовали во имя государственной необходимости блага массъ стѣснять, ссылать, казнить; пробовали во имя той же необходимости блага массъ давать свободу,—все было то же. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только законъ Его, не думая ни о государствѣ, ни о благѣ массъ? Во имя Бога и исполненія закона Его не можетъ быть зла.

Другое преимущество новаго средства — и тоже несомнѣнное—то, что тѣ два средства сами въ себѣ были нехороши: первое состояло въ насиліи, казняхъ (какъ бы справедливы онѣ ни казались, каждый человѣкъ знаетъ, что оно зло); второе состояло въ не вполнѣ правдивомъ допущеніи свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой—придерживало ее. Приложеніе обоихъ средствъ, какъ ни казались они полезны для государства, было нехорошее дѣло для тѣхъ, которые прилагали ихъ. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душѣ человѣка, но доставляетъ высшую радость и счастье для его души.

Прощеніе и воздаяніе добромъ за зло есть добро въ самомъ себѣ. И потому приложеніе двухъ старыхъ средствъ должно быть противно душѣ христіанской, должно оставлять по себѣ раскаяніе, прощеніе же доставляетъ высшую радость тому, кто творитъ его.

Третье преимущество христіанскаго прощенія передъ подавленіемъ или искуснымъ направленіемъ вредныхъ элементовъ относится къ настоящей минутѣ и имѣетъ особую важность. Положеніе Ваше и Россіи теперь — какъ положеніе больного во время кризиса. Одинъ ложный шагъ, пріемъ средства ненужнаго, вреднаго, можетъ навсегда погубить больного. Точно такъ же теперь одно дѣйствіе въ томъ или другомъ смыслѣ—возмез-

дія за зло жестокими казнями или вызова представителей—можетъ связать все будущее. Теперь, въ эти двѣ недѣли суда надъ преступниками и приговора, будетъ сдѣланъ шагъ, который выберетъ одну изъ трехъ дорогъ предстоящаго распутья: путь подавленія зла зломъ или путь либеральнаго послабленія — оба испытанные и ни къ чему не приводящіе пути, и еще новый путь—путь христіанскаго исполненія воли Божіей царемъ, какъ человѣкомъ.

Государь! По какимъ-то роковымъ, страшнымъ недоразумѣніямъ въ душѣ революціонеровъ запала страшная ненависть противъ отца Вашего,—ненависть, приведшая ихъ къ страшному убійству. Ненависть эта можетъ быть похоронена съ нимъ. Революціонеры могли—хотя несправедливо—осуждать его за погибель десятковъ своихъ. На рукахъ Вашихъ нѣтъ крови. Вы—невинная жертва своего положенія. Вы чисты и невинны передъ собой и передъ Богомъ. Но Вы стоите на распутьи. Нѣсколько дней, и если восторжествуютъ тѣ, которые говорятъ и думаютъ, что христіанскія истины только для разговоровъ, а въ государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть,—Вы навѣки выйдете изъ того блаженнаго состоянія чистоты и жизни съ Богомъ и вступите на путь тьмы государственныхъ необходимостей, оправдывающихъ все и даже нарушеніе закона Бога для человѣка.

Не простите, казните преступниковъ,—Вы сдѣлаете то, что изъ числа сотенъ Вы вырвете трехъ, четырехъ, и зло родитъ зло, и на мѣсто трехъ, четырехъ выростутъ 30, 40, и сами навѣки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего вѣка, — минуту, въ которую Вы могли бы исполнить волю Бога и не исполнили ея, и сойдете навѣки съ того распутья, на которомъ Вы могли выбрать добро вмѣсто зла, и навѣки завязнете въ дѣлахъ зла, называемыхъ государственной пользой (Мѳ. 5, 25).

Простите, воздайте добромъ за зло,—и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу, и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту.

Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали ихъ куда-нибудь въ Америку и написали бы манифестъ со словами вверху: «А Я говорю: любите враговъ своихъ»,—не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу всякій разъ, когда бы слышалъ Ваше имя. Да что я говорю: «не знаю, что дру-

гіе!» Знаю, какимъ бы потокомъ разлились по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ.

Истины Христовы живы въ сердцахъ людей, и однѣ онѣ живы, и любимъ мы людей только во имя этихъ истинъ.

И Вы, царь, провозгласили бы не словомъ, а дѣломъ эту истину. Но можетъ быть, это все мечтанія, ничего этого нельзя сдѣлать. Можетъ быть, что хотя и правда, 1) болѣе вѣроятности въ успѣхѣ отъ такихъ дѣйствій, никогда еще не испытанныхъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которыя пробовали и которыя оказались невыгодными, и что 2) такое дѣйствіе навѣрно хорошо для человѣка, который совершитъ его, и 3) что теперь Вы стоите на распутьи и это единственный моментъ, когда Вы можете поступить по-Божьи, и что, упустивъ этотъ моментъ, Вы уже не вернете его, — можетъ быть, что все это и правда, но скажутъ: это невозможно. Если сдѣлать это, то погубишь государство.

Но положимъ, что люди привыкли думать, что божественныя истины—истины только духовнаго міра, а не приложимы къ житейскому; положимъ, что враги скажутъ: мы не принимаемъ ваше средство, потому что хотя оно и не испытано и само по себѣ не вредно, и правда, что теперь кризисъ, мы знаемъ, что оно сюда не идетъ и ничего, кромѣ вреда, сдѣлать не можетъ. Они скажутъ: христіанское прощеніе и воздаяніе добромъ за зло хорошо для каждаго человѣка, а не для государства. Приложеніе этихъ истинъ къ управленію государствомъ погубитъ государство.

Государь! вѣдь это ложь, злѣйшая, коварнѣйшая ложь. Исполненіе закона Бога погубитъ людей? Если это законъ Бога для людей, то онъ всегда и вездѣ законъ Бога, и нѣтъ другого закона, воли Его. И нѣтъ кощунственнѣе рѣчи, какъ сказать: законъ Бога не годится. Тогда онъ не законъ Бога. Но, положимъ, мы забудемъ, что законъ Бога выше всѣхъ другихъ законовъ и всегда приложимъ,—мы забудемъ это. Хорошо: законъ Бога неприложимъ и, если исполнить его, то выйдетъ зло еще хуже. Если простить преступниковъ, выпустить всѣхъ изъ заключеній и ссылокъ, то произойдетъ худшее зло. Да почему же это такъ? Кто сказалъ это? Чѣмъ вы докажете это? Своею трусостью. Другого у васъ нѣтъ доказательства. И, кромѣ того, вы не имѣете права отрицать ничьего средства, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваши не годятся.

Они скажутъ: выпустить всѣхъ, и будетъ рѣзня, потому что немного выпустить, то бываютъ малые безпорядки, много выпустить, бываютъ большіе безпорядки. Они разсуждаютъ такъ,

говоря о революціонерахъ какъ о какихъ-то бандитахъ, шайкѣ, которая собралась, и когда ее переловить, то она кончится. Но дѣло совсѣмъ не такъ: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать ихъ побольше, а то, чтобы уничтожить ихъ закваску, дать другую закваску. Что такое революціонеры? Это люди, которые ненавидятъ существующій порядокъ вещей, находятъ его дурнымъ и имѣютъ въ виду основы для будущаго порядка вещей, который будетъ лучше.

Убивая, уничтожая ихъ, нельзя бороться съ ними. Не важно ихъ число, а важны ихъ мысли. Для того, чтобы бороться съ ними, надо бороться духовно. Ихъ идеалъ есть общій достатокъ, равенство, свобода; чтобы бороться съ ними, надо поставить противъ нихъ идеалъ такой, который бы былъ выше ихъ идеала, включалъ бы въ себя ихъ идеалъ. Французы, англичане теперь борются съ ними и такъ же безуспѣшно.

Есть только одинъ идеалъ, который можно противопоставить имъ, — тотъ, изъ котораго они выходятъ, не понимая его и кощунствуя надъ нимъ,—тотъ, который включаетъ ихъ идеалъ: идеалъ любви, прощенія и воздаянія добра за зло. Только одно слово прощенія и любви христіанской, сказанное и исполненное съ высоты престола,—и путь христіанскаго царствованія, на который предстоитъ вступить Вамъ, можетъ уничтожить то зло, которое точитъ Россію. Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революціонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа.

1881 г.

Къ гр. С. А. Толстой.

. . . .

Дошелъ хуже, чѣмъ я ожидалъ. Натеръ мозоли, поспалъ и здоровьемъ чувствую лучше, чѣмъ ожидалъ. Здѣсь купилъ чуни пенечныя, и въ нихъ пойдется легче. Пріятно, полезно и поучительно очень. Только бы далъ Богъ намъ свидѣться здоровыми всей семьей и чтобы не было дурного ни съ тобой, ни со мной, а то я никакъ не буду раскаиваться, что пошелъ.

Нельзя себѣ представить, до какой степени ново, важно и полезно для души (для взгляда на жизнь) увидать, какъ живетъ міръ Божій большой, настоящій, а не тотъ, который мы устроили себѣ и изъ котораго не выходимъ, хотя бы объѣхали вокругъ свѣта. Дмитрій Ѳедоровичъ (яснополянскій учитель) идетъ со мной до Оптиной. Онъ тихій и услужливый человѣкъ. Ночевали мы въ Селивановѣ у богатаго мужика, бывшаго старшины, арен-

датора. Изъ Одоева напишу и изъ Бѣлева напишу. Я очень берегу себя и купилъ нынче винныхъ ягодъ для желудка. Если бы ты видѣла вчера на ночлегѣ дѣвочку Мишиныхъ лѣтъ, ты бы влюбилась въ нее: ничего не говоритъ и все понимаетъ, и на все улыбается, и никто за ней не смотритъ. Главное, новое чувство— это сознавать себя и передъ собою и передъ другими только тѣмъ, что я есмь, а не тѣмъ, что я — вмѣстѣ со своей обстановкой. Нынче мужикъ въ телѣгѣ обгоняетъ. «Дѣдушка, куда Богъ несетъ?» — «Въ Оптину». — «Что жъ, тамъ и жить останешься?» И начинается разговоръ.

Только бы тебя не разстраивали и большія и малыя дѣти. Только бы гости не были непріятны, только бы сама была здорова, только бы ничего не случилось, только бы... я дѣлалъ все хорошее и ты тоже, и тогда все будетъ хорошо

. . . .

1881 г., іюль 11.

Къ ней же.

. . . .

Ты нынче выѣзжаешь въ Москву. Ты не повѣришь, какъ меня мучаетъ мысль о томъ, что ты черезъ силу работаешь, и раскаяніе въ томъ, что я мало (вовсе) не помогалъ тебѣ.

Вотъ уже на это кумысъ былъ хорошъ, чтобы заставить меня спуститься съ той точки зрѣнія, съ которой я невольно, увлеченный своимъ дѣломъ, смотрѣлъ на все. Я теперь иначе смотрю. Я все то же думаю и чувствую, но я излѣчился отъ заблужденія, что другіе люди могутъ и должны смотрѣть на все, какъ я. Я много передъ тобой былъ виноватъ, душенька, безсознательно, невольно виноватъ, ты знаешь это, но виноватъ.

Оправданіе мое въ томъ, что для того, чтобы работать съ такимъ напряженіемъ, съ какимъ я работалъ, и сдѣлать что нибудь, нужно забыть все. И я слишкомъ забывалъ о тебѣ и каюсь, ради Бога и любви нашей, какъ можно береги себя. Откладывай больше до моего пріѣзда, я все сдѣлаю съ радостью, и сдѣлаю недурно, потому что буду стараться.

1881 г., авг. 24.

Къ В. И. Алексѣеву.

Спасибо вамъ за хорошее письмо, дорогой В. И., мы какъ будто забываемъ, что любимъ другъ друга. Я не хочу этого забывать — не хочу забывать того, что я вамъ во многомъ обя-

занъ, въ томъ спокойствіи и ясности моего міросозерцанія, до котораго я дошелъ. Я васъ узналъ, перваго человѣка (тронутаго образованіемъ) не на словахъ, а въ сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала яснымъ и непоколебимымъ для меня свѣтомъ. Это заставило меня вѣрить въ возможность того, что смутно всегда шевелилось въ душѣ. И поэтому вы какъ были, такъ и останетесь всегда дороги. Смущаетъ меня неясность, непослѣдовательность вашей жизни, смущаетъ ваше предпослѣднее письмо, полное заботъ мірскихъ, но я самъ такъ недавно былъ переполненъ ими и до сихъ поръ такъ плохъ въ своей жизни, что мнѣ пора знать, какъ сложно переплетается жизнь съ прошедшими соблазнами, и что дѣло не во внѣшнихъ формулахъ, а въ вѣрѣ. И мнѣ радостно думать, что у насъ съ вами вѣра одна.

О моихъ предположеніяхъ собирать долги и на эти деньги учредить что-нибудь для пользы людей, долженъ сказать, что все это пустяки, даже хуже чѣмъ пустяки, это — дурное тщеславіе. Одно смягчающее мою вину и объясняющее обстоятельство это—то, что я дѣлалъ это для своихъ, для своей семьи. Изъ денегъ, разумѣется, кромѣ зла (какъ и вы пишете), едва ли что-нибудь выйдетъ, но для моей семьи — это начало того, къ чему я тяну постоянно, — отдать то, что есть не для того, чтобы сдѣлать добро, а чтобы быть меньше виноватымъ.

То, что мои доводы мало убѣдительны, я очень хорошо знаю. Ошибаюсь ли я или нѣтъ, но я думаю, что я могу сдѣлать ихъ неопровержимыми для всякаго человѣка логическаго, разсуждающаго; но я убѣдился, что убѣждать логически не нужно. Я пережилъ уже эту эпоху. То, что я писалъ и говорилъ, достаточно для того, чтобы указать путь; всякій ищущій самъ найдетъ и найдетъ лучше и больше, и свойственнѣе себѣ доводы, но дѣло въ томъ, чтобы показать путь. Теперь же я убѣдился, что показать путь можетъ только жизнь, — примѣръ жизни. Дѣйствіе этого примѣра очень не быстро, очень неопредѣленно (въ томъ смыслѣ, что, думаю, никакъ не можешь знать, на кого оно подѣйствуетъ), очень трудно. Но оно одно даетъ толчокъ. Примѣръ — доказательство возможности христіанской, т.-е. разумной и счастливой, жизни при всѣхъ возможныхъ условіяхъ; это одно двигаетъ людей и это одно нужно и мнѣ и вамъ, и давайте помогать другъ другу это дѣлать.

Пишите мнѣ, и будемте какъ можно правдивѣе другъ передъ другомъ.

Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

Москва,
1881 г., окт. (?).

Къ нему же.

Спасибо вамъ, дорогой Василій Ивановичъ, за письмо ваше. Думаю я о васъ безпрестанно и люблю васъ очень. Вы недовольны собой, что же мнѣ-то сказать про себя? Мнѣ очень тяжело въ Москвѣ. Больше двухъ мѣсяцевъ я живу и все такъ же тяжело. Я вижу теперь, что я зналъ про все то, про всю громаду соблазновъ, въ которыхъ живутъ люди, но не вѣрилъ имъ, не могъ представить ихъ себѣ, какъ вы знали, что есть Кавказъ по географіи, но узнали его только, когда пріѣхали въ него. И громада этого зла подавляетъ меня, приводитъ въ отчаяніе, вселяетъ недовѣріе, удивляетъ меня, — какъ же никто не видитъ этого? Можетъ быть, и мнѣ нужно было это, чтобы яснѣе найти свой честный путь въ жизни. Представляется прежде всего одно изъ двухъ: или опустить руки и страдать бездѣятельно, предаваясь отчаянію, или помириться со зломъ, затуманивать себя винтомъ, пустомельемъ, суетой. Но, къ счастью, я послѣдняго не могу, а первое слишкомъ мучительно, и я ищу выхода. Выходъ представляется мнѣ одинъ: проповѣдь печатная и изустная. Но тутъ тщеславіе, гордость, и можетъ быть, самообманъ, и боишься его. Другой выходъ — дѣлать добро людямъ, но тутъ огромность числа несчастныхъ подавляетъ. Не такъ, какъ въ деревнѣ, гдѣ складывается кружокъ естественный. Единственный выходъ, который я вижу изъ этого — жить хорошо, всегда ко всѣмъ поворачиваться доброй стороной, но этого я все еще не умѣю дѣлать, какъ вы. Вспоминаю я васъ, когда обрываюсь на этомъ. Рѣдко могу быть такимъ — я горячъ, сержусь, негодую и недоволенъ собою. Есть и здѣсь люди. И мнѣ далъ Богъ сойтись съ двумя: Орловъ одинъ, другой, и главный Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Это библіографъ Румянцевской библіотеки. Помните, я вамъ разсказывалъ? Они составили планъ общаго дѣла всего человѣчества, имѣющаго цѣлью воскресенье всѣхъ людей во плоти. Во-первыхъ, это не такъ безумно, какъ кажется. Не бойтесь, я не раздѣляю его взглядовъ, но я такъ понялъ ихъ, что чувствую себя въ силахъ защитить эти взгляды передъ всякимъ другимъ вѣрованіемъ, имѣющимъ внѣшнюю цѣль; во-вторыхъ, и главное, благодаря этому вѣрованію онъ по жизни самый чистый христіанинъ. Когда я ему говорю объ исполненіи Христова ученія, онъ говоритъ: «да, это разумѣется», и я знаю, что онъ исполняетъ его. Ему 60 лѣтъ, онъ нищій, все отдаетъ, всегда веселъ и кротокъ. Орловъ — пострадавшій, 2 года сидѣлъ по дѣлу Нечаева, и болѣзненный, тоже аскетъ по

жизни и кормитъ 9 душъ и живетъ хорошо. Онъ учитель въ желѣзнодорожной школѣ. Соловьевъ здѣсь, но онъ головной. Еще былъ я у Сютаева, тоже христіанинъ и на дѣлѣ. Книгу мою — «Краткое изложеніе»—читали и Орловъ, и Ѳедоровъ, и мы единомышленники съ Сютаевымъ во всемъ, до малѣйшихъ подробностей. Ну, казалось бы, хорошо. Кромѣ того, пишу разсказы, въ которыхъ хочу выразить мои мысли. Казалось бы, хорошо, но нѣтъ спокойствія.

Торжество равнодушія, приличія, привычность зла и обмана — давятъ.

Сижу все дома, утромъ пытаюсь работать, плохо идетъ. Часа въ 2—3 иду за Москву-рѣку пилить дрова. И когда есть сила и охота подняться, это освѣжаетъ меня, придаетъ силы, видишь жизнь настоящую и хотя прыжкомъ въ нее окунешься и освѣжишься. Но когда не хожу (тому назадъ недѣли три я ослабѣлъ и пересталъ ходить, и совсѣмъ было опустился), раздраженіе, тоска. Вечеромъ сижу дома и одолѣваютъ гости. Хоть и интересные, но пустые разговоры, и теперь хочу затвориться отъ нихъ. Перечелъ письмо и вижу, что оно ужасно безтолково, но боюсь, не сумѣю написать лучше и посылаю. Напишу непремѣнно получше въ другой разъ.

Пишите, пожалуйста, почаще.

Москва,
1881 г., ноябрь (?).

Къ гр. С. А. Толстой.

. . . .

...Я думаю, что лучше, спокойнѣе мнѣ нигдѣ бы не могло быть.

Ты вѣчно въ домѣ и въ заботахъ семьи не можешь чувствовать ту разницу, которая составляетъ для меня городъ и деревня.

Впрочемъ, нечего говорить и писать въ письмѣ; я объ этомъ самомъ пишу теперь, и ты прочтешь яснѣе, если удастся написать. Главное зло города для меня и для всѣхъ людей мысли (о чемъ я не пишу) — это то, что безпрестанно приходится или спорить, опровергать ложныя сужденія или соглашаться съ ними безъ спора, что еще хуже. А спорить и опровергать пустяки и ложь — самое праздное занятіе и ему конца нѣтъ, потому что лжей можетъ быть и есть безчисленное количество. А занимаешься этимъ и начинаешь воображать, что это дѣло, а это самое большое бездѣлье. Если же не споришь, то что-нибудь уяснишь себѣ такъ, что оно исключаетъ возможность спора, а это дѣлается только въ тишинѣ и уединеніи, — я знаю, что нужно и общеніе съ

подобными себѣ и очень нужно, и мои три мѣсяца въ Москвѣ. съ одной стороны, мнѣ дали очень много, не говоря уже объ Орловѣ, Николаѣ Ѳедоровичѣ, Сютаевѣ; ближе узнать людей. общество даже, которое холодно осуждалъ издалека, — мнѣ дало очень много. И я разбираюсь со всѣмъ этимъ матеріаломъ. Перепись и Сютаевъ уяснили мнѣ очень многое. Такъ не безпокойся обо мнѣ. Случиться все можетъ и вездѣ, но я здѣсь въ условіяхъ самыхъ хорошихъ и безопасныхъ.

Ясная Поляна,
1882 г., мартъ (?).

Къ В. И. Алексѣеву.

Милый другъ. Только что видѣлъ васъ во снѣ и хотѣлъ писать вамъ, какъ получилъ ваше письмо. Я скучаю по васъ часто, но радуюсь, что вамъ хорошо, никогда не думая, что вамъ не хорошо. Вашъ удѣлъ очень счастливый. Разумѣется, счастье все въ себѣ. Но по внѣшнимъ условіямъ — можно жить и въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ самой гущѣ соблазновъ, можно въ среднихъ и въ самыхъ легкихъ. Вы почти въ самыхъ легкихъ. Мнѣ Богъ никогда не давалъ такихъ условій, завидую вамъ часто,—любовно завидую, но завидую...

У насъ въ семьѣ были нездоровы, но теперь все хорошо, и болѣе или менѣе по-старому. Сережа много занимается и вѣритъ въ университетъ.

Таня полудобрая, полусерьезная, полуумная, — не дѣлается хуже, скорѣе дѣлается лучше. Ильюша лѣнится, растетъ, и еще душа его не задавлена органическими процессами. Лева и Маша мнѣ кажутся лучше, они не захватили моей грубости, которую захватили старшіе, и мнѣ кажется, что они развиваются въ лучшихъ условіяхъ и потому лучше и добрѣе старшихъ. Малыши славные мальчики, здоровые. Я довольно спокоенъ, но грустно часто отъ торжествующаго самоувѣреннаго безумія окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачѣмъ мнѣ дано такъ ясно видѣть ихъ безуміе, а они совершенно лишены возможности понять свое безуміе и свои ошибки, и мы такъ стоимъ другъ противъ друга, не понимая другъ друга и удивляясь и осуждая другъ друга. Только ихъ легіонъ, а я одинъ, имъ какъ будто весело, а мнѣ какъ будто грустно. Все это время я очень пристально занимался еврейскимъ языкомъ и выучилъ его почти, читаю ужъ и понимаю. Учитъ меня раввинъ здѣшній, Миноръ, очень хорошій и умный человѣкъ. Я очень много узналъ благо-

даря этимъ занятіямъ, а, главное, очень занятъ. Здоровье мое слабѣетъ и очень часто хочется умереть, но знаю, что это дурное желаніе—это второе искушеніе. Видно, я не пережилъ еще его.

Прощайте, мой дорогой, дай вамъ Богъ того, что у меня бываетъ въ хорошія минуты, вы это знаете, лучше этого ничего нѣтъ.

Москва,
1882 г., ноябрь (?).

О религіи.

[Отрывокъ изъ письма къ позитивисту. (Къ Фрею.)]

Все недоразумѣніе зиждется на томъ, что вы, говоря о религіи, совсѣмъ не то понимаете подъ нею, что̀ понимали Конфуцій, Лао-тзе, Будда, Христосъ. У васъ религію надо выдумать или, по крайней мѣрѣ, придумать—и такую, которая хорошо бы дѣйствовала на людей и сходилась бы съ наукой и которая совокупляла и обнимала все, согрѣвая людей, поощряя ихъ къ добру, но не нарушала бы ихъ жизни. Я же понимаю (льщу себя надеждой, что не я одинъ) религію совсѣмъ не такъ. Религія есть сознаніе тѣхъ истинъ, которыя общи, понятны всѣмъ людямъ во всѣхъ положеніяхъ, во всѣ времена и несомнѣнны какъ 2×2=4. Дѣло религіи есть нахожденіе и выраженіе этихъ истинъ, и когда истина эта выражена, то она неизбѣжно измѣняетъ жизнь людей. И потому то, что̀ вы называете схемой, не есть вовсе произвольное утвержденіе кого-нибудь, а есть выраженіе тѣхъ законовъ, которые всегда неизмѣнны и чувствуются всѣми людьми. Дѣло религіи подобно дѣлу геометріи. Отношеніе катетовъ къ гипотенузѣ всегда было, и люди знали, что есть какое-то; но когда Пиѳагоръ указалъ и доказалъ его, то оно стало достояніемъ всѣхъ.—И говорить, что схема нравственности нехороша, потому что она исключаетъ другія схемы, все равно, что говорить, что теорема отношенія катетовъ къ гипотенузѣ нехороша, потому что она нарушаетъ другія ложныя предположенія.—Оспаривать схему (какъ вы называете), истину (какъ я называю) Христа нельзя тѣмъ, что она не подходитъ къ выдуманной религіи человѣчества и исключаетъ другія схемы (по-вашему), ложь (по-моему), а ее надо оспаривать, прямо доказавъ, что она не истина. Религія слагается не изъ набора словъ, который можетъ хорошо дѣйствовать на людей; религія слагается изъ простыхъ, очень видныхъ, ясныхъ, несомнѣнныхъ нравственныхъ истинъ, которыя выдѣляются изъ хаоса ложныхъ и обманныхъ сужденій,

и таковы истины Христа. Если бы я нашелъ такія истины у Каткова, я сейчасъ же невольно бы ихъ принялъ. На этомъ вашемъ пониманіи того, что я, да и всѣ люди религіозные считаютъ религіей, и на желаніи поставить на мѣсто этого извѣстную форму пропаганды зиждется недоразумѣніе.

1886 г.

О борьбѣ со зломъ.

Я долгимъ и тяжелымъ опытомъ пришелъ къ убѣжденію, что аргументировать съ людьми, которые не видятъ того, чего они не могутъ не видѣть, безполезно, потому что такіе люди руководимы въ своихъ разсужденіяхъ не исканіемъ правды, а защитой своего положенія, своего прошедшаго и настоящаго. Аргументировать съ такими людьми все равно, что доказывать строителю, который, поставивъ домъ, въ которомъ онъ полагаетъ всю свою гордость и жизнь, и найдя, что углы его дома не прямые, не хочетъ знать и видѣть того, что прямой уголъ есть $^1/_2$ угловъ по одну сторону прямой.

Ему нужно, чтобы тотъ уголъ, который онъ построилъ, считая прямымъ, былъ бы прямой, и потому онъ, умный, серьезный человѣкъ, не хочетъ и не можетъ понять свойствъ прямого угла. То же и съ тѣми возраженіями, которыя я слышу постоянно противъ такой же несомнѣнной и очевидной нравственной истины—непротивленія злу насиліемъ—съ двухъ враждебныхъ другъ другу сторонъ: правительственной, консервативной, и революціонной.

Одна сторона начала строить тупой уголъ, другая по этому самому стала строить острый. Обѣ стороны негодуютъ другъ на друга, а еще болѣе на угольникъ, который показываетъ имъ, что обѣ неправы. Вы защищаете противъ очевидности и самихъ себя тотъ уголъ, который вы завели и который не сходится съ прямымъ, который вы очень хорошо знаете. И потому я не стану доказывать вамъ того, что вы знаете такъ же, какъ и я; но только попрошу васъ на время усомниться въ томъ, что все, что вы дѣлали, было то самое, что должно было дѣлать, и что то самое, что вы намѣрены дѣлать, есть то, что должно быть, и съ этой отвлеченной точки взглянуть хотя бы на доводы вашего письма и ясную, прямую цѣль ихъ.

Доводы ваши сводятся къ тому, что человѣкъ во имя любви къ людямъ можетъ и *долженъ* убивать людей, потому что есть

какія-то для меня таинственныя или самыя непонятныя разсужденія, во имя которыхъ люди всегда и убивали другъ друга,— тѣ самые, по которымъ Каіафа нашелъ, что выгоднѣе убить одного Христа, чѣмъ погубить цѣлый народъ. Цѣль же всѣхъ доводовъ есть оправданіе убійства. Вы даже какъ будто негодуете на то, что есть люди, утверждающіе, что никогда не надо убивать, точно такъ же, какъ я встрѣчалъ негодующихъ на людей, которые утверждаютъ, что женъ и дѣтей не надобно бить.

Человѣчество живетъ, нравственное сознаніе растетъ въ немъ, и оно доживаетъ сначала до того, что сознаетъ нравственную невозможность ѣсть своихъ родителей, потомъ убивать излишнихъ дѣтей, потомъ убивать плѣнныхъ, потомъ держать рабовъ, потомъ битьемъ приводить въ согласіе своихъ семейныхъ и потомъ — одно изъ главныхъ пріобрѣтеній человѣчества—невозможность убійствомъ и вообще насиліемъ достигать своего совокупнаго блага. Есть люди, дожившіе до этой стадіи нравственнаго сознанія; есть люди, не дожившіе до нея.

Спорить и доказывать другъ другу нечего. Какъ бы убѣдительно ни доказывали мнѣ, что я достигну большаго блага для своихъ дѣтей и для всего человѣчества, если я поучу плетью своего сына, я никакъ не могу этого сдѣлать, какъ и не могу убивать. Я знаю только то, что, какъ я не могу драться, бить дѣтей, я не могу убивать. И спорить не о чемъ. Одно могу сказать, что тѣмъ, которые хотятъ защищать насиліе и въ особенности убійство, не слѣдуетъ говорить о любви, какъ людямъ, хотящимъ доказать, что острый уголъ ихъ зданія—прямой, не слѣдуетъ говорить о перпендикулярности сторонъ, потому что, утверждая это, они сами себя отрицаютъ. Если уже говорить о любви, то никакіе примѣры разбойниковъ никакъ не приведутъ къ необходимости убійства другого, а приведутъ только къ самому простому и неизбѣжному выводу изъ любви — къ тому, что человѣкъ защититъ другого своимъ тѣломъ, отдастъ свою жизнь, а никакъ ужъ не возьметъ жизнь другого.

Я не хотѣлъ было доказывать, но какъ будто начинаю доказывать. Ну и пускай. Письмо ваше не только заинтересовало, но и тронуло меня: подъ толстой корой (простите меня) вашихъ суевѣрій я увидалъ серьезный умъ и доброе сердце, и мнѣ бы хотѣлось братски подѣлиться съ вами тѣмъ пониманіемъ жизни, которое даетъ мнѣ благо.

Вы прекрасно говорите о томъ, что основная заповѣдь есть заповѣдь любви, но неправильно говорите, что всякія частныя заповѣди могутъ нарушать ее. Вы тутъ неправильно смѣши-

ваете двѣ разныя вещи: заповѣдь — не ѣсть свинины и хотя бы заповѣдь—не убивать. Первая можетъ быть въ разногласіи съ любовью, потому что не имѣетъ предметомъ любви. Но вторая есть только выраженіе той степени сознанія, которой достигло человѣчество въ опредѣленіи любви. Любовь очень опасное слово. Вы знаете, что во имя любви въ семьѣ совершаются самые злые поступки, во имя любви къ отечеству—еще худшіе, а во имя любви къ человѣчеству—самые страшные ужасы. Что любовь даетъ смыслъ жизни человѣческой, давно извѣстно, но въ чемъ любовь? Этотъ вопросъ не переставая рѣшается мудростью человѣчества и рѣшается всегда отрицательнымъ путемъ: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило подъ фирмой любви, не есть любовь. Убивать людей—не любовь, мучить ихъ, бить ихъ во имя чего бы то ни было, предпочитать однихъ другимъ — тоже не любовь. И заповѣдь «не противиться злу насиліемъ» есть такая заповѣдь, указывающая тотъ предѣлъ, на которомъ прекращается дѣятельность любви. И въ этомъ дѣлѣ можно идти впередъ, но не назадъ, какъ вы хотите.

Вѣдь выходитъ удивительное дѣло: вы, человѣкъ, признающій то, что смыслъ жизни въ служеніи другимъ во имя любви, вы негодуете на то, что вамъ указанъ вѣрный и несомнѣнный путь этого служенія, въ родѣ того, что человѣкъ негодовалъ бы на то, что опредѣленъ среди мелей и подводныхъ камней вѣрный путь для его плаванія. «Зачѣмъ это стѣсненіе? Можетъ случиться, что мнѣ надобно будетъ сѣсть на мель». Развѣ не то же самое вы говорите, когда возмущаетесь на то, что нельзя убивать убивающаго воображаемаго разбойника. «Ну, а если нельзя иначе?» Ну, а если нельзя иначе, какъ сѣсть на мель? Можетъ быть, я сяду на мель, но я не могу не радоваться, что у меня есть путь, и не могу не стремиться всѣми силами души идти по немъ.

Вы приводите сравненіе о томъ, что правило «не противиться злу насиліемъ» подобно правилу не бросать дѣтей въ окно, а между тѣмъ это можетъ понадобиться, и потому дѣлаете заключеніе, что положеніе о томъ, что не надо бросать дѣтей въ окно, неправильно. Но вѣдь это прямо противъ васъ. Положеніе это вполнѣ правильно и необходимо. Настаивать на томъ, что нельзя запрещать бросать дѣтей въ окна, потому что надобность эта можетъ встрѣтиться при пожарѣ, вѣдь можетъ только тотъ, для кого нужно вообще мучить дѣтей, тому, кто занятъ такой дѣятельностью, при которой эта необходимость безпрестанно встрѣчается. Простите меня, вѣдь это такъ и есть въ

вашемъ случаѣ. И это-то ужасно! Вы, несомнѣнно умный человѣкъ, идете прямо противъ здраваго смысла и, несомнѣнно добрый и самоотверженный человѣкъ, отстаиваете насиліе и убійство.

Насиліе и убійство возмутило васъ и вы увлеклись естественнымъ чувствомъ: положимъ, стали противодѣйствовать насилію и убійству насиліемъ и убійствомъ. Такая дѣятельность, хотя и близкая къ животной, неразумная, не имѣетъ въ себѣ ничего безсмысленнаго и противорѣчиваго; но какъ только правительства или революціонеры хотятъ оправдать такую дѣятельность разумными основаніями, тогда является ужасающая безсмыслица, и необходимо нагроможденіе софизмовъ, чтобъ не видна была безсмысленность такой попытки. Оправданія такого рода всегда основываются на предположеніи того воображаемаго разбойника, не имѣющаго въ себѣ ничего человѣческаго, который убиваетъ и мучаетъ невинныхъ, и этотъ-то воображаемый звѣрь, какъ будто постоянно находящійся въ процессѣ убиванія невинныхъ, и служитъ основаніемъ разсужденій всѣхъ насильниковъ о необходимости насилія. Но вѣдь такой разбойникъ есть самый исключительный, рѣдкій и даже невозможный случай. Многіе люди могутъ прожить сотни лѣтъ, какъ я прожилъ 60 лѣтъ, никогда не встрѣтивъ этого фиктивнаго разбойника въ процессѣ совершенія своего преступленія. Зачѣмъ же я буду правило своей жизни основывать на этой фикціи?

Разсуждая о дѣйствительной жизни, а не о фикціи, мы видимъ совсѣмъ другое: мы видимъ людей, и даже самихъ себя, совершающихъ самыя жестокія дѣла, во-первыхъ, не одиночно, какъ воображаемый разбойникъ, а всегда въ связи съ другими людьми, и не потому, что мы звѣри, не имѣющіе ничего человѣческаго, а потому, что мы находимся въ заблужденіяхъ и соблазнахъ. Мало того, разсуждая о жизни, мы видимъ, напротивъ, что самыя жестокія дѣла, какъ побоища людей, динамиты, гильотины, висѣлицы, одиночныя тюрьмы, собственность, суды, власть и всѣ ея послѣдствія, всѣ происходятъ не отъ воображаемаго разбойника, а отъ тѣхъ людей, которые основываютъ свои правила жизни на нелѣпой фикціи воображаемаго звѣря-разбойника. Такъ что человѣкъ, разсуждающій о жизни, не можетъ не видѣть, что причина зла людей никакъ не лежитъ въ воображаемомъ разбойникѣ, а въ заблужденіяхъ своихъ и другихъ людей, изъ которыхъ одно изъ самыхъ жестокихъ состоитъ въ томъ, чтобы во имя воображаемаго зла совершить дѣйствительное; и потому такой человѣкъ, направивъ свою дѣятельность на причину зла, на искорененіе заблужденій въ себѣ и другихъ, и посвятивъ на это свои силы, увидитъ передъ собой

такую огромную и плодотворную дѣятельность, что никакъ не поймеъ даже зачѣмъ ему для его дѣятельности фикція о разбойникѣ, на котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ никогда не наткнется. Если же и наткнется, то сдѣлаетъ и по отношенію къ разбойнику, по всѣмъ вѣроятіямъ, совсѣмъ другое, чѣмъ тотъ, который всю свою жизнь, еще никогда не видавъ разбойника, злобится на него.

Теперь я прошу и васъ простить меня, если я написалъ что-либо рѣзкое, и постараться понять меня тамъ, гдѣ я не точно выражался, а главное—вѣрить, что побужденіе мое при писаніи этого письма было одно—любовь и уваженіе къ вамъ и желаніе быть вамъ полезнымъ.

1886 г.

Часовщикъ.

(Изъ письма къ В. Гр. Черткову.)

Что дѣлаетъ часовщикъ, собирая часы, если онъ мастеръ и точно умѣетъ дѣлать часы?

Всѣ пальцы его заняты: одни держатъ колесо, другіе подставляютъ ось, третьи придвигаютъ шестерню. Все это дѣлаетъ онъ съ мягкостью, съ нѣжностью. Онъ знаетъ, что не только, если онъ грубо засунетъ одно въ другое, если даже чуть наляжетъ неловко на одну часть, забывъ другую, то все разлетится, и ему лучше не дѣлать этого дѣла, если онъ не можетъ отдать всѣхъ своихъ силъ. Это говорю я вотъ къ чему.

Сначала люди живутъ, не зная зачѣмъ, живутъ только въ свое удовольствіе, которое и подмѣниваетъ имъ вопросъ: «зачѣмъ?» Но потомъ приходитъ время для каждаго разумнаго существа, онъ спрашиваетъ: «зачѣмъ?» и получаетъ тотъ отвѣтъ отъ Христа, который всѣ мы знаемъ: «чтобы дѣлать дѣло Божіе».

Неужели же дѣло Божіе или менѣе важно, или менѣе сложно, чѣмъ часы? Неужели можно дѣлать дѣло Божіе съ плеча, и все выйдетъ?

Въ часахъ нельзя надавить не на ту часть, какую надо, а защитники мірской жизни говорятъ: «что тутъ разбирать, не входитъ въ мѣсто, бацни молоткомъ хорошенько, прямо войдетъ». Имъ все равно, что сплюснется все остальное. Они и не видятъ этого.

Въ часахъ нельзя работать безъ полнаго вниманія и, такъ сказать, любви ко всѣмъ частямъ.

Неужели же можно такъ работать дѣло Божіе?

Хорошо такъ съ плеча дѣлать дѣло Божіе (т.-е. жить не въ любви съ братьями) тому, кто не совсѣмъ вѣритъ, что его дѣло есть дѣло Божіе. Но когда человѣкъ повѣритъ, что смыслъ его жизни только въ томъ, чтобы содѣйствовать соединенію людей, то онъ не можетъ не отдаться весь Тому, дѣло Кого онъ дѣлаетъ, не можетъ уже безъ осторожности, вниманія и любви относиться ко всѣмъ людямъ, съ которыми онъ соприкасается, потому что всѣ люди—это колеса, шестерни, шпеньки дѣла Божіяго.

Разница между человѣкомъ и часовщикомъ только та, что часовщикъ знаетъ, что̀ выйдетъ изъ всѣхъ частей, человѣкъ же, дѣлая дѣло Божіе, не знаетъ, не видитъ внѣшней стороны дѣла. Человѣкъ скорѣе — подмастерье, который подаетъ, очищаетъ, смазываетъ и отчасти соединяетъ составныя части неизвѣстныхъ ему по формѣ, но извѣстныхъ ему по сущности (благо) часовъ.

Я хочу сказать, что у человѣка, вѣрующаго въ то, что жизнь есть исполненіе дѣла Божіяго, должны выработаться серьезность, внимательность, осторожность въ сношеніяхъ съ людьми, такая внимательность, при которой невозможны скрипѣніе, насиліе, поломка, а все всегда будетъ мягко и любовно не для своего удовольствія, а для того, что это—единственное условіе, при которомъ возможно дѣло Божіе. А нѣтъ этого условія, то одно изъ двухъ: или выработать это условіе, или бросить дѣло Божіе и не обманывать ни себя, ни другихъ. Какъ часовщикъ прекращаетъ работу, какъ только деретъ и скрипитъ, такъ человѣкъ вѣрующій долженъ остановиться, какъ только есть нелюбовное отношеніе къ человѣку, и онъ долженъ знать, что, какъ бы ни казался ему неважнымъ этотъ человѣкъ, важнѣе отношеній къ этому человѣку, пока съ нимъ скрипитъ, нѣтъ ничего. И это такъ, потому что человѣкъ есть необходимое колесо въ дѣлѣ Божіемъ, и пока онъ не войдетъ туда, куда слѣдуетъ ему войти, любовно, все дѣло стало.

Сношеніе между людьми обязываетъ ихъ къ тому, чтобы найти и въ каждомъ изъ нихъ и въ себѣ «сына человѣческаго», соединиться въ немъ, вызвать и въ себѣ и въ немъ желанія сближенія, т.-е. любви. Скажутъ: трудно найти это.

Только обращайтесь, какъ часовщикъ: нѣжно, осторожно, не для себя, а для дѣла, и оно найдется само собой.

Происходитъ разъединеніе только оттого, что я силой хочу вогнать ось не въ то колесо. Если оно не подходитъ такъ или иначе, поправляйся: мѣсто ему есть, оно нужно и войдетъ въ дѣло.

Какъ въ работѣ надъ часами достигаешь своей цѣли и овладѣваешь дѣломъ не напряженіемъ силъ, а осторожностью, нѣжностью обращенія, такъ же точно и въ обращеніи съ людьми. И

не точно такъ же, а во столько разъ больше, во сколько разъ человѣкъ сложнѣе и нѣжнѣе часовъ. Нельзя достаточно длинными выработать себѣ щупальцы, чтобы ими обращаться съ людьми. И чѣмъ длиннѣе и потому тоньше эти щупальцы, тѣмъ сильнѣе двигаютъ они людьми.

1886 г.

Къ тифлисскимъ барышнямъ.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ изъ Тифлиса обратились къ Л. Н-чу съ просьбой указать имъ дѣло, и вотъ его отвѣтъ, напечатанный въ «Новомъ Обозрѣніи»:

Вы спрашиваете дѣла. Кромѣ общаго всѣмъ намъ дѣла— стараться уменьшать тѣ труды, которые употребляются другими на поддержаніе нашей жизни, сокращая свои потребности и дѣлая своими руками, что можешь сдѣлать для себя и для другихъ,—у пріобрѣтающихъ знанія есть еще дѣло: подѣлиться этими знаніями, вернуть ихъ назадъ тому народу, который воспиталъ насъ. И вотъ такое дѣло есть у меня.

Существуютъ въ Москвѣ издатели народныхъ книгъ: азбукъ, ариѳметикъ, исторій, календарей, картинъ, разсказовъ. Все это продается въ огромныхъ количествахъ, независимо отъ достоинства содержанія, а только потому, что пріучены покупатели и есть искусные продавцы... Одинъ изъ этихъ издателей—Сытинъ—мнѣ знакомый, хорошій человѣкъ, желающій сколь возможно улучшить содержаніе этихъ книгъ. Дѣло же, предлагаемое мною вамъ, слѣдующее: взять одну или нѣсколько изъ этихъ книгъ, азбуку ли, календарь, романъ ли (особенно нужна работа надъ повѣстями: онѣ дурны и ихъ много расходится), прочесть и исправить или вовсе передѣлать.

Если вы исправите опечатки, безсмыслицы, тамъ встрѣчающіяся,—ошибки и безсмыслицы географическія и историческія,—то и то будетъ польза, потому что, какъ ни плоха книга, она все-таки будетъ продаваться. Польза будетъ въ томъ, что меньше будетъ вздора и безсмыслицы сообщаться народу. Если вы при этомъ еще выкинете мѣста глупыя или безнравственныя, замѣнивъ ихъ такими, чтобы не нарушался смыслъ,—это будетъ еще лучше. Если же вы, подъ тѣмъ же заглавіемъ и пользуясь фабулой, составите свою повѣсть или романъ съ хорошимъ содержаніемъ, то это будетъ ужъ очень хорошо. То же о календаряхъ, азбукахъ, ариѳметикахъ, исторіяхъ, картинахъ. Итакъ, если работа эта вамъ нравится, выбирайте тотъ родъ, въ которомъ вамъ кажется, что вы можете лучше

работать, и напишите мнѣ. Я вышлю вамъ нѣсколько книгъ. Очень желалъ бы, чтобы вы согласились на мое предложеніе.

Работа, несомнѣнно, полезная. Степень пользы будетъ зависѣть отъ той любви, которую вы положите въ нее.

1887 г.

Къ М. А. Новоселову.

I.

Не знаю, успѣю ли отвѣтить вамъ по всѣмъ пунктамъ, дорогой М. А., но хоть по нѣкоторымъ.

Самый важный и занимающій меня—это преподаваніе исторіи. Мы только о томъ и думаемъ, чтобы открыть въ «Посредникѣ» отдѣлъ научный для народа, т.-е. для большой серьезной публики. О другихъ отдѣлахъ не буду говорить, но исторія... Это то самое, что вы говорите. Только излагайте хорошимъ, понятнымъ русскимъ языкомъ и точно такъ, какъ вы говорите. Вы убьете двухъ зайцевъ. Составьте записки для преподаванія и книжки въ «Посредникъ». Вы говорите про средніе вѣка, а мнѣ ясно, какъ римская и особенно греческая исторія могутъ составить чудесную иллюстрацію зарожденія... зла и борьбы его съ истиной. Попытайтесь. Напишите какую-нибудь одну эпоху. Не хорошо будетъ, въ слѣдующій разъ сдѣлаете лучше. Мнѣніе ваше о томъ, что добро въ народѣ назависимо отъ наградъ и наказаній, не только справедливо, но удивительно, какъ могутъ люди не видѣть того, что понятіе о наградахъ и наказаніяхъ есть не что иное, какъ образная форма выраженія того, что добро не можетъ имѣть реальной, дѣйствительной награды. Правда, что дѣти и грубые сердечно люди понимаютъ это прямо и тогда не вѣрятъ; но какъ только человѣкъ позналъ добро, онъ дѣлаетъ его для добра и, не имѣя никакого разсудочнаго объясненія, для чего онъ его дѣлаетъ, охотно беретъ то, которое ему представляется.

Дѣятельность, избранная вами, та, которая должна была выйти изъ вашей вѣры и другихъ силъ, дѣйствующихъ на нее, и дѣятельность хорошая, т.-е. такая, какъ и всякая не прямо злая, въ которой можно служить Богу, т.-е. истинѣ. Рукописей у меня нѣтъ, ни Бондарева, ни другихъ... П—ъ же—это замѣтки, набросанныя и не имѣющія никакого значенія, кромѣ раздражающаго. Лучшимъ сочиненіемъ по критикѣ текстовъ священнаго Писанія я считаю переводъ съ комментаріями Reuss'а. По исторіи церкви *Пресансе*. Впрочемъ, не совѣтую

вамъ углубляться въ эти занятія. Тотъ, кто въ Евангеліи не сумѣетъ отдѣлить сердцемъ основного, тотъ никакимъ изученіемъ критики не узнаетъ этого. А кто умѣетъ отличать, тому не нужно. Умѣетъ же отличать тотъ, кому нужно руководство Евангелія для жизни, а не для мудрствованія. Здоровье мое поправляется. Духомъ же почти всегда радуюсь, потому что со всѣхъ сторонъ вижу жнецовъ, выходящихъ на жатву. Вижу, что вы ищете этого блага, и увѣренъ, что найдете его.

1886 г.

II.

Благодарю васъ за ваше письмо; оно заставило еще думать о предметѣ, о которомъ не перестаю думать, и было мнѣ полезно, какъ всегда правда и искренность.

1887 г.

III.

Получилъ ваше письмо, милый другъ М. А., и очень порадовался тому, что вы провѣряете переводъ Евангелія. Я впередъ согласенъ ужъ былъ вообще съ тѣми поправками слишкомъ отдаленно отъ прежнихъ переводовъ и хитро переведенныхъ; и согласенъ съ частными случаями—«о субботѣ и бесѣдѣ съ самарянкой». Объ изгнаніи изъ храма не согласенъ. Почему,—долго писать; увидимся—поговоримъ. Вообще въ переводѣ моемъ грубыхъ ошибокъ не думаю, чтобы было (я совѣтовался съ филологомъ, знатокомъ и тонкимъ критикомъ), но много должно быть такихъ мѣстъ, какъ тѣ, на которыя вы указали, гдѣ натянутъ смыслъ и переводъ искусственъ. Это произошло оттого, что мнѣ хотѣлось какъ можно болѣе деполяризировать, какъ магнитъ, слова, отъ церковнаго толкованія получившія несвойственную имъ полярность. Исправить это будетъ полезнымъ дѣломъ.

Я все лѣто много работалъ надъ сочиненіемъ о жизни—началъ печатать. Здоровье слабѣетъ, но жизнь крѣпнетъ и какъ будто свѣтлѣетъ. Какъ вы живете? Передайте мой братскій поцѣлуй вашему почтенному дѣду.

Что А.?

1888 г.

IV.

Очень, очень радъ былъ получить отъ васъ письмо, дорогой Михаилъ Александровичъ. Д—вой письмо я передалъ Т. А. К., и она обѣщала искусно подойти къ мужу съ этимъ дѣломъ. Какъ-то ужасно оголились мнѣ всѣ... жестокости. Въ то же время, какъ ваше письмо, пріѣхалъ Ч., к. проѣздомъ былъ въ В.—у Д. Его мучаютъ страшно, но это удивительной силы человѣкъ. Хотѣлъ бы послать вамъ его записку о себѣ; попрошу М. А. списать и послать вамъ. Вотъ тоже надо стараться помочь ему, хотя онъ и не проситъ. И такое странное отношеніе просить мучителей поменьше мучить. Чувствуешь, что если можешь просить и просьба принимается, то самъ стоишь на одной доскѣ съ ними, и стыдно. Я очень радъ, что вы написали мнѣ. Я бы и самъ написалъ вамъ, если бы было время. Какое мое отношеніе къ вамъ? Никакого нѣтъ, кромѣ любви къ вамъ. Намъ, старикамъ, стоящимъ одной ногой въ гробу, некогда затѣвать иныя, кромѣ любовныхъ, отношенія; а къ вамъ, это мнѣ такъ естественно и сердцемъ тянетъ.

Письмо ваше и въ другомъ отношеніи полезно и хорошо. Я зналъ это, но хорошо живѣе помнить.

Что дѣлаетъ дорогой Алексѣй А.? Передайте ему мою память и любовь. Да еще хотѣлъ сказать о разногласіи нашемъ—разногласія нѣтъ и не можетъ быть, если только мы не будемъ требовать другъ отъ друга вѣры въ то, во что другой не вѣритъ.

Привѣтъ всѣмъ друзьямъ, которые меня помнятъ.

Любящій васъ.

Вашей матушкѣ, дѣду...

Гдѣ Г.?

Моя книга переводится за границей, а я теперь написалъ небольшую статью о рѣчи Зола и письмѣ Дюма. Можетъ быть, напечатаютъ въ «Сѣв. Вѣстн.».

1889 г.

V.

На-дняхъ былъ Ф. и разсказывалъ мнѣ про Алехинскихъ и про васъ, милые друзья, М. А. и В. В. Пишу же главное и обращаюсь къ Н. (М. А.).

Онъ разсказывалъ мнѣ, что вамъ тяжело стало ваше положеніе въ общинѣ, въ особенности потому, что вы—воображаемый

хозяинъ и къ вамъ, какъ къ таковому, обращаются. Я подумалъ по этому случаю слѣдующее: отказаться отъ собственности и отъ того, что она даетъ: удобства, прихоти и обезпеченіе жизни,—это одинъ шагъ, по странному заблужденію кажущійся ужасно труднымъ людямъ мірскимъ; но въ сущности шагъ этотъ не очень труденъ бываетъ, потому что когда поднимаешь эту тяжесть, на другую сторону вѣсовъ кладется незамѣтно тяжелая гиря тщеславія, славы передъ людьми. «Вотъ посмотрите: я что говорю, то и дѣлаю». Но за этимъ шагомъ идетъ слѣдующій, предстоитъ поднять слѣдующую тяжесть—отреченіе отъ славы людской. Тутъ ужъ мірского нечего положить на другую сторону коромысла, и потому является то, что то, что мірскими людьми считается далеко не столь труднымъ, какъ первое, оказывается гораздо труднѣе.

Ну, вы—хозяинъ земли, вы передъ людьми землевладѣлецъ, вы отстаиваете *свои* интересы; ну и пускай. Что вамъ за дѣло, что они будутъ думать и говорить? Если у васъ есть то, что надо тутъ положить на вѣсы (а у васъ оно есть): именно любовь къ Богу, къ добру, желаніе служить Ему, то и кладите на вѣсы и смотрите, что перевѣситъ. Вы вѣдь знаете и Богъ знаетъ, зачѣмъ вы покупали землю и жили, какъ живете, и если это дѣлано для служенія Богу, то ужъ никакъ то, что будутъ думать и говорить про васъ, не можетъ этого разстроить.

Хорошо сказано: и блаженны вы, когда поносятъ васъ. Да, только тогда вы найдете въ своей душѣ, а не найдете, то выработаете ту силу, для которой не нужно ни личныхъ радостей, ни славы людской.

Помогай вамъ Богъ. Пишите.

1889 г.

VI.

Уже разъ начиналъ писать вамъ, дорогой Мих. Ал., но не дописалъ и разорвалъ письмо; а хочется отвѣтить на ваше послѣднее письмо и высказать то чувство, которое оно вызвало во мнѣ, не огорчивъ васъ. Письмо ваше вызвало во мнѣ чувство очень сложное, смѣшанное—пріятное и непріятное. Побужденіе ваше написать мнѣ было доброе, но не любовное. Я дѣлаю различіе между тѣмъ и другимъ: доброе чувство—это то, которое влечетъ къ человѣку; оно можетъ быть и эгоистичнымъ и неразумнымъ; а любовное—это такое, которое переноситъ сознаніе въ другого человѣка; это чувство всегда самоотверженно и разумно.—И непріятное мнѣ было въ вашемъ

письмѣ—недостатокъ отрѣшенія отъ себя, вдумчивости въ состояніе другого, въ соединеніи съ самымъ искреннимъ, добрымъ и теплымъ чувствомъ. Для всѣхъ людей, ищущихъ истины и добра, къ которымъ причисляю себя, нѣтъ ничего дороже, какъ указаніе другими отклоненій отъ единаго истиннаго пути, ошибокъ, грѣховъ. И я особенно въ послѣднее время жаденъ къ этого рода указаніямъ. Но указанія эти должны быть освѣщены любовью; не любовью ласки нѣжныхъ словъ, а любовью проникновенія въ чужую душу, въ положеніе другого.

Пускай будутъ самыя грубыя, называемыя людьми «жестокими», выраженія, пускай будетъ насмѣшка, презрѣніе, но только чтобъ была проницательность любви. А то положеніе въ родѣ того, что человѣкъ завязъ по поясъ въ болото, а ему съ добротою совѣтуютъ разуться и бѣжать скорѣе, или разсказываютъ, какъ другой человѣкъ прошелъ стороной болота, т.-е. нѣчто такое, что даже не имѣетъ никакого отношенія къ его положенію. Хотя, судя по послѣднему письму моему, я и боюсь, что вы опять не поймете меня, а все-таки скажу вамъ, что думаю, чего желаю вамъ, прося васъ взамѣнъ этого сказать мнѣ то, что вы думаете о моихъ грѣхахъ и чего желаете мнѣ. Желаю я вамъ и совѣтую вырабатывать въ себѣ вдумчивость, проницательность любви и не принимать за любовь нѣкоторую мягкость, чувствительность въ отношеніи съ людьми—доброту. Любовь—это стремленіе человѣка расширить свое сознаніе, включивъ въ него сознаніе другого, другихъ. Отъ этого-то (Іоаннъ) и сказалъ, что Богъ есть любовь. Сознаніе всего и есть Богъ. Любимъ мы тогда, когда входимъ въ душу другого и чувствуемъ за него и знаемъ такъ же, какъ и тотъ знаетъ, что̀ ему дорого, что̀ больно, чѣмъ онъ страдаетъ, чему радуется, въ чемъ его сила и его слабость. Вотъ такъ я стараюсь любить васъ, и вы то же дѣлайте. Когда достигнешь этого,—что случалось со мной иногда,—какая свобода, сила, спокойствіе!

Пишите. Любящій васъ всей душой

Передайте мой привѣтъ вашей матери, дѣду и товарищамъ.

1889 г.

VII.

Спасибо вамъ, дорогой М. А., что написали мнѣ. Все, что вы пишете, хорошо, помогай вамъ Богъ; одно страшно мнѣ—за П. Н. Какъ бы не было ему слишкомъ тяжело тамъ. Я

очень его полюбилъ и мы всѣ съ Ванечкой включительно. Да и нельзя его не полюбить. А впрочемъ, мнѣ кажется, что его выздоровленіе прочное и что онъ теперь твердъ. Какъ жаль, что не довелось еще повидаться. Напишите, пожалуйста, о себѣ и о немъ. Я былъ близехонько отъ него въ Богород. уѣздѣ, куда ѣздилъ. Былъ и въ Ефремовск., и въ Епифан. уѣздѣ въ самыхъ дурныхъ мѣстахъ. Пишу теперь о голодѣ. Но выходитъ совсѣмъ не о голодѣ, а о нашемъ грѣхѣ раздѣленія съ братьями. И статья разрастается, очень занимаетъ меня и становится нецензурною. Цѣлую васъ и всѣхъ друзей.

Какъ хорошо, что вы побывали у насъ и мы повидались.

1890 г.

Къ В. В. Рахманову.

Спасибо, что написали, В. В. Всегда съ радостной улыбкой въ душѣ думаю про васъ.

Страшно даже сказать, что жизнь въ безконечномъ совершенствованіи. Кажется, какъ широко, а такое опредѣленіе скорѣе суживаетъ.

Скажу вамъ то, что мнѣ думалось послѣднее время; оно отвѣчаетъ отчасти на это.

Говорятъ: вѣра, надежда и любовь. Почему вѣра? И во что вѣра? Почему надежда? Надежда ужъ тутъ ровно ни къ селу ни къ городу. — Надежда есть одно изъ послѣдствій вѣры. Говорятъ: все дѣло въ вѣрѣ; вѣрить надо въ Библію, въ церковь, въ Магомета, въ Будду и всякую чепуху и, наслушавшись всего этого, мы получаемъ отвращеніе къ этому слову и понятію вѣры и отбрасываемъ его. А это не вѣрно. Вѣра есть необходимое условіе религіознаго міровоззрѣнія или — проще — разумнаго взгляда на жизнь. Безъ вѣры нельзя разумно смотрѣть на міръ. Безъ вѣры можно только безумно смотрѣть на міръ, воображая, что онъ какъ-то начался по механическимъ законамъ и никогда не кончится. Такой взглядъ нелѣпъ главное тѣмъ, что говорится о томъ, какъ произошелъ міръ и какъ развивался и т. п., а ничего не говорится о томъ, единственно, что нужно знать: что мнѣ дѣлать? И при нелѣпомъ взглядѣ вѣры не нужно; но какъ только взглядъ не безумный и составляетъ отвѣтъ на вопросъ: «что мнѣ дѣлать», такъ безъ вѣры нельзя.

Отвѣтъ на вопросъ, что мнѣ дѣлать?—ясенъ для всякаго искренняго человѣка — любить выше всего истину, благо, Бога и вслѣдствіе того ближняго и дальняго, и курицу, и дерево (все по порядку) и жить, руководясь этой любовью; но изъ-за этого отвѣта выступаетъ другой вопросъ, на который нѣтъ, да и не можетъ быть отвѣта: зачѣмъ Богу или той силѣ, которая меня послала сюда, сдѣлала, зачѣмъ ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро? Что ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро, это несомнѣнно, но зачѣмъ это ей нужно? Что выйдетъ изъ того, что черезъ меня дѣлается, что выйдетъ изъ этого для меня? Этого не дано мнѣ знать, и тутъ мѣсто вѣрѣ, но вѣрѣ не въ Троицу, не въ Магомета, не въ Христа, не въ Бога даже, а вѣра Богу, вѣра тому началу, которое меня послало сюда. Я вѣрю ему потому, что онъ разуменъ и благъ, и потому худого мнѣ отъ него не будетъ. Вотъ эта вѣра необходима, нужна; для нея прямо сдѣлано мѣсто и безъ нея безпокойно, жутко. И вѣра эта есть у васъ и у меня, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше мы исполняемъ волю пославшаго. Чѣмъ больше исполняешь, тѣмъ больше вѣришь — не потому, что разъ попалъ, то ужъ надо вѣрить, а потому, что по мѣрѣ исполненія какъ бы уясняется смыслъ не словами, а всей жизнью, — тѣмъ тверже вѣришь въ Него, въ Его разумность и доброту, даже въ то, что то, чего я не знаю, мнѣ и не надо знать, что иначе и быть не могло.

Такъ что не безконечное совершенствованіе жизни: тутъ могутъ быть упадки, отъ того разочарованія, сомнѣнія, — а «возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, потому что кротокъ и смиренъ, и найдете покой душамъ вашимъ».

Не могу вамъ передать словами чувства, которое всегда возбуждали и возбуждаютъ во мнѣ эти слова и какъ они отвѣчаютъ для меня на все.

Не совершенствоваться мнѣ, гордому мнѣ, поганому мнѣ, а взять то положеніе, то тѣло, то здоровье, тотъ нравъ, то прошедшеее, тѣ грѣхи, даже и съ кротостью и смиреніемъ въ сердцѣ искать всегда, всякую минуту, случая исполнить нужныя Ему дѣла. Но не гожусь ли я заткнуть дыру какую-нибудь? Подтереть мною что-нибудь? Примѣрами мерзости, порока и грѣховъ не могу ли пригодиться; просто тѣломъ моимъ понавозить? И если удастся чувствовать себя такъ, тогда все чудесное легко и твердо.

Скажутъ: «это уничтожаетъ стимулъ совершенствованія». Не бойтесь: потребность быть лучше та же, что потребность быть счастливѣе; ее поощрять не нужно, надо чтобы это дѣлалось само собой, а нехорошо, когда это становится цѣлью.

Умъ, знаете, какъ бинокль: развертывать надо до извѣстной степени, а дальше вертѣть хуже; такъ и въ вопросахъ о жизни, и зачѣмъ жизнь? Помилуй Богъ. Отвѣты на эти вопросы въ вѣрѣ Ему, — вѣра, подобная той, которая есть у клѣточки тѣла, работающей для него,—а вѣра дается по мѣрѣ смиренной готовности творить волю Его...

. . . .

1889 г., Осень.

Внѣшнее и внутреннее единеніе.

(Изъ письма Л. Н. Толстого къ X.)

Я внимательно перечелъ два раза оба ваши письма и понимаю все отдѣльно, но не понимаю общаго духа всего, не понимаю мотива вашего недовольства. Вы говорите: единеніе, но единеніе возможно только въ истинѣ. Для того, чтобы найти единеніе съ людьми, не нужно идти навстрѣчу другъ другу, навстрѣчу людямъ, а нужно всѣмъ идти къ Богу или истинѣ. Тамъ только единеніе и не съ тѣмъ, съ кѣмъ я хочу или предполагаю, что у меня должно быть единеніе, а съ тѣми, кто пришелъ туда же, куда и я.

Я себѣ представляю міръ огромнымъ храмомъ, въ которомъ свѣтъ падаетъ сверху, въ самой серединѣ. Чтобы сойтись, надо всѣмъ идти на этотъ свѣтъ, и тамъ мы всѣ, приходя съ разныхъ сторонъ, всѣ сойдемся и съ совсѣмъ неожиданными людьми. И въ томъ-то и радость.

Такъ вотъ этого единенія и этими средствами мы можемъ и должны искать, и помогать въ этомъ другъ другу нельзя. То же, что вы говорите о необходимости формы жизни, совершенно справедливо, но мало сказать — необходимость, надо сказать— неизбѣжность формы. Если кто живетъ отдѣльно или люди живутъ вмѣстѣ матеріально или только духовно вмѣстѣ (какъ я понимаю, что живу со всѣми и вы съ другими), то непремѣнно есть форма этой жизни. И смотрѣть на эту форму, опредѣлять ее очень неудобно, да и вредно. Другіе пускай смотрятъ и опредѣляютъ форму, въ которой я живу, а мнѣ надо жить.

Еще вы нехорошо говорите, что когда придетъ нищій, некогда справляться, увеличивается ли любовь и т. д. Вѣдь вы знаете, что я сказалъ это не для того, чтобы, если есть сомнѣніе въ своей дѣятельности, по этой мѣркѣ прикинуть свою дѣя-

тельность. И потому скажу, взявъ вашъ же примѣръ, что если насыпать ковшъ съ досадой или если тотъ, кому насыпаютъ ковшъ, ожидаетъ не ковшъ, а мѣру и принимаетъ его съ досадой, то дѣятельность эта неправильная.

Не пойму, почему вы недовольны собой и другими и чего вы хотите. Недовольство собой — не другими, мнѣ кажется, должно быть, и я часто утѣшаюсь тѣмъ, что не совсѣмъ еще пропалъ, что постоянно недоволенъ собой: но я знаю, чѣмъ я недоволенъ, — своими опредѣленными гадостями, въ избавленіи отъ которыхъ никто мнѣ помочь не можетъ и работа надъ которыми составляетъ всю мою жизнь. О средѣ же, въ которой я живу, о внѣшнихъ условіяхъ моей жизни, я не забочусь, потому что знаю по опыту, что та или другая среда, тѣ или другія условія вытекаютъ изъ моей большей или меньшей близости къ Христу, къ истинѣ.

Я живу такъ, какъ я живу, не потому, что меня застало просвѣтлѣніе въ тяжелыхъ, трудныхъ условіяхъ (какъ я думалъ прежде), а оттого, что я дуренъ. Насколько лучше я буду и бываю, настолько лучше среда и внѣшнія условія. Если бы я былъ святъ, среда и внѣшнія условія были бы идеальны, я бы жилъ такъ, какъ я представляю себѣ жизнь ученика Христа—нищимъ, бродягою, слугою всѣхъ, и я не отчаиваюсь и теперь достигнуть этого, потому что это все-таки въ моей власти. Стать лучше, ближе къ истинѣ вслѣдствіе внѣшнихъ условій такъ же нельзя, какъ нельзя сѣсть на палку и, взявшись за нее руками, поднять себя. Внѣшнія условія, форма жизни, единеніе—все это послѣдствіе внутренняго совершенствованія, приближенія къ Христу: «Ищите Царства Божія, которое внутри васъ есть, и правды его, а остальное приложится вамъ».

Можетъ быть, я ошибаюсь и отвѣчаю вамъ на то, что вы не спрашиваете. Тогда простите. Писалъ любя, думая о васъ и желая, если бы могъ, быть вамъ полезенъ.

1890 г.

Къ редактору англійской газеты.

Со времени появленія моей книги «Царство Божіе внутри васъ» и статьи «Христіанство и патріотизмъ» мнѣ часто приходится слышать и читать въ статьяхъ и письмахъ возраженія— не скажу противъ моихъ мыслей, но противъ лжетолкованія ихъ. Дѣлается это иногда сознательно, иногда же безсознательно, только по непониманію духа христіанскаго ученія.

«Все это хорошо, — говорять мнѣ. — Деспотизмъ, смертная казнь, вооруженіе всей Европы, угнетенное положеніе рабочихъ и войны, — все это великія бѣдствія, и вы правы, осуждая существующій порядокъ; но какъ же быть безъ правительства? Какое имѣемъ мы, люди съ ограниченнымъ пониманіемъ и разумомъ, какое имѣемъ мы право только потому, что это кажется намъ лучшимъ, уничтожить тотъ существующій порядокъ вещей, посредствомъ котораго предки наши достигли настоящей высокой степени цивилизаціи и всѣхъ ея благъ? Уничтожая государство, мы должны же что-нибудь поставить на его мѣсто? Если же нѣтъ, то какъ же рисковать тѣми страшными бѣдствіями, которыя неизбѣжно должны возникнуть, если бы государство было уничтожено?»

Но дѣло въ томъ, что христіанское ученіе, въ его истинномъ смыслѣ, никогда не предлагало и не предлагаетъ ничего разрушать и не предлагало и не предлагаетъ никакого новаго своего устройства, которое должно замѣнить прежнее. Христіанское ученіе тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ и религіозныхъ и общественныхъ ученій, что оно даетъ благо людямъ не посредствомъ общихъ законовъ для жизни всѣхъ людей, но уясненіемъ каждому отдѣльному человѣку смысла его жизни, показывая ему, въ чемъ заключается зло и въ чемъ истинное благо его жизни. И этотъ смыслъ жизни, открываемый человѣку христіанскимъ ученіемъ, до такой степени ясенъ, убѣдителенъ и несомнѣненъ, что разъ человѣкъ понялъ его и потому позналъ то, въ чемъ зло и въ чемъ благо его жизни, онъ уже никакъ не можетъ сознательно дѣлать то, въ чемъ онъ видитъ зло своей жизни, и не дѣлать того, въ чемъ онъ видитъ истинное благо ея, точно такъ же какъ вода не можетъ не течь книзу или растеніе не стремиться къ свѣту.

Смыслъ же жизни, открываемый христіанствомъ человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю Того, отъ Кого мы пришли въ этотъ міръ и къ Кому придемъ, выходя изъ него. Такъ что зло нашей жизни только въ отступленіи отъ этой воли и благо только въ исполненіи требованій этой воли, которыя такъ просты и такъ ясны, что ихъ такъ же невозможно не понимать, какъ и превратно перетолковывать. Если ты не можешь дѣлать другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, то по крайней мѣрѣ не дѣлай другому, чего ты не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали: не хочешь, чтобы тебя заставляли работать на фабрикѣ или въ рудникахъ по десяти часовъ кряду; не хочешь, чтобы дѣти твои были голодны, холодны, невѣжествен-

ны; не хочешь, чтобы у тебя отняли землю, на которой ты могъ бы кормиться; не хочешь, чтобы тебя запирали въ тюрьму, вѣшали за то, что ты по старости, соблазну или невѣжеству совершилъ незаконный поступокъ; не хочешь, чтобы тебя ранили, убивали на войнѣ, — не дѣлай всего этого другимъ.

Все это такъ просто, ясно и несомнѣнно, что малый ребенокъ не можетъ не понять этого и никакой софистъ не можетъ опровергнуть.

Представимъ себѣ, что работникъ, находящійся весь во власти хозяина, приставленъ къ понятному и любимому имъ дѣлу. И вдругъ къ этому работнику, находящемуся въ полной власти хозяина, приходятъ люди, которые, онъ знаетъ, находятся въ той же зависимости отъ хозяина, какъ и онъ, и которымъ поручено такое же, какъ и ему, опредѣленное дѣло, и люди эти, не исполняя сами порученнаго имъ хозяиномъ дѣла, требуютъ отъ работника, чтобы онъ дѣлалъ прямо обратное тому, что ему несомнѣнно и ясно безъ всякихъ исключеній предписано хозяиномъ. Что можетъ отвѣтить на такое требованіе всякій разумный работникъ?

Но это сравненіе далеко не выражаетъ того, что долженъ испытывать христіанинъ, къ которому обращаются съ требованіями участія въ угнетеніи или отнятіи земли, казняхъ, войнахъ и т. п., съ которыми обращается къ намъ государственная власть, потому что какъ ни внушительны могли быть для работника приказанія хозяина, они никогда не сравняются съ тѣмъ несомнѣннымъ знаніемъ каждаго, не извращеннаго ложными ученіями, человѣка о томъ, что онъ не долженъ дѣлать другимъ того, чего онъ не хочетъ, чтобы ему дѣлали, а потому не долженъ принимать участія въ насиліяхъ, наборахъ, казняхъ, убійствахъ своего ближняго, которые требуетъ отъ него его правительство. Такъ что вопросъ для христіанина не въ томъ (какъ его неумышленно, а иногда и умышленно ставятъ сторонники государства), имѣетъ ли человѣкъ право разрушить существующій порядокъ и замѣнить его новымъ, — христіанинъ и не думаетъ объ общемъ порядкѣ, предоставляя веденіе этого порядка Богу, твердо увѣренный въ томъ, что Богъ вложилъ въ нашъ разумъ и сердце свой законъ не для безпорядка, а для порядка и что отъ слѣдованія открытому намъ несомнѣнному закону Бога ничего, кромѣ хорошаго, выйти не можетъ,— вопросъ для всякаго, не только христіанина, но и всякаго человѣка, не въ томъ, какъ устроить по внѣшнему или по новому (никто изъ насъ не приставленъ къ рѣшенію этого вопроса), — рѣшенію же каждаго изъ насъ подлежитъ — и не

произвольно, а неизбѣжно — вопросъ о томъ, какъ мнѣ поступить въ постоянно представляющемся мнѣ выборѣ: долженъ ли я противно своей совѣсти принять участіе въ правительствѣ, которое признаетъ право на земельную собственность людей, не работающихъ на ней, которое собираетъ подати съ бѣдныхъ для того, чтобы отдавать ихъ богатымъ, которое ссылаетъ въ ссылки и каторги и вѣшаетъ заблудшихъ людей, гонитъ на убійство солдатъ, развращаетъ опіумомъ и водкой народы и т. п., или согласно съ своей совѣстью не участвовать въ правительствѣ, дѣла котораго противны моему сознанію? А что изъ этого выйдетъ, какое будетъ отъ моего такого или иного поступка государство, этого я ничего не знаю и не то что не хочу, но не могу знать.

Въ томъ-то и сила христіанскаго ученія, что оно изъ области вѣчныхъ сомнѣній и гаданій переводитъ вопросы жизни на почву несомнѣнности.

Но скажутъ: «мы тоже не отрицаемъ необходимости измѣненія существующаго порядка и желаемъ также исправить его, но желаемъ исправить не отказомъ отъ участія въ правительствѣ, въ судѣ, въ войскѣ, уничтоженіемъ государства, а, напротивъ, участіемъ въ правительствѣ, пріобрѣтеніемъ свободы, правъ, избраніемъ представителями истинныхъ друзей народа и враговъ войны и всякаго насилія».

Все это было бы прекрасно, если бы содѣйствіе улучшенію формъ правленія совпадало съ цѣлью человѣческой жизни. Къ несчастію же, оно не только не совпадаетъ, но противорѣчитъ ей. Если жизнь человѣческая ограничивается этимъ міромъ, то цѣль ея гораздо ближе, чѣмъ постепенное усовершенствованіе правительства: она въ его личномъ благѣ; если же жизнь не кончается въ этомъ мірѣ, то она гораздо дальше: въ исполненіи воли Бога. Если она въ моемъ личномъ благѣ, и жизнь кончается здѣсь, то какое мнѣ дѣло до будущаго медленнаго благоустройства государства, которое наступитъ когда-то и гдѣ-то, по всѣмъ вѣроятіямъ тогда, когда меня не будетъ. Если же жизнь моя безсмертна, то цѣль благоустройства англійскаго, нѣмецкаго, русскаго или какого бы то ни было государства въ двадцатомъ столѣтіи слишкомъ мала для меня и никакъ не можетъ удовлетворить требованіямъ моей безсмертной души. Цѣлью достаточной для моей жизни можетъ быть только или сейчасное мое благо, которое никакъ не совпадаетъ съ государственной дѣятельностью податей, судовъ, войнъ, или вѣчное спасеніе моей души, достигаемое только исполненіемъ воли

Бога, а воля эта точно такъ же не совпадаетъ съ требованіями насилія, казней, войнъ, существующаго порядка.

И потому повторяю: вопросъ не только для христіанина, но и для каждаго человѣка нашего времени не въ томъ, какое общежитіе будетъ болѣе обезпечено: то ли, которое будетъ ограждаться ружьями, пушками, висѣлицами, или то, которое не будетъ ограждаться этими средствами? А вопросъ для каждаго человѣка только одинъ, и такой, отъ котораго уклониться нельзя: хочешь ли ты, существо разумное и доброе, нынче появившееся, а завтра могущее исчезнуть, — хочешь ли ты, если ты признаешь Бога, поступать противно закону и волѣ Его, зная, что ты каждую минуту можешь вернуться къ Нему, или, если ты не признаешь Бога, поступать противно тѣмъ свойствамъ разума и любви, которыми одними ты можешь руководиться въ жизни, зная, что если ты ошибешься, то никогда уже не будешь въ состояніи поправить свою ошибку?

И отвѣтъ на этотъ вопросъ для тѣхъ людей, для которыхъ онъ возникъ, можетъ быть только: нѣтъ, не могу, не хочу.

Говорятъ: «это разрушеніе правительства и уничтоженіе существующаго порядка». Но если исполненіе воли Бога разрушаетъ существующій порядокъ, то развѣ это не есть несомнѣнное доказательство того, что существующій порядокъ противенъ волѣ Бога и долженъ быть разрушенъ?

15 декабря 1894 г.

Къ Веригину [1]).

Дорогой братъ!

И. М. Трегубовъ переслалъ мнѣ ваше письмо къ нему, и я очень радовался, читая его, — радовался тому, что узналъ про васъ и какъ будто услыхалъ вашъ голосъ, понялъ о чемъ вы думаете, какъ думаете и чѣмъ живете. Вижу изъ письма вашего, что вы живете въ духовномъ мірѣ и заняты духовными вопросами. А для блага человѣка это главное, потому что только въ духѣ человѣкъ свободенъ и только духомъ творится дѣло Божіе и только въ духѣ человѣкъ чувствуетъ себя въ единеніи съ Богомъ, такъ какъ «Богъ есть духъ».

Мысли, высказываемыя вами въ письмѣ о преимуществахъ живого общенія надъ мертвой книгой, мнѣ очень понравились

---

1) Предводитель духоборовъ.

и я раздѣляю ихъ. Я пишу книги и потому знаю весь тотъ вредъ, который онѣ производятъ; знаю, какъ люди, не желающіе принять истину, умѣютъ не читать или не понимать того, что имъ противъ шерсти и обличаетъ ихъ, какъ перетолковываютъ, извращаютъ, какъ они перетолковали Евангеліе. Все это я знаю, но все-таки считаю въ наше время книгу неизбѣжной. Я говорю: въ наше время, въ противоположность временамъ евангельскимъ, когда не было книгопечатанія, не было книгъ и средство распространенія мыслей было только устное. Тогда можно было обходиться безъ книги, потому что и у враговъ истины не было книги; теперь же нельзя предоставлять однимъ врагамъ это могущественное орудіе для обмана и не пользоваться имъ для истины. Не пользоваться книгой или письмомъ для передачи своихъ мыслей или воспріятія мыслей другихъ людей все равно, что не пользоваться силой своего голоса для передачи сразу многимъ людямъ того, что имѣешь сказать, и своимъ слухомъ для того, чтобы понять то, что громко говоритъ другой человѣкъ, а признавать возможность передачи и воспріятія мыслей только одинъ на одинъ или шопотомъ. Письмо и печать только увеличили въ тысячу, сотни тысячъ разъ число людей, которымъ можетъ быть слышенъ выражающій свои мысли, но отношеніе между выражающимъ и воспринимающимъ остается то же: какъ въ устной бесѣдѣ слушающій можетъ вникнуть и понимать или можетъ точно такъ же пропускать мимо ушей то, что ему говорится, то же и въ печати; какъ можетъ читающій книгу вкривь и вкось перетолковывать ее, такъ же и слушающій ушами; какъ въ книгахъ можно—какъ мы это и видимъ — много писать лишняго и пустого, такъ точно можно и говорить. Разница есть, но разница иногда въ пользу устнаго, иногда въ пользу печатнаго общенія. Выгода устной передачи та, что слушатель чувствуетъ душу говорящаго, но тутъ же и невыгода та, что очень часто пустые говоруны, какъ, напримѣръ, адвокаты, одаренные даромъ слова, увлекаютъ людей не разумностью рѣчи, а мастерствомъ ораторскаго искусства, чего нѣтъ при книгѣ; выгода другая устной передачи та, что непонявшій можетъ переспросить, зато невыгода та, что непонимающіе, часто нарочно непонимающіе люди могутъ спрашивать то, что не нужно, и перебивать ходъ мысли, чего тоже нѣтъ при книгѣ.

Невыгоды книги тѣ, что, во-первыхъ, бумага все терпитъ и можно печатать всякій вздоръ, стоящій такихъ огромныхъ трудовъ рабочихъ, бумаги и типографщиковъ, чего нельзя дѣлать при устной передачѣ, потому что вздоръ не станутъ слушать; во-вторыхъ, тѣ, что онѣ (книги) разрастаются въ огром-

номъ количествѣ и хорошія теряются въ морѣ глупыхъ, пустыхъ и вредныхъ книгъ. Но зато выгоды печати тоже очень велики и состоятъ, главное, въ томъ, что кругъ слушателей раздвигается въ сотни, тысячи разъ противъ слушателей устной рѣчи. И это увеличеніе круга читателей важно не потому, что ихъ становится много, а потому, что среди милліоновъ людей разнообразныхъ народовъ и положеній, которымъ доступна книга, отбираются сами собой единомышленники, и благодаря книгѣ, находясь за десятки тысячъ верстъ другъ отъ друга, не зная другъ друга, соединяются въ одно и живутъ единой душой и получаютъ духовную радость и бодрость сознанія того, что они не одиноки. Такое общеніе теперь я имѣю съ вами и съ многими и многими людьми другихъ націй, никогда не видавшихъ меня, но которые мнѣ близки больше моихъ сыновей и братьевъ по крови. Главное же соображеніе въ пользу книги то, что при извѣстной степени развитія внѣшнихъ условій жизни книга, печать вообще сдѣлались средствомъ общенія людей между собой и потому нельзя пренебрегать этимъ средствомъ. Столько вредныхъ книгъ написано и распространено, что противодѣйствовать этому вреду можно только книгой же. Клинъ выбивать клиномъ. Христосъ сказалъ: «что я говорю вамъ на ухо, то будете говорить съ крышъ». Это самое провозглашеніе съ крышъ и есть печатное слово. Печатное слово есть тотъ же языкъ, только хватающій очень далеко, и потому къ печатному слову относится и все то, что сказано о языкѣ: имъ же благословляемъ Бога и имъ же проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію; и потому нельзя быть достаточно внимательнымъ къ тому, что говоришь и слушаешь, такъ же какъ и къ тому, что печатаешь и читаешь.

Пишу все это не потому, чтобы думать, что вы иначе думаете (изъ вашего письма вижу, что вы такъ и понимаете это), но потому, что эти мысли пришли мнѣ въ голову и захотѣлось подѣлиться ими съ вами. Въ особенности полюбилось мнѣ въ письмѣ вашемъ то, что вы говорите о томъ, что «если бы мы сохранили все, данное уже свыше намъ, то вполнѣ бы были счастливы. А то, что необходимо и законно, то непремѣнно должно быть въ каждомъ и получается непосредственно свыше или отъ самого себя».

Это совершенно справедливо, и я точно такъ же понимаю человѣка. Всякій человѣкъ несомнѣнно зналъ бы всю истину Божію, все то, что ему нужно знать для того, чтобы исполнять въ этой жизни то, чего хочетъ отъ него Богъ, если бы только эта открытая человѣку истина не затемнялась ложными тол-

кованіями человѣческими. И потому для познанія божеской истины человѣку нужно прежде всего откинуть всѣ ложныя толкованія и всѣ соблазны мірскіе, влекущіе его къ принятію этихъ толкованій, и тогда останется одна истина, которая доступна младенцамъ, потому что она свойственна душѣ человѣческой.

Трудность же главная въ томъ, чтобы, откидывая ложь, не откинуть вмѣстѣ съ ней и часть истины, и въ томъ, чтобы, разъясняя истину, не внести новыхъ заблужденій.

Благодарю васъ, любезный братъ, за поклонъ, который вы прислали мнѣ. Пишите мнѣ, если ничто этому не помѣшаетъ, въ Москву. Не могу ли чѣмъ-нибудь служить вамъ? Вы меня очень обрадуете, если дадите какое-либо порученіе.

Братски обнимаю васъ.

21 ноября 1895 г.

Къ Д. П. Маковицкому.

Получилъ вчера ваше письмо, дорогой Душанъ Петровичъ, и очень былъ тронутъ и пораженъ сообщаемымъ вами извѣстіемъ о поступкѣ нашего общаго друга Шкарвана. Когда я узнаю про такого рода поступки, то испытываю всегда очень сильное смѣшанное чувство страха, торжества, сострраданія и радости. Во всѣхъ такого рода дѣлахъ непремѣнно одно изъ двухъ: или это есть проявленіе всемогущаго Бога въ человѣкѣ, и тогда это торжество и радость и несомнѣнная побѣда, хотя бы и сгорѣлъ тотъ человѣкъ, въ которомъ проявляется Богъ, или дѣло человѣческаго личнаго — побужденія — славолюбія, раздраженія, страсти, и тогда это проявленіе только служитъ источникомъ страданія для того, кто проявляетъ его, и не только не служитъ, но только вредитъ дѣлу Божьему. Признакъ же того, что это дѣло Божье, а не человѣческое, есть то, что, совершая его, человѣкъ дѣлаетъ не то, что ему хочется, а то, чего онъ *не можетъ не дѣлать*.

Надѣюсь и вѣрю, что нашъ дорогой Шкарванъ поступилъ такъ, какъ онъ поступилъ, т.-е. не могъ поступить иначе, и тогда это дѣло Божье творится черезъ него, и что бы съ нимъ ни дѣлали, онъ не будетъ страдать, а будетъ радоваться вмѣстѣ съ нами. Пишите, пожалуйста, о немъ все, что знаете. Не можемъ ли мы чѣмъ служить ему? Передайте ему мою любовь.

Брошюра обо мнѣ нехороша.

Авторъ приписываетъ ложное значеніе художеству, ставитъ его выше всего, и потому совершенно не понимаетъ того, въ

чемъ состоитъ религія вообще и христіанство въ частности. — Также поразила меня брошюра о Назаренахъ.

Видно среди вашего духовенства также ужасная недобросовѣстность и выставленіе человѣческихъ государственныхъ интересовъ впереди Божескихъ. Поразителенъ страхъ духовенства передъ истиной, часть которой проявилась въ ученіи Назареновъ, и сознаніе своего безсилія. Гнать нельзя — совѣстно, надо быть либеральнымъ, а толкованіе ученія только обличаетъ правду Назаренъ и ложь церквей. Что же дѣлать? Надо вилять. Они это и дѣлаютъ, стараясь хоть на время, на свою жизнь отстоять свое положеніе.

Благодарю васъ за письмо и присылку. Пожалуйста, пишите.

Любящій васъ

Ясная Поляня (?), 1895 г., февраля 10.

Къ Джону Кенворти [1]).

Дорогой другъ!

Получилъ ваше письмо и книгу и брошюру. Книга превосходно переведена и издана. Я перечелъ ее. Въ ней много недостатковъ, которыхъ я не сдѣлалъ бы, если бы писалъ ее теперь, но исправлять ее уже не могу. Главный недостатокъ въ ней излишнія филологическія тонкости, которыя никого не убѣждаютъ, что такое-то слово именно такъ, а не иначе надо понимать, а, напротивъ, даютъ возможность, опровергать частности, подрывать довѣріе ко всему. А между тѣмъ истинность общаго смысла такъ несомнѣнна, что тотъ, кто не будетъ развлекаться подробностями, неизбѣжно согласится съ нимъ.

Брошюра ваша превосходна, особенно конецъ. Давно пора сказать народу то условіе, при которомъ онъ достигаетъ блага. Глядя на страданія народа, всегда страшно предъявлять къ нему еще тяжелыя требованія. А это необходимо, и вы сдѣлали это прекрасно.

Теперь скажу вамъ о томъ проектѣ, который въ послѣднее время занимаетъ меня. Въ послѣднее время я съ нѣсколькихъ сторонъ получилъ предложенія денегъ, съ просьбой употребить ихъ на полезное для людей дѣло. Вмѣстѣ съ этимъ у меня

---

[1]) Англійскій методистскій пасторъ Джонъ Кенворти, горячій почитатель Л. Н. Толстого и ревностный поборникъ его идей, издавалъ и распространялъ въ Англіи толстовскія религіозныя статьи, основалъ толстовскій журналъ «Новый Порядокъ» и толстовскую земледѣльческую общину подъ названіемъ «Братская церковь» — въ двухъ часахъ отъ Лондона, въ мѣстности Пэрлей (Purleigh).

все больше и больше накопляется матеріала: статей, книгъ, брошюръ: русскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, — удивительна въ этомъ отношеніи безжизненность французовъ — одного и того же направленія и духа, указывающихъ на невозможность продолженія существующаго порядка вещей и на необходимость измѣненія его, и измѣненія не старыми, оказавшимися недѣйствительными средствами — насильственнымъ низверженіемъ существующаго порядка, или попытками постепеннаго измѣненія его посредствомъ участія въ существующемъ правительствѣ, а религіознымъ усиліемъ отдѣльныхъ личностей, какъ это отлично выражено въ вашемъ письмѣ. Говорю же не свою программу, а только выражаю одинъ несомнѣнный признакъ, общій всѣмъ тѣмъ статьямъ и книгамъ, которыя я получаю. То и другое обстоятельство: предложеніе денегъ и накопленіе книгъ и статей одного и того же характера, и часто очень сильныхъ по мысли и по выраженію, побуждаетъ меня вернуться къ давно уже занимавшей меня мысли — основать въ Европѣ, въ свободномъ государствѣ, въ Швейцаріи, напримѣръ, международно не журналъ, а изданіе подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ, въ одной и той же формѣ книгъ и брошюръ на 4-хъ языкахъ: французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ, въ которомъ бы печатались самымъ дешевымъ образомъ всѣ сочиненія: 1-е — уясняющія истинный смыслъ человѣческой жизни; 2-е — указывающія несогласіе нашей жизни съ этимъ смысломъ, и 3-е — средства согласованія того и другого. Общее заглавіе всему ряду изданія можно бы дать: «Возрожденіе», или что-нибудь подобное. Если можете мнѣ прислать еще нѣсколько вашихъ книгъ, какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ брошюръ, пришлите мнѣ.

1895 г., марта 24.

Къ г-ну ***.

Я съ удовольствіемъ постараюсь отвѣтить на вашъ вопросъ, такъ какъ вижу, что онъ сдѣланъ совершенно искренно, и вопросъ самой первой важности и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который большинство людей не задаютъ себѣ, предполагая, что отвѣтъ на него или уже давно данъ, или невозможенъ. А вопросъ простой, необходимый, безъ котораго, казалось бы, жить нельзя. Вы спрашиваете: какая цѣль человѣческой жизни, зачѣмъ человѣкъ живетъ, или, иначе, зачѣмъ живу я?

Вы правы, что на вопросъ этотъ отвѣчаетъ только религія. Религія, истинная религія есть не что иное, какъ отвѣтъ на

этотъ вопросъ. И религія, которую я исповѣдую, — христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ, — даетъ на этотъ вопросъ такой же простой и ясный отвѣтъ, какъ и самый вопросъ, если только слово цѣль замѣнить словомъ смыслъ.

Цѣль, конечная цѣль человѣческой жизни въ безконечномъ по времени и пространству мірѣ, очевидно, не можетъ быть доступна человѣку въ его ограниченности. Но смыслъ человѣческой жизни, т.-е. зачѣмъ онъ живетъ и что онъ долженъ дѣлать, непремѣнно долженъ быть понятенъ человѣку, такъ же понятенъ, какъ понятно его назначеніе работнику на большомъ заводѣ.

Смыслъ человѣческой жизни, понятный человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать Царство Божіе на землѣ, т.-е. содѣйствовать замѣнѣ себялюбиваго, ненавистническаго, насильническаго, неразумнаго устройства жизни устройствомъ жизни любовнымъ, братскимъ, свободнымъ и разумнымъ.

Средство же достиженія этого, т.-е. отвѣтъ на вопросъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, состоитъ въ томъ, что, какъ сказано въ Евангеліи, составляетъ весь законъ и пророки: «поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою».

Отвѣтъ, какъ видите, очень простъ, но намъ кажется неясенъ, потому что и наша животная природа, и воспитаніе, и ложное религіозное ученіе пріучаютъ насъ къ тому, что смыслъ жизни не въ служеніи Богу и ближнему, а въ нашемъ личномъ счастіи. Привыкнувъ жить только для себя и для своего личнаго счастія, намъ кажется трудно перенести цѣль своей жизни изъ себя въ служеніе Богу. Но какъ ни трудно это, это возможно, и чѣмъ больше мы пріучаемъ себя къ этому, тѣмъ это становится естественнѣе, тѣмъ болѣе, что, исполняя волю Бога, мы тѣмъ самымъ достигаемъ наивысшаго личнаго блага, которое мы прежде ставили цѣлью своей жизни; какъ то же сказано въ Евангеліи: «Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ». Живя личной жизнью, мы ищемъ только этого остальнаго, т.-е. личнаго счастья, и не достигаемъ его и не содѣйствуемъ установленію Царства Божія, а, напротивъ, противодѣйствуемъ ему. Ища же Царства Божія и правды его, мы получаемъ это остальное, т.-е. счастіе, если только подъ счастьемъ мы разумѣемъ не какія-либо нами излюбленныя внѣшнія блага, а духовныя — спокойствіе, свободу и радость.

Пишу вамъ не то, до чего дошелъ я разсужденіями, а то, до чего дошелъ опытомъ: жить для исполненія воли Бога возможно. Если не можешь жить такъ всегда, то все-таки можешь жить такъ въ нѣкоторыя лучшія минуты. Если же въ этомъ по-

ложишь смыслъ жизни, то все чаще и чаще будешь жить такъ. А чѣмъ чаще будешь жить такъ, тѣмъ больше будешь испытывать разумность и радость такой жизни. И само собой будешь привлеченъ къ такой жизни.

Цѣль жизни? Такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть, никакія знанія не могутъ найти ее. Законъ направленія, путь жизни? Да. На это отвѣчаютъ религія, мудрость, если хотите, отвѣчаетъ тѣмъ, что показываетъ ложность всѣхъ тѣхъ путей, которые не совпадаютъ съ однимъ истиннымъ. Отрицаніемъ ложныхъ направленій она указываетъ и освѣщаетъ единый, истинный путь. На этомъ пути кое-что видно, есть ближайшія цѣли, которыя укажетъ наука, но никакъ не она покажетъ этотъ путь.

По слабости своей, по неполнотѣ подчиненія своей всей жизни разуму я ставлю и ставилъ себѣ этотъ вопросъ и старался отвѣчать на него. Если бы я вполнѣ слился съ жизнью разума, вполнѣ жилъ въ согласіи съ закономъ міра, я бы и не подумалъ объ этомъ. Но, не приписывая имъ важности, долженъ сказать, что это мечтанія, которыя волей-неволей приходятъ въ голову.

Мнѣ представлялось такъ: законъ жизни органической есть борьба, законъ жизни разумной, сознательной есть единеніе, любовь. На жизни органической, жизни борьбы рождается жизнь разумная и связана съ ней. Цѣль очевидная: уничтожить борьбу и внести единеніе, гдѣ былъ раздоръ. Сначала между людьми, потомъ между людьми и животными, потомъ между животными и растеніями.

Цѣль давно уже такая поставлена. Еврейскій Мессія есть не что иное. Чтобъ перековать копья на орала и чтобъ ягненокъ лежалъ со львами.

Вотъ цѣль подобная этой, мерещится мнѣ, но я не дорожу ею, знаю, что она далеко не исчерпаетъ всего. Мнѣ дорога только вѣрность направленія пути. А для вѣрности пути, я знаю, что первое условіе то, чтобы идти по немъ всѣмъ существомъ.

1895 г. (?)

Къ И. Б. Фейнерману.

Дорогой Исаакъ Борисовичъ!

Мы собирались одно время за границу, но совершенно произвольно и независимо отъ гоненій и возможности ихъ. Я — грѣшный человѣкъ — желаю ихъ и дѣлаю и усилія, чтобы не вызывать ихъ. Но, видно, я не достоинъ этого, и такъ мнѣ и придется умереть, не поживъ приблизительно и хотя короткое

время такъ, какъ я считаю это должнымъ, и не придется хоть какими-нибудь страданіями тѣла свидѣтельствовать истину.

Не думаю, чтобы слѣдовало уходить отъ гоненій, скорѣе думаю, что надо помнить слова и слѣдовать имъ: «претерпѣвый до конца спасенъ будетъ». Побуждало насъ къ поѣздкѣ за границу нездоровье жены и ея страшно напряженное душевное состояніе послѣ смерти меньшаго сына Ванечки. Я же больше чѣмъ когда-нибудь, теперь, когда она такъ страдаетъ, чувствую всѣмъ существомъ истину словъ, что мужъ и жена не отдѣльныя существа, а одно. Сначала она боялась воспоминаній въ Ясной Полянѣ, но теперь рѣшилась ѣхать туда, и поѣздка за границу уже не предвидится. Ужасно хотѣлось бы передать ей хоть часть того религіознаго сознанія, которое имѣю (хотя и въ слабой степени, но все-таки въ такой, что даетъ мнѣ возможность подниматься иногда надъ горестями жизни), потому что знаю, что только оно, это сознаніе Бога и своей сыновности ему, даетъ жизнь, и надѣюсь, что оно передастся ей, — разумѣется, не отъ меня, но отъ Бога. Хотя очень трудно дается это сознаніе женщинамъ. Какъ вы живете? Какъ Анна Львовна, дѣти? Прощайте пока.

1895 г., мая 16.

Къ А. Л. Волынскому.

Сейчасъ прочелъ вашу замѣтку о Соловьевскомъ смыслѣ войны и почувствовалъ радость сознанія того, что есть единомышленный органъ. Кромѣ васъ, никто не скажетъ этого и нигдѣ, кромѣ какъ въ вашемъ журналѣ, а сказать это было необходимо.

И мнѣ это было очень радостно и захотѣлось высказать вамъ это. И замѣтка написана прекрасно. Хотѣлось бы сказать, что она слишкомъ зла, но въ глубинѣ души, къ сожалѣнію, одобряю и злость. Ужъ очень скверно то, что написалъ Соловьевъ.

Дружески жму вамъ руку.

1895 г., сентября 5 (?).

Къ Д. П. Маковицкому.

Очень былъ радъ доброй вѣсти о Шкарванѣ. Я получилъ отъ него письмо, которое доставило мнѣ одну изъ лучшихъ радостей жизни. Ничто такъ очевидно и несомнѣнно не убѣждаетъ въ томъ, что есть Богъ и что духъ, живущій во мнѣ, есть частица Его, что я есмь сынъ Божій, по выраженію Христа, какъ то, что

этотъ духъ точно такой же во всѣхъ своихъ свойствахъ и стремленіяхъ проявляется въ другомъ человѣкѣ, по матерьяльнымъ условіямъ совершенно чуждомъ мнѣ. Письмо Шкарвана произвело на меня это впечатлѣніе. Я хочу нынче же написать ему. Если же не успѣю, то передайте ему мою любовь.

1895 г., октября 25.

Къ Е. И. Попову.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, дорогой Е. И. покажу П. и больше никому. Совѣта я не могу дать, но не могу не сказать, что я бы обрадовался очень такому предложенію. Это та работа, которая предстанетъ предъ каждымъ изъ насъ, если мы будемъ терпѣливо, покорно и смиренно ждать [1]).

Иногда можно сказать, какъ это бываетъ съ атлетами, что не готовъ, и пропустить эту очередь до другого раза. Это другое дѣло и вопросъ внутренній и личный: готовъ или не готовъ. И не думайте, чтобы я ожидалъ успѣха внѣшняго отъ вашей поѣздки? Я скорѣе жду неуспѣха и разочарованія, — жду того, что, войдя въ близкое общеніе съ ними, вы, а черезъ васъ, мы увидимъ, что мы совсѣмъ не такъ близки, какъ мы думали, — найдемъ, увидимъ много слабыхъ (много будетъ и сильныхъ) сторонъ, какъ это должно быть, когда обращается цѣлая масса подъ вліяніемъ увлеченія и довѣрія къ руководителямъ, и масса малообразованная, не умѣющая критически относиться къ своимъ внушеннымъ съ дѣтства вѣрованіямъ: но узнать истину, если бы она и была для насъ разочарованіемъ, нужно. Нужно и общеніе болѣе тѣсное, черезъ которое мы позаимствуемъ многое отъ нихъ, глядя на нихъ, увидимъ свои слабости, а они кое-чѣмъ позаимствуются отъ насъ. Для такого же общенія я изъ нашихъ друзей никого не знаю болѣе способнаго, чѣмъ вы. У васъ есть потребность анализа, скептицизма и серьезность, которые такъ необходимы для этого дѣла. Главное, критика, въ которой вы чувствуете такую потребность, тамъ будетъ не только у мѣста, но драгоцѣнна. Я чувствую, между нами и ими есть различіе, причины раздѣленія, которыя мы взаимно скрываемъ, дорожа любовью другъ друга и боясь разрыва. Но въ этомъ скрываніи есть неправда. И эту неправду, если она есть, надо уничтожить, и никто лучше

---

[1]) П. В. Веригинъ предлагалъ мнѣ ѣхать на Кавказъ и замѣстить его, такъ сказать, среди духоборовъ. Я спрашивалъ совѣта Л. Н. Т. На Кавказъ я не поѣхалъ.

Прим. Е. И. Попова.

васъ не можетъ этого сдѣлать. А если нѣтъ ничего раздѣляющаго насъ или то, что есть, можетъ быть легко сглажено, разъяснено, то это будетъ тѣмъ бо́льшая радость. Вопросъ въ томъ, какъ вы въ глубинѣ души — хорошенько спросите себя объ этомъ, дорогой другъ,—чувствуете ли полную готовность, радость идти туда, и если да, то идите, если есть сомнѣніе, колебаніе — воздержитесь. Очень мнѣ было васъ жаль за то, что вы перечувствовали о X., узнавъ о ея болѣзни. Не сходить ли мнѣ къ ней? То что пишетъ Петръ Вас. о картинѣ, я пытаюсь исполнить словесной картиной, если Богъ велитъ. Дорогой Ив. Ив., простите, что не отвѣчалъ вамъ на послѣднія письма. Спасибо, что прощаете. Цѣлую васъ обоихъ.

Любящій васъ точно такъ же

Москва, 1895 г., ноября 5.

Къ А. Шкарвану.

Давно уже получилъ ваше радостное письмо, дорогой другъ, и не отвѣчалъ потому, что все это время былъ нездоровъ. Письмо ваше мнѣ было особенно радостно, п. ч. по всѣмъ чувствамъ и мыслямъ, выраженнымъ въ немъ, я узнавалъ въ немъ брата по духу. Радостно оно было мнѣ, для меня, какъ радостно (какъ и вы говорите) найти новаго спутника по дорогѣ, радостно было и за васъ въ томъ смыслѣ, что, прочтя ваше письмо, мнѣ перестало быть страшно за васъ, не боюсь того, чего боялся прежде, что вы ослабѣете духомъ или отъ тяжести гоненія, или, напротивъ, оттого, что прекратится гоненіе и послѣ того, какъ люди дѣлавшіе, хотя и невольно, дѣло Божіе за васъ тѣмъ, что гнали васъ, перестанутъ это дѣлать, и вамъ самимъ придется продолжать это дѣло. Я не боюсь этого теперь, п. ч. по письму вашему вижу, что у васъ есть никогда неизмѣняющая точка опоры— вѣра въ духовную жизнь, въ то, что сущность жизни не въ матеріальномъ познаваемомъ нашими чувствами мірѣ, а въ томъ, что мы называемъ Богомъ и что сознаемъ въ себѣ.—Очень часто встрѣчаешь людей, казалось бы, очень близкихъ намъ по взглядамъ, признающихъ добромъ и зломъ то же, что и мы признаемъ таковымъ, но не знающихъ никакой другой жизни, не допускающихъ даже возможности другой жизни, кромѣ той, которую они познаютъ чувствами, и всегда оказывается, что сближеніе съ этими людьми только случайное, что мы сблизились съ ними только п., ч. пути наши перекрестились, но что мы не идемъ вмѣстѣ и при дальнѣйшемъ движеніи жизни расходимся съ ними.

Этого не можетъ быть съ людьми, полагающими сущность жизни въ духѣ. Представленіе о мірѣ матеріальномъ можетъ быть безконечно различнымъ, но сознаніе своей души и Бога у всѣхъ одно и то же. Вы принадлежите къ этимъ, и потому я увѣренъ, что и безъ того поощренія, которое даютъ гоненія, вы будете продолжать дѣло Божіе. Не думайте, чтобы я подъ словами: дѣлать дѣло Божіе, подразумѣвалъ какую-нибудь особенную дѣятельность внѣшнюю. Подъ этими словами я разумѣю дѣятельность внутреннюю духовную, которая иногда ничѣмъ внѣшнимъ не выражается и даже часто заглушается попытками преднамѣренной внѣшней дѣятельности. И какъ это ни непріятно революціонерамъ и соціалистамъ, истинная христіанская и иная плодотворная въ мірѣ дѣятельность состоитъ вся только изъ отрицательныхъ поступковъ — какъ вашъ — не дѣлать того, что противно Богу и совѣсти. Многіе не понимаютъ того, что сама жизнь, движеніе жизни, то, что Шопенгауэръ называетъ Wille zum Leben, есть любовь, думаютъ что только отрицательные поступки безъ положительныхъ могутъ уменьшать силу любви и плодотворность дѣятельности. Но думать такъ—все равно, что думать, что плотина на мельницѣ и спускъ воды на колеса уменьшаетъ силу воды и пользу ея движенія. О, если бы только 0,001 той энергіи, которую употребляютъ люди на произведеніе всякихъ глупостей и гадостей подъ видомъ общаго блага, была направлена на то, чтобы не дѣлать того, что прямо противно нашему разуму и нашей совѣсти, какъ плодотворна бы сдѣлалась дѣятельность людей! Я пишу такъ же, какъ вы, отдаваясь теченію своихъ мыслей, но имѣю въ виду васъ, ваше теперешнее положеніе, и мнѣ хочется посовѣтовать вамъ то, что, вѣроятно, и безъ меня знаете, именно, чтобы вы теперь не тяготились своимъ бездѣйствіемъ, если оно наступитъ, а только, не дѣлая того, что противно вашей совѣсти, отдавались бы любовно тѣмъ требованіямъ (опять-таки согласнымъ съ совѣстью), которыя предъявятъ вамъ люди, окружающіе васъ, и ваша личность.

Еще есть три пункта, о которыхъ хочется написать вамъ: 1) Что вы думаете объ Eugen Schmitt и его дѣятельности? Несмотря на большую горячность, поспѣшность и потому часто напыщенность и многословность его писаній, я вижу въ немъ человѣка искренняго, очень даровитаго и, главное, принадлежащаго къ разряду людей не матеріалистовъ, вѣрующихъ въ духовную жизнь, и поэтому совпадающаго центромъ съ нами. Что вы объ немъ думаете? Слышали? Какое о немъ мнѣніе и какое его вліяніе?

2) Возьметесь ли вы переводить мои непереведенныя вещи по-нѣмецки? Если да, то напишите объ этомъ Черткову. Воро-

нежск. губ. Станція Россоша, Владиміру Григорьевичу Черткову, онъ вышлетъ вамъ тѣ рукописи, которыя онъ переводитъ на англійскій языкъ. Если же кончу какую-либо новую работу, и вы согласны, то я пришлю вамъ съ тѣмъ, чтобы она вышла одновременно въ Англіи и Германіи.

3) Меня очень заинтересовало ваше отношеніе къ Вѣнской дамѣ. Если вамъ не непріятно разскажите мнѣ. Вообще все, что касается вашей частной жизни, вашихъ отношеній къ матери вашей, къ вашимъ роднымъ, друзьямъ, того, какъ вы матеріально устроили свою жизнь, все это очень близко трогаетъ меня, потому что я васъ очень полюбилъ.

1895 г., ноября 14.

Къ нему же.

Дорогой Шкарванъ!

Я очень виноватъ передъ вами за то, что, получивъ ваше письмо и записки, такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Старость не столько вслѣдствіе слабости, сколько вслѣдствіе очень усложнившейся жизни, что я особенно чувствую въ городѣ, дѣлаетъ, что времени становится все меньше. Пожалуйста, извините меня.

Ваши записки въ высшей степени интересны и важны. Я съ умиленіемъ и большой духовной радостью читалъ ихъ. Такое же впечатлѣніе онѣ производятъ и на другихъ. Нѣмецкій дневникъ доктора (очень интересный) переведенъ, записки же переписываются. Чертковъ здѣсь, и я ему передалъ ихъ. Одно, что въ высшей степени любопытно и вмѣстѣ съ тѣмъ не понятно, это отношенія ваши съ графиней М. Что ее привлекло къ вамъ и что оттолкнуло? Не пишите про это, если какое-нибудь чувство мѣшаетъ вамъ это сдѣлать. Ваши записки еще особенно тронули меня потому, что теперь въ Москвѣ сидитъ въ военномъ госпиталѣ, въ отдѣленіи душевно-больныхъ, нашъ молодой другъ Суллержицкій, бывшій художникъ, такъ же, какъ вы, отказавшійся отъ военной службы. Замѣчательно, что отношеніе къ нему властей и его къ нимъ почти то же въ Россіи, какъ и въ Австріи. Онъ написалъ свои записки во время своего ареста, и я спрошу у моихъ друзей экземпляръ ихъ и пришлю вамъ. Поразительно, несмотря на различность положеній и характеровъ, единство внутренняго состоянія: душевныхъ движеній. Извѣстіе о томъ, что вы не освобождены совсѣмъ, а что вамъ предстоитъ опять служба или борьба, очень поразило и огорчило меня. Пожалуйста, простите меня, если то, что я скажу покажется вамъ непріятнымъ, но

мнѣ нужно это сказать вамъ: именно то, что если бы вы въ предстоящемъ вамъ рѣшеніи — поступить или не поступить на службу—избрали бы первое, то уваженіе и любовь моя и всѣхъ нашихъ друзей къ вамъ ни на волосъ бы не уменьшились. Во мнѣ же лично есть одна сторона души, та, которая просто по-человѣчески любитъ васъ, какъ брата, эта сторона души очень бы обрадовалась, узнавъ, что ей не предстоитъ страдать за васъ, когда васъ опять станутъ мучить. Я увѣренъ, что всѣ эти соображенія вѣсятъ очень мало для людей рѣшающихъ въ своемъ сознаніи тѣ вопросы, которые вамъ приходится рѣшать, но мнѣ хотѣлось снять съ вѣсовъ и эти маленькія тяжести, которыя въ такія минуты, когда вѣсы колеблются, могутъ человѣческими соображеніями и соблазнами нарушать рѣшеніе божеское.

Прощайте пока. Братски любящій васъ

1895 г., декабря 16.

Къ Н. Я. Гроту.

Очень радъ былъ получить ваше доброе письмо, дорогой Николай Яковлевичъ: я радъ былъ почувствовать, что vous me manquez въ Москвѣ и дѣйствительно съ самыми хорошими чувствами вспоминалъ о васъ. Какъ интересно и справедливо все, что вы пишете объ отношеніи народностей въ томъ краю, гдѣ вы живете. Какъ вы знаете, этотъ вопросъ патріотизма много занималъ меня въ послѣднее время. Онъ, какъ и всѣ вопросы, самые важные, которые неизбѣжно требуютъ отъ людей извѣстнаго отношенія къ нимъ, представляется какъ будто старымъ и давно рѣшеннымъ, а между тѣмъ — есть вопросъ самый новый и допускающій самыя неожиданныя соображенія. Такъ, напримѣръ, одни люди считаютъ несомнѣннымъ необходимость признанія патріотизма и съ презрѣніемъ относятся ко всѣмъ, не признающимъ этого, а между тѣмъ доводы противъ патріотизма до такой степени ясны и очевидны, что ихъ невозможно опровергнуть и можно только обойти умалчиваньемъ и показаніемъ вида, что въ пользу патріотизма существуютъ всѣми признанные, неопровержимые аргументы, а ихъ-то и нѣтъ.

Прочелъ я внимательно ваши лекціи о Платонѣ; на мой взглядъ онѣ очень интересны, прямо поучительны для того круга людей, для которыхъ назначаются наши изданія. Я на себѣ провѣрилъ это, узнавъ изъ нихъ многое, чего не зналъ, и изложеніе, какъ и всегда у васъ, очень хорошо. Но есть кое-что, по-моему, для на-

шей цѣли излишнее: вступленіе, общій взглядъ на задачи философіи вообще и Платона въ особенности. Излишни тоже подробности объ источникахъ и критика ихъ и, само собой, нѣкоторыя формы обращенія къ аудиторіи. Если бы оставить біографію и изложеніе сущности философіи Платона, какъ она у васъ есть, то это вышла бы превосходная книга, за которую не только издатели Посредника, но и всѣ ея будущіе читатели будутъ вамъ очень благодарны.

Если бы вы сдѣлали это приспособленіе для изданія сами, это было бы лучше всего. Если же нѣтъ, то сдѣлаютъ это, разумѣется, хуже, чѣмъ вы, издатели.

Очень радуюсь тѣмъ нормальнымъ дружескимъ отношеніямъ, которыя возстановились между нами.

Дружескій привѣтъ Наталіи Николаевнѣ. Нынче иду въ деревню.

Любящій васъ

Москва, 1895 г.

Къ редактору японскаго журнала „Дидай-Чоо-Лю". Г-ну Іокою.

Благодарю васъ за то, что вы мнѣ прислали вашу статью. Я съ радостью узналъ, что вы глубоко увѣрены въ возможности распространить ученіе Христа и намѣреваетесь проповѣдывать вашимъ соотечественникамъ христіанство, вылившееся въ нагорной проповѣди. Это великая цѣль, и я не знаю цѣли — выше этой цѣли, ради которой человѣкъ могъ бы пожертвовать жизнью. Но давайте говорить искренно. Какъ въ вашей статьѣ, такъ и въ вашемъ письмѣ, вы еще не рѣшили, кому служить: Богу или маммонѣ. Желаете ли вы пріобрѣсти благосостояніе личное, семейное или государственное, или же только исполнить волю Божію, независимо отъ выгодъ человѣка, семьи или государства?

Вы говорите, что стараетесь уничтожить стѣну дѣленія племенъ, происходящую отъ различія религій и отъ крайняго развитія патріотизма.

Вы анализируете патріотизмъ и говорите, что существуютъ два патріотизма: одинъ умѣренный, хорошій и другой — черезчуръ сильный, плохой.

. . . .

Мы, христіане, которые вѣримъ въ ученіе Христа, вылившееся въ нагорной проповѣди, должны употреблять всѣ наши силы, чтобы достигнуть этой цѣли и исполнить безкорыстно Его волю.

Я желаю вамъ, чтобы вы и ваши собратья, раздѣляющіе вашъ взглядъ, поступали такъ. Былъ бы очень радъ, если бы могъ вамъ быть чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Съ братской любовью

1896 г., января 27.

Къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Милостивый Государь ***!

Обращаюсь къ вамъ, какъ человѣкъ къ человѣку, съ чувствомъ уваженія и доброжелательства, съ которыми прошу и васъ отнестись къ моему письму. Только при искренности этихъ чувствъ возможно пониманіе и соглашеніе.

Дѣло касается тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергаются со стороны чиновъ вашего министерства лица, имѣющія мои запрещенныя въ Россіи сочиненія и дающія ихъ читать тѣмъ, которые ихъ объ этомъ просятъ. Такимъ преслѣдованіямъ, сколько мнѣ извѣстно, подвергалось много различныхъ лицъ. Одинъ же изъ послѣднихъ случаевъ былъ съ женщиной-врачомъ N въ Тулѣ, обысканной, посаженной въ острогъ и теперь допрашиваемой слѣдователемъ по обвиненію въ распространеніи моихъ сочиненій.

Этотъ случай съ г-жей N, женщиной уже не молодой, слабой здоровьемъ, чрезвычайно нервной и въ высшей степени почтенной по своимъ душевнымъ качествамъ, заслужившимъ ей всеобщую любовь всѣхъ, знающихъ ее, особенно поразителенъ.

Поводомъ къ этому, сколько мнѣ извѣстно, послужило слѣдующее: г-жа N близко знакома мнѣ и дружна съ моими дочерьми. Одинъ тульскій рабочій нѣсколько разъ писалъ мнѣ, прося дать ему для прочтенія мое сочиненіе «Въ чемъ моя вѣра?» Не имѣя подъ рукой свободнаго экземпляра и не зная этого человѣка, я нѣсколько писемъ его оставилъ безъ отвѣта. Нынѣшней же зимой, получивъ вновь письмо съ тою же просьбой, я передалъ его дочери моей, прося ее, если у насъ есть та книга, о которой онъ просилъ, послать ее ему. Дочь моя, не имѣя свободнаго экземпляра, но помня, что въ томъ же городѣ Тулѣ, откуда писалъ проситель, живетъ г-жа N, имѣющая нѣкоторыя изъ моихъ запрещенныхъ сочиненій, послала просителю свою карточку съ просьбой дать подателю ея то, что у нея найдется.

Это обращеніе моей дочери къ г-жѣ N и послужило поводомъ къ ея аресту и всѣмъ тѣмъ истязаніямъ, которымъ ее подвергали.

Я думаю, что такого рода мѣры неразумны, безполезны, жестоки и, главнымъ образомъ, несправедливы. Неразумны онѣ потому, что нѣтъ и не можетъ быть никакого объясненія, почему изъ тѣхъ тысячъ людей, которые имѣютъ мои сочиненія и даютъ ихъ читать своимъ знакомымъ, выбрана для преслѣдованія одна г-жа N. Безполезны эти мѣры потому, что онѣ не достигаютъ никакой цѣли: пресѣченія эти мѣры не достигаютъ потому, что то зло, которое предполагается прекратить, продолжаетъ существовать среди тысячъ людей, которыхъ нѣтъ возможности всѣхъ арестовать и держать въ тюрьмахъ. Жестоки же эти мѣры потому, что для многихъ людей слабыхъ и нервныхъ, какова г-жа N, обыски, допросы и въ особенности заключеніе въ тюрьму могутъ быть причинами тяжелыхъ нервныхъ болѣзней, какъ это и было съ г-жей N, и даже смерти. Главное же— мѣры эти въ высшей степени несправедливы потому, что онѣ не направляются на то лицо, отъ котораго исходитъ то, что считается правительствомъ зломъ.

Такое лицо въ данномъ случаѣ—я: я пишу тѣ книги и письменно и словеснымъ общеніемъ распространяю тѣ мысли, которыя правительство считаетъ зломъ, и потому если правительство хочетъ противодѣйствовать распространенію этого зла, то оно должно обратить на меня всѣ употребляемыя имъ теперь мѣры противъ случайно попадающихся подъ его дѣйствіе лицъ, виновныхъ только въ томъ, что они имѣютъ интересующія ихъ запрещенныя книги и даютъ ихъ для прочтенія своимъ знакомымъ. Правительство должно поступить такъ еще и потому, что я не только не скрываю этой своей дѣятельности, но, напротивъ, прямо этимъ самымъ письмомъ заявляю, что я писалъ и распространялъ тѣ книги, которыя считаются правительствомъ вредными, и теперь продолжаю писать и распространять и въ книгахъ, и въ письмахъ, и въ бесѣдахъ такія же мысли, какъ и тѣ, которыя выражены въ книгахъ.

Сущность этихъ мыслей та, что людямъ открытъ несомнѣнный законъ Бога, стоящій выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, по которому мы всѣ должны не враждовать, не насиловать другъ друга, а, напротивъ, помогать,—должны поступать съ другими такъ же, какъ бы хотѣли, чтобы другіе поступали съ нами.

Эти-то мысли, съ вытекающими изъ нихъ практическими выводами, я и выражалъ, какъ умѣлъ, въ своихъ книгахъ и стараюсь еще яснѣе и доступнѣе выразить въ книгѣ, которую пишу теперь. Эти же мысли я высказываю въ бесѣдахъ и въ письмахъ,

которыя я пишу знакомымъ и незнакомымъ людямъ. Эти самыя мысли я выражаю теперь и вамъ, указывая на тѣ, противныя закону Бога, жестокости и насилія, которыя совершаются чинами вашего министерства.

Сказанныя Гамаліиломъ слова о распространеніи христіанскаго ученія, что «если дѣло это отъ человѣковъ, то оно разрушится, а если оно отъ Бога, то не можете разрушить его; берегитесь поэтому, чтобы вамъ не оказаться богопротивниками», остаются всегда урокомъ истинной правительственной мудрости въ ея отношеніяхъ къ проявленію духовной дѣятельности людей. Если дѣятельность эта ложная, она падетъ сама собою, если же дѣятельность эта имѣетъ своимъ содержаніемъ дѣло Божіе, каково то дѣло Божіе нашего времени—замѣны принципа насилія принципомъ разумной любви,—то никакія внѣшнія усилія не могутъ ни ускорить, ни задержать совершенія его. Если правительство допуститъ безпрепятственное распространеніе этихъ мыслей, онѣ будутъ распространяться медленно и равномѣрно; если же правительство будетъ подвергать, какъ оно дѣлаетъ теперь, преслѣдованіямъ людей, усвоившихъ эти мысли и передающихъ ихъ другимъ, распространеніе этихъ мыслей ровно настолько уменьшится въ средѣ людей робкихъ, слабыхъ и неопредѣлившихся, насколько оно усилится въ средѣ людей сильныхъ, энергичныхъ и убѣжденныхъ. И потому процессъ распространенія истины не остановится, и не задержится, и не ускорится, какъ бы ни поступало правительство.

Таковъ, по моему мнѣнію, общій и неизмѣнный законъ распространенія истины, и потому самое мудрое, что можетъ дѣлать правительство по отношенію проявленія нежелательныхъ для него идей, состоитъ въ томъ, чтобы ничего не предпринимать, а тѣмъ болѣе не употреблять такихъ недостойныхъ, жестокихъ и явно несправедливыхъ мѣръ, какъ истязаніе невинныхъ людей только за то, что они дѣлаютъ то самое, что дѣлаютъ и дѣлали десятки тысячъ другихъ людей, никѣмъ за это не преслѣдуемыхъ.

Если же правительство хочетъ непремѣнно не бездѣйствовать, а наказывать, угрожать и пресѣкать то, что оно считаетъ зломъ. то наименѣе неразумное и наименѣе несправедливое, что оно можетъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ мѣры наказанія, устрашенія или пресѣченія зла направить противъ того, что считается правительствомъ источникомъ его, т.-е. противъ меня, тѣмъ болѣе, что я заявляю впередъ, что буду не переставая до своей смерти дѣлать то, что правительство считаетъ зломъ, а что я считаю своей священной передъ Богомъ обязанностью.

И не думайте, пожалуйста, чтобы я, прося обратить противъ себя мѣры насилія, употребляемыя противъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, предполагалъ, что употребленіе такихъ мѣръ противъ меня представляетъ какое-либо затрудненіе для правительства, что моя популярность и мое общественное положеніе ограждаютъ меня отъ обысковъ, допросовъ, высылокъ, заключенія и другихъ худшихъ насилій. Я не только не думаю этого, но убѣжденъ, что если правительство поступитъ рѣшительно противъ меня, сошлетъ, посадитъ въ тюрьму или приложитъ еще болѣе сильныя мѣры, то это не представитъ никакихъ особенныхъ затрудненій, и общественное мнѣніе не только не возмутится этимъ, но большинство людей вполнѣ одобритъ такой образъ дѣйствія и скажетъ, что давно уже пора было это сдѣлать.

Богъ видитъ, что, пиша это письмо, я не подчиняюсь желанію бравировать власть или какъ-нибудь высказаться, а вызванъ къ этому нравственною потребностью, состоящею въ томъ, чтобы снять съ невинныхъ людей отвѣтственность за поступки, совершаемые мною, а главное — указать правительственнымъ лицамъ, и вамъ въ томъ числѣ, на жестокость, неразумность и несправедливость употребляемыхъ мѣръ и просить васъ, по мѣрѣ возможности, прекратить ихъ и освободить себя отъ нравственной за нихъ отвѣтственности.

Очень буду благодаренъ, если вы отвѣтите мнѣ простымъ, неофиціальнымъ письмомъ о томъ, что вы думаете о высказанномъ мною, и о томъ, исполните ли мою просьбу перенести на будущее время всѣ преслѣдованія, если они уже считаются необходимыми, на меня — главное лицо съ точки зрѣнія правительства, — заслуживающаго ихъ.

Съ чувствомъ истиннаго доброжелательства остаюсь уважающимъ васъ.

20 апрѣля 1896 г.

Къ начальнику иркутскаго дисциплинарнаго батальона.

Милостивый государь!

Не зная вашего имени и отчества, не зная даже вашей фамиліи, не могу обратиться къ вамъ иначе, какъ этой холодной и нѣсколько непріятной, отдаляющей людей другъ отъ друга, формулой: милостивый государь; а между тѣмъ я обращаюсь къ вамъ по дѣлу самому задушевному и желалъ бы обойти всѣ

тѣ внѣшнія формы, которыя раздѣляютъ людей, и, напротивъ, вызвать въ васъ къ себѣ если не братское отношеніе, которое свойственно людямъ имѣть другъ къ другу, то, по крайней мѣрѣ, уничтожить все предвзятое, которое можетъ быть вызвано въ васъ моимъ письмомъ и именемъ. Я желалъ бы, чтобы вы отнеслись ко мнѣ и къ моей просьбѣ, какъ къ человѣку, о которомъ вы ничего не знаете ни хорошаго, ни дурного и обращеніе котораго къ вамъ вы готовы выслушать съ доброжелательнымъ вниманіемъ.

Дѣло, о которомъ я хочу просить васъ, въ слѣдующемъ.

Въ вашъ дисциплинарный батальонъ поступили или должны въ скоромъ времени поступить два человѣка, присужденные бригаднымъ владивостокскимъ судомъ къ тремъ годамъ заключенія. Одинъ изъ нихъ — крестьянинъ Петръ Ольховикъ, отказавшійся исполнять военную службу, потому что онъ считаетъ ее противною закону Бога, другой—Кириллъ Середа, рядовой, сблизившійся съ Ольховикомъ на пароходѣ и, узнавъ отъ него причину его ссылки, пришедшій къ тѣмъ же убѣжденіямъ, какъ и Ольховикъ, и отказавшійся отъ продолженія службы.

Я очень хорошо понимаю, что правительство, не выработавъ еще соотвѣтственнаго особенностямъ такихъ случаевъ закона, не можетъ поступать иначе, какъ такъ, какъ оно поступило, хотя я и знаю, что въ послѣднее время высшее правительство, вниманіе котораго было обращено на жестокость и несправедливость наказанія такихъ людей наравнѣ съ порочными военными чинами, озабочено тѣмъ, чтобы найти болѣе справедливыя и легкія средства противодѣйствія такимъ отказамъ. Я знаю также очень хорошо, что вы, занимая вашъ постъ и не раздѣляя убѣжденій Ольховика и Середы, не можете поступать иначе, какъ строго исполняя то, что вамъ предписываетъ законъ; но все-таки я прошу васъ, какъ христіанина и добраго человѣка, пожалѣть этихъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они исполняютъ то, что они считаютъ закономъ Божьимъ, предпочтительно передъ закономъ человѣческимъ.

Не скрою отъ васъ того, что я лично вѣрю не только въ то, что люди эти дѣлаютъ то, что должно, но что и очень скоро всѣ люди поймутъ, что эти люди дѣлали великое и святое дѣло.

Но очень можетъ быть, что такое мнѣніе вамъ кажется безуміемъ, и вы твердо увѣрны въ противномъ. Я не позволю себѣ убѣждать васъ, зная, что люди серьезные и вашего возраста приходятъ къ извѣстнымъ убѣжденіямъ не съ чужихъ словъ, а своей внутренней работой мысли. Одно, о чемъ я умоляю васъ, какъ христіанина, добраго человѣка и брата—и моего, и Ольховика, и Середы,—какъ человѣка, ходящаго подъ

однимъ съ нами Богомъ и имѣющаго придти послѣ смерти туда же, куда пойдемъ и всѣ мы, — умоляю васъ не скрывать отъ себя того, чѣмъ отличаются эти люди (Ольховикъ и Середа) отъ другихъ преступниковъ; не требовать отъ нихъ исполненія того, отъ чего они отказались разъ навсегда; не искушать ихъ, вводя ихъ этимъ въ новыя и новыя преступленія и накладывая на нихъ новыя и новыя наказанія, какъ поступали съ несчастнымъ, возбудившимъ всеобщее сочувствіе и въ высшихъ сферахъ, Дрожжинымъ, до смерти замученнымъ въ воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ. Не отступая отъ закона и отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, вы можете сдѣлать заключеніе этихъ людей адомъ и погубить ихъ, можете и смягчить въ значительной степени ихъ страданія. Объ этомъ я умоляю васъ, надѣясь, что вы найдете эту просьбу излишней и что ваше внутреннее чувство, прежде меня, уже склонитъ васъ къ тому же.

Судя по тому мѣсту, которое вы занимаете, я полагаю, что ваши взгляды на жизнь и на обязанности человѣка совершенно противоположны моимъ. Не могу скрыть отъ васъ, что я считаю вашу обязанность несовмѣстимой съ христіанствомъ и желаю вамъ, какъ я желаю всякому человѣку, освобожденія отъ участія въ такихъ дѣлахъ. Но, зная всѣ свои грѣхи, и прежніе и тепершніе, всѣ свои слабости и дѣла, сдѣланныя мною, не только не позволяю себѣ осуждать васъ за вашу должность, но питаю къ вамъ, какъ ко всякому брату по Христу, совершенное уваженіе и любовь.

Очень буду благодаренъ вамъ, если отвѣтите мнѣ.

Москва, Хамовническій пер., № 21.
22 октября 1896 г.

Къ кавказскимъ духоборамъ.

Любезные братья, страдающіе за ученіе Христа!

Братъ нашъ И. П. Н. заѣхалъ, по дорогѣ домой, ко мнѣ, и мнѣ захотѣлось написать вамъ то, что не я одинъ, но многіе и многіе люди и у насъ и за границей знаютъ и думаютъ о васъ и боятся за васъ. Если Богъ велитъ, то мы пришлемъ вамъ, вашимъ дѣтямъ, женщинамъ и старымъ людямъ, больнымъ посильную помощь; духовную же помощь мы и многіе, и здѣсь и за границей, мы получаемъ отъ васъ и просимъ васъ не оставлять насъ этой помощью. Помощь эта въ томъ, что вы первые показываете примѣръ хожденія по пути Христову; заднимъ

легче, чѣмъ передним. Вы идете передними, и многіе благодарятъ васъ за это. Христосъ сказалъ: «Меня гнали, будутъ гнать и васъ», такъ и сбывается; жалко малыхъ и старыхъ, а еще жальче гонителей: вѣдь они уже знаютъ теперь, что они гонятъ не васъ, а Христа, того самаго, который пришелъ спасать ихъ. Они видятъ свой грѣхъ, но такъ завязли въ немъ, что не могутъ отстать отъ него. Они дѣлаютъ свое дурное; помоги имъ Богъ опомниться и присоединиться къ намъ. Передавалъ мнѣ И. П. разсказы, какъ ваши братья, страдающіе за отказъ отъ участія въ дѣлахъ дьявола, въ убійствѣ, поступили съ тѣми, которые не выдержали гоненій и согласились служить. Если тѣ, которые сами страдаютъ за Христово дѣло, просили прощенія у тѣхъ, которые не выдержали гоненій за тѣ страданія, которыя они понесли по примѣру и наученію братьевъ, то какъ же мнѣ, не удостоившемуся, пострадать за Христово дѣло, надо выпрашивать прощенія у всѣхъ тѣхъ, кого мои слова и писанія повели къ страданіямъ?

Тотъ, кто страдаетъ за Христово дѣло не по наущенію людей, а потому, что не можетъ поступить иначе передъ Богомъ, не нуждается въ людскихъ утѣшеніяхъ и поощреніяхъ, а тотъ, кто поступаетъ не для Бога, а для славы людской, тому тяжело и его надо утѣшать и поддерживать, и просить у него прощенія, если онъ пострадаетъ изъ-за насъ. И потому, братья, не упорствуйте въ своемъ отказѣ отъ государственной службы, если вы это дѣлаете для того, чтобъ не укоряли васъ въ слабости. Если можете дѣлать то, что отъ васъ требуютъ, — дѣлайте: избавьте этимъ вашихъ слабыхъ женъ, дѣтей, больныхъ, старыхъ отъ мученій. Если не вселился въ человѣка духъ Христовъ, который не позволяетъ ему дѣлать противное волѣ Бога, то всякій изъ васъ долженъ ради любви къ своимъ отказаться отъ прежняго и покориться; никто не осудитъ васъ за это. Такъ должны вы поступать, если можете. Если же духъ Христовъ вселился въ человѣка и онъ живетъ не для себя, а для исполненія воли Бога, то онъ и радъ бы согласиться сдѣлать все для своихъ страдающихъ ближнихъ, да нельзя ему сдѣлать этого, какъ нельзя одному человѣку поднять сто пудовъ; а если такъ, то Христовъ духъ, который противится дѣламъ дьявола, научитъ, какъ поступать, и утѣшитъ въ страданіяхъ и своихъ и близкихъ.

Многое хотѣлъ бы я сказать вамъ и узнать отъ васъ. — Если Богъ велитъ, свидимся. Пока прощайте, братцы. Цѣлую васъ.

Братъ вашъ слабый, но любящій васъ.

1897 г.

Къ гр. Софьѣ Андреевнѣ Толстой.

(На конвертѣ: «Если не будетъ особаго отъ меня объ этомъ письмѣ рѣшенія, то передать его послѣ моей смерти С. А.».)

Дорогая Соня!

Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ; уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая, что я лишу дѣтей, пока они были малы, хоть того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же жить такъ, какъ я жилъ 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми я окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать, — уйти: во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія, и, во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе мое уже въ домѣ не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе. Главное же то, что какъ индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣса, какъ всякому старому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой 70-ый годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть не полнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью. Если бы я открыто сдѣлалъ это, были бы просьбы, осужденія, споры, жалобы, и я бы ослабѣлъ, можетъ быть, и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больно, и въ душѣ своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня, и не сѣтуй на меня, не осуждай меня.

То, что я ушелъ отъ тебя, не доказываетъ того, чтобы я былъ недоволенъ тобой. Я знаю, что ты не могла, буквально не могла и не можешь видѣть и чувствовать, какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить своей жизни и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а, напротивъ, съ любовью и благодарностью вспоминаю длинныя 35

лѣтъ нашей жизни, въ особенности первую половину этого времени, когда ты, со свойственнымъ твоей натурѣ материнскимъ самоотверженіемъ, такъ энергически и твердо несла то, къ чему считала себя призванной. Ты дала мнѣ и міру то, что могла дать: дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни — послѣднія 15 лѣтъ — мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я не для себя, не для людей, а потому, что не могъ иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю тебя и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мнѣ.

Прощай, дорогая Соня.

Любящій тебя

8 іюля, 1897 г.

Къ канадскимъ духоборамъ.

Дорогіе братья!

Посылаю вамъ собранныя деньги. Я полагаю, что хорошо бы было считать эти деньги, такъ же какъ и другія средства, которыя вы получаете отъ добрыхъ людей и отъ работающихъ братьевъ, общимъ достояніемъ и не дѣлить по душамъ, а давать больше тѣмъ, у кого больше нужда. Ваши старички, вмѣстѣ съ вашими друзьями, помогутъ вамъ распредѣлять.

Слышалъ я, что вы много перенесли нужды и теперь страдаете. Помоги вамъ Богъ перенести посылаемое вамъ испытаніе въ томъ же христіанскомъ духѣ покорности волѣ Бога, смиренія и братолюбія, въ которомъ вы жили на Кавказѣ, показывая людямъ примѣръ христіанской жизни. Всѣ мірскія дѣла — и радости, и горести, и богатство, и нищета — проходятъ, не оставляя слѣда, только дѣла наши, добрыя или злыя, оставляютъ вѣчный слѣдъ и въ мірѣ, помогая или препятствуя установленію царства Божія, и въ нашей душѣ, приближая или удаляя отъ Бога.

Спаси васъ Богъ за ваше добро.

Любящій васъ братъ.

6 ноября, 1899 г.

Отвѣтъ А. В. Власову.

Уважаемый братъ Андрей Васильевичъ!

Получилъ ваше письмо и радъ былъ узнать изъ него про васъ и вашу вѣру. То, что вы пострадали отъ начальства мірского, доказываетъ то, что вы идете по пути Христа. Всякій человѣкъ, идущій по этому пути, не минуетъ столкнуться съ княземъ міра сего. И не ставятъ свѣтъ подъ спуды, а такъ, чтобы видно его было другимъ. Князь же міра не можетъ допустить этого, потому что свѣтъ Христовъ обличаетъ злыя дѣла его. Только тѣ люди служатъ дѣлу Божьему, устанавливая Его царство на землѣ, которые обличаютъ обманы князя міра и несутъ за это гоненія. Помогай вамъ въ этомъ Богъ.

Съ тѣмъ, что вы высказываете въ письмѣ вашемъ, я вполнѣ согласенъ и духомъ радовался, читая его. Одно могу посовѣтовать—то, чтобы въ обличеніи не терять любви къ заблудшему брату; и еще то, чтобы въ обличеніяхъ лжи больше упирать и полагаться на разумъ и любовь, а не на стихи изъ писанія. Писанія—дѣло рукъ человѣческихъ, въ нихъ могутъ быть ошибки, и толковать, особенно Апокалипсисъ, каждый можетъ по-своему; разумъ же данъ намъ прямо отъ Бога и всѣмъ: и татарамъ, и китайцамъ, и всѣмъ народамъ, одинъ и тотъ же, и въ то, что говоритъ разумъ, нельзя не вѣрить. Не вѣрятъ только тѣ, кто не хочетъ знать истины. Прилагаю при семъ нѣсколько статеекъ о вѣрѣ, какъ я ее понимаю. Двѣ статьи: «Заповѣди Христа» и «Какъ читать Евангеліе», составленныя мною; остальныя не мои, но я согласенъ съ ними.

Любящій васъ братъ.

1899 г.

О преподаваніи катехизиса.

(Письмо къ дѣятелю по народной школѣ).

Когда я училъ въ школѣ, я еще не уяснилъ себѣ своего отношенія къ церковному ученію, но, не приписывая ему важности, избѣгалъ говорить о немъ съ учениками, а читалъ съ ними библейскія исторіи и Евангеліе, обращая преимуществен-

но вниманіе на нравственное ученіе и отвѣчая всегда искренно на всѣ вопросы, которые они задавали мнѣ.

Если спрашивали о чудесахъ, я говорилъ, что не вѣрю въ нихъ.

Теперь же много перемучившись въ исканіи правды и руководства въ жизни, я пришелъ къ тому убѣжденію, что наше церковное ученіе вредно и преподаваніе его дѣтямъ есть величайшее преступленіе.

Сказать ребенку, который у меня, стараго человѣка, ищетъ помощи и указанія о томъ, какъ ему понимать свою жизнь, источникъ ея и отношеніе его къ этому источнику и къ міру, что Богъ сотворилъ 6000 лѣтъ тому назадъ въ 6 дней міръ и Адама и отдыхалъ, и что Адамъ согрѣшилъ, и, чтобы поправить дѣло, надо было сына Бога послать въ міръ, чтобы его убили, и всѣ тѣ ужасныя, кощунственныя утвержденія церкви, которыя разрушаютъ окончательно въ ребенкѣ всякую возможность представленія о Богѣ—духѣ любви, источникѣ жизни—и внушаютъ ему ужасныя понятія мести, искушенія, награды, казни, невозможности своими силами совершенствоваться... и всѣ другія церковныя лжи, какъ бы нарочно придуманныя для развращенія чистаго дѣтскаго ума и сердца,—сказать это просящему истины ребенку есть ужаснѣйшее, хуже физическаго растленія, преступленіе. Такъ я смотрю теперь на церковное преподаваніе.

Несмотря на полную мою убѣжденность въ этомъ, я и теперь, если бы былъ учителемъ, не сталъ бы внушать этого дѣтямъ, уважая свободу ихъ и ихъ родителей, считающихъ эту ложь святыней. Но какъ и прежде, хотя и избѣгалъ бы прямыхъ разговоровъ объ этомъ, всякій разъ, когда бы дѣти обращались ко мнѣ съ вопросомъ, отвѣчалъ бы имъ вполнѣ правдиво все то, что я думаю объ этихъ предметахъ, такъ я теперь поступаю со взрослыми и дѣтьми.

Истина есть всегда святыня. И нигдѣ такъ не преступно нарушеніе этой святыни, какъ при воспитаніи: «Богу надо служить въ духѣ и истинѣ», «Я есмь путь, истина и жизнь».

Такъ вотъ все, что я могу отвѣтить на вашъ вопросъ: считайте своей священной обязанностью, избѣгая какого-либо религіознаго наученія, отвѣчать всегда всю правду на религіозные вопросы учениковъ.

Если же у васъ нѣтъ еще ясныхъ отвѣтовъ на ихъ вопросы, то постарайтесь выработать ихъ, сначала самъ себѣ, а потомъ и для нихъ. Если же не знаете, то скажите, что не знаете.

И этотъ отвѣтъ будетъ не только плодотворнѣе, чѣмъ отвѣтъ, почерпнутый изъ катехизиса, но отвѣтъ «не знаю» будетъ святъ, потому что правда, отвѣтъ же изъ катехизиса будетъ преступленіе, потому что будетъ произведеніемъ отца лжи по слову Евангелія.

20 іюня 1900 г.

Къ царю о духоборахъ.

Ваше Императорское Величество!

Предлагаемое письмо, полученное мною изъ Канады, такъ коротко, трогательно, краснорѣчиво своей простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ касается такого важнаго предмета, что я очень прошу васъ прочесть его самимъ и однимъ, и отдаться тѣмъ добрымъ чувствамъ, которыя письмо это навѣрное вызоветъ въ вашемъ добромъ сердцѣ.

Девять молодыхъ женщинъ, живущихъ на свободѣ, въ достаткѣ, и двѣ старыя матери какъ особенной милости просятъ о томъ, чтобы имъ дана была возможность изъ свободной и обезпеченной жизни переѣхать въ самое ужасное мѣсто изгнанія и самыя тяжелыя условія. Какіе должны быть нравственные и сильные люди эти мужья и жены, если послѣ всѣхъ тѣхъ страданій, которымъ они подвергались, они думаютъ не о себѣ, а другъ о другѣ и о томъ, чтобы быть вѣрными брачному закону. И какъ много люди эти должны были перестрадать другъ за друга въ этой шестилѣтней разлукѣ.

Но страдаютъ такъ не одни эти люди: десятки, если не сотни тысячъ лучшихъ русскихъ людей страдаютъ такъ же и еще хуже отъ религіозныхъ гоненій, которыя по какому-то удивительному недоразумѣнію продолжаютъ существовать и въ послѣднее время даже усиливаются въ Россіи, тогда какъ уже давно всѣми просвѣщенными людьми и правительствами признана нелѣпость, жестокая несправедливость и, главное, безцѣльность такихъ гоненій.

Я давно уже хотѣлъ сказать вамъ про тѣ ужасныя и безсмысленныя жестокости, которыя подъ видомъ защиты государственной религіи творятся вашимъ именемъ. Мои преклонные годы и близость смерти побуждаютъ меня не откладывать далѣе. Тысячи и тысячи истинно - религіозныхъ и потому самыхъ лучшихъ людей, составляющихъ силу всякаго народа, уже погибли или теперь погибаютъ въ тюрьмахъ, въ тяжкомъ

изгнаніи или высылались и высылаются изъ Россіи. Цвѣтъ населенія не только Кавказа, но Россіи, 8000 духоборовъ бросили навсегда свое отечество и не только не сожалѣютъ о немъ, но съ отвращеніемъ и ужасомъ вспоминаютъ о немъ, благодаря тѣмъ жестокостямъ, которымъ они подвергались въ немъ. Нѣсколько тысячъ молоканъ изъ Карской области и изъ Эриванской губ. (прошенія которыхъ о выселеніи изъ Россіи я доставилъ вамъ), молокане изъ Ташкента, десятки тысячъ людей изъ Харьковской, Кіевской, Полтавской, Екатеринославской губерній, притѣсняемые за вѣру, только одного просятъ, чтобы имъ дана была возможность покинуть свое отечество и уйти туда, гдѣ бы они могли безпрепятственно исповѣдывать Бога такъ, какъ они понимаютъ Его, а не такъ, какъ этого требуетъ начальство, большею частью не признающее никакого Бога. Зная, что все это дѣлается вашимъ именемъ (а вы не можете не знать этого; если же не знаете, то поручите изслѣдовать это правдивому человѣку, и онъ подтвердитъ вамъ мои слова), и зная то, что вы можете прекратить это, вы не найдете душевнаго спокойствія, пока не прекратите этого.

Ваши совѣтчики, тѣ самые люди, которые устроили эти гоненія и руководятъ ими, скажутъ вамъ, что уничтожить этого нельзя, что я утопистъ, анархистъ, безбожникъ и меня не надо слушать. Но вы не вѣрьте имъ.

То, что я говорю, я говорю не съ своей точки зрѣнія, а становясь на точку зрѣнія разумнаго и просвѣщеннаго правительства. А съ этой точки зрѣнія уже давнымъ-давно доказано, что всякія религіозныя гоненія, кромѣ того, что роняютъ престижъ правительства, лишаютъ правителей любви народа, не только не достигаютъ той цѣли, для которой учреждаются, но производятъ обратное дѣйствіе.

И потому уже давнымъ - давно пора, во-первыхъ, пересмотрѣть и уничтожить существующіе законы о гоненіяхъ за вѣру, во-вторыхъ, прекратить всѣ преслѣдованія за отступленіе отъ принятаго государствомъ исповѣданія, въ-третьихъ, освободить всѣхъ, на основаніи прежнихъ законовъ сосланныхъ и изгнанныхъ за преступленія противъ вѣры, и, въ-четвертыхъ, не казнить какъ преступленіе несогласіе религіозной совѣсти съ требованіями государства, а стараться примирить это противорѣчіе, какъ оно примиряется на судѣ при отказѣ отъ присяги обѣщаніемъ говорить правду или какъ оно примирялось съ менонитами при отказѣ ихъ отъ военной службы замѣной ея обязательными не-военными работами.

Сдѣлавъ это, вы не только снимете съ себя тяжелую, лежащую на васъ отвѣтственность, но почувствуете радость сознанія совершоннаго добраго дѣла.

Помоги вамъ Богъ сдѣлать то, что Ему угодно.

Любящій васъ

7 декабря 1900 г.

Къ вопросу о непротивленіи злу насиліемъ.

(Изъ письма къ К.)

Письмо ваше мнѣ было очень пріятно. То, что вы думаете о противленіи злу, совершенно вѣрно, какъ вы и сами знаете. Иногда грустно думать, что наше общество находится въ такомъ глубокомъ мракѣ, что нужны большія усилія — тѣ самыя, которыя вы употребили и которыя не многіе способны дѣлать, — чтобы вырваться, съ одной стороны, изъ сѣтей формальнаго, ложнаго христіанства, съ другой — изъ революціоннаго либерализма, владѣющаго печатью, и понять самыя простыя истины, въ родѣ 2×2=4, въ области нравственной, т.-е. что не нужно дѣлать того самаго зла, съ которымъ борешься. Вѣдь все это, кажущееся сложнымъ, положеніе о непротивленіи злу и возраженіе противъ него сводятся къ тому, что вмѣсто того, чтобы понимать, что сказано: зломъ или насиліемъ не противься злу или насилію, понимается (мнѣ даже кажется — нарочно), что сказано: не противься злу, т.-е. потакай злу, будь къ нему равнодушенъ, тогда какъ противиться злу, бороться съ нимъ есть единственная внѣшняя задача христіанства, и что правило о непротивленіи злу сказано какъ правило, какимъ образомъ бороться со зломъ самымъ успѣшнымъ образомъ. Сказано: вы привыкли бороться со зломъ насиліемъ, отплатой. Это нехорошее, дурное средство. Самое лучшее средство — не отплатой, а добромъ. Въ родѣ того, какъ если бы кто бился отворять дверь наружу, когда она отворяется внутрь, и знающій сказалъ бы: не туда толкайте, а сюда тяните. Но вѣдь это такъ только въ нашемъ очень культурно отсталомъ обществѣ. Въ Америкѣ, напримѣръ, вопросъ этотъ 50 лѣтъ тому назадъ разработанъ со всѣхъ сторонъ и совѣстно говорить про это, въ родѣ того, какъ доказывать теперь Коперникову систему тѣмъ, которые бы ее оспаривали, какъ оспаривали Галилея. Такъ, съ одной стороны, говорю, иногда грустно на наше невѣжество, а съ

другой — видишь пользу этого. Тотъ, кто, какъ вы, самъ своимъ умомъ пробьетъ эту кору лжи и непониманія, тотъ имѣетъ задатки болѣе твердаго пониманія и всего того, что связано съ этимъ положеніемъ, чѣмъ тотъ, кому бы это разжевали и въ ротъ положили.

Въ одномъ вы только не правы, — это въ томъ, что вы робѣете идти за разсужденіемъ въ вопросѣ о бѣшеныхъ. Въ идеѣ нельзя допускать ни малѣйшаго компромисса. Компромиссъ выйдетъ неизбѣжно въ практикѣ (какъ вы вѣрно говорите), и потому тѣмъ меньше можно допустить компромиссовъ въ теоріи. Если я хочу провести линію близко къ математической прямой, я ни на секунду не долженъ допускать того, что прямая можетъ быть не кратчайшее разстояніе между двумя точками. Если я допущу, что бѣшенаго можно запереть, то я долженъ допустить и то, что его должно убить. А то что же онъ будетъ мучиться? Возьмите примѣръ съ бѣшеной собаки, и ее нельзя ни запереть, ни убить.

Если я допущу, что очень бѣшенаго можно запереть, то и меня и васъ можно и нужно окажется для кого-нибудь запереть. И не бойтесь, какъ вы испугались, разсуждать на этомъ пути. Если можно запирать, то будетъ то насиліе, отъ котораго теперь стонетъ міръ: въ Россіи 100 тысячъ заключенныхъ; а если нельзя, то что же будетъ такого страшнаго? То, что бѣшеный убьетъ меня, васъ, мою дочь, вашу мать? Да что же тутъ такого страшнаго? Умереть мы всѣ можемъ и должны. А дурного дѣлать мы не должны. Но, во-первыхъ, бѣшеные рѣдко убиваютъ, а если убиваютъ, то вѣдь предметъ, который надо жалѣть, которому надо помогать, не я, котораго еще только можетъ убить бѣшеный, а онъ, навѣрное изуродованный, страдающій; и помогать надо ему, думать о немъ. Если бы люди не позволяли себѣ для своей безопасности запирать и убивать тѣхъ бѣшеныхъ и такъ называемыхъ преступниковъ, то они бы позаботились о томъ, чтобы не образовывались вновь бѣшеные и преступники. А то я знаю случай совершенно дикаго человѣка, нищаго 45-ти лѣтъ, который бродяжничалъ съ дочерью и не ночевалъ зимой въ избахъ и изнасиловалъ свою дочь; другой случай — мальчика 11-ти лѣтъ, убившаго сестру 5-ти лѣтъ и сдѣлавшаго изъ ея жира свѣчу, чтобы при воровствѣ отворялись всѣ запоры; третій случай — моего ученика школы, отданнаго въ ученики, споеннаго средой, допившагося до болѣзни мозга и для спокойствія своихъ домашнихъ и окружающихъ отданнаго въ сумасшедшій домъ и тамъ умершаго. Всѣ мы знаемъ Скублинскую. Ну и вотъ ихъ всѣхъ посудятъ, потомъ запрутъ,

чтобы они намъ не мѣшали приготовлять еще такихъ же, и мы говоримъ, что жестоко бы было оставить ихъ на волѣ. Нѣтъ, если бы они были на волѣ, у насъ не было бы дикихъ людей, ходящихъ подъ проволоками телефоновъ, не было бы мальчиковъ, дѣлающихъ свѣчи изъ жира сестеръ, не было бы допивающихся до бѣшенства дикарей, не было бы Скублинскихъ.

Очень радъ буду прочесть то, что вы написали о моемъ разсказѣ [1]). Я на-дняхъ написалъ къ нему послѣсловіе, которое оказалось необходимымъ написать: такъ ужъ смѣло притворились люди, что они не понимаютъ того, что тамъ написано.

Помогай вамъ Богъ идти по тому пути, на которомъ вы стали: онъ — единственный.

1900 г.

Къ В. Г. Ч—ву.

Если не напишу сейчасъ, то никогда не отвѣчу на ваше послѣднее письмо; я получилъ его вчера ночью и сейчасъ, утромъ, перечелъ его. Вы даете три примѣра своей несостоятельности: 1) злобу къ людямъ, 2) несоотвѣтствіе жизни съ пониманіемъ жизни и 3) сомнѣніе въ будущей, вѣчной жизни.

Первое — злобу къ людямъ, безсилія не только любви, но прощенія я испытывалъ и испытываю сильнѣе всего и страдаю отъ этого больше всего. Утѣшаюсь тѣмъ, что въ этомъ Богъ помогаетъ мнѣ и есть перерывы злобы, есть просвѣты сознанія своихъ винъ, грѣховъ, и потому прекращеніе осужденія и даже проявленія жалости тамъ, гдѣ была злоба. Я увѣренъ, что и вамъ Богъ даетъ эти минуты, эти искры огня. А если есть искры, то будетъ и тепло и свѣтъ.

Скажу, что̀ есть для меня тотъ трутъ, на который я ловлю эти искры и которымъ пытаюсь разжигать свое сердце. Главное — покаяніе, не огульное покаяніе: «грѣшенъ, батюшка, грѣшенъ», или, еще хуже, признаніе того, что я весь въ грѣхахъ, родился въ грѣхѣ, что ни ступлю, то грѣхъ. Это признаніе, собравъ, запекши въ одну кучу всѣ грѣхи, какъ бы отдѣляетъ ихъ отъ меня и лишаетъ меня той неизбѣжной душевной пользы, которая милосердіемъ Божіимъ приложена къ каждому грѣху, какъ противоядіе къ яду.

Покаяніе не въ томъ, чтобы каяться вообще за всю прошедшую жизнь, а въ томъ, чтобы видѣть въ своей душѣ слѣды,

---

[1]) «Крейцерова соната».

остатки (хорошо еще какъ слѣды и остатки) прежнихъ грѣховъ, опредѣленныхъ, понятныхъ, совершонныхъ тогда и тогда-то грѣховъ, и по этимъ остаткамъ живо представить себѣ всю свою прежнюю да и теперешнюю порочность и дикость и по каждой статьѣ особенно.

Для того, чтобы перестать злиться на человѣка, чтобы примириться, простить, если есть что̀ прощать, даже пожалѣть и полюбить его, надо что̀? Лучше всего вспомнить свой грѣхъ передъ нимъ, такой же, какъ его. Это особенное счастіе, и тогда сразу исцѣленіе; но это рѣдко случается (хотя и то кажется, что рѣдко, потому что мы плохо ищемъ), и потому надо искать подобный же или хоть равный, еще лучше — худшій грѣхъ передъ другими. И если это сдѣлаешь искренно, серьезно и живо вспомнишь свою мерзость, — простишь, примиришься и, Богъ дастъ, пожалѣешь и полюбишь. Разумѣется, помилуй Богъ притворяться, что любишь и жалѣешь, когда не любишь и не жалѣешь. Это хуже ненависти. Но избави Богъ также не уловить и не раздуть эту искру жалости и любви къ врагу, божеской любви, когда Богъ пошлетъ тебѣ искру ея. Вѣдь драгоцѣннѣе ея ничего нѣтъ. У насъ ужасная привычка забывать, забывать свое зло, свои грѣхи. И нѣтъ болѣе коренного средства забыть свои грѣхи, какъ огульное покаяніе. Всѣ грѣхи скопятся въ одну какую-то непроницаемую массу, съ которой нечего дѣлать, и когда понадобится для своего употребленія, — свой грѣхъ, такой хорошенькій, — который бы искупилъ грѣхъ согрѣшающихъ противъ меня,—и не найдешь. А этотъ музей надо держать въ порядкѣ, чтобы сейчасъ найти, что и когда нужно, и чтобы всѣ они—предметы-грѣхи—были порознь, не закрывали бы одинъ другого и являлись бы въ самомъ внушительномъ видѣ. Не забывать надо, а помнить, всегда помнить свои грѣхи, чтобы ими смягчать осужденіе чужихъ; я думаю, что главная разница добраго человѣка отъ злого—та, что добрый помнитъ все сдѣланное имъ злое, а забываетъ, не видитъ добраго; а злой—наоборотъ.

Такъ вотъ по первому пункту могу вамъ сказать то, что мнѣ указалъ Богъ. Не прощайте себѣ, тогда будете прощать другимъ.

Второе — несоотвѣтствіе жизни съ тѣмъ, что она, вы говорите, должна быть, а можно прямо сказать — съ тѣмъ, что она будетъ,—есть ея признакъ, т.-е. признакъ жизни: желудь не соотвѣтствуетъ дубу, яйцо — курицѣ, кающійся грѣшникъ — святому. Во всѣхъ происходитъ движеніе отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ худшаго къ лучшему, отъ меньшаго къ большему, — все это не точно, — происходитъ *жизнь*. И вотъ къ этой-то жизни есть троякое отношеніе: 1) жизнь идетъ, и

существо, какъ желудь, младенецъ, иногда даже человѣкъ, не чувствуетъ, не сознаетъ этого движенія, и не помогаетъ, и не препятствуетъ ему; 2) человѣкъ сознаетъ это движеніе — видитъ то, къ чему онъ идетъ, и торопитъ это движеніе, спѣшитъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ сдѣлаться. Мальчикъ хочетъ быть взрослымъ, воображаетъ, что если онъ надѣнетъ мундиръ, будетъ ѣздить на охоту, пить и ругаться, то онъ будетъ мужчина. То же происходитъ и въ духовной жизни: человѣкъ видитъ, что онъ идетъ къ добру, къ освобожденію отъ грѣха, къ святости, и воображаетъ, что если онъ принесетъ жертвы барановъ, свѣчи, если онъ исповѣдуется, причастится, или если онъ увѣритъ себя, что жертва эта принесена, что онъ очищенъ отъ грѣха, то и точно онъ освободится отъ грѣха и достигнетъ святости. Это—ужасный путь. Какъ мальчикъ развращается, желая быть тѣмъ, что̀ онъ не есть, такъ и человѣкъ, желающій духовно быть тѣмъ, что̀ онъ не есть; 3) человѣкъ видитъ, куда онъ идетъ, знаетъ, что несоотвѣтствіе его жизни съ его сознаніемъ есть условіе его жизни, и всѣми силами стремится уменьшать въ своей жизни это несоотвѣтствіе, зная, что это не есть его личное дѣло, а дѣло его Отца, того, который его послалъ сюда такимъ, какимъ онъ есть, и вложилъ въ него сознаніе того, какимъ онъ долженъ быть и будетъ. И человѣкъ, зная, что это несоотвѣтствіе не есть нѣчто особенное, случившееся, но—законъ всякой жизни, безъ котораго невозможно никакое движеніе и приближеніе къ вѣчному и безконечному совершенству — Богу, — человѣкъ, зная это, видитъ въ этомъ несоотвѣтствіи условіе своей жизни и блага.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы у человѣка не было разумѣнія и вытекающаго изъ него сознанія несоотвѣтственности его жизни съ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, и жизнь бы была такою, какою она была, когда онъ былъ неразумнымъ грѣшникомъ (вѣдь всѣ проходятъ черезъ грѣхъ, не одни мы съ вами), ему бы было хуже. Если же бы не было его грѣховности и онъ могъ бы сразу быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ быть по своему разумѣнію, то было бы еще хуже: не зачѣмъ бы было жить, не было бы никакой жизни.

Но вы скажете: отчего я не иду впередъ? Отчего я все такой же, какъ былъ? Благодарите Бога за то, что вы такъ чувствуете. Плохо, когда человѣкъ говоритъ себѣ: я сталъ лучше, чѣмъ былъ. Вотъ не курю, не блужу, не сержусь даже, даю десятину не такъ, какъ прежде, и не такъ, какъ мытарь. Помоги намъ Богъ быть всегда недовольными и не видать тѣхъ шаговъ, которые мы дѣлали (если дѣлали), приближаясь къ Нему. Эти шажки замѣтны только тогда, когда мы дѣлаемъ то,

чего не должно, сравниваемъ себя съ прежнимъ собою или съ другими. Мы должны стараться быть совершенны, какъ Отецъ, и потому сравнивать себя только съ Нимъ, т.-е. съ высшимъ безконечнымъ добромъ и истиной, и тогда нашихъ шажковъ мы не увидимъ. Поддержатъ насъ въ жизни не эти лиллипутскіе шажки по пути добра, а только сознаніе того, что мы исполняемъ волю Бога. Воля же Бога въ томъ, чтобы мы, сдѣлавъ все, что можемъ, для уничтоженія несоотвѣтствія, сознавали бы, что мы сдѣлали то, чего нельзя было не сдѣлать, какъ работникъ съ хозяиномъ, вернувшійся съ поля.

Поразительно еще то, что это несоотвѣтствіе сознанія и жизни, которое такъ смущаетъ многихъ, всегда у всѣхъ людей было одно и то же: у самаго святого и у самаго грѣшнаго человѣка. По себѣ я, по крайней мѣрѣ, знаю, что въ святыя минуты сознанія на всякой точкѣ моего пути жизни несоотвѣтствіе и недовольство собой было одно и то же постоянное. Я не чувствовалъ его только тогда, когда опускался нравственно. Стало быть, это не нѣчто особенное, а свойство истинной человѣческой жизни. Да, дьяволу нельзя сказать разумнымъ людямъ, которые грѣшатъ и знаютъ это, дьяволу нельзя сказать: «вы совсѣмъ не грѣшите, убивая, блудя и т. п. Продолжайте жить такъ. Вамъ и всѣмъ будетъ хорошо». Люди не повѣрятъ. Вотъ онъ и придумываетъ такой обходъ, при которомъ выходило бы то же самое, т.-е. чтобы люди, грѣша, вѣрили бы, что они не грѣшатъ, а купались бы въ своихъ грѣхахъ, не замѣчая ихъ. Вотъ онъ и говоритъ имъ: положимъ, что жизнь ваша—такая, которая не приведетъ всѣхъ къ добру, и можетъ быть названа грѣховной, положимъ, что вы грѣшите, живя такъ, какъ вы живете, но вѣдь безъ грѣха вы жить не можете, а между тѣмъ сознаніе грѣха слишкомъ тяжело, и Богъ не могъ хотѣть того, чтобы всѣ мучились постоянно этимъ сознаніемъ, и потому Онъ далъ средство освобожденія отъ этого сознанія; средство это — жертвы, которыя вы приносите или за васъ приносятъ, вообще искупительная жертва.

Мы такъ давно пріучены къ этому, такъ съ молокомъ всосалось намъ это представленіе о жизни такой, въ которой мы можемъ быть спокойны и довольны собой, что то самое естественное, неизбѣжное состояніе живой души человѣческой, въ которомъ мы чувствуемъ, что мы стремимся отъ худшаго къ лучшему, т.-е. несоотвѣтствіе жизни съ сознаніемъ, представляется намъ чѣмъ-то исключительнымъ.

Я себѣ часто представляю героя исторіи, которую хотѣлось бы написать: человѣкъ, воспитанный, положимъ, въ кружкѣ революціонеровъ, сначала революціонеръ, потомъ народникъ, соціа-

листъ, православный, монахъ на Аѳонѣ, потомъ атеистъ, семьянинъ, потомъ духоборецъ, все пачинаетъ, все бросаетъ не кончая. Люди надъ нимъ смѣются. Ничего онъ не сдѣлалъ и безвѣстно помираетъ гдѣ-нибудь въ больницѣ. И, умирая, думаетъ, что онъ даромъ погубилъ жизнь. А онъ-то — святой.

Третье — сомнѣніе о томъ, что все, что вы думаете и чувствуете о вѣчной жизни, не есть ли плодъ безсознательнаго самообмана, вытекающаго изъ страха передъ призрачностью жизни? Вы пишете, что не можете ясно высказать этого состоянія. Его и нельзя высказать. Это состояніе есть только признакъ чего-то недодѣлавшагося въ душѣ. Вѣдь если нѣтъ ничего, надо жить и веселиться. Но вы не можете больше этого. Если все это злой обманъ, призракъ, то надо застрѣлиться или молчать. Вы тоже не можете этого. Если же есть Богъ, то надо откинуть, прорвать все то, что раздѣляетъ насъ съ Нимъ. То, что вы и дѣлаете, и сдѣлаете.

Опять ужасная уловка дьявола, эта легкомысленная, ни на чемъ не основанная ложная вѣра въ *будущую*, а не *вѣчную* жизнь. Я думаю, что если бы не было ложнаго ученія о будущей жизни, никто никогда не усомнился бы въ вѣчной жизни, той, про которую вамъ такъ ясно сказалъ Онъ, вашъ ребенокъ, такъ несомнѣнно жившій ею.

Опять дьяволу никакъ нельзя сказать, что вѣчной жизни нѣтъ, когда есть только одна вѣчная жизнь, и другой никакой мы знать не можемъ, и умершій ребенокъ живетъ ею. Опять онъ придумываетъ штуку: плотская смерть — это переходъ черезъ рѣку, пропасть, на другой берегъ, переходъ несомнѣнно твердый, прямо на пути, и нельзя ни миновать его, ни усомниться въ прочности его и въ томъ, что онъ ведетъ къ благу. И вотъ дьяволъ надстраиваетъ мостъ, который кончается обрывомъ, ведетъ совсѣмъ не туда, куда надо, и заводитъ людей туда подъ предлогомъ, что по его мосту легче перейти. И, стоя на его мосту и видя передъ собой пропасть, вѣришь, что нѣтъ жизни. Я это испытывалъ, не вѣрьте ему. Если есть сомнѣніе, то только потому, что вы хорошенько не разувѣрились въ жизни будущей личности. Это его, дьяволовъ, обманъ.

Жизнь вѣчная — какъ баллонъ. Газъ — это не наша сила, а Божья, которая тянетъ кверху. Веревки привязывающія — это заблужденія, а балластъ — пристрастія, своя воля, а не Божья. Если привязь перерѣзана, то держитъ балластъ. Насколько его выбросимъ, настолько полетимъ.

Ясная Поляна, 30 сентября 1889 г.

Къ Л. Е. Оболенскому.

Леонидъ Егоровичъ!

Сказать, что чувство, испытываемое при приближеніи къ вступленію въ другую форму жизни, есть только чувство радости отъ ожиданія прекращенія усталости, все равно, что сказать, что чувство блуднаго сына, возвращающагося домой, есть только чувство радости отъ прекращенія усталости. Если и есть доля этого чувства, то она такая крохотная, а главное — по качеству своему такая ничтожная, что она не только не можетъ затемнить, но и никакъ не можетъ быть смѣшана съ тѣмъ носящимъ на себѣ характеръ безконечности чувствомъ благодарнаго умиленія передъ сознаніемъ всего значенія *всей* своей жизни, которое испытываешь при близости смерти.

Кромѣ того, чувство усталости и даже желанія смерти мы всѣ испытываемъ, и я испытывалъ много разъ — не тогда, когда освободился отъ временныхъ страстей, желаній, а, напротивъ, когда порабощенъ ими и не получаешь удовлетворенія. Мало того, когда просто нездоровится, болитъ животъ, зубы, ревматизмы, — не видишь жизни и часто думается, какъ бы заснуть совсѣмъ, заснуть навсегда; когда же стоишь точно на краю смерти, жизнь разгорается такимъ свѣтомъ, что и въ голову не можетъ придти нелѣпое желаніе уйти отъ того, что одно вѣчно и неистребимо. Вотъ что я могу отвѣтить на вопросы вашей знакомой. И съ горя и безъ горя ужасна жизнь человѣка, который воображаетъ себѣ, что только свѣта, что въ окошкѣ, что только и жизни, что та частица ея, которую мы знаемъ здѣсь.

Радъ случаю возобновленія общенія съ вами.

Ясная Поляна,
1903 г. мая 6.

Къ П. Бордакову.

Конецъ вашего письма такъ же сильно огорчилъ меня, какъ обрадовало его начало. Разубѣждать васъ я не стану, во-первыхъ, потому, что, по моему наблюденію, люди, вѣрящіе въ спиритическое общеніе съ душами людей, никогда не убѣждаются внѣшними доводами; во-вторыхъ, потому, что всѣ неопровержимыя опроверженія спиритизма давно уже высказаны и мнѣ пришлось бы повторять ихъ. Скажу только про себя, что пред-

ставленіе или вѣра въ существованіе душъ и въ возможность общенія ихъ съ живущими не дало бы мнѣ какой-либо увѣренности въ будущей жизни, но, напротивъ, разрушило бы то несомнѣнное сознаніе внѣвременности, внѣпространственности духовной основы моей жизни, которой я живу и которая даетъ мнѣ радость и спокойствіе. Вѣра въ общеніе съ душами умершихъ до такой степени, не говоря уже о томъ, что она мнѣ совершенно не нужна, до такой степени нарушаетъ все то, основанное на разумѣ мое міровоззрѣніе, что если бы я услышалъ голосъ духовъ или увидалъ бы ихъ проявленіе, я обратился бы къ психіатру, прося его помочь моему очевидному мозговому разстройству.

Ваше буддійское представленіе о многократныхъ послѣдовательныхъ жизняхъ есть такое же произвольное предположеніе, какъ адъ и рай и всѣ религіозныя суевѣрія.

Одно, что мы можемъ утверждать съ полной увѣренностью, это то, что мы живемъ, что основа этой нашей жизни есть существо духовное и потому не подлежащее измѣненіямъ, началу, концу, а было, есть и будетъ «τὸ ὄν», сущее, и что существо это ограничено и ограниченіе это, предѣлы этого существа представляются намъ въ видѣ матеріи въ пространствѣ и движенія во времени. Расширеніе этихъ предѣловъ, что возможно черезъ признаніе собою другихъ существъ (любовью), составляетъ сущность и назначеніе жизни человѣческой. Для чего это ограниченіе и раздѣленіе на отдѣльныя существа единаго духовнаго существа? Этого мы не можемъ познать нашимъ ограниченнымъ умомъ. Одно, что мы знаемъ несомнѣнно, это то, что то, что составляетъ основу нашей жизни, не только не можетъ умереть, но всегда было и будетъ существовать. Вопросъ же о томъ, въ какой формѣ будетъ это существовать послѣ нашей смерти, неразрѣшимъ для нашего ограниченнаго ума. Мы можемъ предполагать два положенія: первое, что наша отдѣленная сущность сольется со Всѣмъ, и второе, что она такъ же, какъ и теперь, проявится въ ограниченномъ состояніи и опять такъ же, хотя и въ новыхъ формахъ, которыя мы представить себѣ не можемъ, задача ея будетъ состоять въ большемъ и большемъ расширеніи предѣловъ. Такъ что жизнь наша здѣсь съ нашей борьбой со зломъ и увеличеніемъ любви есть единственная свойственная намъ жизнь, и потому смотрѣть на нее, какъ на приготовленіе къ другой жизни, есть грубая и вредная ошибка. Другой жизни, другого назначенія жизни не будетъ. Изъ этихъ двухъ предположеній вѣроятнѣе второе. Оно вѣроятнѣе потому, что, не зная никакой другой жизни, какъ жизнь въ ограничен-

12*

ныхъ предѣлахъ, мы не имѣемъ права ожидать жизни неограниченной въ соединеніи со Всѣмъ.

Вотъ вамъ вкратцѣ то мое міровоззрѣніе, при которомъ вѣра въ спиритизмъ для меня не только излишня, но и несовмѣстима съ тѣмъ, что я не могу не считать несомнѣннымъ. Согласитесь вы или не согласитесь со мною, пожалуйста, не доказывайте мнѣ справедливость вашихъ воззрѣній. Вы высказали мнѣ свои взгляды, я—свои. И доказывать больше нечего.

Первая часть вашего письма и то опредѣленіе назначенія жизни человѣка, къ которому вы пришли, глубоко тронули меня. И я горячо желаю вамъ истиннаго блага, которое возможно найти только на истинномъ пути. Помогай вамъ Богъ найти.

Любящій васъ

Ясная Поляна.
1903 г., начало августа.

О разумѣ и религіи.

Вы спрашиваете меня:

1. Слѣдуетъ ли людямъ, не особенно выдающимся умственно, искать выраженія въ словахъ постигнутыхъ ими истинъ внутренней жизни?

2. Стоитъ ли добиваться въ своей внутренней жизни полной сознательности? и 3. Чѣмъ намъ руководиться въ минуты борьбы и колебанія, чтобы узнать, говоритъ ли въ насъ дѣйствительно наша совѣсть или разсужденіе, подкупленное нашею слабостью? (Третій вопросъ этотъ я выразилъ для краткости своими словами, надѣюсь, не измѣнивъ его смысла.)

Три вопроса эти, по моему мнѣнію, сводятся къ одному—второму, потому что если не слѣдуетъ добиваться полной сознательности своей внутренней жизни, то и не слѣдуетъ, и невозможно будетъ выразить словами постигнутыя нами истины и въ минуты колебанія нечѣмъ будетъ руководиться для того, чтобы узнать, говоритъ ли въ насъ наша совѣсть или ложное разсужденіе. Если же слѣдуетъ добиваться наибольшей, доступной разуму человѣка (какой бы ни былъ этотъ разумъ), сознательности, то и слѣдуетъ выражать словомъ постигнутыя нами истины, и этими-то самыми доведенными до полной сознательности и выражаемыми истинами и слѣдуетъ руководиться въ минуты борьбы и колебанія. И потому я отвѣчаю на коренной вопросъ вашъ положительно, именно, что всякій человѣкъ для исполненія своего назначенія на землѣ и для

достиженія истиннаго блага (что всегда сходится) долженъ всегда всѣ силы своего ума напрягать на уясненіе для самого себя тѣхъ религіозныхъ основъ, которыми онъ живетъ, т. е. смысла своей жизни.

Я часто встрѣчалъ между безграмотными-рабочими-землекопами, которымъ приходится вычислять кубическія мѣры, распространенное убѣжденіе, что математическое вычисленіе обманчиво и что не надо довѣрять ему. Оттого ли, что они не знаютъ математики, или оттого, что люди, математически вычислявшіе для нихъ, часто умышленно или неумышленно обманывали ихъ, но мнѣніе о недостаточности и негодности для опредѣленія мѣръ математики установилось между безграмотными рабочими и сдѣлалось для большинства несомнѣнной истиной, которую они даже считаютъ нужнымъ доказывать. Такое же мнѣніе установилось и между людьми — смѣло скажу— нерелигіозными — мнѣніе о томъ, что разумъ не можетъ рѣшать вопросовъ религіозныхъ, что приложеніе разума къ этимъ вопросамъ есть главная причина заблужденій, что рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ разумомъ есть преступная гордость.

Я говорю это къ тому, что выраженное въ вашихъ вопросахъ сомнѣніе о томъ, нужно ли добиваться сознательности въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, можетъ быть основано только на этомъ предположеніи, именно о томъ, что разумъ не можетъ быть примѣненъ къ рѣшенію вопросовъ религіозныхъ. А между тѣмъ такое предположеніе столь же странно и очевидно ложно, какъ и предположеніе о томъ, что вычисленіе не можетъ рѣшать вопросовъ математическихъ.

Человѣку дано прямо отъ Бога только одно орудіе познанія себя и своего отношенія къ міру, — другого нѣтъ, — и орудіе это — разумъ и, вдругъ ему говорятъ, что разумъ онъ можетъ употреблять на уясненіе своихъ домашнихъ, семейныхъ, хозяйственныхъ, политическихъ, научныхъ, художественныхъ вопросовъ, но только не на уясненіе того, для чего онъ данъ ему. Оказывается, что для уясненія самыхъ важныхъ истинъ, тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ вся жизнь его, человѣкъ никакъ не долженъ употреблять разумъ, а долженъ познавать эти истины помимо разума, тогда какъ помимо разума человѣкъ ничего познать не можетъ. Говорятъ: познавай откровеніемъ, вѣрою; но вѣдь и вѣрить человѣкъ не можетъ помимо разума. Если человѣкъ вѣритъ въ то, а не въ другое, то только потому, что разумъ его говоритъ ему, что въ это не надо вѣрить, а въ это надо вѣрить. Сказать, что человѣкъ не долженъ руководиться разумомъ, это все равно, что человѣку, въ темномъ подзе-

мельи несущему лампочку, сказать, что для того, чтобы ему выбраться изъ подземелья и найти путь, надо потушить лампочку и руководиться не свѣтомъ, а чѣмъ-то другимъ.

Но, можетъ быть, скажутъ, какъ и вы говорите въ своемъ письмѣ, что не всѣ люди одарены большимъ умомъ и особенной способностью выражать свои мысли, и поэтому неумѣлое выраженіе своихъ мыслей о религіи можетъ повести къ заблужденію. На это отвѣчу словами Евангелія: «что скрыто отъ мудрыхъ, открыто младенцамъ». И изреченіе это не есть преувеличеніе и не парадоксъ, какъ принято судить о тѣхъ изреченіяхъ Евангелія, которыя намъ не нравятся, а это — утвержденіе самой простой и несомнѣнной истины о томъ, что каждому существу въ мірѣ данъ законъ, которому существо это должно слѣдовать, и для познанія этого закона даны каждому существу соотвѣтственные для этого органы. И потому каждый человѣкъ одаренъ разумомъ, и въ разумѣ этомъ открытъ каждому человѣку законъ, которому онъ долженъ слѣдовать. Скрытъ этотъ законъ только отъ тѣхъ людей, которые не хотятъ слѣдовать ему, а для того, чтобы не слѣдовать закону, отрекаются отъ разума и вмѣсто того, чтобы для познанія истины пользоваться даннымъ для этого разумомъ, пользуются для этого взятыми на вѣру указаніями такихъ же, какъ и они, людей, отказывающихся отъ разума.

Законъ же, которому долженъ слѣдовать человѣкъ, такъ простъ, что онъ доступенъ каждому ребенку, тѣмъ болѣе, что человѣку не приходится вновь открывать законъ своей жизни. Люди, прежде него жившіе, открыли и выразили его, и человѣку нужно только провѣрить ихъ своимъ разумомъ, принять или не принять тѣ положенія, которыя онъ находитъ выраженными въ преданіи, т.-е. не — какъ это совѣтуютъ дѣлать люди, желающіе не исполнять закона — преданіемъ повѣрять разумъ, а, напротивъ, разумомъ повѣрять преданіе. Преданія могутъ быть отъ людей и ложныя, а разумъ навѣрно отъ Бога и не можетъ быть лживъ. И потому для познанія и выраженія истины не нужны никакія особенныя выдающіяся способности, нужно только вѣрить въ то, что разумъ есть не только высшее божественное свойство человѣка, но и единственное орудіе познанія истины.

Особенный умъ и дарованія нужны бываютъ не для познанія и изложенія истины, а для придумыванія и изложенія лжи. Разъ отступивъ отъ указаній разума, не повѣривъ ему, а повѣривъ на слово тому, что выдается за истину, люди нагромождаютъ и принимаютъ на вѣру обыкновенно въ видѣ законовъ,

откровеній, догматовъ такія сложныя, неестественныя и противорѣчивыя положенія, что для того, чтобы изложить ихъ и связь ихъ съ ложью, нужны дѣйствительно большая тонкость ума и особенное дарованіе. Только стоитъ представить себѣ человѣка нашего міра, воспитаннаго на религіозныхъ основахъ какого бы то ни было христіанскаго вѣроисповѣданія,—католическаго, православнаго, протестантскаго, который захочетъ уяснить себѣ религіозныя основы, привитыя ему съ дѣтства, и захочетъ связать ихъ съ жизнью,—какую сложную умственную работу онъ долженъ продѣлать, чтобы примирить всѣ противорѣчія, находящіяся въ привитомъ ему воспитаніемъ исповѣданіи: Богъ-творецъ и благой сотворилъ зло, казнитъ людей и требуетъ искупленія и т. п., и мы исповѣдуемъ законъ любви и прощенія, и казнимъ, воюемъ, отнимаемъ у нищихъ собственность и т. п., и т. п.

Такъ вотъ для распутыванія этихъ-то неразрѣшимыхъ противорѣчій, или, скорѣе, скрытія ихъ отъ себя, нужно много ума и особенныхъ дарованій; но для того, чтобы узнать законъ своей жизни, или, какъ вы выражаетесь, привести въ полную сознательность свою вѣру, не нужно никакихъ особенныхъ умственныхъ дарованій, — нужно только не допускать ничего противнаго разуму. не отрицать разумъ, религіозно беречь свой разумъ и вѣрить только ему. Если смыслъ его жизни представляется человѣку неяснымъ, то это доказываетъ не то, что разумъ не годится для уясненія этого смысла, а только то, что допущено на вѣру слишкомъ много неразумнаго и надо откинуть все то, что не подтверждается разумомъ.

И потому отвѣтъ мой на коренной вопросъ вашъ о томъ, нужно ли добиваться сознательности въ своей внутренней жизни, тотъ, что это самое нужное и важное дѣло, которое мы можемъ дѣлать въ жизни. Нужно и важно оно потому, что единственный разумный смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли пославшаго насъ въ эту жизнь Бога. Воля же Бога познается не какимъ-либо необыкновеннымъ чудомъ, написаніемъ божественнымъ пальцемъ закона на скрижаляхъ, или составленіе черезъ посредство святого духа непогрѣшимой книги, или непогрѣшимостью какого-либо святого лица, или собранія людей, а только дѣятельностью разума всѣхъ людей, передающихъ другъ другу и дѣломъ, и словомъ все болѣе и болѣе уясняющіяся ихъ сознанію истины. Познаніе это никогда не бывало и не будетъ полное, а постоянно увеличивается по мѣрѣ движенія человѣчества: чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ яснѣе мы познаемъ волю Бога и, слѣдовательно, то, что мы должны

дѣлать для исполненія ея. И потому я думаю, что уясненіе каждымъ человѣкомъ (какимъ бы онъ самъ и другіе его ни считали маленькимъ: маленькіе-то и бываютъ большими) всей той религіозной истины, которая доступна ему, и выраженіе ея словами (такъ какъ выраженіе словами есть одинъ несомнѣнный признакъ полный ясности мысли) есть одна изъ главныхъ и священныхъ обязанностей человѣка.

Очень радъ буду, если мой отвѣтъ хоть отчасти удовлетворитъ васъ.

1901 г.

О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ.

I.

... Вы спрашиваете, въ чемъ заключается мое христіанское вѣроисповѣданіе?

Вы читали мое «Краткое изложеніе Евангелія» и потому знаете, какъ я понимаю ученіе Христа.

Если же вы желаете знать, въ чемъ я вижу главный смыслъ ученія, то по-моему главный смыслъ ученія Христа, который я бы желалъ передать всѣмъ людямъ, въ которомъ желалъ бы, чтобы воспитывались всѣ дѣти, состоитъ въ томъ, что *человѣкъ пришелъ въ міръ не по своей волѣ, а по волѣ Того, Кто его послалъ въ міръ*. Для того же, чтобы человѣкъ зналъ то, чего отъ него хочетъ Тотъ, Кто его послалъ въ міръ, — Онъ вложилъ въ него разумъ, посредствомъ котораго человѣкъ всегда, если онъ точно хочетъ этого, можетъ знать волю Бога, т.-е. то, чего хочетъ отъ него Тотъ, Кто послалъ его въ міръ.

Фарисеи и книжники нашего времени всегда говорятъ, что не надо вѣрить разуму, потому что онъ обманетъ, а надо вѣрить имъ, и они не обманутъ. Но они говорятъ неправду. Если вѣрить людямъ и, какъ сказано въ Евангеліи, преданіямъ человѣческимъ, то мы всѣ располземся въ разныя стороны, какъ слѣпые щенята, и возненавидимъ другъ друга, какъ это и происходитъ теперь: христіанинъ-церковникъ ненавидитъ магометанина, магометанинъ — христіанина, а сами христіане ненавидятъ другъ друга: православный — католика, старовѣра, старовѣръ — православнаго и т. д. Если же мы будемъ держаться того, что говоритъ намъ разумъ, то всѣ соединимся, потому что разумъ у всѣхъ одинъ, и только разумъ соединяетъ людей

и не мѣшаетъ проявленію свойственной людямъ любви другъ къ другу.

Разумъ соединяетъ не только людей, одновременно живущихъ, но соединяетъ насъ и съ людьми, жившими до насъ за тысячи лѣтъ, и съ тѣми, которые будутъ жить послѣ насъ. Такъ мы пользуемся всѣмъ тѣмъ, что произвелъ разумъ и Исаіи, и Христа, и Будды, и Сократа, и Конфуція, и всѣхъ людей, жившихъ до насъ и вѣровавшихъ разуму и служившихъ ему. «Поступай съ другими такъ, какъ ты хочешь, чтобы поступали съ тобой; не мсти людямъ, дѣлающимъ тебѣ зло, а плати добромъ за зло; будь воздержанъ, цѣломудренъ; не только не убивай людей, но не гнѣвайся на нихъ; соблюдай миръ со всѣми», и многое другое,—все это произведенія разума, и все это проповѣдывалось одинаково и буддистами, и конфуціанами, и христіанами, и таосистами, и мудрецами греческими и египетскими, проповѣдуется и всѣми добрыми людьми нашего времени, и всѣ въ этомъ согласны.

И потому, повторяю, главный смыслъ христіанскаго ученія, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что выражено въ Евангеліи въ притчѣ о виноградаряхъ, которымъ былъ данъ въ пользованіе садъ, за который они должны были платить хозяину, а они вообразили, что садъ ихъ собственный, и въ притчѣ о талантахъ. Смыслъ въ томъ, что люди должны исполнять волю Того, Кто ихъ послалъ въ жизнь; воля же эта въ томъ, чтобы люди, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, были совершенны, какъ ихъ Отецъ небесный, т.-е. приближались, сколько могутъ, къ этому высшему совершенству.

То, что въ этомъ только воля Бога, показываетъ намъ тоже разумъ и такъ ясно, что не можетъ быть никакого спора и сомнѣнія. Всякій подумавшій объ этомъ человѣкъ не можетъ не видѣть, что во всѣхъ дѣлахъ жизни человѣкъ можетъ встрѣчать и встрѣчаетъ препятствія, и только въ одномъ дѣлѣ нѣтъ человѣку препятствій—въ томъ, чтобы совершенствоваться, очищать свою душу отъ зла и дѣлать добро всему живущему. Не прекращаетъ и не нарушаетъ, не мѣшаетъ этому дѣлу и смерть, прекращающая, нарушающая и лишающая смысла всякое другое мірское дѣло. Не прекращаетъ и не нарушаетъ этого дѣла смерть потому, что человѣкъ, исполняющій волю Того, Кто его послалъ, зная, что исполняемое имъ дѣло нужно хозяину, спокойно исполняетъ ее и здѣсь до тѣхъ поръ, пока у него есть силы исполнять ее, и знаетъ, что смерть не уничтожаетъ ни его самого, ни его отношенія къ хозяину, а что и тамъ, хотя и въ совершенно другой формѣ, онъ будетъ въ той же зависимости

отъ хозяина и будетъ имѣть ту же радость все большаго и большаго участія въ жизни и дѣлѣ хозяина, т.-е. Бога.

Такъ я понимаю ученіе Христа и такъ бы желалъ, чтобы понимали его всѣ, и такъ бы воспитывались дѣти; чтобы они не вѣрили на слово тому, что имъ говорятъ о Богѣ и о жизни, чтобы они вѣрили тому, чему вѣрятъ, не потому, что это выдается за изреченія пророковъ или Христа, а потому, что это говоритъ имъ ихъ разумъ. Разумъ старше и достовѣрнѣе всѣхъ писаній и преданій; онъ былъ уже тогда, когда не было никакихъ преданій и писаній, и онъ данъ каждому изъ насъ прямо отъ Бога.

Слова Евангелія о томъ, что всѣ грѣхи простятся, но только не хула на святого духа, по моему мнѣнію, направлены прямо противъ утвержденія того, что разуму не надо вѣрить. Дѣйствительно, если не вѣрить разуму, данному намъ отъ Бога, то кому же вѣрить? Неужели тѣмъ людямъ, которые хотятъ заставить насъ вѣрить тому, что несогласно съ разумомъ, даннымъ отъ Бога...

II.

... Вы спрашиваете: что можетъ дать человѣку слабому и испорченному, развращенному, какъ всѣ мы, среди окружающихъ его со всѣхъ сторонъ соблазновъ, — что можетъ дать такому человѣку силу жить христіанской жизнью?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать, и прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я спрошу: что собственно онъ означаетъ? Мы такъ привыкли къ этому вопросу, что онъ кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, а между тѣмъ вопросъ этотъ не только не естественъ и не понятенъ, но чрезвычайно удивителенъ и страненъ для всякаго разумнаго человѣка, не воспитаннаго въ суевѣріяхъ церковной вѣры.

Почему кузнецъ, кующій желѣзо, или пахарь, пашущій поле, не спрашиваетъ о томъ, откуда онъ возьметъ силы для исполненія предпринятаго дѣла, а дѣлаетъ его по мѣрѣ силъ своихъ; ошибается и старается поправить сдѣланную ошибку, устаетъ—останавливается, оставляетъ на время работу, отдыхаетъ и опять берется за нее? Развѣ не въ томъ же самомъ положеніи всякій рабъ Божій, старающійся жить христіанской жизнью—исполнять сознанную имъ волю Бога? Точно такъ же такой человѣкъ, если онъ искрененъ, будетъ, по мѣрѣ силъ, жить христіанской жизнью, исполнять волю Бога и если будетъ ошибаться, будетъ поправляться, и будетъ уставать, и отдыхать, и опять браться за то же дѣло своей жизни: приближаться

по мѣрѣ силъ къ тому совершенству Отца небеснаго, которое указано ему.

Вопросъ о томъ, гдѣ взять силы для христіанской жизни, показываетъ только то, что людей кто-то увѣрилъ въ томъ, что есть какія-то особенныя средства, посредствомъ которыхъ люди безъ своего ежечаснаго усилія борьбы, паденій, раскаянія, подъемовъ и опять раскаянія, и опять подъемовъ могутъ получить нужныя имъ силы для хорошей, святой жизни. Это-то суевѣріе, что человѣкъ не собственными медленными усиліями приближается къ совершенству, а можетъ сразу очиститься и стать святымъ, есть одно изъ самыхъ ужасныхъ и зловредныхъ заблужденій.

Суевѣріе это очень вредно потому, что заключаетъ въ себѣ обманъ.

Обманъ, во-первыхъ, въ томъ, что человѣкъ можетъ сдѣлаться совсѣмъ чистымъ, святымъ, тогда какъ для живого человѣка это невозможно. Человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ и безгрѣшнымъ, онъ можетъ только *болѣе или менѣе* приближаться къ совершенству, полагая въ этомъ приближеніи весь смыслъ своей жизни. (Я даже думаю, что жизнь послѣ смерти будетъ состоять хотя и въ совершенно другомъ видѣ, но опять только въ приближеніи къ совершенству.) Въ этомъ личномъ усиліи къ совершенству весь смыслъ и радость жизни. И потому, если бы совершенство достигалось внѣшними средствами, мы бы были лишены самой сущности жизни.

Обманъ, во-вторыхъ, въ томъ, что силы человѣка отвлекаются отъ того, что̀ ему нужно дѣлать,—работать надъ собой,— и направляются на то, что не нужно дѣлать. Полагаться на то, что таинства, или вѣра въ искупленіе, или молитва будутъ содѣйствовать нашему совершенствованію, все равно, что кузнецу, когда у него въ рукахъ желѣзо и молотъ, и есть наковальня, и горно разожжено, придумывать,—помимо того, чтобы бить молотомъ по желѣзу,—средство ковать его или просить Бога о томъ, чтобы Онъ далъ ему силы работать.

Просить Бога и придумывать средства, какъ совершенствоваться, можно бы было только тогда, когда бы намъ были поставлены какія-либо преграды для этого дѣла и мы сами не имѣли бы для этого силъ. Въ дѣлѣ совершенствованія, или христіанской жизни, или исполненія воли Бога, Богъ не требуетъ отъ насъ того, чего мы не можемъ дѣлать, а, напротивъ, Онъ озаботился о томъ, чтобы дать намъ все, что намъ нужно для исполненія Его воли.

Мы здѣсь, въ этомъ мірѣ, какъ на постояломъ дворѣ, въ которомъ хозяинъ устроилъ все, что намъ, путешественникамъ, точно нужно, и самъ ушелъ, оставивъ наставленіе, какъ намъ вести себя въ этомъ временномъ пріютѣ. Все, что намъ нужно, у насъ подъ руками; такъ какія же намъ еще придумывать средства и о чемъ просить? Только бы исполнить то, что намъ предписано. Такъ и въ нашемъ духовномъ мірѣ — все нужное намъ дано намъ, и дѣло только за нами.

Понятно, что если мы хотимъ быть сразу святыми или чувствовать себя оправданными и, кромѣ того, еще богатыми, хотимъ, чтобы наши друзья и мы сами не болѣли и не умирали, чтобы у насъ были всегда хорошіе урожаи и чтобы враги наши были уничтожены, то намъ тоже надо просить обо всемъ этомъ Бога, какъ просятъ объ этомъ въ нашихъ церквахъ. Но вѣдь Богъ ничего этого не предназначалъ намъ; Онъ не только не предписалъ намъ быть праведными и безгрѣшными, но, напротивъ, далъ намъ жизнь, смыслъ которой только въ томъ, чтобы мы сами освобождались отъ своихъ грѣховъ и приближались къ Нему; и не предназначилъ насъ быть богатыми, безболѣзненными и безсмертными, а далъ намъ испытанія: бѣдность, болѣзни, смерть друзей и свою, именно затѣмъ, чтобы научить полагать свою жизнь не въ богатствѣ, здоровьѣ и этой временной жизни, а въ служеніи Ему; далъ намъ враговъ не затѣмъ, чтобы мы желали ихъ погибели, а затѣмъ, чтобы мы научились уничтожать враговъ любовью; далъ намъ такой законъ, при которомъ намъ всегда хорошо, если мы исполняемъ его. Такъ что придумывать какія-то особенныя средства спасенія и просить Бога намъ не о чемъ. Все, что намъ нужно, дано намъ, если мы только слѣдуемъ указаніямъ и нашей совѣсти, и Бога, выраженнымъ въ Евангеліи.

Въ-третьихъ, обманъ въ томъ, и особенно этимъ вреденъ, что люди, повѣрившіе въ то, что они своими силами не могутъ исполнять волю Бога и жить хорошо, перестаютъ работать надъ собою и не только перестаютъ работать, но теряютъ возможность совершенствоваться. Стоитъ человѣку увѣриться, что онъ не можетъ сдѣлать того, что ему нужно дѣлать, и у него опустятся руки, и онъ дѣйствительно не въ состояніи будетъ сдѣлать нужное. Стоитъ увѣриться, что человѣкъ боленъ, и онъ станетъ боленъ. Порченые отъ того кричатъ, что они вѣрятъ, что они порченые. Пьющіе запоемъ оттого не исправляются, что увѣрены, что они не могутъ воздержаться. Нѣтъ болѣе безнравственнаго и вреднаго ученія, какъ то, что человѣкъ не можетъ совершенствоваться своими силами.

Это разсужденіе о томъ, что для доброй христіанской жизни недостаточно своихъ усилій, а необходима какая-то внѣшняя сила, совершенно подобно тому, по которому недостаточно разума для познанія истины, а необходимы внѣшнія несомнѣнныя доказательства. Тамъ впередъ полагается, что есть что-то такое, что можетъ дать человѣку силы жить христіанской жизнью и исполнять волю Бога; тутъ же впередъ предполагается, что есть что-то такое, по чему человѣкъ можетъ навѣрное узнать, что то, что ему говорится, есть несомнѣнная истина. Предполагается, что существуетъ какое-то средство познать истину помимо личнаго усилія разума, и истину полную, совершенную. Но вѣдь это такъ же невозможно, какъ увидать свѣтъ безъ глазъ. Истина есть то, что познается усиліями и ничѣмъ другимъ познаваться не можетъ. И истина, познаваемая разумомъ человѣческимъ, никогда совершенною быть не можетъ, а только болѣе или менѣе приближается къ совершенной истинѣ. Такъ что истина можетъ быть высшей, доступной въ данное время человѣку, истиной; но никогда не можетъ быть совершенной на всѣ времена, несомнѣнной истиной. Никакое положеніе не можетъ быть такой совершенной на всѣ времена истиной уже по тому одному, что жизнь какъ всего человѣчества, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка вся проходитъ и даже состоитъ въ достиженіи все болѣе и болѣе совершенной истины.

Говорятъ: какъ же вѣрить разуму, когда мы видимъ, что люди, руководимые разумомъ, ошибаются? Люди, руководимые разумомъ—протестанты, расходятся на безчисленное количество вѣръ, и даже одинъ и тотъ же человѣкъ, довѣряясь своему разуму, переходитъ отъ одного ученія къ другому. Стало быть, говорятъ, разумъ можетъ ошибаться и нельзя довѣрять ему.

Почему же? Когда человѣкъ вѣрилъ въ одно что-нибудь и разумъ его не указывалъ ему ничего болѣе истиннаго, онъ познавалъ высшую для него истину и былъ правъ; потомъ онъ позналъ болѣе высокую истину и былъ правъ, признавая ее. Точно такъ же онъ былъ правъ, познавъ еще болѣе высокую или чистую истину. То, выше, яснѣе, истиннѣе чего человѣкъ не можетъ видѣть и представить себѣ, то для него и есть истина.

Очень можетъ быть, что было бы очень хорошо и желательно, чтобы люди всѣ сразу познали одну и ту же совершенную истину (хотя если бы это было, то жизнь прекратилась бы); но если и допустить, что это было бы желательно, то вѣдь не все дѣлается такъ, какъ мы желаемъ. Очень можетъ быть, желательно неразумнымъ людямъ, чтобы люди не болѣли или чтобы было средство, которое лѣчило бы отъ всѣхъ болѣзней, или чтобы всѣ люди

говорили на одномъ языкѣ; но вѣдь это не сдѣлается отъ того, что мы вообразимъ, что всѣ люди вылѣчиваются отъ нашего лѣкарства или всѣ говорятъ и понимаютъ по-русски. Если мы вообразимъ это, то только самимъ себѣ сдѣлаемъ хуже, такъ же какъ мы самимъ себѣ дѣлаемъ хуже, когда воображаемъ, что вся полная и вѣчная истина открыта намъ въ писаніи, преданіи или церкви. Воображать это еще можно было при началѣ христіанства, когда единая вѣра казалась возможною; но въ наше время, когда рядомъ съ нами мы можемъ видѣть людей разнообразнѣйшихъ вѣроученій, которые всѣ воображаютъ, что истина полная и вѣчная открыта имъ, а не намъ, — воображать себѣ, что мы именно, родившіеся въ своей вѣрѣ, обладаемъ полной истиной, какъ это воображаютъ буддисты, магометане, католики, таосисты и другіе, особенно глупо. Особенно же вредно такое ложное воображеніе потому, что оно болѣе всего другого разъединяетъ людей. Люди должны бы все болѣе и болѣе соединяться, какъ учитъ Христосъ и какъ это указываютъ намъ нашъ разумъ и сердце, а такія ученія объ откровеніяхъ болѣе всего разъединяютъ людей.

Кромѣ того, надо понять и то, что если человѣкъ вѣритъ въ откровеніе, то и тогда онъ вѣритъ только потому, что разумъ его сказалъ ему, что надо вѣрить въ такое или такое откровеніе — въ магометанское, буддійское или христіанское. Хотимъ мы этого или не хотимъ, помимо разума никакая истина не можетъ войти въ душу человѣка. Разумъ все равно, что грохотъ или сито, которое приложено къ молотилкѣ и вѣялкѣ такъ, что зерно нельзя получить иначе, какъ черезъ этотъ грохотъ. Можетъ быть, сквозь грохотъ проходилъ и проходитъ соръ, но другого средства получить зерно нѣтъ. Если же мы вообразимъ, что у насъ можетъ быть чистое зерно безъ просѣвки, то мы обманемъ сами себя и будемъ питаться соромъ вмѣсто хлѣба, какъ это и происходитъ съ церковниками.

Такъ что не надо воображать, что все дѣлается, какъ мы хотѣли бы, а надо понимать, что все дѣлается такъ, какъ это установлено Богомъ. А установлена Богомъ жизнь человѣческая такъ, что люди не могутъ познать всей истины, а постоянно приближаются къ ней и, познавая яснѣе и яснѣе единую истину, все болѣе и болѣе сближаются между собою.

III.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я писалъ о безполезности молитвы какъ для осуществленія нашихъ желаній по отношенію событій внѣшняго міра, точно такъ же и для внутренняго

міра—для своего усовершенствованія. Боюсь, что по моей винѣ вы не такъ поймете меня, какъ бы я хотѣлъ, и потому добавлю здѣсь кое-что объ этомъ предметѣ—именно о молитвѣ.

О внѣшнихъ событіяхъ: о томъ, чтобы пошелъ дождь, или былъ живъ любимый мною человѣкъ, или я былъ здоровъ и не умеръ, нельзя молиться потому, что эти событія происходятъ по законамъ, установленнымъ Богомъ разъ навсегда, и такъ, что если мы поступаемъ, какъ должно, то они всегда благодѣтельны для насъ. Все равно, какъ если бы добрый человѣкъ построилъ мнѣ домъ съ крѣпкими стѣнами и крышей, защищающими меня, а я бы по прихоти своей желалъ расширить или перемѣнить положеніе стѣнъ и просилъ бы объ этомъ.

О внутреннемъ же своемъ совершенствованіи нельзя молиться потому, что намъ дано все то, что нужно для нашего совершенствованія, и прибавлять къ этому ничего не нужно и нельзя.

Но то, что просительная молитва не имѣетъ смысла, не значитъ того, что нельзя и не нужно молиться. Напротивъ, я считаю, что невозможно жить хорошо безъ молитвы и что молитва есть необходимое условіе и доброй, и спокойной, и счастливой жизни. Въ Евангеліи указано, какъ должно молиться и въ чемъ должна состоять молитва.

Въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божія, духъ Божій, каждый человѣкъ есть сынъ Божій. Молитва состоитъ въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, отъ всего, что можетъ развлекать мои чувства (магометане прекрасно дѣлаютъ, когда, входя въ мечеть или начиная молиться, закрываютъ пальцами глаза и уши), вызвать въ себѣ божеское начало. Самое лучшее для этого — то, чему учитъ Христосъ: войти одному въ клѣть и затвориться, т.-е. молиться въ полномъ уединеніи, будетъ ли оно въ клѣти, въ лѣсу или въ полѣ. Молитва въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, внѣшняго, вызвать въ себѣ божественную часть своей души, перенестись въ нее, посредствомъ нея вступить въ общеніе съ Тѣмъ, Кого она есть частица, сознать себя рабомъ Бога и провѣрить свою душу, свои поступки, свои желанія по требованіямъ не внѣшнихъ условій міра, а этой божественной части души.

И такая молитва бываетъ не праздное умиленіе и возбужденіе, которое производятъ молитвы общественныя съ ихъ пѣніемъ, картинами, освященіями и проповѣдями, а всегда помогаетъ жизни, измѣняя и направляя ее. Такая молитва есть исповѣдь, повѣрка прежнихъ и указаніе направленія будущихъ поступковъ. Положимъ, меня оскорбили и я питаю недоброжелательство къ человѣку и желаю ему зла или не же-

лаю сдѣлать ему то добро, которое могу; или я потерялъ имущество, или любимаго человѣка; или живу, поступая несогласно со своей вѣрой. Если я не молюсь по-настоящему, а продолжаю жить въ разсѣяніи, я не избавлюсь отъ того мучительнаго чувства недоброжелательства къ оскорбителю; точно такъ же потеря имущества или любимаго человѣка будетъ отравлять мнѣ жизнь; и, собираясь поступить не такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть, я буду тревоженъ. Но если я самъ съ собой и съ Богомъ провѣрю себя, — все измѣнится, я обвиню себя, а не врага, и буду искать случая сдѣлать ему добро; потери свои я приму, какъ испытаніе, и буду стараться съ покорностью переносить ихъ и въ томъ найду утѣшеніе; и въ поступкахъ своихъ разберусь: не буду, какъ прежде, скрывать отъ себя несоотвѣтствіе моей жизни съ моей вѣрой, а буду, каясь, стараться привести ихъ къ единству и въ этомъ стараніи найду успокоеніе и радость.

Но вы спросите: въ чемъ же должна состоять молитва?

Христосъ далъ намъ образецъ молитвы въ «*Отче нашъ*», и молитва эта, — напоминая намъ сущность нашей жизни, состоящую въ томъ, чтобы быть въ волѣ Отца и исполнять ее и самые обычные грѣхи наши: осужденіе и непрощеніе братьевъ и главныя опасности нашей жизни—искушенія—до сихъ поръ остается лучшей молитвой и самой полной изъ всѣхъ, какія я знаю.

Но, кромѣ этой молитвы, истинная, уединенная молитва состоитъ еще изъ всего того, что въ словахъ другихъ мудрыхъ и святыхъ людей или въ своихъ собственныхъ взращаетъ нашу душу къ сознанію своего божескаго начала, къ болѣе живому и ясному выраженію требованій своей совѣсти, т.-е. божеской природы.

Молитва есть повѣрка по высшимъ требованіямъ души своихъ прошедшихъ и настоящихъ поступковъ.

Такъ что молитву, уединенную и возстанавливающую божественность души, я не только не отрицаю, но считаю необходимымъ условіемъ жизни духовной, т.-е. истинной. Отрицаю я молитву просительную и молитву общественную, кощунственную — съ пѣніемъ, образами, свѣчами и даже представленіями.

Я часто удивляюсь, какимъ образомъ можетъ существовать эта общественная и просительная молитва среди людей, называющихъ себя христіанами, когда Христосъ прямо и положительно сказалъ, что молиться должно уединенно и что просить ни о чемъ не нужно, потому что «прежде чѣмъ откроешь ротъ, Отецъ вашъ знаетъ, что вамъ нужно».

Про себя я вамъ скажу,—вовсе не думая о томъ, что это для всѣхъ хорошо и такъ нужно всѣмъ дѣлать, — что я уже давно взялъ привычку молиться каждый день поутру въ уединеніи. И эта моя ежедневная молитва такова:

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое. И послѣ этого я прибавляю изъ Евангелія Іоанна: Имя твое есть любовь, Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Бога никто не видитъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ друга, то Онъ пребываетъ въ насъ, и любовь Его въ насъ совершилась. Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видитъ. Братья, будемъ любить другъ друга, любовь отъ Бога, и любящій каждый отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

Да пріидетъ царствіе Твое. И я прибавляю: ищите Царствія Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ. Царствіе Божіе внутри васъ есть.

Да будетъ воля Твоя, якоже на небеси, такъ и на земли. И при этомъ спрашиваю себя: точно ли я вѣрю въ то, что я въ Богѣ и Богъ во мнѣ? И вѣрю ли я въ то, что жизнь въ томъ, чтобы увеличивать въ себѣ любовь? Спрашиваю себя: помню ли то, что я нынче живъ, а завтра померъ? Правда ли то, что я не хочу жить для похоти личной и для славы людской, а только для исполненія воли Бога? И прибавляю слова Христа изъ 3-хъ Евангелій: не моя воля да будетъ, но Твоя, и не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь, и не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ Ты хочешь.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Прибавляю: пища моя въ томъ, чтобы творить волю Пославшаго меня и сотворить волю Его. Отвергнись отъ себя, возьми крестъ свой на каждый день и слѣдуй за мной. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, яко кротокъ, смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, ибо иго мое благо и бремя мое легко.

И остави намъ долги наша, якоже мы оставляемъ должникамъ нашимъ. Прибавляю: и не проститъ вамъ Отецъ вашъ прегрѣшеній вашихъ, если каждый изъ васъ не проститъ брату своему всѣхъ прегрѣшеній его.

И не введи насъ во искушеніе. Прибавляю: берегись искушеній — похоти, тщеславія, нелюбви, объѣденія, блуда, славы людской. Не твори милостыни передъ людьми, но чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая. И не надеженъ для Цар-

ствія Божія взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ. Радуйся тому, что тебя ругаютъ и срамятъ.

Но избави насъ отъ лукаваго. Прибавляю: берегись зла, выходящаго изъ сердца: злые помыслы, убійства (всякое недоброжелательство къ человѣку), кражи (пользованіе тѣмъ, что не заработалъ), любодѣянія, прелюбодѣянія (хотя и мысленно), лжесвидѣтельства, хуленія.

Заключаю молитву опять словами Евангелія Іоанна: *И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ брата своего. Нелюбящій брата своего не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ.*

Такъ я молюсь каждый день, примѣняя къ своимъ дѣламъ и своему душевному состоянію слова этой молитвы. Иногда болѣе задушевно, иногда менѣе.

Но, кромѣ этой молитвы, я молюсь еще, когда одинъ самъ съ собой, — читаю мысли мудрыхъ и святыхъ людей, не однихъ христіанъ и не однихъ древнихъ, и думаю, отыскивая передъ Богомъ то дурное, что есть въ моемъ сердцѣ, и стараюсь вырвать его.

Стараюсь также молиться и въ жизни, когда я съ людьми и меня захватываютъ страсти. Вотъ тутъ я стараюсь вспомнить то, что происходило въ моей душѣ во время молитвы уединенной, и чѣмъ искреннѣе была молитва, тѣмъ легче удерживаюсь отъ дурного.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ о молитвѣ, чтобы вы не думали, что я отрицаю ее.

Братъ вашъ

Москва.
8 января 1901 г.

По поводу „Народныхъ листковъ“.

(Письмо И. М. Трегубову.)

«Листки» я прочелъ, и листокъ о томъ, «Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа», прекрасенъ, и я обѣими руками подписываю его. Хорошъ листокъ «О штундѣ».

Листокъ «Объ уличныхъ безпорядкахъ» — очень жалкій. Онъ, кромѣ того что безнравственъ, — непрактиченъ и просто глупъ. Если бы я былъ правительство, я бы печаталъ такіе листки на казенный счетъ и распространялъ въ милліонахъ экземпляровъ. Ничто болѣе основательно не можетъ подорвать или сдѣлать невозможнымъ довѣріе народа къ людямъ,

раздѣляющимъ взгляды того, что тамъ написано, какъ такіе листки.

Безнравственно то, что предлагаетъ листокъ, потому что, если солдатъ доведенъ цѣлымъ рядомъ внушеній (гипноза) до того, что онъ поставленъ въ необходимость или убивать, или нести тяжкія страданія, и, кромѣ того, такъ затуманенъ, что не видитъ грѣха убійства, — человѣкъ, который бы послушалъ составителя листка, будетъ приготовляться къ убійству и совершать его, не вызванный къ этому ничѣмъ, кромѣ весьма сомнительныхъ утвержденій составителя листка, что отъ совершоннаго имъ убійства ему и его братьямъ будетъ лучше жить на свѣтѣ.

Непрактично то, что предлагаетъ листокъ, потому что немыслимо, чтобы безоружные, недисциплинированные люди могли отнять оружіе у вооруженныхъ и дисциплинированныхъ, и если бы, на что есть одинъ шансъ изъ тысячи, гдѣ-нибудь и случилось это, то эти отнявшіе оружіе были бы сейчасъ же задавлены настоящими войсками изъ другихъ мѣстъ.

Глупо же это потому, что готовиться къ убійству тѣмъ людямъ, которые хотятъ освободиться отъ убійствъ и угрозъ убійства, значитъ дать своимъ врагамъ единственный законный поводъ употреблять противъ нихъ всевозможныя насилія и даже убійства и оправдывать всѣ прежде совершонныя.

Заявлять о томъ, что я не солидаренъ съ людьми, раздѣляющими взгляды листка объ уличныхъ безпорядкахъ, я полагаю излишнимъ. Я скоро 30 лѣтъ со всѣхъ сторонъ повторяю одно и то же,—что все дѣло въ духовномъ состояніи людей, что всякое насиліе есть грѣхъ, а насиліе тѣхъ, которые борются противъ насилія, есть безуміе. И потому искренній человѣкъ не смѣшаетъ меня съ насильниками-революціонерами; а что неискренній можетъ взвести на всякаго какую ему нужно клевету—противъ этого ничѣмъ не оградишься, да и не нужно.

2/15 декабря 1901 г.

Къ П. И. Бирюкову.

Милый другъ Павелъ Ивановичъ. Оченъ радъ исполнить ваше желаніе и сообщить вамъ болѣе подробно то, что было передумано и перечувствовано мною въ связи съ тѣмъ случаемъ моей защиты солдата, о которомъ вы пишете въ своей книгѣ. Случай этотъ имѣлъ на всю мою жизнь гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ кажущіяся болѣе важными событія жизни:

13*

потеря или поправленіе состоянія, успѣхи или неуспѣхи въ литературѣ, даже потеря близкихъ людей.

Разскажу, какъ все это было, а потомъ уже постараюсь высказать тѣ мысли и чувства, которыя тогда вызывало во мнѣ это событіе и теперь воспоминаніе о немъ.

Чѣмъ особенно я занимался и увлекался въ это время, я не помню, — вы это лучше меня знаете; знаю только, что жилъ я въ это время спокойной, самодовольной и вполнѣ эгоистичной жизнью. Лѣтомъ 1866 года насъ посѣтилъ совершенно неожиданно Гриша Колокольцовъ, кадетомъ еще ходившій въ домъ Берсовъ и знакомый моей жены. Оказалось, что онъ служилъ въ пѣхотномъ полку, расположенномъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Это былъ веселый, добродушный мальчикъ, особенно занятый въ это время своей верховой казачьей лошадкой, на которой онъ любилъ гарцовать, и часто пріѣзжалъ къ намъ.

Благодаря ему мы познакомились и съ его полковымъ командиромъ, полковникомъ Ю., и съ разжалованнымъ или отданнымъ въ солдаты по политическимъ дѣламъ (не помню) А. М. Стасюлевичемъ, роднымъ братомъ извѣстнаго редактора, служившимъ въ этомъ же полку. Стасюлевичъ былъ уже не молодой человѣкъ. Онъ только недавно изъ солдатъ былъ произведенъ въ прапорщики и поступилъ въ полкъ къ бывшему своему товарищу Ю., теперь его главному начальнику.

И тотъ и другой, Ю. и Стасюлевичъ, тоже изрѣдка ѣзжали къ намъ. Ю. былъ толстый, румяный, добродушный, холостой еще человѣкъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, такъ часто встрѣчающихся людей, въ которыхъ человѣческаго совсѣмъ не видно изъ-за тѣхъ условныхъ положеній, въ которыхъ они находятся и сохраненіе которыхъ они ставятъ высшею цѣлью своей жизни. Для полковника Ю. условное положеніе это было положеніе полкового командира. Про такихъ людей, судя по-человѣчески, нельзя сказать, добрый ли, разумный ли онъ человѣкъ, такъ какъ неизвѣстно еще, какимъ бы онъ былъ, если бы пересталъ быть полковникомъ, профессоромъ, министромъ, судьей, журналистомъ, а сталъ бы человѣкомъ. Такъ это было и съ полковникомъ Ю. Онъ былъ исполнительный полковой командиръ, приличный посѣтитель; но какимъ онъ былъ человѣкомъ, нельзя было знать. Я думаю, не зналъ и онъ самъ, да и не интересовался этимъ. Стасюлевичъ же былъ живой человѣкъ, хотя и изуродованный съ разныхъ сторонъ, болѣе же всего тѣми несчастьями и униженіями, которыя онъ, какъ честолюбивый и самолюбивый человѣкъ, тяжело переживалъ. Такъ мнѣ казалось, но я недостаточно зналъ его, чтобы поглубже вникнуть въ его

душевное состоянiе. Одно знаю, что общенiе съ нимъ было прiятно и вызывало смѣшанное чувство состраданiя и уваженiя. Стасюлевича я потомъ потерялъ изъ виду, но не долго послѣ этого, когда полкъ ихъ стоялъ уже въ другомъ мѣстѣ, я узналъ, что онъ безъ всякихъ, какъ говорили, личныхъ причинъ лишилъ себя жизни и сдѣлалъ это самымъ страннымъ образомъ. Онъ рано утромъ надѣлъ въ рукава ваточную тяжелую шинель и въ этой шинели вошелъ въ рѣку и утонулъ, когда дошелъ до глубокаго мѣста, такъ какъ не умѣлъ плавать.

Не помню, кто изъ двухъ, Колокольцовъ или Стасюлевичъ, въ одинъ день лѣтомъ, прiѣхавъ къ намъ, разсказалъ про случившееся у нихъ—для военныхъ людей самое ужасное, необыкновенное событiе: солдатъ ударилъ по лицу ротнаго командира, капитана, академика. Стасюлевичъ особенно горячо, съ сочувствiемъ къ участи солдата, котораго ожидала, по словамъ Стасюлевича, смертная казнь, разсказывалъ про это и предложилъ мнѣ быть защитникомъ на военномъ судѣ солдата.

Долженъ сказать, что приговоры одними людьми другихъ къ смерти и еще другихъ къ совершенiю этого поступка—смертная казнь—всегда не только возмущала меня, но представлялась мнѣ чѣмъ-то невозможнымъ, выдуманнымъ, однимъ изъ тѣхъ поступковъ, въ совершенiе которыхъ отказываешься вѣрить, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь какъ была, такъ и осталась для меня однимъ изъ тѣхъ людскихъ поступковъ, свѣдѣнiя о совершенiи которыхъ въ дѣйствительности не нарушаютъ во мнѣ сознанiя невозможности ихъ совершенiя.

Я понимаю, что подъ влiянiемъ минуты раздраженiя, злобы, мести, потери сознанiя своей человѣчности человѣкъ можетъ убить, защищая близкаго человѣка, даже себя, можетъ подъ влiянiемъ патрiотическаго, стаднаго внушенiя, подвергая себя смерти, участвовать въ совокупномъ убiйствѣ на войнѣ. Но то, чтобы люди спокойно, въ полномъ обладанiи своихъ человѣческихъ свойствъ могли обдуманно признавать необходимость убiйства такого же, какъ они, человѣка и могли бы заставлять совершать это противное человѣческой природѣ дѣло другихъ людей, — этого я никогда не понималъ. Не понималъ и тогда, когда въ 1866 году жилъ своей ограниченной, эгоистической жизнью, и потому я, какъ это ни было странно, съ надеждой на успѣхъ взялся за это дѣло.

Помню, что, прiѣхавъ въ деревню Озерки, гдѣ содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это въ особомъ помѣщенiи или въ томъ самомъ, въ которомъ и совершился

поступокъ), и войдя въ кирпичную низкую избу, я былъ встрѣченъ маленькимъ, скуластымъ, скорѣе толстымъ, чѣмъ худымъ, что очень рѣдко въ солдатѣ, человѣкомъ, съ самымъ простымъ, не перемѣняющимся выраженіемъ лица. Не помню, съ кѣмъ я былъ; кажется, съ Колокольцовымъ. Когда мы вошли, онъ всталъ по-солдатски. Я объяснилъ ему, что хочу быть его защитникомъ и просилъ разсказать, какъ было дѣло. Онъ отъ себя мало говорилъ и только на мои вопросы неохотно отвѣчалъ: «такъ точно». Смыслъ его отвѣтовъ былъ тотъ, что ему очень скучно было и что ротный былъ требователенъ къ нему. «Ужъ очень на меня налегалъ», сказалъ онъ.

Дѣло было такъ, какъ описано у васъ, но то, что онъ тутъ же выпилъ, чтобы придать себѣ храбрости, едва ли справедливо.

Какъ я понялъ причину его поступка, она была въ томъ, что ротный командиръ, человѣкъ всегда внѣшне спокойный, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и повторенія тѣхъ работъ, которыя писарь считалъ правильно исполненными, довелъ его до послѣдней степени раздраженія. Сущность дѣла, какъ я понялъ его тогда, была въ томъ, что, кромѣ служебныхъ отношеній, между этими людьми установились очень тяжелыя отношенія человѣка къ человѣку — отношенія взаимной ненависти. Ротный командиръ, какъ это часто бываетъ, испытывалъ антипатію къ подсудимому, усиленную еще догадкой о ненависти къ себѣ этого человѣка за то, что офицеръ былъ полякъ, ненавидѣлъ своего подчиненнаго и, пользуясь своимъ положеніемъ, находилъ удовольствіе быть всегда недовольнымъ всѣмъ, что бы ни сдѣлалъ писарь, и заставлять его передѣлывать по нѣскольку разъ то, что писарь считалъ безукоризненно хорошо сдѣланнымъ. Писарь же, съ своей стороны, ненавидѣлъ ротнаго и за то, что онъ полякъ, и за то, что онъ оскорбляетъ его, не признавая за нимъ знанія его писарскаго дѣла, и главное — за его спокойствіе и за неприступность его положенія. И ненависть эта, не находя себѣ исхода, все больше и больше съ каждымъ новымъ упрекомъ разгоралась. И когда она дошла до высшей степени, она разразилась самымъ для него же самого неожиданнымъ образомъ. У васъ сказано, что взрывъ былъ вызванъ тѣмъ, что ротный командиръ сказалъ, что накажетъ его розгами. Это невѣрно: ротный просто вернулъ ему бумагу и приказалъ, исправивъ, опять переписать.

Судъ скоро состоялся. Предсѣдателемъ былъ Ю., двумя членами были Колокольцовъ и Стасюлевичъ. Привели подсудимаго.

Послѣ — не помню какихъ — формальностей я прочелъ свою рѣчь, которую мнѣ не скажу странно, но просто стыдно читать теперь. Судьи съ очевидно скрываемой только приличіемъ скукой слушали всѣ тѣ пошлости, которыя я говорилъ, ссылаясь на такія-то статьи такого-то тома, и когда все было выслушано, ушли совѣщаться. На совѣщаніи, какъ я послѣ узналъ, одинъ Стасюлевичъ стоялъ за примѣненіе той глупой статьи, которую я приводилъ, т.-е. за оправданіе подсудимаго вслѣдствіе признанія его невмѣняемымъ. Колокольцевъ же, добрый, хорошій мальчикъ, хотя и навѣрное желалъ сдѣлать мнѣ пріятное, все-таки подчинился Ю., и его голосъ рѣшилъ вопросъ. И былъ прочтенъ приговоръ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Тотчасъ послѣ суда я написалъ, какъ это у васъ и написано, письмо близкой мнѣ и близкой ко двору фрейлинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, прося ее ходатайствовать передъ государемъ — тогда былъ Александръ II — о помилованіи Шибунина. Я написалъ Толстой, но по разсѣянности не написалъ имени полка, въ которомъ происходило дѣло. Толстая обратилась къ военному министру Милютину, но онъ сказалъ, что нельзя просить государя, не указавъ, какого полка былъ подсудимый. Она написала это мнѣ, я поторопился отвѣтить, но полковое начальство поторопилось тоже, и когда не было уже препятствій для подачи прошенія государю, казнь была уже совершена.

Всѣ остальныя подробности въ вашей книгѣ и христіанское отношеніе народа къ казненному совершенно вѣрны.

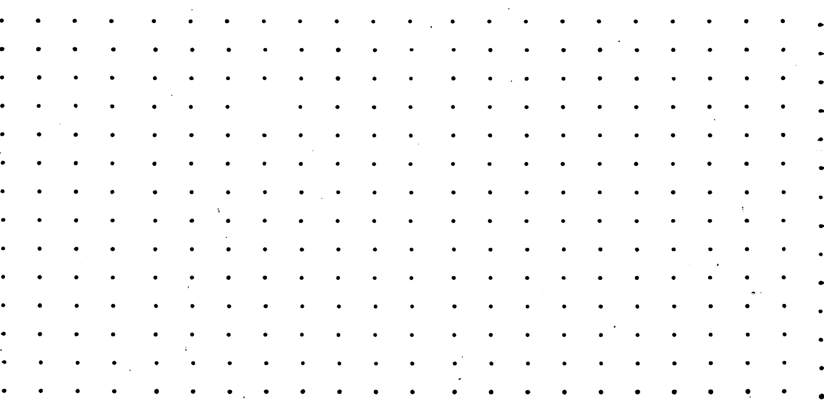
Да, ужасно возмутительно мнѣ было перечесть теперь эту, напечатанную у васъ, мою жалкую отвратительную защитительную рѣчь. Говоря о самомъ явномъ преступленіи всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, которое одни люди готовились совершить надъ своимъ братомъ, я ничего не нашелъ лучшаго, какъ ссылаться на такія-то, кѣмъ-то написанныя... слова, называемыя законами.

Да, стыдно мнѣ теперь читать эту жалкую, глупую защиту. Вѣдь если только человѣкъ понимаетъ то, что собираются дѣлать люди, сѣвшіе въ своихъ мундирахъ съ трехъ сторонъ стола, воображая себѣ, что вслѣдствіе того, что они такъ сѣли и что на нихъ мундиры, и что въ разныхъ книгахъ напечатаны и на разныхъ листахъ бумаги съ печатнымъ заголовкомъ написаны извѣстныя слова, что вслѣдствіе всего этого они могутъ нарушить вѣчный общій законъ, записанный не въ книгахъ, а во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ, то вѣдь одно, что можно и должно сказать такимъ людямъ, это — то чтобы

умолять ихъ вспомнить о томъ, кто они и что̀ они хотятъ дѣлать. А никакъ не доказывать разными хитростями, основанными на тѣхъ... словахъ, называемыхъ законами, что можно и не убивать этого человѣка. Вѣдь доказывать то, что жизнь каждаго человѣка священна, что не можетъ быть права одного человѣка лишить жизни другого, — это знаютъ всѣ люди и этого доказывать нельзя, потому что не нужно. А можно и нужно, и должно только одно: постараться освободить людей-судей отъ того одурѣнія, которое могло привести къ такому дикому нечеловѣческому намѣренію. Вѣдь доказывать это—все равно, что доказывать человѣку, что ему не надо дѣлать то, что противно, несвойственно его природѣ: не надо зимой ходить голому, не надо питаться содержимымъ помойной ямы, не надо ходить на четверенькахъ. То, что это несвойственно, противно природѣ человѣческой, давно уже показано людямъ въ разсказѣ о женщинѣ, подлежащей побіенію камнями.

Неужели съ тѣхъ поръ появились люди настолько праведные: полковникъ Ю. и Гриша Колокольцовъ съ своей лошадкой, что уже имъ не страшно бросить первый камень?

Я не понималъ этого тогда. Не понималъ я этого и тогда, когда черезъ Толстую ходатайствовалъ у государя о помилованіи Шибунина. Не могу не удивляться теперь на то заблужденіе, въ которомъ я былъ, о томъ, что все, что совершалось надъ Шибунинымъ, было вполнѣ нормально.

Тогда я еще ничего не понималъ этого. Я только смутно чувствовалъ, что совершилось что-то такое, чего не должно

быть, не можетъ быть, и что это дѣло — не случайное явленіе, а въ глубокой связи со всѣми другими заблужденіями и бѣдствіями человѣчества, и что оно-то и лежитъ въ основѣ всѣхъ заблужденій и бѣдствій человѣчества.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

1908 г., мая 24.

О франко-русскомъ союзѣ.

(Письмо къ Мадзини).

Въ отвѣтъ на три вопроса, поставленные ему въ письмѣ Пьетро Мадзини (парижскаго корреспондента итальянскихъ газетъ), Л. Н. Толстой написалъ слѣдующее:

Мой отвѣтъ на вашъ первый вопросъ — о томъ *«что думаетъ русскій народъ о франко-русскомъ союзѣ»*, — слѣдующій. Русскій народъ — настоящій народъ — не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о существованіи этого союза; но если бы даже онъ зналъ объ этомъ союзѣ, я увѣренъ, что такъ какъ всѣ народы для него совершенно одинаковы, то его здравый смыслъ, а также его чувство человѣчности ему указали бы, что этотъ исключительный союзъ съ однимъ народомъ, предпочтительно передъ всякимъ другимъ, не можетъ имѣть другой цѣли, какъ ту, чтобы

вовлечь его во вражду, а быть можетъ, и въ войны съ другими народами, и потому союзъ этотъ былъ бы ему въ высшей степени непріятенъ.

На вопросъ: *«раздѣляетъ ли русскій народъ восторги французскаго народа»* — я думаю, что могу отвѣтить, что не только русскій народъ не раздѣляетъ этого восторга (если онъ и существуетъ на самомъ дѣлѣ, въ чемъ очень сомнѣваюсь), но если бы народъ зналъ обо всемъ, что дѣлается и говорится во Франціи по поводу этого союза, то онъ испыталъ бы скорѣе чувство недовѣрія и антипатіи къ тому народу, который безъ всякаго разумнаго основанія начинаетъ вдругъ проявлять къ нему внезапную и исключительную любовь.

Относительно третьяго вопроса: *«каково значеніе этого союза для цивилизаціи вообще»* — я думаю, что въ правѣ предположить, что такъ какъ союзъ этотъ не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ войны или угрозы войны, направленной противъ другихъ народовъ, то онъ не можетъ не быть зловреднымъ. Что касается значенія этого союза для обѣихъ составляющихъ его національностей, то ясно, что какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ онъ былъ положительнымъ зломъ для обоихъ народовъ. Французское правительство, пресса и вся та часть французскаго общества, которая восхваляетъ этотъ союзъ, уже пошли и будутъ принуждены пойти на еще большія уступки и компромиссы противъ традицій свободнаго и гуманнаго народа для того, чтобы представиться или на самомъ дѣлѣ быть согласными въ намѣреніяхъ и чувствахъ съ правительствомъ наиболѣе деспотичнымъ, отсталымъ и жестокимъ во всей Европѣ. И это было и будетъ большимъ ущербомъ для Франціи. Между тѣмъ какъ для Россіи этотъ союзъ уже имѣлъ и будетъ имѣть, если онъ продолжится, вліяніе еще болѣе пагубное. Со времени этого злополучнаго союза русское правительство, нѣкогда стыдившееся мнѣнія Европы и считавшееся съ нимъ, теперь уже болѣе не заботится о немъ, и, чувствуя за собой поддержку этой странной дружбы со стороны націи, считающейся наиболѣе цивилизованной въ мірѣ, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе реакціоннымъ, деспотичнымъ и жестокимъ. Такъ что этотъ дикій и несчастный союзъ не можетъ имѣть, по моему мнѣнію, другого вліянія, кромѣ самаго отрицательнаго, на благосостояніе обоихъ народовъ, такъ же какъ и на цивилизацію вообще.

Ясная Поляна
9 сентября 1901 г.

О вѣрѣ и невѣріи.

(Изъ письма.)

... Я уже болѣе 20-ти лѣтъ установилъ такое свое отношеніе къ Богу и вытекающія изъ такого отношенія требованія, и съ этимъ отношеніемъ живу съ тѣхъ поръ, и чѣмъ дольше живу, тѣмъ болѣе въ немъ укрѣпляюсь; и, подходя къ смерти, которую ожидаю каждый день, испытываю полное спокойствіе и одинаковую радость и жизни и смерти.

Вѣрованіе мое не согласно съ вашимъ; но я не говорю и не совѣтую вамъ оставить ваше и усвоить мое. Я знаю, что это для васъ такъ же невозможно, какъ измѣнить вашу физіологическую природу: находить вкусъ въ томъ, что вамъ противно и наоборотъ. И потому не только не совѣтую вамъ этого, но совѣтую держаться своего и вырабатывать его дальше, если оно подлежитъ развитію.

Человѣкъ можетъ вѣрить только тому, къ чему онъ приведенъ совокупностью всѣхъ своихъ душевныхъ силъ.

Каждый изъ насъ смотритъ на міръ и на Начало его въ то окошечко, которое онъ самъ продѣлалъ или добровольно избралъ. И потому можетъ случиться, что человѣкъ, который видитъ смутно и у котораго окошечко не ясно, можетъ перейти самъ по своей волѣ къ окошечку другого; но звать человѣка, который удовлетворяется тѣмъ, что онъ видитъ, отъ его окошечка къ своему совершенно неосновательно и по меньшей мѣрѣ неучтиво.

Всѣ мы видимъ одного и того же Бога, всѣ живемъ по Его волѣ и всѣ можемъ, глядя на Него съ разныхъ сторонъ, исполнять Его главный законъ—любить другъ друга, несмотря на различіе нашего на Него воззрѣнія...

...Вы не понимаете, что значитъ слово «Богъ», и упоминаніе этого слова всегда раздражаетъ васъ. Изъ этого вы заключаете, что «пора человѣчеству перестать говорить о Богѣ, котораго никто не понимаетъ».

То, что васъ раздражаетъ употребленіе слова, значеніе котораго вы не понимаете, очень естественно. Это всегда такъ бываетъ. Выводъ же вашъ о томъ, что никто не понимаетъ того, что есть Богъ, потому что вы этого не понимаете, по меньшей мѣрѣ страненъ. То, что всегда все человѣчество употребляло

это слово, нуждаясь въ этомъ понятіи, должно было бы навести васъ на мысль, что виновато не человѣчество, а вы—тѣмъ, что не понимаете того, что понимаетъ все человѣчество или огромное большинство, и что поэтому вамъ надо не совѣтовать человѣчеству перестать говорить о Богѣ, а самому постараться понять то, чего вы не понимаете.

Каждый человѣкъ, такъ же, какъ и вы, не можетъ не сознавать себя частью чего-то безконечнаго. Вотъ это-то *безконечное, котораго человѣкъ сознаетъ себя частью*, и есть Богъ.

Для людей непросвѣщенныхъ, къ которымъ принадлежитъ огромное большинство такъ называемыхъ ученыхъ, не понимающихъ ничего, кромѣ матеріи, Богъ будетъ безконечная въ пространствѣ и времени матерія. И такое представленіе о Богѣ будетъ очень нелѣпо, но все-таки у нихъ будетъ свой хотя и нелѣпый, но все-таки Богъ. Для людей же просвѣщенныхъ, понимающихъ, что начало и сущность жизни не въ матеріи, а въ духѣ, Богъ будетъ то безконечное, неограниченное существо, которое они сознаютъ въ себѣ въ ограниченныхъ временемъ и пространствомъ предѣлахъ.

И такого Бога сознавало, и признавало, и признаетъ, и будетъ признавать человѣчество всегда, если только оно не обратится въ скотское состояніе...

... Все, что мы можемъ утверждать, это то, что мы существуемъ среди міра, представляющагося намъ безконечнымъ въ пространствѣ и времени, и что основа нашей жизни есть нѣчто невещественное. Мы сознаемъ это начало въ самихъ себѣ въ ограниченномъ состояніи и вслѣдствіе этого не можемъ не имѣть представленія объ этомъ невещественномъ началѣ, не ограниченномъ, не подверженномъ условіямъ времени и пространства. Это-то начало мы и называемъ Богомъ.

Эта основа нашей жизни не можетъ быть ни доброй, ни злой. То, что мы называемъ «зломъ», есть лишь наше невѣдѣніе послѣдствій того, чего мы видимъ только причины.

Истинное ученіе жизни, то, которое проповѣдывалось всѣми мудрецами: Буддой, Конфуціемъ, браминами, Лао-тзе, Исаіей и Іисусомъ, состоитъ въ сознаніи невещественнаго начала, составляющаго нашу жизнь. И только на сознаніи этого начала можетъ быть основана и дѣйствительно основана моя вѣра въ мое существованіе—не будущее, а вѣчное. Разъ я убѣжденъ, что жизнь состоитъ въ сознаваемомъ мною невещественномъ началѣ, признаваемомъ мною моимъ истиннымъ «я», уже не

могу вѣрить въ уничтоженіе этого внѣвременнаго и внѣпространственнаго «я».

Представленіе о смерти есть только заблужденіе, вызываемое ложнымъ представленіемъ о томъ, будто истинное «я» человѣка есть его вещественная оболочка.

Вотъ въ нѣскольких словахъ причины, заставляющія меня думать, что смерть не есть зло, но измѣненіе формы, могущее быть только прогрессомъ въ жизни, точно такъ же, какъ, по моимъ наблюденіямъ, и все то, что происходитъ во время этого существованія во мнѣ и во всѣхъ существахъ.

1901 г.

Къ Шопову.

Любезный другъ Георгій!

Ваше письмо я получилъ уже давно и очень былъ радъ и благодаренъ вамъ за него, но не отвѣчалъ по нездоровью и множеству дѣлъ. Пожалуйста, продолжайте извѣщать меня о своемъ положеніи: какъ вы переносите заключеніе? строго ли оно? допускаютъ ли къ вамъ посѣтителей, даютъ ли книги? Еще извѣстите меня о своемъ семейномъ положеніи: есть ли у васъ родители? кто родные и какъ они относятся къ вашему поступку? Не могу ли я чѣмъ-нибудь быть полезнымъ вамъ? Если есть возможность, то переводите мнѣ свои письма по-русски, а если нельзя, то пишите какъ можно разборчивѣе, чтобы можно было прочесть каждую букву. Тогда я доберусь до смысла. Можетъ быть, вамъ такъ же трудно читать мои письма. Но я думаю, что вы должны лучше понимать по-русски, чѣмъ мы по-болгарски. То, что судили васъ не за причину отказа, а за неисполненіе воинскихъ приказаній,—это они всегда дѣлаютъ. Имъ больше дѣлать нечего. И я истинно жалѣю ихъ. И вы, находящійся въ ихъ власти и лишенный ими свободы, все-таки должны сожалѣть о нихъ. Они чувствуютъ, что противъ ихъ истина и Богъ, цѣпляются за все, чтобы спастись, но дни ихъ сочтены. И та страшная революція, которую вы производите, не разбивая Бастилію и сидя въ тюрьмѣ, нарушаетъ и разрушитъ все теперешнее безбожное устройство жизни и дастъ возможность основаться новому. Я всѣ свои силы употребилъ на то, чтобы служить въ этомъ Богу, и если можно вамъ доставить, я бы радъ переслать вамъ то, что я писалъ объ этомъ.

Братски цѣлую васъ.

10 августа 1901 г.

Къ православному священнику.

Любезный братъ ***, сожалѣю, что не знаю отчества. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе. Вы—четвертый священникъ, въ которомъ я встрѣчаю полное согласіе—не съ моими взглядами, а съ сущностью ученія Христа, которое въ настоящемъ его значеніи доступно младенцамъ и не можетъ вызывать разногласія. И это мнѣ очень радостно.

Одно въ вашемъ письмѣ немного смутило меня: это—ваше упоминаніе о метафизикѣ и церковности. Боюсь, что у васъ составилась своя метафизика или вы держитесь церковной метафизики, которая даетъ вамъ возможность съ вашими взглядами оставаться священникомъ. По тому, что вы служите 10 лѣтъ, я заключаю, что вы еще молодой человѣкъ и годитесь мнѣ въ сыновья, если не во внуки, и потому я позволю себѣ дать вамъ непрошенный совѣтъ о томъ, какъ, по моему мнѣнію, долженъ поступать священникъ, освободившійся отъ суевѣрія и понявшій ученіе Христа въ его настоящемъ значеніи и желающій слѣдовать ему. Часто, находясь въ положеніи, не соединимомъ съ слѣдованіемъ ученію Христа,—каково положеніе военнаго и священника,—люди придумываютъ или усваиваютъ себѣ какую-нибудь сложную, запутанную систему метафизики, которая должна оправдать ихъ положеніе. Вотъ отъ этого соблазна я бы хотѣлъ предостеречь васъ. Для христіанина нѣтъ и не можетъ быть никакой сложной метафизики. Все, что можно назвать метафизикой въ христіанскомъ ученіи, состоитъ въ простомъ, понятномъ всѣмъ положеніи, что всѣ люди—сыны Бога, братья и потому должны любить и отца и братьевъ и вслѣдствіе этого поступать съ другими такъ же, какъ желаешь, чтобы поступали съ тобой. Я думаю, что всякая метафизика сверхъ этого—отъ лукаваго и придумана только затѣмъ, чтобы примирить свое непримиримое съ христіанскимъ ученіемъ положеніе. Есть еще священники—я знаю такихъ,—которые, чувствуя несовмѣстимость своего положенія съ чистымъ пониманіемъ христіанства, думаютъ оправдаться тѣмъ, что въ ихъ положеніи они легче могутъ бороться съ суевѣріями и распространять христіанскую истину. Полагаю и такое положеніе еще болѣе неправильнымъ. Въ религіозномъ дѣлѣ цѣль не можетъ оправдывать средства уже потому, что средства отступленія отъ истины уничтожаютъ всякую возможность достиженія цѣли, состоящей въ наученіи истины. Главное же то, что ни одинъ человѣкъ не

призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ (Мѳ. XXIII, 8, 9) [1]), а только къ тому, чтобы самому совершенствоваться въ истинѣ и любви. И только черезъ это совершенствованіе себя (безъ всякой мысли о другихъ) можетъ человѣкъ дѣйствовать на другихъ.

Простите, что возражаю вамъ на то, чего вы не говорили и, можетъ быть, и не думаете, но, получивъ сильное и радостное впечатлѣніе отъ вашего письма, мнѣ захотѣлось высказать все, что я думалъ о трагическомъ положеніи священника, познавшаго истину, и о наилучшемъ выходѣ изъ этого положенія и объ опасностяхъ этого положенія.

Лучшій выходъ изъ этого положенія, героическій выходъ, по-моему, тотъ, чтобы священникъ, собравъ своихъ прихожанъ, вышелъ къ нимъ на амвонъ и, вмѣсто службы и поклоновъ иконамъ, поклонился бы до земли народу, прося прощенія у него за то, что вводилъ его въ заблужденіе. Второй выходъ—тотъ, который избралъ лѣтъ 10 тому назадъ замѣчательный человѣкъ, покойникъ, знакомый мнѣ изъ вятской семинаріи священникъ Апполовъ, служившій въ ставропольской епархіи. Онъ заявилъ архіерею, что не можетъ, по измѣнившимся взглядамъ, продолжать священствовать. Его вызвали въ Ставрополь, и начальство и семейные такъ мучили его, что онъ согласился вернуться на свое мѣсто. Но, пробывъ меньше года, не выдержалъ и опять отказался, и разстригся. Жена оставила его. Всѣ эти страданія такъ повліяли на него, что онъ умеръ, какъ святой, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ и главное—любви.

Этотъ второй выходъ; но я знаю, какъ онъ страшно труденъ—въ виду семейныхъ отношеній всякаго священника и окружающей его среды,—и потому я вполнѣ понимаю и никакъ не осуждаю священника, который по слабости остался священникомъ, несмотря на то, что не вѣритъ въ то, что дѣлаетъ. Одно, что я говорю и позволяю себѣ совѣтовать (совершенно то же совѣтую людямъ, христіанамъ, отъ которыхъ требуютъ солдатской службы), это то, чтобы не употреблять свой разсудокъ на ухищренія, посредствомъ которыхъ представлялось бы, что, поступая дурно, я поступаю хорошо. Только бы человѣкъ держалъ передъ собой истину во всей ея чистотѣ, не кривилъ бы душой, и онъ найдетъ средство поступить наилучшимъ, смотря по своимъ силамъ, образомъ. Священникъ, понимающій истинно

---

[1]) Мѳ. XXIII, 8. А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ: всѣ же вы братья.

9. И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ.

христіанское ученіе, долженъ, по моему мнѣнію, какъ и всякій христіанинъ, дѣлать первое—стремиться познать истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ, независимо отъ своего положенія, и второе—по мѣрѣ силъ измѣнять свое положеніе, приближая его къ познанной истинѣ. (Приближеніе это дѣлается само собой, если человѣкъ искрененъ.) Насколько же человѣкъ приблизится (священнику это очень трудно, такъ какъ его положеніе не только далеко, но противоположно, враждебно истинѣ), насколько и какъ онъ приблизится, это дѣло его съ Богомъ, о которомъ посторонніе судить не могутъ.

Братски привѣтствую васъ.

Любящій васъ братъ.

15 августа 1901 г.

Къ французскому пастору.

Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за чувства, которыя вы мнѣ выражаете. Очень благодаренъ вамъ также за выдержки изъ Огюста Сабатье [1]). Я очень жалѣю, что только по имени и по отзывамъ знакомъ съ этимъ выдающимся человѣкомъ. Выдержки, приводимыя вами о его способѣ пониманія христіанства, доказываютъ мнѣ, что я могъ бы быть съ нимъ въ полномъ общеніи мыслей и чувствъ, такъ же какъ и съ вами и всѣми тѣми, которые раздѣляютъ его пониманіе.

Есть тѣмъ не менѣе одинъ пунктъ, въ которомъ я не схожусь съ вами: это съ вашимъ представленіемъ о необходимости церкви и потому пасторовъ (священниковъ), т.-е. лицъ, облеченныхъ извѣстной властью (авторитетомъ). Я не могу забыть 8 и 9 стиховъ изъ XXIII гл. Мѳ. не потому, что это стихи изъ Евангелія, но потому, что для меня совершенно очевидная истина, что не можетъ быть пасторовъ, учителей, руководителей между христіанами и что именно это нарушеніе евангельскаго закона до настоящаго времени свело почти къ нулю проповѣдь истиннаго христіанскаго ученія.

По-моему, главнѣйшій смыслъ христіанскаго ученія есть возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ. Всякій человѣкъ, который беретъ на себя роль посредника въ этомъ общеніи, мѣшаетъ тому, кѣмъ онъ хочетъ руководить, войти въ прямое общеніе съ Богомъ и—что̀ еще хуже—самъ совер-

---

[1]) Извѣстный писатель, авторъ біографіи св. Франциска Ассизскаго.

шенно удаляется отъ возможности жить по-христіаски. По моему, верхъ гордости, грѣхъ, болѣе всего отдаляющій отъ Бога, это—сказать себѣ, что я въ состояніи помогать другимъ жить хорошо и спасать ихъ души. Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, старающійся слѣдовать христіанскому ученію,— это стараться совершенствоваться сколько только возможно (Мѳ. V, 48) [1], употреблять на это самосовершенствованіе всѣ свои силы, всю свою энергію. Это единственный способъ воздѣйствія на своихъ ближнихъ и помощи имъ на пути добра. Если существуетъ церковь, то никому не дано знать ея предѣловъ и никто не можетъ знать, принадлежитъ ли онъ къ ней или нѣтъ. Все, что человѣкъ можетъ желать и на что надѣяться,—это стремиться стать частью ея; но никто не можетъ быть увѣренъ, что онъ сталъ таковымъ на самомъ дѣлѣ, и еще менѣе того предполагать, что онъ имѣетъ право и возможность руководить другими. Прошу васъ, милостивый государь, извинить меня за откровенность, съ которой я излагаю мое мнѣніе, противное вашему, и вѣрить чувствамъ симпатіи и уваженія, съ которыми я остаюсь готовый къ услугамъ.

Ясная Поляна, 26 августа 1901 г. с. ст.

Къ П. М. Т—ву.

Спасибо за доброе письмо ваше, почтенный П. М. Что я разумѣю подъ словами: «Картина Ге составитъ эпоху въ исторіи христіанскаго искусства», слѣдующее:

Католическое искусство изображаетъ преимущественно святыхъ, Мадонну и Христа, какъ Бога. Такъ это шло до послѣдняго времени, когда начались попытки изображать Его какъ историческое лицо. Но изобразить какъ историческое лицо то лицо, которое признавалось вѣками и признается теперь милліонами людей Богомъ, неудобно: неудобно потому, что такое изображеніе вызываетъ споръ. А споръ нарушаетъ впечатлѣніе. И вотъ я вижу много всякихъ попытокъ выйти изъ этого затрудненія. Одни прямо съ задоромъ спорили,—таковы у насъ картины Верещагина, даже и Ге: «Воскресеніе»; другіе хотѣли трактовать эти сюжеты, какъ историческіе,—у насъ Ивановъ, Крамской, опять Ге: «Тайная вечеря»; третьи хотѣли игнори-

[1]) Мѳ. V, 48. Итакъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

ровать всякій споръ, а просто брали сюжетъ, какъ всѣмъ знакомый, и заботились только о красотѣ (Доре, Полѣновъ): и все не выходило дѣло.

Потомъ еще были попытки свести Христа съ неба, какъ Бога, и съ пьедестала историческаго лица на почву красивой обыденной жизни, придавая этой обыденной жизни религіозное освѣщеніе, нѣсколько мистическое. Такова Ге: «Милосердіе» и французскаго: «Христосъ» въ видѣ священника, босой, среди дѣтей, и др. И все не выходило.

И вотъ Ге взялъ самый простой—и теперь понятный, послѣ того, какъ онъ его взялъ,—мотивъ: Христосъ и Его ученіе не на однихъ словахъ, а и на дѣлѣ, въ столкновеніи съ ученіемъ міра, т.-е. тотъ мотивъ, который составлялъ тогда и теперь составляетъ главное значеніе явленія Христа,—и значеніе не спорное, такое, съ которымъ не могутъ не быть согласны и церковники, признающіе Его Богомъ, и историки, признающіе Его важнымъ лицомъ въ исторіи, и христіане, признающіе главное въ Немъ—Его практическое ученіе.

На картинѣ изображенъ съ совершенной исторической вѣрностью тотъ моментъ, когда Христа водили, мучили, били, таскали изъ одной кутузки въ другую и привели къ губернатору, добрѣйшему малому, которому нѣтъ дѣла ни до Христа, ни до евреевъ, ни еще менѣе до какой-то истины, о которой ему, знакомому со всѣми ученіями и философіями Рима, толкуетъ этотъ оборванецъ, ему дѣло только до высшаго начальства, чтобы не ошибиться передъ нимъ. Христосъ видитъ, что передъ Нимъ заблудшій человѣкъ, заплывшій жиромъ; но Онъ не рѣшается отвергнуть его по одному виду, и потому начинаетъ высказывать ему сущность своего ученія; но губернатору не до того; онъ говоритъ: «Какая такая истина?» И уходитъ. И Христосъ смотритъ съ грустью на этого непроницаемаго человѣка.

Таково было положеніе тогда, таково положеніе тысячи, милліонъ разъ повторяется вездѣ, всегда между ученіями истины и представителями сего міра. И это выражено на картинѣ. Это вѣрно исторически и вѣрно современно, и потому хватаетъ за сердце всякаго, того, у кого есть сердце.

Ну вотъ такое отношеніе къ христіанству и составляетъ эпоху въ искусствѣ, потому что такого рода картинъ можетъ быть бездна, и будетъ.

Къ Генриху Сенкевичу.

Любезный Генрихъ Сенкевичъ!

Странное обращеніе это [1]) вызвано желаніемъ избѣжать непріятнаго, до враждебности холоднаго «Милостивый Государь» и столь же отдаляющаго «Monsieur», а стать въ письмѣ къ вамъ въ тѣ близкія, дружелюбныя отношенія, въ которыхъ себя чувствую по отношенію къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ ваши сочиненія: «Семья Поланецкихъ», «Безъ догмата» и др., за которыя благодарю васъ. Эта же причина побуждаетъ меня писать вамъ на языкѣ своемъ, на которомъ мнѣ легче ясно и точно выразиться.

То дѣло, о которомъ вы пишете, мнѣ извѣстно и вызвало во мнѣ не удивленіе, даже не негодованіе, а только подтвержденіе той, для меня несомнѣнной, истины—какъ ни кажется она парадоксальной людямъ, подпавшимъ государственному гипнозу,—что существованіе насильническихъ правительствъ отжило свое время...

Въ языческомъ мірѣ могъ быть добродѣтельный властитель, Маркъ Аврелій, но въ нашемъ христіанскомъ мірѣ даже правители прошлыхъ вѣковъ,—всѣ французскіе Людовики и Наполеоны..., всѣ Фридрихи, Генрихи и Елизаветы, нѣмецкіе и англійскіе,—несмотря на всѣ старанія хвалителей, не могутъ въ наше время внушать ничего, кромѣ отвращенія... Бороться надо не съ людьми, а съ тѣмъ суевѣріемъ необходимости государственнаго насилія, которое такъ несовмѣстимо съ современнымъ нравственнымъ сознаніемъ людей христіанскаго міра и болѣе всего препятствуетъ человѣчеству нашего времени сдѣлать тотъ шагъ, къ которому оно давно готово...

Что же касается до подробностей того дѣла, о которомъ вы пишете: о приготовленіи прусскаго правительства къ ограбленію польскихъ землевладѣльцевъ - крестьянъ, то и въ этомъ дѣлѣ мнѣ жалко больше тѣхъ людей, которые устраиваютъ это ограбленіе и будутъ приводить его въ исполненіе, чѣмъ тѣхъ, кого ограбятъ. Эти послѣдніе ont le beau rôle. Они и на другой землѣ и въ другихъ условіяхъ останутся тѣмъ, чѣмъ они были, а жалко грабителей, жалко тѣхъ, которые

---

[1]) Л. Н. получилъ въ 1907 г. отъ Генриха Сенкевича письмо по поводу притѣсненій прусскимъ правительствомъ поляковъ въ Галиціи. Письмо Сенкевича было написано по-французски и начиналось «monsieur».

принадлежатъ къ націи, государству грабителей и чувствуютъ себя съ ними солидарными. Я думаю, что и теперь для всякаго нравственно чуткаго человѣка не можетъ быть сомнѣнія въ выборѣ: быть пруссакомъ, солидарнымъ со своимъ правительствомъ, или изгоняемымъ изъ своего гнѣзда полякомъ.

Такъ вотъ мое мнѣніе о томъ, что совершается или готовится теперь въ Познани, и если не мнѣніе о самомъ дѣлѣ, то тѣ мысли, которыя оно вызвало во мнѣ. Простите, если письмо мое не отвѣчаетъ тому, чего вы отъ меня желали. Если письмо это вамъ не годится, бросьте его въ корзину или сдѣлайте изъ него то употребленіе, какое найдете нужнымъ.

Во всякомъ случаѣ былъ радъ вступить съ вами въ общеніе.

Любящій васъ сотоварищъ по писательству

Ясная Поляна,
1907 г., дек. 27.

Къ Л. С.

Получилъ ваше очень мнѣ пріятное и интересное письмо, милый Леонидъ, и хочется получше отвѣтить. На вопросъ вашъ,— какъ вамъ устроить свою жизнь, — отвѣчаю отрицаніемъ самаго вопроса: устраивать нашу жизнь не въ нашей власти, и попытки такого устроенія только нарушаютъ то ея устройство, которое предстоитъ намъ, о которомъ мы не знаемъ и которое единое и лучшее и для насъ и для всѣхъ, соприкасающихся съ нами. Задача нашей жизни, смыслъ ея — въ чемъ вы, навѣрно, согласны со мной — въ томъ, чтобы проявить во всей доступной намъ силѣ того Бога любви, который живетъ въ насъ; а чтобы проявить Его, намъ много надо работать надъ собою, надъ уничтоженіемъ тѣхъ грѣховъ, которыми мы полны и которые мѣшаютъ проявленію любви: и тѣлоугодничество, и праздность, и сладострастіе, и недоброжелательство, и слава людская, и гордость личная, и сословная, и народная, и несправедливость всякаго рода, всякаго рода суевѣріе — и церковное, и государственное, и научное, и искусства. Все это такъ въѣлось въ насъ и такъ затемняетъ, заглушаетъ въ насъ духъ Божій, что нельзя достаточно упорно и напряженно бороться со всѣмъ этимъ для того, чтобы все больше и больше освобождать духъ Божій, любовь, и пользоваться тѣмъ благомъ, которое даетъ это все большее и большее освобожденіе. Только положите всѣ силы на это усиліе, — то усиліе, которымъ берется царство Божіе внутри насъ. Всякую минуту настоящаго

насколько возможно больше употребляйте на эту внутреннюю работу совершенствованія — освобожденіе, и жизнь сложится такъ, какъ она должна сложиться. И, по всѣмъ вѣроятіямъ, не такъ, какъ вы бы того хотѣли, но сложится наилучшимъ образомъ. Знаю, какъ несогласна своими внѣшними формами та жизнь, которой вы живѐте теперь, и какъ она тяжела вамъ, но будьте увѣрены, что вы нигдѣ, ни въ своей, ни въ чужой деревнѣ, ни въ общинѣ (въ общинѣ меньше всего), не найдете того положенія, въ которомъ бы ваши внѣшнія отношенія не были тяжелы. Тяжесть этихъ отношеній вездѣ, всегда есть необходимое условіе нашей жизни. И эти условія становятся мучительно тяжелы, когда мы думаемъ, что это такія условія, которыя могутъ быть измѣнены, замѣнены болѣе легкими. Это заблужденіе. Условія эти не только облегчаются, но перестаютъ быть мучительными, только когда мы смотримъ на нихъ не какъ на что-то, что можетъ быть измѣнено, а какъ на матеріалъ, надъ которымъ мы призваны работать, то-есть на ту форму жизни, въ которой, какъ и во всякой другой, у насъ есть одно дѣло— проявлять живущій въ насъ духъ Божій и соединяться имъ посредствомъ любви со всѣмъ окружающимъ насъ.

Въ общемъ совѣтъ мой въ томъ, чтобы не заботиться о внѣшнемъ, а всѣ силы употреблять на внутреннее. Ищите царствія Божія и правды его, а остальное приложится, т.-е. жизнь сложится, какой она должна быть, соотвѣтственно внутреннему усилію.

Пишу вамъ тѣ мысли, которыя вызвало во мнѣ ваше письмо, и то, чѣмъ живу и съ чѣмъ умираю; пишу вамъ то, думая, что понимаю васъ, понимаю любовью къ вамъ; пишу то, чего не написалъ бы другому, зная, какъ легко можно перетолковать эти мысли. Очень, очень радостно мнѣ было ваше письмо. Пожалуйста, пишите мнѣ, чтобы я зналъ, не то, что вы сдѣлаете (я бы не желалъ, чтобы вы сдѣлали что-нибудь), а что Богъ сдѣлаетъ съ вами.

Любящій васъ братъ

1908 г., января 2.

Къ нему же.

Послѣдніе дни много думалъ о васъ, милый братъ Леонидъ.

Во-первыхъ, получилъ ваше письмо, за которое хочется упрекнуть васъ — за ту неподходящую роль, которую вы мнѣ приписываете. Вѣрьте, что это — не желаніе быть смиреннымъ,

но совершенно искреннее сознаніе ничтожности своей жалкой личности не только въ сравненіи съ тѣмъ идеаломъ, который вижу иногда передъ собой, но въ сравненіи съ самыми обыкновенными людьми, которыхъ встрѣчаю. Я все жду, когда это—какъ это случилось съ голымъ царемъ, гулявшимъ по улицамъ—найдется такое дитя, которое скажетъ: «да на немъ нѣтъ ничего». И всѣ поймутъ, что они видѣли во мнѣ хорошее, и чего не было, и не видѣли того плохого, которое que creve les yeux. Отъ этого мнѣ, любя васъ, было непріятно то, что вы въ такомъ же обо мнѣ заблужденіи. Вѣрьте, что говорю то, что думаю и чувствую. То, что пишете о себѣ, очень порадовало меня. Не скажу, что работа должна быть поденная, но совершенно согласенъ, что это очень хорошая форма работы. Радуюсь, радуюсь очень тому душевному состоянію, которое чувствуется въ вашемъ письмѣ. Одно могу желать: чтобы вы держались въ немъ до смерти. Лучше этого состоянія я ничего не знаю. Вотъ это ваше письмо былъ одинъ поводъ мыслей о васъ. Другой поводъ, это — посѣщеніе вчера милаго вашего хозяина, Григорія. Мы много бесѣдовали съ нимъ, но я жалѣю, что мало. Хотѣлось бы подѣлиться, а главное — попользоваться отъ него многимъ. Какъ я радъ, что умѣю понимать такихъ людей, ихъ душу. Онъ много мнѣ сказалъ полезнаго, и много говорилъ о васъ. И все, что я узналъ, все хорошо. Третій поводъ, это — корректурные листы вашего писанія, которые я получилъ отъ Левенсона и вчера прочелъ вмѣстѣ съ Горбуновымъ и Гусевымъ. Начало слабо: неясно, авторъ хочетъ слишкомъ много сказать и не можетъ сказать и ясно, и просто, и сильно. Нѣтъ строгой, послѣдовательной мысли и нѣтъ яркости и художественности, нѣтъ опредѣленныхъ образовъ. Я не боюсь говорить вамъ, милый другъ, всю правду. Есть много мыслей, намековъ, много близкихъ, понятныхъ, но все расплывчато и даже, *кажется*, многословно. Такъ шло до «Храма». Но тутъ, съ самаго начала, описаніе заключенныхъ, ихъ душевнаго состоянія и казни: инженеръ, гимназистъ, священникъ, докторъ, сынъ дьякона, да всѣ, — все это превосходно, такъ хорошо, что не могу себѣ представить ничего лучше. То же впечатлѣніе произвело на Горбунова и Гусева. Я не могъ говорить отъ слезъ, душившихъ меня. Непремѣнно надо стараться напечатать. Прощайте, милый другъ и братъ. Всей душой люблю васъ. Мой привѣтъ Григорію.

Ясная Поляна.
1908 г., мая 10.

Къ нему же.

Спасибо, милый другъ Леонидъ, за ваше хорошее письмо.

Простите меня за то, что мое письмо и высказанное мнѣніе о вашей статьѣ было для васъ соблазномъ. Я чувствовалъ, что дѣлаю дурное. То же, что было написано въ газетѣ (хотя и справедливо) о моемъ мнѣніи о статьѣ, еще больше огорчило меня.

Простите, но я все-таки радъ за васъ, что у васъ есть эта способность выражать свои чувства, заражать этими чувствами другихъ. Знайте, что она есть въ васъ, держите въ себѣ эту силу и вѣроятно придетъ время, когда она понадобится вамъ и людямъ.

Если вы мнѣ разрѣшаете распорядиться этой статьей, то разрѣшите и откинуть все ненужное, лишнее. Вся первая часть. Какъ ни страшно это сказать, а художество требуетъ еще гораздо больше точности, precision, чѣмъ наука, а это-то отсутствуетъ во всемъ, что называется декадентствомъ и что въ вашей первой части статьи.

Ну, теперь объ этихъ пустякахъ довольно. Какъ вы счастливы, милый другъ, что вы въ ваши годы избрали тотъ путь, который вы избрали. Да, для того, чтобы быть въ состояніи дѣлать то, въ чемъ сущность всей нашей жизни,—любить Бога и братьевъ-людей, — надо прежде всего узнать этихъ братьевъ, ихъ жизнь. А любить съ высоты своихъ палатъ и верховой лошади — или обманъ, или страданіе и стыдъ, — j'e sais quelque chose. Вы же благую часть избрали. Только тогда, когда вмѣстѣ полазаешь на четверенькахъ,—станешь въ то положеніе, въ которомъ можно начинать любить. Помогай вамъ Богъ. Но боюсь, боюсь за васъ, милый другъ, боюсь и люблю и буду любить, хотя бы вы и измѣнили свою жизнь. Сердца своего, души своей, тѣхъ шаговъ, которые она сдѣлала, вы не можете уже измѣнить. Пишите хоть изрѣдка и хоть коротко, но чтобы я чувствовалъ васъ. Прощайте, милый другъ.

Ясная Поляна, 1908 г., іюня 6.

Къ *** о религіозномъ отношеніи къ жизни.

Дорогой ***!

Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что вы пишете. Я понемногу приходилъ къ этому убѣжденію и теперь пришелъ окончательно, что и выразилъ въ своей статьѣ: «*Что такое религія и въ чемъ ея сущность*», которая теперь, вѣроятно, печатается.

. . . . Дѣло христіанина, посредствомъ котораго онъ достигаетъ всѣхъ цѣлей, въ томъ числѣ и той, которая теперь у насъ въ Россіи предстоитъ ему, вездѣ и всегда одно: разжигать свой огонь и свѣтить имъ передъ людьми. Обращеніе же всего своего вниманія, всѣхъ своихъ усилій на какую-нибудь одну частную цѣль, какъ, напримѣръ, на жизнь трудами рукъ, на проповѣдь или, какъ въ данномъ случаѣ, на борьбу съ тѣми или другими обманами, есть всегда ошибка, подобная тому, что бы дѣлалъ человѣкъ при наводненіи, если бъ вмѣсто того, чтобы спускать воду изъ главнаго источника или работать надъ плотиной, удерживающей всю воду, дѣлалъ преграды въ своей улицѣ, не видя того, что вода съ другихъ сторонъ зальетъ его.

Получивъ ваше письмо, я хотѣлъ писать вамъ, напоминая о томъ, что въ борьбѣ надо быть мудрыми, какъ змѣи, и кроткими, какъ голуби; но этого мало: надо не забывать ни на минуту главную общую цѣль и не отдаваться работѣ къ достиженію частной цѣли. Это не значитъ того, чтобы не бороться съ обманами (когда знаешь, что они—величайшее зло, невольно будешь дѣлать это), но бороться только тогда, когда борьба эта является слѣдствіемъ общаго стремленія къ совершенствованію. Еще сравненіе: надо защитить дома отъ возможности пожаровъ сообщаться всѣмъ домамъ. Можно нарубить зеленыхъ вѣтокъ и натыкать ихъ между домовъ. И это будетъ какъ будто дѣйствительно на день, два. Но можно посадить маленькія деревца, и, когда они укоренятся и выростутъ, это будетъ дѣйствительно навсегда. Надо, чтобы въ дѣятельности нашей были корни. А корни эти въ нашей покорности волѣ Бога, въ нашей личной жизни, посвященной совершенствованію и увеличенію любви.

Физическое здоровье мое все плохо, но душевно мнѣ очень хорошо, и могу работать и работаю, какъ умѣю, болѣе серьезно въ виду близкаго конца.

Гаспра.
20 января (2 февраля) 1902 г.

Къ магометанину.

... Сдѣлаемся чувашами и послушаемъ двухъ не пророковъ (пророковъ никакихъ не бываетъ), а людей.

Одинъ говоритъ чувашину: «чувствуешь ли ты въ себѣ что-либо, кромѣ своего тѣла?» Всякій чувашинъ отвѣтитъ, что чувствуетъ нѣчто духовное, мыслящее, любящее. Тогда мы его спросимъ: «всемогущее ли это духовное существо, которое ты въ себѣ чувствуешь?». Чувашинъ скажетъ, что нѣтъ, что онъ чувствуетъ, что это существо ограниченное. Тогда мы скажемъ ему: «но если это существо, которое ты сознаешь въ себѣ, ограниченное, то должно быть такое же существо неограниченное. Вотъ это-то неограниченное существо и есть Богъ, котораго сущность ты чувствуешь въ себѣ ограниченной и которое, какъ неограниченное существо, обнимаетъ тебя такъ, что ты находишься въ немъ». Такъ скажетъ первый человѣкъ, не утверждая про себя, что онъ отъ Бога, что онъ пророкъ, а только утверждая то, что каждый знаетъ и можетъ наблюдать въ самомъ себѣ.

Другой же, Магометъ, начнетъ съ того, что скажетъ: «вѣрьте мнѣ, что я пророкъ и что все, что я вамъ буду говорить и что написано въ моемъ Коранѣ, — все это истинная правда, открытая мнѣ самимъ Богомъ». И станетъ излагать все свое ученіе. На это, если только чувашинъ не совсѣмъ дуракъ (а изъ нихъ много есть умныхъ), скажетъ: «да почему же я вамъ повѣрю, что все, что вы говорите, — отъ Бога? Я не видалъ, какъ вамъ Богъ передавалъ свою истину, и не имѣю никакихъ доказательствъ того, что вы пророкъ, тѣмъ болѣе, что я знаю, что мнѣ сказывали, что есть таотисты, буддисты, брамины, мормоны, у которыхъ точно такіе же пророки, какъ вы, и которые точь въ точь то же говорятъ про себя, что и вы. Такъ что то, что вы про себя говорите, что вы пророкъ, никакъ не можетъ меня убѣдить въ томъ, что все то, что вы сказали и что написано въ Коранѣ, — истинная правда. То, что вы летали на седьмое небо, меня нисколько не убѣждаетъ, потому что я не видалъ этого. То же, что написано въ Коранѣ, не совсѣмъ ясно, а часто запутано, многословно, произвольно и даже исторически невѣрно, какъ я слыхалъ отъ людей. Убѣдить меня можетъ только то, что я самъ сознаю и могу провѣрить разсужденіемъ и внутреннимъ опытомъ».

Такъ скажетъ умный чувашинъ на слова второго человѣка, и я думаю, что будетъ совершенно правъ.

Такъ вотъ... что я думаю о магометанствѣ. Это будетъ очень хорошимъ ученіемъ и совпадетъ съ ученіемъ всѣхъ истинно религіозныхъ людей только тогда, когда откинетъ слѣпую вѣру въ Магомета и Коранъ, а возьметъ изъ него то, что согласно съ разумомъ и совѣстью всѣхъ людей.

Ноябрь, 1902 г.

Отвѣтъ шведскому обществу художниковъ и ученыхъ.

Милостивые государи!

Назначеніе не мнѣ Нобелевской преміи было мнѣ вдвойнѣ пріятно: во-первыхъ, тѣмъ, что избавило меня отъ тяжелой необходимости такъ или иначе распорядиться деньгами, которыя считаются всѣми очень нужнымъ и полезнымъ предметомъ, мною же — источникомъ всякаго рода зла; во-вторыхъ, тѣмъ, что послужило поводомъ къ выраженію мнѣ своего сочувствія уважаемыхъ мною людей, за которое отъ всей души благодарю васъ.

Гаспра.
20 января (2 февр.) 1902 г.

По поводу кишиневскаго погрома.

Я получилъ ваше письмо. Такихъ писемъ я получилъ уже нѣсколько. Всѣ пишущіе такъ же, какъ и вы, требуютъ отъ меня, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о кишиневскомъ событіи. Мнѣ кажется, что въ этихъ обращеніяхъ ко мнѣ есть какое-то недоразумѣніе. Предполагается, что мой голосъ имѣетъ вѣсъ,— и поэтому отъ меня требуютъ высказыванія моего мнѣнія о такомъ важномъ и сложномъ по своимъ причинамъ событіи, какъ злодѣйство совершонное въ Кишиневѣ.

Недоразумѣніе состоитъ въ томъ что отъ меня требуется дѣятельность публициста, тогда какъ я человѣкъ, весь занятый однимъ очень опредѣленнымъ вопросомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ оцѣнкою современныхъ событій: именно вопросомъ религіознымъ и его приложеніемъ къ жизни. Требовать отъ меня публичнаго выраженія мнѣнія о современныхъ событіяхъ такъ же неосновательно, какъ требовать этого отъ какого бы

то ни было спеціалиста, пользующагося нѣкоторою извѣстностью. Я могу — и дѣлалъ это — воспользоваться какимъ-либо современнымъ событіемъ для иллюстраціи проводимой мною мысли, но отзываться на всѣ современныя, хотя бы и очень важныя, событія, какъ это дѣлаютъ публицисты, я никакъ не могу, если бы даже считалъ это нужнымъ. Если бы я поступалъ такъ, то я долженъ бы былъ высказывать мнѣнія необдуманныя или пошлыя, повторяя то, что было уже сказано другими, и тогда, очевидно, и не существовало бы того значенія моего мнѣнія, на основаніи котораго требуютъ отъ меня его высказыванія.

Что же касается моего отношенія къ евреямъ и къ ужасному кишиневскому событію, то оно, казалось бы, должно быть ясно всѣмъ тѣмъ, кто интересовался моимъ міровоззрѣніемъ. Отношеніе мое къ евреямъ не можетъ быть инымъ, какъ отношеніе къ братьямъ, которыхъ я люблю не за то, что они евреи, а за то, что мы и они, какъ и всѣ люди, сыны одного Отца Бога, и любовь эта не требуетъ отъ меня усилій, такъ какъ я встрѣчалъ и знаю очень хорошихъ людей евреевъ.

Отношеніе же мое къ кишиневскому преступленію тоже само собой опредѣляется моимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Еще не зная всѣхъ ужасныхъ подробностей, которыя стали извѣстны потомъ, по первому газетному сообщенію я понялъ весь ужасъ совершившагося и испыталъ тяжелое смѣшанное чувство жалости къ невиннымъ жертвамъ звѣрства толпы, недоумѣнія передъ озвѣрѣніемъ этихъ людей, будто бы христіанъ, чувство отвращенія и омерзѣнія къ тѣмъ такъ называемымъ образованнымъ людямъ, которые возбуждали толпу и сочувствовали ея дѣламъ . . . .
. . . .
. . . .

Кишиневское злодѣйство есть только прямое послѣдствіе проповѣди лжи и насилія . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Вотъ все, что я могъ бы сказать по случаю кишиневскаго дѣла, но все это я давно уже высказалъ.

Если же вы спросите меня, что, по-моему, нужно сдѣлать евреямъ, то отвѣтъ мой тоже самъ собой вытекаетъ изъ того христіанскаго ученія, которое я стараюсь понимать и которому стараюсь слѣдовать. Евреямъ, какъ и всѣмъ людямъ, для ихъ блага нужно одно: какъ можно болѣе въ жизни слѣдовать всемірному правилу — поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, и бороться съ правительствомъ не насиліемъ — это средство надо предоставить правительству, — а доброю жизнью, исключающей не только всякое насиліе надъ ближнимъ, но и участіе въ насиліи и пользованіе для своихъ выгодъ орудіями насилія, учрежденными правительствомъ.

Вотъ все, очень старое и извѣстное, что я имѣю сказать по случаю ужаснаго кишиневскаго событія.

Ясная Поляна, 27 апрѣля 1903 года.

Четыре письма о Луизѣ Тосканской.

I.

Я не желаю произносить никакого приговора надъ поведеніемъ несчастной женщины, о которой вы мнѣ писали. Въ писаніи сказано: «Не судите, да не судимы будете». Я, однако, полагаю, что во всемъ написанномъ мною нельзя найти ни одной строки, которая оправдывала бы подобное поведеніе. Я исповѣдую христіанское ученіе, основной принципъ котораго требуетъ приносить наше удовольствіе и счастье въ жертву благу нашихъ близкихъ. Въ настоящемъ же случаѣ случилось нѣчто совершенно противоположное. Эта женщина принесла въ жертву не только спокойствіе и счастье своего мужа и своего свекра, но также и прежде всего спокойствіе и счастье своихъ дѣтей, изъ которыхъ старшій, должно быть, ужасно страдалъ и всю свою жизнь будетъ страдать изъ-за позора своей матери. Она все принесла въ жертву удовольствію безъ всякихъ помѣхъ быть вмѣстѣ съ очаровательнымъ господиномъ Жирономъ. Таковъ мой взглядъ на грязную исторію, которая почему-то интересуетъ весь міръ.

Ясная Поляна, 29 января 1903 г.

II.

Около недѣли назадъ я получилъ отъ нѣкоего г. Моррисона изъ Берлина письмо, копію котораго я прилагаю.

Я былъ въ дурномъ настроеніи духа, слабъ и потому продиктовалъ своей дочери отвѣтъ, копію котораго тоже посылаю.

Я имѣлъ намѣреніе перечитать свое отвѣтное письмо и исправить его редакцію, но оно было послано безъ моего вѣдома, и съ тѣхъ поръ я постоянно вспоминаю то, что я сказалъ въ этомъ письмѣ, и меня мучитъ мысль, что я поступилъ очень нехорошо и что письмо можетъ нанести совершенно незаконно обиду той женщинѣ, о которой я писалъ, разъ оно будетъ оглашено въ печати. Въ такомъ случаѣ переведите это второе мое письмо и тоже напечатайте его содержаніе въ газетахъ.

Я очень сожалѣю, что необдуманно высказался. Я знаю, какъ коваренъ и силенъ соблазнъ, въ который впала несчастная женщина. Я знаю, какъ онъ временно ослѣпляетъ и заставляетъ забывать о всѣхъ высшихъ требованіяхъ души, а потому, будучи самъ полонъ грѣховъ, я даже и подумать не могу бросить камнемъ въ страдающую женщину.

Если мое первое письмо будетъ опубликовано и попадется на глаза принцессѣ, то я прошу у нея прощенія въ моихъ жестокихъ и необдуманныхъ словахъ.

Я не только не осуждаю ее, но всей душой соболѣзную ей въ ея страданіяхъ и желаю ей освободиться отъ наважденія, желаю ей мира, который всегда возможно найти тому, кто вѣруетъ въ Бога и проситъ у Него помощи.

Итакъ, если вы хотите оказать мнѣ услугу хоть какимъ-либо облегченіемъ моей совѣсти и если вы полагаете, что опубликованіе этого письма хоть сколько-нибудь исправитъ мою ошибку, то, пожалуйста, исполните мою просьбу.

24 февраля 1903 г.

III.

Сотруднику „Berliner Tageblatt“.

Я получилъ ваше письмо и полагаю, что вы совершенно правы

Исторія моего письма такова. Нѣкій г. Моррисонъ написалъ мнѣ о томъ, что онъ слыхалъ, что мои произведенія оказали

вліяніе на принцессу Луизу, и спросилъ меня, какъ я смотрю на ея поступокъ. Въ числѣ другихъ отвѣтныхъ писемъ я продиктовалъ своей дочери, такъ какъ былъ очень слабъ и въ дурномъ расположеніи духа, также и отвѣтъ на письмо г. Моррисона, но имѣлъ намѣреніе просмотрѣть еще разъ свой отвѣтъ.

Къ сожалѣнію, письмо на слѣдующій же день оказалось уже отосланнымъ.

Такъ какъ самъ я былъ очень недоволенъ содержаніемъ моего письма (къ г. Моррисону) вслѣдствіе его рѣзкости и несогласнаго съ Евангеліемъ настроенія, я, хотя и не предвидѣлъ, что оно можетъ быть опубликовано, написалъ г. Моррисону еще слѣдующее:

«Я огорченъ тѣмъ, что написалъ письмо, въ которомъ высказалъ свое мнѣніе объ образѣ дѣйствій принцессы Луизы Тосканской. Я не имѣю нравственнаго права на это и, какъ человѣкъ, стремящійся жить по примѣру Христа, не долженъ былъ этого дѣлать».

Кромѣ того, я написалъ въ тотъ же день одному моему другу въ Англію и просилъ его, чтобы въ случаѣ опубликованія моего письма къ Моррисону, было также напечатано въ англійскихъ газетахъ мое сожалѣніе по поводу его содержанія.

Благодарю васъ за ваше письмо и еще разъ говорю, что я, какъ человѣкъ, который стремится жить по завѣтамъ Христа, не чувствую себя въ правѣ бросить камень въ несчастную женщину и очень огорченъ опубликованіемъ моего жестокаго и несогласнаго съ Евангеліемъ письма.

Предоставляю вамъ распорядиться настоящимъ моимъ письмомъ по своему усмотрѣнію.

28/II (н. ст.) 1903 г

IV.

Исторія моего письма о принцессѣ слѣдующая: получивъ изъ Берлина письмо англичанина, спрашивавшаго меня о томъ, насколько можетъ быть справедливо то, что на поступокъ принцессы могли повліять выраженные мною взгляды, я въ дурную минуту продиктовалъ моей дочери отвѣтъ. Обыкновенно дочь моя даетъ мнѣ просмотрѣть отправляемыя письма, и я намѣревался пересмотрѣть, исправить или вовсе уничтожить это письмо.

Но случилось такъ, что письмо было отправлено вмѣстѣ съ другими; это было мнѣ такъ непріятно, что я вскорѣ послѣ

этого написалъ Черткову въ Англію, что въ случаѣ напечатанія моего письма, чего я не ожидалъ, но что все-таки могло случиться, я прошу его напечатать мое письмо къ нему, въ которомъ я признаю письмо берлинскому корреспонденту грубымъ, жестокимъ и нехристіанскимъ. Послѣ этого я получилъ письмо отъ нѣкоего саксонца, который точно такъ же, какъ и харьковская корреспондентка, совершенно справедливо упрекалъ меня въ нелогичности и, главное, грубости и жестокости моего письма, и еще такого же содержанія открытое письмо въ «Petersburger Zeitung». Саксонцу я отвѣтилъ, описавъ ему тѣ обстоятельства, при которыхъ появилось письмо, и выразилъ въ немъ свое раскаяніе въ томъ, что допустилъ себѣ, хотя бы въ частномъ письмѣ, высказать такія жестокія и нехристіанскія сужденія о несчастной женщинѣ; притомъ предоставилъ ему право, если онъ найдетъ это нужнымъ, опубликовать мое письмо къ нему. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ англійскихъ, ни въ нѣмецкихъ газетахъ не появилось ни мое письмо Черткову, ни саксонцу, и потому, пользуясь случаемъ письма харьковской корреспондентки, я прошу васъ, г. редакторъ, напечатать это мое письмо въ вашей газетѣ.

23 февраля 1903 г.

Два письма къ М. М. Д.-К.-ой.

I.

Милая Марія Михайловна, — сказалъ бы: сестра по духу, если бы зналъ, что вы позволите назвать васъ такъ. Сейчасъ прочелъ ваше письмо женѣ, которое глубоко тронуло меня. Вы открыли мнѣ то, что я по своему легкомыслію и эгоизму не думалъ, а то, что вы открыли мнѣ, очень важно. Готовящіяся мнѣ юбилейныя восхваленія мнѣ въ высшей степени — не скажу, тяжелы — мучительны. Я настолько старъ, настолько близокъ къ смерти, настолько желаю уйти *туда*, пойти къ Тому, отъ Кого я пришелъ, что всѣ эти тщеславныя жалкія проявленія мнѣ только тяжелы. Но это все для меня лично, я же не думалъ о томъ, о чемъ вы мнѣ (?) пишете: о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое произведутъ на тѣхъ людей, которые вѣрятъ такъ же, какъ вы, вѣрятъ искренно и глубоко, — какое впечатлѣніе произведутъ эти восхваленія человѣка, нарушившаго то, во что они вѣрятъ. Объ этомъ я не подумалъ, и вы напомнили мнѣ. Постараюсь избавиться отъ этого дурного дѣла,

отъ участія моего въ немъ, отъ оскорбленія тѣхъ людей, которые, какъ вы, гораздо, несравненно ближе мнѣ всѣхъ тѣхъ невѣрующихъ людей, которые Богъ знаетъ для чего, для какихъ цѣлей будутъ восхвалять меня и говорить эти пошлыя, никому ненужныя слова. Да, милая Марія Михайловна, чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что всѣ мы, вѣрующіе въ Бога, если только искренно вѣруемъ, всѣ мы соединены между собою, всѣ мы сыновья одного Отца и братья и сестры между собою. Хотимъ мы или не хотимъ этого, мы всѣ едино. Такъ вотъ прощайте, милая Марія Михайловна. Спасибо, что вспомнили обо мнѣ. Общеніе съ вами мнѣ очень радостно. Если бы я былъ съ вами, я бы попросилъ позволенія просто поцѣловать васъ, какъ братъ сестру. Теперь же прощайте. Благодарю васъ за любовь и прошу васъ не лишать меня ея.

Ясная Поляна, 1908 г., *февраля* 27.

II.

Милая и близкая мнѣ по духу, а потому искренно любимая сестра Марія Михайловна, прочелъ ваше письмо сестрѣ и былъ тронутъ вашимъ добрымъ чувствомъ ко мнѣ. Но простите меня, милая Марія Михайловна, меня огорчило въ немъ то, что противно моему духу и жизни вашей и что дороже всего на свѣтѣ какъ для меня, такъ и для васъ, и именно, разумѣется, невольное, съ вашей стороны, но все - таки больное мнѣ нарушеніе любви. Изъ письма вашего видно, какъ изъ многихъ писемъ, которыя я получаю отъ добрыхъ, религіозныхъ, православныхъ лицъ, сожалѣніе о томъ заблужденіи, незнаніи истины, въ которомъ я нахожусь. Вотъ это-то мнѣ и больно. Вѣдь то, во что человѣкъ вѣритъ, чѣмъ живетъ, какъ вы это хорошо знаете, для него дороже всего, дороже матери, жены, дѣтей, дороже самого себя. И вотъ люди, вѣруя иначе, чѣмъ тотъ, къ кому они обращаются, прямо говорятъ или даютъ ему чувствовать то, что онъ — во лжи, а они — въ истинѣ. Вѣдь больнѣе этого нельзя дѣлать оскорбленія. Скажу хоть про себя по отношенію къ православію. Я былъ легкомысленнымъ, дряннымъ, ни во что невѣрующимъ человѣкомъ. Пришло время, когда я почувствовалъ неизбѣжно необходимость вѣры, и я принялъ ту вѣру православія, въ которой родился и былъ воспитанъ, принялъ ее всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души, всячески старался утвердить себя въ ней, исполнялъ всѣ ея тре-

бованія, изучалъ ее. Но — увы! — всегда находя отвѣтъ на всѣ мои вопросы души въ ученіи Христа, я не находилъ ихъ въ томъ, что называется церковной вѣрой. Не только не находилъ ихъ, но они мѣшали мнѣ вполнѣ отдаться ученію Христа, которое Онъ самъ такъ опредѣленно и кратко выразилъ въ отвѣтѣ фарисею, что весь законъ въ одной заповѣди любви къ Богу и ближнему.

Милая Марія Михайловна, я не говорю, что я одинъ въ истинѣ и что всѣ вѣрующіе иначе заблуждаются, но прошу и всѣхъ другихъ относиться ко мнѣ такъ же. Не de gaieté de coeur или изъ тщеславія я отдѣлился отъ православія, а съ болью и страданіемъ. Отдѣлился потому, что не могъ иначе. Основа моей вѣры — въ тѣхъ написанныхъ стихахъ посланія Іоанна, которые прилагаю. Внѣшнія же проявленія моей вѣры всѣ въ одномъ — въ стараніи проявленія любви: въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, какъ я выразилъ это тоже въ прилагаемой краткой молитвѣ. Я не говорю, что вѣра въ божественность Христа, въ искупленіе Имъ грѣховъ, въ таинства и пр. несправедлива или ошибочна; я знаю только то, что все это мнѣ совершенно не нужно, когда я знаю заповѣдь любви, какъ единую заповѣдь закона Бога, и всѣ силы моей души употребляю на ея исполненіе. Твердо же вѣрю я въ истину этой заповѣди, во - первыхъ, потому, что она согласна не только съ моимъ разумомъ, но и съ разумомъ мудрецовъ и святыхъ людей всего міра: браминовъ, Будды, Конфуція, Лаотзе и др., а также и всѣхъ, всѣхъ простыхъ людей міра, всегда согласныхъ съ этой заповѣдью и закономъ любви.

Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, потому, что исполненіе этой заповѣди даетъ высшее благо людямъ, и въ-третьихъ, и главное потому, что опытъ жизни показываетъ мнѣ, что какъ только я всѣми силами души стараюсь иполнить эту заповѣдь, я чувствую, какъ сказано въ посланіи Іоанна, что Богъ во мнѣ и я въ немъ, и что любящій людей христіанской лобовью, я не только освобождаюсь отъ всякихъ тревогъ, заботъ, страданій душевныхъ, но испытываю полное блаженство, которое не нарушается, какъ бывало прежде, мыслью о смерти. Напротивъ, смерть становится желаннымъ благомъ, къ которому спокойно и радостно приближаюсь. Не виноватъ же я въ томъ, что для меня исполненіе ученія Христа возможно только тогда, когда я признаю заповѣдь любви *единой*, *единой* заповѣдью.

Очень можетъ быть, что другимъ нужны при этомъ еще другія вѣрованія, мнѣ же они только мѣшали, и потому будемъ уважать вѣрованія другъ друга, а главное—любить другъ друга,

что мнѣ по отношенію васъ легко испытывать, даже невозможно не испытать.

Такъ прощайте же, милая Марія Михайловна. Искренно любящій васъ.

Ясная Поляна.
1909 г. авг. 31.

Къ В. Г. Короленко.

Владиміръ Галактіоновичъ! Сейчасъ прослушалъ вашу статью о смертной казни и всячески во время чтенія старался, но не могъ удержать не слезы, а рыданія. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою благодарность и любовь за эту и по выраженію, и по мысли, а главное по чувству превосходную статью.

Ее надо перепечатать и распространять въ милліонахъ экземпляровъ. Никакія думскія рѣчи, никакіе трактаты, никакія драмы, романы не произведутъ одной тысячной того благотворнаго дѣйствія, какое должна произвести эта статья.

Она должна произвести это дѣйствіе потому, что вызываетъ такое чувство состраданія къ тому, что переживали и переживаютъ эти жертвы людского безумія, что невольно прощаешь имъ, какія бы ни были ихъ дѣла...

Кромѣ всѣхъ этихъ чувствъ, статья ваша не можетъ не вызывать и еще другого чувства, которое я испытываю въ высшей степени — чувство жалости не къ однимъ убитымъ, а еще и къ ..., которые совершаютъ эти ужасы.

Радуетъ одно то, что такая статья, какъ ваша, объединяетъ многихъ и многихъ живыхъ, не развращенныхъ людей однимъ общимъ всѣмъ идеаломъ добра и правды, который, что бы ни дѣлали враги его, разгорается все ярче и ярче.

Ясная Поляна.
1910 г. марта 27.

A Monsieur Octave Mirbeau.

Cher confrère!

Ce n'est qu'avant-hier que j'ai reçu votre lettre du 26 mai!

Je crois que chaque nationalité emploie différents moyens pour exprimer dans l'art l'idéal commun, et que c'est à cause de cela que nous éprouvons une jouissance particulière à retrouver notre idéal exprimé d'une manière nouvelle et inattendue. L'art fran-

çais m'a donné jadis ce sentiment de découverte quand j'ai lu pour la première fois Alfred de Vigny, Stendhal, Victor Hugo et surtout Rousseau.

Je crois que c'est à ce sentiment qu'il faut attribuer la trop grande importance que vous attachez aux écrits de Dostoievsky et surtout aux miens.

Dans tous les cas, je vous remercie pour votre lettre et votre dédicace. Je me fais une fête de lire votre nouveau drame [1]).

1903 г.

Къ Якову Чагѣ.

(Отказъ отъ военной службы.)

Дорогой Яковъ Трофимовичъ, N. сообщилъ мнѣ о васъ и о вашей судьбѣ. Когда я узнаю про такихъ людей, какъ вы, про то, что съ вами случилось, я всегда испытываю чувство стыда, зависти и укоры совѣсти. Завидую потому, что прожилъ жизнь, не успѣвъ, не сумѣвъ ни разу на дѣлѣ показать свою вѣру. Стыдно мнѣ оттого, что въ то время, какъ вы сидите съ такъ называемыми преступниками въ вонючемъ острогѣ, я роскошествую съ такъ неназываемыми преступниками, пользуясь всѣми матеріальными удобствами жизни.

Укоры же совѣсти я чувствую за то, что, можетъ быть, своими писаніями, которыя я пишу, ничѣмъ не рискуя, былъ причиною вашего поступка и его тяжелыхъ матеріальныхъ послѣдствій.

Самое же сильное чувство, которое я испытываю къ такимъ людямъ, какъ вы, это — любовь и благодарность за всѣ тѣ милліоны людей, которые воспользуются вашимъ дѣломъ.

Знаю я, какъ усложняется и дѣлается болѣе труднымъ ваше дѣло вслѣдствіе семейныхъ узъ, но думаю, что если вы дѣлаете

---

[1]) Дорогой собратъ.

Только третьяго дня получилъ я ваше письмо отъ 26-го мая.

Я думаю, что всякая народность употребляетъ различные пріемы для выраженія въ искусствѣ общаго всѣмъ идеала и что вслѣдствіе этого мы испытываемъ особенное наслажденіе находить нашъ идеалъ, выраженный новымъ и неожиданнымъ способомъ.

Французское искусство когда-то дало мнѣ это чувство открытія, когда я прочелъ въ первый разъ Альфреда де Виньи, Стендаля, Виктора Гюго и особенно Руссо Я думаю, что именно къ этому чувству надо отнести то важное значеніе, которое вы придаете сочиненіямъ Достоевскаго и особенно моимъ.

Во всякомъ случаѣ благодарю васъ за ваше письмо и ваше посвященіе. Я себѣ дѣлаю праздникъ изъ прочтенія вашей новой драмы.

свое дѣло не для людей, а для Бога, для своей совѣсти, то тяжесть дѣла облегчается, вы найдете выходъ и совершите дѣло.

Помогай вамъ Богъ.

Любящій васъ

1904 г.

О гурійскомъ движеніи.

(Къ одному изъ друзей на Кавказѣ.)

... Свѣдѣнія, которыя N. сообщилъ, по моему мнѣнію, огромной важности, и непремѣнно надо познакомить людей съ тѣмъ огромной важности событіемъ, которое происходитъ въ Гуріи. Хотя я и знаю, что гурійцы не имѣютъ понятія о моемъ существованіи, мнѣ все-таки очень хочется передать имъ выраженіе тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя вызываетъ во мнѣ ихъ удивительная дѣятельность. Если вы можете и найдете это удобнымъ, передайте имъ, что вотъ есть такой старикъ, который двадцать лѣтъ только о томъ думаетъ и пишетъ, что всѣ бѣды людскія — оттого, что люди ждутъ себѣ помощи и устройства жизни отъ другихъ, отъ властей, а когда видятъ, что отъ власти имъ нѣтъ помощи и порядка, то начинаютъ осуждать властителей, бороться противъ нихъ. А что не надо ни того, ни другого: ни ждать помощи и порядка отъ властей, ни сердиться на нихъ и воевать съ ними. А надо одно: то самое, что дѣлаютъ они, гурійцы, а именно: устраивать свою жизнь такъ, чтобы не нуждаться въ властяхъ Для того же, чтобы не нуждаться въ властяхъ, надо дѣлать опять то же, что они дѣлаютъ: жить по совѣсти, по Христу, короче — по-Божьи. Если можно, то передайте имъ, какую великую радость испыталъ этотъ старикъ, когда узналъ, что то, о чемъ онъ думалъ и писалъ столько лѣтъ и чего ученые и считающіе себя мудрыми не понимаютъ и не понимали, — что это самое сами для себя, своимъ умомъ и своей совѣстью рѣшили тысячи людей и не только рѣшили, но и произвели въ дѣло, и ведутъ это дѣло такъ твердо и хорошо, что сосѣдніе люди пристаютъ къ нимъ.

Скажите имъ, что дѣло это такое важное и хорошее, что надо всѣ силы употребить (духовныя силы: кротость, разсудительность, терпѣніе) для того, чтобы довести его до конца, чтобы быть примѣромъ для ближнихъ и дальнихъ людей и послужить установленію Царства Божія не силою и обманомъ, а разумомъ и любовью.

Скажите имъ, что не я одинъ, но много и много людей радуются на нихъ, готовы всячески, если возможно и нужно, послужить имъ и что всѣ мы увѣрены, что, начавъ такое великое дѣло и такъ много уже сдѣлавъ для него, они не оставятъ его и будутъ вести его все такъ же, показывая примѣръ людямъ.

Скажите имъ, что старикъ, человѣкъ этотъ, думаетъ, что главныя ихъ силы должны быть направлены къ тому, чтобы, какъ они сами говорятъ, жить по Христу, по совѣсти, исполняя одинъ и тотъ же законъ и для христіанъ, и для магометанъ, и для всѣхъ людей міра. Законъ этотъ въ томъ, чтобы любить всякаго человѣка и дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Если они будутъ жить такъ, по-Божьи, то никто имъ ничего не сдѣлаетъ. Если они будутъ съ Богомъ, Богъ будетъ съ ними и никто не будетъ въ силахъ помѣшать имъ.

1 февраля 1905 г.

Къ японцу Изо-Абэ.

(Написано на англійскомъ языкѣ.)

Дорогой другъ Изо-Абэ!

Для меня было большой радостью получить ваше письмо и вашъ журналъ съ англійской статьей. Душевно благодаренъ вамъ за нихъ.

Хотя я никогда не сомнѣвался въ томъ, что есть въ Японіи много разумныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ людей, противниковъ ужаснаго преступленія войны, совершаемаго въ настоящее время обманутыми и одуренными народами, — я былъ очень радъ получить подтвержденіе этого. Для меня большая радость знать, что у меня есть друзья и сотрудники въ Японіи, съ которыми я могу находиться въ дружественномъ общеніи.

Желая быть съ вами вполнѣ искреннимъ, каковымъ мнѣ хотѣлось бы быть со всякимъ уважаемымъ другомъ, я долженъ сказать, что я не одобряю соціализма и что мнѣ жаль было узнать, что наиболѣе духовно развитая часть вашего столь способнаго и энергичнаго народа переняла у Европы эту крайне слабую, призрачную и ошибочную теорію соціализма.

Соціализмъ имѣетъ цѣлью удовлетвореніе самой низменной стороны человѣческой природы—ея матеріальнаго благосостоя-

нія; и даже этого онъ никакъ не можетъ достигнуть тѣми средствами, которыя онъ предлагаетъ.

Истинное благосостояніе человѣчества — духовное и нравственное — включаетъ въ себя и матеріальное благосостояніе. И эта высшая цѣль можетъ быть достигнута только религіозно-нравственнымъ совершенствованіемъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ народы и человѣчество.

Подъ религіей я понимаю вѣру въ общій законъ Бога для всего человѣчества, который практически выраженъ въ правилѣ о любви ко всякому человѣку и дѣланіи всякому того, что желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали.

Я знаю, что путь этотъ кажется не столь цѣлесообразнымъ, какъ соціализмъ и другія теоріи, но онъ — единственный вѣрный. И всѣ усилія, которыя мы употребляемъ, стараясь осуществить ошибочныя и неосуществимыя теоріи, пропадаютъ для единственнаго вѣрнаго дѣла — достиженія счастья человѣчества и каждой личности.

Простите мою смѣлость въ критикѣ вашего ученія... и повѣрьте въ мою искреннюю къ вамъ дружбу.

Всегда буду радъ получать свѣдѣнія отъ васъ.

1905 г.

Къ другому японцу.

(Написано на нѣмецкомъ языкѣ.)

Дорогой другъ!

Въ моихъ книгахъ «Христіанское ученіе» и «Въ чемъ моя вѣра» вы найдете отвѣты на вопросы, которые вы ставите мнѣ.

Совсѣмъ не нужно быть ни христіаниномъ, ни буддистомъ, ни конфуціанцемъ, ни таосистомъ, ни магометаниномъ. Не существуетъ внѣшняго авторитета, въ который человѣкъ долженъ былъ бы вѣрить. Но каждый долженъ имѣть религію, т.-е. имѣть разумное объясненіе и опредѣленіе цѣли своей жизни. Это разумное объясненіе своей жизни каждый можетъ найти въ своей религіи. Это объясненіе во всѣхъ религіяхъ одно и то же. Оно состоитъ въ слѣдующемъ.

Человѣкъ есть служитель высшей власти, которую называютъ Богомъ, и онъ долженъ исполнять волю этой власти. Воля этой власти есть единеніе всѣхъ людей, которое можетъ быть до-

стигнуто черезъ любовь. Кто это исполняетъ не знаетъ никакого зла ни въ жизни, ни въ смерти.

Эти истины содержатся во всѣхъ великихъ религіяхъ: брамаизмѣ, буддизмѣ, конфуціанствѣ, таосизмѣ, іудействѣ, христіанствѣ, магометанствѣ; и онѣ не нуждаются ни въ чьемъ авторитетѣ для того, чтобы быть принятыми и исповѣдуемыми, такъ какъ сами въ себѣ заключаютъ наивысшій авторитетъ, какой только можетъ существовать: внутреннее оправданіе совѣсти.

Только такая религія можетъ освободить людей отъ золъ, которыя они сами создаютъ. Поэтому я убѣжденъ, что разрушеніе суевѣрій, уродующихъ всѣ религіи, и распространеніе этой единственной и общей религіи есть первая и главная обязанность каждаго человѣка.

Вашъ другъ

14 марта 1905 г.

Къ китайцу.

I.

Милостивый государь!

Я получилъ ваши книги и съ большимъ интересомъ прочелъ ихъ, въ особенности Papers from a Viceroys Jamen.

Жизнь китайскаго народа всегда въ высшей степени интересовала меня, и я старался ознакомиться съ тѣмъ, что изъ китайской жизни было доступно мнѣ, преимущественно съ китайской религіозной мудростью—книгами Конфуція, Ментце, Лаотзе и комментаріями на нихъ. Читалъ тоже и о китайскомъ буддизмѣ, и книги европейцевъ о Китаѣ.

Въ послѣднее же время, послѣ тѣхъ злодѣяній, которыя были совершены противъ китайцевъ европейцами, — въ томъ числѣ, и въ большой степени, русскими,—общее настроеніе китайскаго народа особенно живо интересовало и интересуетъ меня.

Китайскій народъ, такъ много потерпѣвшій отъ безнравственной, грубо-эгоистической, корыстолюбивой жестокости европейскихъ народовъ, до послѣдняго времени на всѣ совершаемыя надъ нимъ насилія отвѣчалъ величественнымъ и мудрымъ спокойствіемъ, предпочтеніемъ терпѣнія борьбѣ съ насиліемъ.

Я говорю про народъ китайскій, а не про правительство.

И спокойствіе и терпѣніе великаго и могущественнаго китайскаго народа вызвало только все бо̀льшую и бо̀льшую наглость европейскихъ народовъ, какъ это всегда бываетъ съ гру-

быми эгоистическими людьми, живущими одной животной жизнью, каковы были европейцы, имѣвшіе дѣло съ Китаемъ.

Испытаніе, которому подвергся и подвергается теперь китайскій народъ, велико и трудно, но именно теперь-то и важно то, чтобы китайскій народъ не потерялъ терпѣнія и не измѣнилъ бы своего отношенія къ насилію, лишивъ себя этимъ всѣхъ тѣхъ великихъ послѣдствій, которыя должно имѣть перенесеніе насилій безъ отвѣчанія зломъ на зло.

Только «претерпѣвый до конца спасенъ будетъ», говорится въ христіанскомъ законѣ. И я думаю, что это несомнѣнная, хотя и трудно принимаемая людьми истина. Неотвѣчаніе зломъ на зло и неучастіе въ злѣ есть вѣрнѣйшее средство не только спасенія, но и побѣды надъ тѣми, которые творятъ зло.

Китайцы могли видѣть поразительное подтвержденіе истинности этого закона послѣ уступки ими Россіи Портъ-Артура. Самыя великія усилія силой оружія защитить Портъ-Артуръ отъ японцевъ и русскихъ не достигли бы тѣхъ гибельныхъ для Россіи и Японіи послѣдствій, какъ тѣ, которыя имѣла для Россіи и Японіи уступка Россіи Портъ-Артура,—и матеріальнаго и нравственнаго золъ. То же неизбѣжно будетъ и съ уступленными Китаемъ Англіи и Германіи Кіочаемъ и Вей-ха-Веемъ.

Успѣхи однихъ грабителей вызываютъ зависть другихъ грабителей, и захваченная добыча становится предметомъ раздора и губитъ самихъ грабителей. Такъ это бываетъ съ собаками, такъ это бываетъ и съ людьми, спускающимися на степень животныхъ.

II.

И вотъ поэтому-то я теперь со страхомъ и горестью слышу и въ вашей книгѣ вижу проявленіе въ Китаѣ духа борьбы, желанія силою дать отпоръ злодѣяніямъ, совершаемымъ европейскими народами.

Если бы это было такъ, если бы дѣйствительно китайскій народъ, потерявъ терпѣніе и вооружившись по образцу европейцевъ, прогналъ бы отъ себя силою всѣхъ европейскихъ грабителей,—чего ему очень легко достигнуть съ его умомъ, выдержанностью, трудолюбіемъ и, главное, съ его многочисленностью,—то это было бы ужасно. Ужасно не въ томъ смыслѣ, въ которомъ понималъ это одинъ изъ самыхъ грубыхъ и невѣжественныхъ представителей Западной Европы—германскій императоръ, не въ томъ смыслѣ, что Китай сдѣлался бы опасенъ для Европы, а въ томъ смыслѣ, что Китай пересталъ бы быть оплотомъ истинной, практической, народной мудрости, состоящей въ

томъ, чтобы жить той мирной земледѣльческой жизнью, жить которой свойственно всѣмъ разумнымъ людямъ и къ которой рано или поздно должны сознательно вернуться оставившіе эту жизнь народы.

III.

Я думаю, что въ наше время совершается великій переворотъ въ жизни человѣчества и что въ этомъ переворотѣ Китай долженъ во главѣ восточныхъ народовъ играть великую роль.

Мнѣ думается, что назначеніе восточныхъ народовъ Китая, Персіи, Турціи, Индіи, Россіи и, можетъ быть Японіи, если она еще не совсѣмъ увязла въ сѣтяхъ разврата европейской цивилизаціи, состоитъ въ томъ, чтобы указать народамъ тотъ истинный путь къ свободѣ, для выраженія которой, какъ вы пишете въ вашей книгѣ, на китайскомъ языкѣ нѣтъ другого слова кромѣ Тао, пути, т.-е. дѣятельности, сообразной съ вѣчнымъ основнымъ закономъ жизни человѣческой.

Свобода, по ученію Христа, осуществляется тѣмъ же путемъ. «Познáете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными», сказано тамъ. И вотъ эту-то свободу, которую почти безвозвратно потеряли западные народы, призваны, мнѣ думается, осуществить теперь восточные народы.

Мысль моя такая:

Съ самыхъ древнихъ временъ происходило то, что изъ среды людей мирныхъ и трудолюбивыхъ выдѣлялись люди хищные, предпочитающіе насиліе труду, и эти хищные и праздные люди нападали на мирныхъ и заставляли ихъ на себя работать. Такъ это происходило на западѣ и на востокѣ, у всѣхъ народовъ, живущихъ государственной жизнью, и такъ это продолжалось вѣками и продолжается и теперь. Но въ старину, когда завоеватели захватывали большія населенныя пространства, они не могли сдѣлать много вреда подвластнымъ: небольшое количество властвующихъ и большое количество подвластныхъ (особенно при первобытныхъ путяхъ сообщенія, на большихъ пространствахъ) дѣлало то, что только малая часть людей подвергалась насиліямъ властителей, большинство же могло жить спокойной жизнью, не приходя въ прямое соприкосновеніе съ насильниками. Такъ это было во всемъ мірѣ, такъ это до послѣдняго времени продолжается и среди восточныхъ народовъ, и въ особенности въ огромномъ Китаѣ.

Но такое положеніе не могло и не можетъ продолжаться по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что насильническая власть по самому свойству своему все болѣе и болѣе развра-

щается; во-вторыхъ, потому, что подвластные люди, все болѣе и болѣе просвѣщаясь, все яснѣе и яснѣе видятъ вредъ отъ своего подчиненія власти.

Дѣйствіе этихъ двухъ причинъ усиливается еще и вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій въ путяхъ сообщенія: дороги, почты, телеграфы, телефоны, вслѣдствіе которыхъ властители проявляютъ свое вліяніе тамъ, гдѣ оно не могло проявляться безъ путей сообщенія, и подвластные, вслѣдствіе той же причины тѣснѣе общаясь между собой, все яснѣе и яснѣе понимаютъ невыгоды своего положенія.

И невыгоды эти со временемъ становятся такъ велики, что подвластные чувствуютъ необходимость такъ или иначе измѣнить свое отношеніе къ власти.

И западные народы давно уже почувствовали эту необходимость и давно уже измѣнили свое отношеніе къ власти однимъ общимъ всѣмъ западнымъ народамъ способомъ: ограниченіемъ власти посредствомъ представителей, т.-е., въ сущности, распространеніемъ власти, перенесеніемъ ея отъ одного или нѣсколькихъ на многихъ.

Въ настоящее время, я думаю, что наступилъ чередъ и восточныхъ народовъ, и для Китая точно такъ же почувствовать весь вредъ деспотической власти и отыскивать средства освобожденія отъ деспотической власти, при теперешнихъ условіяхъ жизни ставшей непереносимой.

IV.

Знаю я, что въ Китаѣ существуетъ ученіе о томъ, что главный властитель, богдыханъ, долженъ быть самый мудрый и добродѣтельный человѣкъ и что если онъ не такой, то подданные могутъ и должны перестать повиноваться ему. Но я думаю, что ученіе это есть только оправданіе власти, столь же нетвердое, какъ и распространенное среди европейскихъ народовъ ученіе о томъ, что власть отъ Бога. Китайскій народъ не можетъ знать, мудрый ли и добродѣтельный ли его императоръ, и точно такъ же, какъ не могли христіанскіе народы знать, что именно этому властителю, а не тому, который боролся съ нимъ, дана власть отъ Бога.

Эти оправданія власти были годны тогда, когда вредъ власти былъ мало чувствителенъ для народовъ, но теперь, когда уже большинство людей чувствуетъ всѣ невыгоды и всю неправду власти одного или нѣсколькихъ надъ многими, оправданія эти недѣйствительны, и народамъ такъ или иначе приходится измѣнить свое отношеніе къ власти. И западные народы давно уже измѣнили это свое отношеніе къ власти; теперь оче-

редъ за восточными. И въ такомъ положеніи, я думаю, находятся теперь и Россія, и Персія, Турція и Китай. Всѣ народы эти дожили до того времени, когда они уже не могутъ долѣе оставаться въ прежнемъ отношеніи къ своимъ властителямъ.

Какъ вѣрно сказалъ русскій писатель Герценъ: «Чингисъ-ханъ съ телеграфами и электрическими двигателями невозможенъ. Если еще существуютъ до сихъ поръ на востокѣ Чингисъ-ханы или ихъ подобія, то ясно, что часъ ихъ насталъ и что они послѣдніе. Они не могутъ продолжать существовать и потому, что вслѣдствіе телеграфовъ и всего, что называется цивилизаціей, ихъ власть становится слишкомъ тяжелой, и потому, что народы, благодаря той же цивилизаціи, особенно живо чувствуютъ и сознаютъ, что существованіе или несуществованіе этихъ Чингисъ-хановъ не безразлично для нихъ, какъ это было въ старину, но что почти всѣ бѣдствія, отъ которыхъ они страдаютъ, происходятъ именно отъ этой власти, которой они подчиняются безъ всякой выгоды для себя, по одной привычкѣ».

Въ Россіи это навѣрное такъ. Думаю, что такъ это и для Турціи, и для Персіи, и для Китая.

Для Китая это въ особенности такъ, вслѣдствіе миролюбія его народовъ, дурного устройства его войска, дающаго возможность европейцамъ безнаказанно грабить китайскія земли подъ предлогомъ разныхъ столкновеній и несогласія съ китайскимъ правительствомъ.

Китайскій народъ не можетъ не чувствовать необходимости измѣненія своего отношенія къ власти.

V.

И вотъ я вижу по вашей книгѣ и по другимъ извѣстіямъ, что легкомысленные люди Китая, называемые партіей реформъ, думаютъ, что это измѣненіе должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать то самое, что сдѣлали западные народы, т.-е. замѣнить деспотическое правительство представительнымъ, завести такое же войско, какъ у западныхъ народовъ, такую же промышленность. Рѣшеніе это, кажущееся съ перваго взгляда самымъ простымъ и естественнымъ, есть рѣшеніе не только легкомысленное, но очень глупое и по всему тому, что я знаю о Китаѣ, совершенно несвойственное мудрому китайскому народу. Завести такую же конституцію, такое же войско, можетъ быть и такую же общую воинскую повинность, такую же промышленность, какъ у западныхъ народовъ, значило бы отречься отъ всего того, чѣмъ жилъ и живетъ китайскій народъ, отречься отъ своего

прошедшаго, отречься отъ разумной, миролюбивой земледѣльческой жизни, той жизни, которая составляетъ истинный и единый путь, Тао, не только для Китая, но для всего человѣчества.

Допустимъ, что, введя у себя европейское устройство, Китай прогонитъ европейцевъ и у него будетъ конституція, сильное постоянное войско и такая же промышленность, какъ и въ Европѣ.

Японія сдѣлала это, ввела конституцію и усилила войско и флотъ, и развила промышленность, и послѣдствія этихъ всѣхъ неразрывно связанныхъ между собой мѣръ уже явны. Положеніе ея народа все болѣе и болѣе приближается къ положенію народовъ Европы, а положеніе это очень тяжелое.

VI.

Государства Западной Европы, очень могущественныя по внѣшности, могутъ теперь раздавить китайское войско. Но положеніе людей, живущихъ въ этихъ государствахъ, не только не можетъ сравниться съ положеніемъ китайцевъ, но положеніе это самое бѣдственное. Во всѣхъ народахъ этихъ не переставая идетъ борьба обездоленнаго, озлобленнаго рабочаго народа съ правительствомъ и богатыми, сдерживаемая только силою обманутыхъ людей, составляющихъ войско; такая же борьба глухо кипитъ между государствами, требующая все бо́льшихъ и бо́льшихъ, не имѣющихъ конца, вооруженій,—борьба, всякую минуту готовая разразиться величайшими бѣдствіями.

Но какъ ни ужасно это положеніе, не въ этомъ сущность бѣдственности западныхъ народовъ. Главное и основное бѣдствіе ихъ въ томъ, что вся жизнь этихъ народовъ, не могущихъ кормиться своимъ хлѣбомъ, вся поставлена на необходимости насиліемъ и хитростью добывать себѣ средства пропитанія у другихъ народовъ, живущихъ еще, какъ Китай, Индія, Россія и другіе, разумной земледѣльческой жизнью.

И этимъ-то паразитнымъ народамъ и ихъ дѣятельности приглашаютъ васъ подражать люди: партіи реформъ!

Конституціи, покровительственныя пошлины, постоянныя арміи,—все это вмѣстѣ сдѣлало людей западныхъ народовъ тѣмъ, что они и есть, людьми, покинувшими земледѣліе и отвыкшими отъ него и занятыми въ городахъ, на фабрикахъ производствомъ большею частью ненужныхъ предметовъ, и приспособленными со своими арміями только ко всякаго рода насиліямъ и грабежамъ. Какъ ни блестяще кажется на первый взглядъ ихъ положеніе, положеніе это отчаянное, и они неизбѣжно должны погибнуть, если не измѣнятъ строя своей жизни, основаннаго

теперь на обманѣ, развращеніи и грабежѣ земледѣльческихъ народовъ.

Подражать западнымъ народамъ, испугавшись ихъ наглости и силы, это все равно, что разумному, неиспорченному, трудолюбивому человѣку подражать промотавшемуся, отвыкшему отъ труда, нападающему на насъ наглому грабителю, т.-е. для того, чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать безнравственному злодѣю, сдѣлаться самому такимъ же безнравственнымъ злодѣемъ.

Не подражать нужно китайцамъ западнымъ народамъ, а пользоваться ихъ примѣромъ для того, чтобы не придти въ то же, какъ и они, отчаянное положеніе.

Все, что дѣлаютъ западные народы, можетъ и должно быть примѣромъ для восточныхъ народовъ, но только примѣромъ не того, что нужно дѣлать, а того, чего ни въ какомъ случаѣ не должно дѣлать.

VII.

Идти по пути западныхъ народовъ значитъ идти на вѣрный путь погибели. Но и оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ находятся русскіе въ Россіи, персы въ Персіи, турки въ Турціи и китайцы въ Китаѣ, тоже невозможно; для васъ, китайцевъ, это особенно невозможно потому, что вы со своимъ миролюбіемъ, оставаясь въ положеніи государства безъ войска среди военныхъ державъ, не могущихъ жить самостоятельной жизнью, неизбѣжно будете подвергаться грабежамъ и захватамъ, которые эти державы должны дѣлать для поддержанія своего существованія

Что же дѣлать?

Для насъ, русскихъ, я знаю, несомнѣнно знаю, чего намъ, русскимъ, не надо и что намъ надо дѣлать для того, чтобы избавиться отъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ мы страдаемъ, и не впасть въ худшія. Не надо намъ, русскимъ, прежде всего, повиноваться существующей власти, но также не надо намъ и дѣлать того, что затѣваетъ у насъ, такъ же какъ и у васъ, партія реформъ, неумные люди; не надо, подражая Западу, замѣнять одну власть другою, учреждая конституцію, какую бы то ни было, монархическую или республиканскую. Этого навѣрное не нужно дѣлать, потому что это навѣрное привело бы насъ къ тому же бѣдственному положенію, въ которомъ находятся западные народы.

Нужно же и можно намъ дѣлать только одно, и самое простое: жить мирной земледѣльческой жизнью, перенося тѣ на-

силія, которыя могутъ быть совершены надъ нами, не противодѣйствуя имъ силою и не участвуя въ нихъ. То же самое, по моему мнѣнію, и еще съ бо́льшимъ основаніемъ нужно дѣлать и вамъ, китайцамъ, не только для того, чтобы избавиться отъ тѣхъ захватовъ вашей земли и грабежей, которые дѣлаютъ надъ вами европейскіе народы, но и отъ неразумныхъ требованій вашего правительства, требующаго отъ васъ дѣлъ, противныхъ вашему нравственному ученію и сознанію.

Только держитесь свободы, состоящей въ слѣдованіи разумному пути жизни, т.-е. Тао, и сами собой уничтожатся всѣ дѣйствія, причиняемыя вамъ вашими чиновниками, и станутъ невозможны угнетенія и грабежи европейцевъ. Освободитесь отъ своихъ чиновниковъ тѣмъ, что не будете исполнять ихъ требованій и, главное, не будете, повинуясь имъ, помогать порабощенію и ограбленію другъ друга.

Освободитесь отъ грабежей европейцевъ тѣмъ, что, соблюдая Тао, вы не будете признавать себя принадлежащими ни къ какому государству и отвѣтственными за тѣ дѣла, которыя совершаетъ ваше правительство.

Вѣдь всѣ захваты и грабежи европейскихъ народовъ происходятъ только отъ того, что существуетъ правительство, подданными котораго вы признаете себя. Не будь китайскаго правительства, не было бы никакого повода чужимъ народамъ совершать свои злодѣянія подъ видомъ международныхъ отношеній. А не будете вы, не повинуясь своему правительству, содѣйствовать и чужимъ властямъ въ ихъ насиліяхъ надъ вами, не будете служить имъ ни въ частной, ни въ государственной, ни въ военной службѣ, и не будетъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ вы страдаете.

VIII.

Для того, чтобы избавиться отъ зла, надо бороться не съ послѣдствіями его: злоупотребленіями правительства и захватами и грабежами сосѣднихъ народовъ, а съ корнемъ зла, съ тѣмъ ложнымъ отношеніемъ, въ которомъ находится народъ къ человѣческой власти. Признаетъ народъ человѣческую власть выше власти Бога, выше закона (Тао), и народъ всегда будетъ рабомъ и тѣмъ болѣе рабомъ, чѣмъ сложнѣе будетъ то устройство власти (какъ конституціонное), которое онъ учредитъ и которому подчинится. Свободенъ можетъ быть только тотъ народъ, для котораго законъ Бога (Тао) есть единый высшій законъ, которому должны быть подчинены всѣ другіе.

IX.

Люди и общества людей находятся всегда въ переходномъ состоянiи отъ одного возраста къ другому, но бываютъ времена, когда эти переходы и для людей и для обществъ особенно чувствительны и живо сознаваемы. Какъ бываетъ съ человѣкомъ, который вдругъ чувствуетъ, что не можетъ долѣе продолжать ребяческую жизнь, такъ и въ жизни народовъ наступаютъ перiоды, когда общества не могутъ уже болѣе продолжать жить попрежнему и чувствуютъ потребность измѣнить свои привычки, устройство и дѣятельность. И вотъ такой перiодъ отъ дѣтства къ возмужалости переживаютъ теперь, мнѣ думается, всѣ народы, какъ восточные, такъ и западные, живущiе государственной жизнью. Переходъ этотъ состоитъ въ необходимости освобожденiя отъ ставшей непереносимой власти человѣческой и установленiи жизни на иныхъ, чѣмъ человѣческая власть, началахъ.

И это дѣло, мнѣ кажется, историческое, судьбой предназначено именно восточнымъ народамъ.

Восточные народы находятся въ особенно счастливыхъ условiяхъ для этого. Не оставивъ земледѣлiя, не развратившись еще военной, конституцiонной и промышленной жизнью и не потерявъ вѣры въ обязательность высшаго закона Неба или Бога, они стоятъ на томъ распутьи, съ котораго европейскiе народы давно уже свернули на тотъ ложный путь, съ котораго освобожденiе отъ человѣческой власти стало особенно трудно [1]).

И потому восточнымъ народамъ, видя всю бѣдственность западныхъ народовъ, естественно не пытаться освободиться отъ зла человѣческой власти тѣмъ искусственнымъ, скрывающимъ сущность дѣла, средствомъ, — мнимымъ ограниченiемъ власти и представительствомъ, которымъ пытались освободиться западные народы, а рѣшить вопросъ власти другимъ, болѣе кореннымъ и простымъ способомъ, и способъ этотъ представляется самъ собою людямъ, не потерявшимъ еще вѣры въ высшiй обязательный законъ Неба или Бога, въ законъ Тао. Средство это состоитъ только въ слѣдованiи этому закону, исключающему возможность повиновенiя человѣческой власти.

Только бы продолжали китайскiе люди жить такъ, какъ они жили прежде, —мирной, трудолюбивой земледѣльческой жизнью, слѣдуя въ поведенiи основамъ своихъ трехъ религiй: конфу-

---

[1]) О томъ, почему это такъ, я изложилъ подробно въ моемъ писанiи подъ заглавiемъ: «Значенiе русской революцiи». Изданiе «Посредника». Москва, 1907 г.

ціанству, таосизму, буддизму, сходящимся всѣмъ тремъ въ своихъ основахъ къ освобожденію отъ всякой человѣческой власти (конфуціанству), недѣланія другому, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали (таосизму), самоотреченія и смиренія и любви ко всѣмъ людямъ и ко всѣмъ существамъ (буддизму), и сами собой исчезнутъ всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ они страдаютъ теперь, и никакія силы не одолѣютъ ихъ.

Дѣло, предстоящее теперь, по моему мнѣнію, не только Китаю, но и всѣмъ восточнымъ народамъ, не въ томъ только, чтобы избавиться самимъ отъ тѣхъ золъ, которыя они терпятъ отъ своихъ правительствъ и отъ чужихъ народовъ, а въ томъ, чтобы указывать всѣмъ народамъ выходъ изъ того переходнаго положенія, въ которомъ они всѣ находятся.

И выхода другого нѣтъ и не можетъ быть, какъ освобожденіе себя отъ власти человѣческой и подчиненіе власти божеской.

Октябрь 1906 г.

Къ индусу.

Все, что существуетъ, едино: люди только называютъ это единое разными именами.

Веды.

Богъ есть любовь; пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ.

I Посл. Іоанна.

Богъ есть одно цѣлое; мы только части его.

Изл. ученія Ведъ Вивекананды.

I.

Не ищи спокойствія, отдыха въ той земной области, которая порождаетъ разсужденія и желанія, потому что, если будешь искать этого тамъ, ты будешь влекомъ черезъ пустыню жизни, чуждой Мнѣ. Когда ты почувствуешь, что ноги твои путаются въ свившихся корняхъ жизни, знай, что ты сбился съ того пути, на который Я призывалъ тебя, потому что Я поставилъ тебя на пути широкомъ, легкомъ, усыпанномъ цвѣтами, и далъ свѣтъ, за которымъ ты всегда можешь идти и слѣдуя которому никогда не споткнешься.

Кришна.

Получилъ ваше письмо и два номера журнала. И то и другое мнѣ было въ высшей степени интересно, такъ какъ угнетеніе и неизбѣжно вытекающее изъ этого развращеніе одныхъ людей другими, малымъ числомъ большого числа, есть явленіе все-

гда занимавшее и особенно живо занимающее меня послѣднее время. Постараюсь высказать вамъ то, что я думаю объ этомъ вообще и въ частности по отношенію къ тѣмъ причинамъ, вслѣдствіе которыхъ произошли и происходятъ тѣ страшныя бѣдствія, о которыхъ вы говорите въ вашемъ письмѣ и говорится въ присланныхъ вами мнѣ номерахъ индійскаго журнала.

Причины, по которымъ происходитъ то удивительное явленіе, что большинство трудящагося народа подчиняется кучкѣ праздныхъ людей, распоряжающихся не только трудами, но и жизнью большинства, всегда и вездѣ однѣ и тѣ же, какъ тамъ, гдѣ угнетаемые и угнетенные принадлежатъ къ одному и тому же народу, такъ и тамъ, гдѣ, какъ это происходитъ въ Индіи и въ другихъ странахъ, угнетатели принадлежатъ къ иной, чѣмъ угнетенные, націи. Въ Индіи это кажется особенно страннымъ, такъ какъ здѣсь болѣе чѣмъ 200-милліонный, высокоодаренный и духовными, и тѣлесными силами народъ находится во власти совершенно чуждаго ему небольшого кружка людей, стоящихъ въ религіозно - нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже тѣхъ людей, надъ которыми они властвуютъ. Причины эти, какъ это видно изъ вашего письма и изъ статей «Tree Hindusthan», и изъ весьма интересныхъ сочиненій индусскаго писателя Свами Вивекананды и другихъ, состоятъ въ томъ же, въ чемъ причины бѣдствій всѣхъ народовъ нашего времени: въ отсутствіи разумнаго религіознаго ученія, которое, одинаково уясняя людямъ смыслъ ихъ существованія, опредѣляло бы и высшій законъ, долженствующій руководить ихъ поступками, и въ замѣнѣ и того и другого тѣми, болѣе чѣмъ сомнительными, положеніями ложной религіи и ложной науки и вытекающими изъ того и другого безнравственными выводами, называемыми цивилизаціей.

Какъ видно изъ вашего письма и изъ статей не только «Tree Hindusthan», но и изъ всей политической индійской литературы новаго времени, большинство руководителей общественнаго мнѣнія вашего народа, не приписывая уже никакого значенія религіознымъ ученіямъ, которыя исповѣдывались и исповѣдуются индійскимъ народомъ, видятъ единственную возможность избавленія этого народа отъ претерпѣваемаго имъ угнетенія въ пріобщеніи его къ тѣмъ антирелигіознымъ и глубоко безнравственнымъ формамъ общественнаго устройства, въ которыхъ живутъ теперь англійскій и другіе мнимо-христіанскіе народы. Ничто очевиднѣе этого стремленія—внушить индусскому народу усвоеніе формъ жизни европейскихъ народовъ—не показываетъ въ теперешнихъ руководителяхъ индусскаго народа полнаго

отсутствія религіознаго сознанія. А между тѣмъ въ этомъ отсутствіи религіознаго сознанія и вытекающаго изъ него руководства поведенія,—отсутствіи, общемъ въ наше время всѣмъ народамъ и запада и востока, отъ Японіи до Англіи и Америки, и заключается главная, если не единственная, причина порабощенія индусскаго народа англичанами.

II.

О вы, видящіе бѣдствія надъ вашими главами и подъ вашими ногами и справа и слѣва! Вѣчно вы будете загадкой для самихъ себя, пока не сдѣлаетесь смиренными и радостными, какъ ребенокъ. Тогда познаете Меня и, познавши Меня въ себѣ, вы будете управлять мірами и, глядя изъ великаго міра внутри себя на малый міръ внѣ васъ, вы будете благословлять все, что есть, и будете знать, что все хорошо и въ васъ и внѣ васъ.

Кришна.

Для того, чтобы уяснить мою мысль, долженъ начать немного издалека. Какъ жило человѣчество за милліоны, хотя бы десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ, мы не знаемъ и не можемъ (смѣло скажу: и не нуждаемся) знать; но то, что человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ мы что - нибудь знаемъ о немъ, всегда жило отдѣльными соединеніями семей, родовъ, народовъ, въ которыхъ большинство покорно и охотно, считая это неизбѣжно необходимымъ, подчинялось насилію одного или нѣсколькихъ лицъ, самаго малаго меньшинства, это мы вѣрно знаемъ. Такое устройство жизни людей, несмотря на внѣшнее разнообразіе событій и лицъ, проявлялось одинаково во всѣхъ народахъ, о прежней жизни которыхъ мы что - нибудь знаемъ. И такое устройство жизни чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ больше считалось какъ властвующими, такъ и подвластными необходимымъ условіемъ возможности согласнаго сожитія людей между собою.

Такъ это происходило вездѣ. Но, несмотря на то, что такое устройство жизни въ своихъ внѣшнихъ формахъ продолжалось вѣками, продолжается и теперь, еще очень давно, за тысячи лѣтъ до нашего времени, среди держащагося на насиліи устройства жизни, была высказываема въ различныя времена, среди различныхъ народовъ одна и та же мысль о томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ проявляется одно и то же духовное начало, дающее жизнь всему существующему, и что это-то духовное начало стремится къ единенію со всѣмъ однороднымъ ему и достигаетъ этого единенія любовью. Мысль эта въ раз-

ныхъ формахъ и съ большей или меньшей полнотой и ясностью выражалась въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Выражалась она и въ браманизмѣ, и въ еврействѣ, и въ маздеизмѣ (ученіе Зороастра), и въ буддизмѣ, и въ таосизмѣ, и въ конфуціанствѣ, и въ писаніяхъ греческихъ и римскихъ мудрецовъ, и въ христіанствѣ, и въ магометанствѣ. Уже то одно, что мысль эта, одна и та же, высказывалась среди самыхъ различныхъ народовъ и въ различное время, показываетъ то, что мысль эта была свойственна человѣческой природѣ и заключала въ себѣ истину. Но истина эта, провозглашавшаяся среди людей, считавшихъ возможнымъ соединеніе людей въ общества только посредствомъ употребленія насилія однихъ надъ другими, была такъ несогласна съ существующимъ устройствомъ и, кромѣ того, была выражаема первое время своего появленія такъ отрывочно и неясно, что люди, хотя отвлеченно и признавали ее, не могли принять ее, какъ обязательное руководство поведенія. Кромѣ того, со всѣми выраженіями этой истины, по мѣрѣ того, какъ она высказывалась среди основаннаго на насиліи устройства жизни людей, происходило одно и то же, а именно то, что люди, пользовавшіеся выгодами власти, чувствуя то, что признаніе людьми этой истины разрушало ихъ положеніе, отчасти сознательно, отчасти безсознательно, какъ могли извращали истину, одѣвая ее самыми чуждыми ей прибавленіями, толкованіями, и, кромѣ того, прямымъ насиліемъ противодѣйствовали ея распространенію. Такъ что свойственная человѣческой природѣ истина о томъ, что *жизнь человѣческая должна быть руководима тѣмъ духовнымъ началомъ, которое составляетъ основу жизни человѣческой и проявляется любовью*, для того, чтобы войти въ сознаніе людей, должна была, кромѣ своей неясности выраженія, бороться еще съ умышленными и неумышленными извращеніями ея, а также и съ прямымъ насиліемъ, заставлявшимъ людей наказаніями и гоненіями признавать установленное властью пониманіе религіознаго закона, противное открытой истинѣ. Такое извращеніе и затемненіе новой, не доведенной еще до полной ясности истины происходило вездѣ: и въ конфуціанствѣ, и въ таосизмѣ, и въ буддизмѣ, и въ христіанствѣ, и въ магометанствѣ, и въ вашемъ браманизмѣ.

III.

Моя рука разсѣяла любовь повсюду, предлагая ее тѣмъ, кто хочетъ взять ее. Благо дано всѣмъ моимъ дѣтямъ, но часто въ своей слѣпотѣ они не видятъ его. Только немногіе поднимаютъ тѣ дары, которые въ изобиліи лежатъ у ихъ ногъ, но еще больше тѣхъ людей, которые въ своемъ самодовольномъ легкомысліи отворачиваются отъ нихъ и съ плачемъ жалуются на то, что у нихъ нѣтъ того, что Я далъ имъ. Многіе изъ нихъ отрицаютъ не только дары мои, но и Меня. Меня, источника всѣхъ благъ, Творца ихъ жизни.

Кришна.

О, остановись хоть на время отъ суеты и борьбы міра, Я украшу твою жизнь любовью и радостью, потому что свѣтъ души — это любовь. Тамъ, гдѣ есть любовь, есть довольство и миръ, а гдѣ есть довольство и миръ, тамъ и Я среди нихъ.

Кришна.

Рѣшеніе безгрѣшнаго состоитъ въ томъ, чтобы не причинять печали другимъ, хотя бы онъ могъ черезъ это и получить великую власть.

Рѣшеніе безгрѣшнаго въ томъ, чтобы не дѣлать зла тѣмъ, кто сдѣлалъ ему зло.

Если человѣкъ заставитъ страдать даже тѣхъ, которые безъ причины ненавидятъ его, онъ въ концѣ-концовъ будетъ имѣть неустранимую печаль.

Наказаніе дѣлающимъ зло состоитъ въ томъ, чтобы сдѣланнымъ имъ великимъ добромъ заставить ихъ устыдиться своихъ дѣлъ.

Какая польза въ учености того, кто не старается избавить отъ страданій своего ближняго столько же, какъ и самого себя.

Если человѣкъ поутру хочетъ сдѣлать зло другому, ввечеру зло посѣтитъ его.

Индійскій Кюралъ.

Такъ это происходило вездѣ. Вездѣ истина о томъ, что любовь есть высшее нравственное чувство, не отвергалась и не опровергалась, но вездѣ такъ искусно соединялась съ такимъ количествомъ самой разнообразной лжи, извращающей ее, что отъ признанія любви высшимъ нравственнымъ чувствомъ ничего не оставалось, кромѣ словъ. Внушалось то, что это высшее нравственное чувство примѣнимо только для личной жизни, годно, такъ сказать, для домашняго обихода; для общественной же жизни признавалось необходимымъ для блага большинства людей употребленіе противъ злыхъ людей всякаго рода насилія, тюремъ, казней, войнъ, поступковъ, самыхъ противоположныхъ самому слабому чувству любви. Несмотря на то, что здравый смыслъ говорилъ то, что если одни люди могутъ быть рѣшителями того, какихъ людей надо подвергать всякаго рода

насиліямъ ради предполагаемаго блага многихъ, то и эти нѣкоторые люди могли рѣшать то же самое по отношенію тѣхъ, кто ихъ подвергалъ насилію; несмотря и на то, что великіе религіозные учители — и браминскіе, и буддійскіе, и въ особенности христіанскіе,—предвидя это извращеніе закона любви, прямо указывали на неизбѣжное условіе любви: перенесеніе обидъ, оскорбленій, всякаго рода насилій безъ противленія злу зломъ, люди продолжали признавать несовмѣстимое: благодѣтельность любви и вмѣстѣ съ тѣмъ противленіе злу насиліемъ, прямо противоположное любви. И такія ученія, несмотря на явное заключающееся въ нихъ противорѣчіе, такъ укоренились, что люди, признавая благодѣтельность любви, признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ законность устройства жизни, основаннаго на насиліи, включающемъ нанесеніе одними людьми другимъ не только истязаній, но и смерти.

Люди долгое время жили въ этомъ явномъ противорѣчіи, не замѣчая его. Но пришло время, когда противорѣчіе это все чаще и чаще стало поражать мыслящихъ людей разныхъ народовъ. И древняя простая истина о томъ, что людямъ свойственно помогать и любить, а не мучить и убивать другъ друга, все болѣе и болѣе стала выясняться, и все менѣе и менѣе могли люди вѣрить въ тѣ лжетолкованія, которыми оправдывались отступленія отъ нея.

Въ старинныя времена главнымъ средствомъ оправданія употребленія насилія, противнаго любви, было признаніе особенныхъ, сверхъестественныхъ правъ за такъ называемыми государями, царями, султанами, раджами, шахами и т. п. главами государствъ. Но чѣмъ дольше жили люди, тѣмъ все больше и больше стала ослабѣвать вѣра въ особенныя, освященныя Богомъ права государей. Ослабѣвала эта вѣра одинаково и почти одновременно и въ христіанскомъ, и въ браминскомъ, и въ буддійскомъ, и въ конфуціанскомъ мірѣ, а въ послѣднее время ужъ такъ ослабла, что не могла уже служить, какъ прежде, оправданіемъ поступковъ, явно противныхъ и здравому смыслу и истинному религіозному чувству. Люди все яснѣе и яснѣе видѣли и уже теперь въ большинствѣ вполнѣ ясно видятъ безсмысленность и безнравственность подчиненія своей воли волѣ такихъ же, какъ они, людей, требующей отъ нихъ поступковъ, противныхъ не только ихъ выгодѣ, но и нравственному чувству. И потому, казалось бы, естественно людямъ, потерявъ вѣру въ поддерживаемую религіей божественность власти всякаго рода властителей, освободиться отъ подчиненія ей. Но, къ сожалѣнію, выгодами властвованія надъ народами пользо-

вались не одни эти считавшіеся сверхъестественными существами государи, но вездѣ вслѣдствіе существованія этихъ мнимо-сверхъестественныхъ существъ образовалось въ продолженіе ихъ царствованія все большее и большее количество людей, пристроивавшихся къ властителямъ и, подъ видомъ управленія народомъ, жившихъ его трудами. И вотъ эти-то люди позаботились о томъ, чтобы по мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ старый религіозный обманъ о сверхъестественномъ и самимъ Богомъ опредѣленномъ властвованіи государей, выросталъ такой новый обманъ, который могъ бы, замѣнивъ старый, продолжать, такъ же какъ и старый, держать народы въ рабствѣ немногихъ властителей.

IV.

Хотите знать, дѣти, чѣмъ должны быть руководимы сердца ваши? Оставьте ваши желанія и стремленія къ тому, что ничтожно и пусто; откиньте ваши невѣжественныя мысли о счастьѣ, о мудрости, о пустыхъ и неискреннихъ желаніяхъ. Откиньте все это, и вы познаете любовь.

Кришна.

Не будьте уничтожателями самихъ себя. Поднимитесь къ вашему истинному *я*, поднимитесь до него, и тогда вамъ нечего бояться.

Кришна.

На мѣсто устарѣлыхъ, отжившихъ религіозныхъ оправданій явились новыя. Оправданія эти такъ же неосновательны, какъ и прежнія, но они еще новы, такъ что несостоятельность ихъ еще не сразу можетъ быть сознана большинствомъ, и, кромѣ того, люди, пользующіеся властью, такъ искусно распространяютъ и поддерживаютъ ихъ, что оправданія эти многимъ, даже тѣмъ, которые страдаютъ отъ того, что они оправдываютъ, кажутся неопровержимыми. Новыя оправданія эти называются научными. Подъ словомъ же «научное» разумѣется то же самое, что разумѣлось подъ словомъ «религіозное», а именно то, что такъ же, какъ все то, что называлось *религіей*, уже по одному тому, что называлось *религіей*, всегда было несомнѣнно истинно, такъ точно и все то, что называется *наукой*, уже по одному тому, что оно называется *наукой*, всегда несомнѣнно истинно. Такъ въ данномъ случаѣ отжившее религіозное оправданіе насилія, заключавшееся въ признаніи особенности, сверхъестественности лицъ, стоящихъ во власти и утверждаемыхъ во власти Богомъ («нѣтъ власти не отъ Бога»), замѣнилось научнымъ оправданіемъ, заключающимся, во-первыхъ, въ томъ, что всегдашнее существованіе среди людей насилія однихъ людей надъ

другими доказываетъ то, что такое насиліе должно всегда существовать. Въ этомъ, т.-е. въ томъ, что люди должны жить не согласно съ разумомъ и совѣстью, а съ тѣмъ, что долгое время происходило между ними,—въ этомъ состоитъ то, что «наука» называетъ «историческимъ закономъ». Вторoе же «научное» оправданіе насилія состоитъ въ томъ, что такъ какъ среди растеній и животныхъ происходитъ борьба за существованіе, оканчивающаяся всегда переживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ, то эта же самая борьба должна происходить и между людьми, существами, одаренными свойствами разума и любви,—свойствами, отсутствующими у существъ, подчиняющихся закону борьбы и отбора. Въ этомъ другое «научное» оправданіе насилія.

Третье же, самое главное и самое, къ сожалѣнію, распространенное, научное оправданіе насилія есть въ сущности самое старое религіозное оправданіе, только нѣсколько видоизмѣненное, состоящее въ томъ, что такъ какъ въ общественной жизни бываетъ неизбѣжно необходимо употребленіе насилія противъ нѣкоторыхъ для блага многихъ, то, какъ ни желательна любовь людей между собою, насиліе все-таки необходимо. Отличіе оправданія насилія лже-наукой отъ оправданія лже-религіей состоитъ только въ томъ, что на вопросъ о томъ, почему тѣ, а не другіе люди имѣютъ право опредѣлять, кто именно тѣ люди, противъ которыхъ можетъ и должно быть употреблено насиліе, наука отвѣчаетъ уже не то, что отвѣчала религія: что опредѣленія эти справедливы потому, что дѣлаются лицами, имѣющими сверхъестественную власть, а то, что опредѣленія эти представляютъ волю народа, которая будто бы при избирательномъ образѣ правленія выражается во всѣхъ рѣшеніяхъ и поступкахъ людей, въ данную минуту находящихся во власти.

Таковы научныя оправданія насилій. Оправданія эти не только неосновательны, но прямо нелѣпы, но они такъ нужны людямъ, занимающимъ привилегированное положеніе, что они слѣпо вѣрятъ въ нихъ, какъ прежде вѣрили въ безсѣменное зачатіе, и такъ же увѣренно распространяютъ эту вѣру.

Несчастное же, задавленное трудомъ большинство такъ ослѣплено той важностью, съ которой передаются ему эти «научныя истины», что, находясь подъ этимъ новымъ внушеніемъ, принимаютъ, такъ же какъ прежде принимали лжерелигіозныя оправданія, всѣ эти научныя глупости за священную истину и продолжаютъ рабски подчиняться своимъ новымъ, столь же жестокимъ, только нѣсколько увеличившимся по численности властителямъ.

V.

Кто. Я? Я то, чего ты искалъ съ тѣхъ поръ, какъ твой дѣтскій взглядъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на міръ, предѣлы котораго скрываютъ отъ тебя истинную жизнь. Я то, о чемъ ты молилъ въ своемъ сердцѣ, чего ты требовалъ, какъ право своего рожденія, хотя и не зналъ, что это такое. Я то, что лежало въ твоемъ сердцѣ вѣками, тысячелѣтіями. Иногда Я лежало въ тебѣ съ печалью о томъ, что ты не узнаешь Меня. Иногда Я поднимало голову, открывало глаза и простирало руки, призывая тебя, то нѣжно, то тихо, то громко требуя отъ тебя, чтобы ты возмутился противъ тѣхъ желѣзныхъ цѣпей земли, которыя притягивали тебя къ праху.

Кришна.

Такъ это происходило и происходитъ въ христіанскомъ мірѣ. Можно было надѣяться, что въ огромномъ брамино-буддійскомъ, конфуціанскомъ мірѣ новое научное суевѣріе это не будетъ имѣть мѣста и китайцы, японцы, индусы, понявъ ложь религіозныхъ обмановъ, оправдывающихъ насиліе, прямо перейдутъ къ сознанію свойственнаго человѣчеству закона любви, такъ сильно провозглашеннаго великими учителями востока. Но оказывается, что научное суевѣріе, замѣнившее религіозное, захватило и захватываетъ все больше и больше и восточные народы. Оно захватило уже съ особенной силой и страну крайняго востока, Японію, и, кажется, уже не однихъ руководителей, но и большинство этого народа, готовя ему величайшія бѣдствія; захватило и 400 - милліонный Китай и вашу 200 - милліонную Индію, или по крайней мѣрѣ большинство людей, считающихъ себя, такъ же какъ и вы, руководителями этихъ народовъ.

Вы въ своемъ журналѣ, какъ основной принципъ, долженствующій руководить дѣятельностью вашего народа, ставите эпиграфомъ такую мысль: Resistance to aggression is not simply justifiable, but emperative; not resistance hurts both Altruism and Egoism (противодѣйствіе нападенію не только справедливо, но и обязательно: непротивленіе вредитъ одинаково и альтруизму и эгоизму).

Любовь есть единственное средство спасенія людей отъ всѣхъ претерпѣваемыхъ ими бѣдствій. Въ данномъ случаѣ единственное средство освобожденія вашего народа отъ порабощенія только въ любви. Любовь, какъ религіозная основа жизни людей, съ особенной силой и ясностью была еще въ далекой древности провозглашена въ вашемъ народѣ. Любовь при допущеніи про-

тивленія злу насиліемъ есть внутреннее противорѣчіе, такъ что теряетъ всякій смыслъ и значеніе. И что же? Въ 20-мъ вѣкѣ вы, членъ одного изъ самыхъ религіозныхъ народовъ, съ легкимъ сердцемъ и увѣренностью въ своемъ научномъ просвѣщеніи и потому несомнѣнной правотѣ отрицаете этотъ законъ, повторяя ту — простите меня — поразительную глупость, которую внушили вамъ защитники насилія, враги истины, сначала служители богословія, потомъ науки, ваши европейскіе учителя.

Вы говорите, что англичане поработили и держатъ въ порабощеніи индусовъ потому, что индусы недостаточно противились и противятся насилію силою.

Но вѣдь это совершенно наоборотъ. Если англичане поработили индусовъ, то только потому, что индусы признавали и признаютъ главными основными принципами своего общественнаго устройства насиліе; во имя этого принципа подчинялись своимъ царькамъ, во имя его боролись между собою, боролись съ европейцами, съ англичанами и теперь стараются бороться съ ними.

Торговая компанія поработила 200-милліонный народъ. Скажите это человѣку, свободному отъ суевѣрія, — онъ не пойметъ, что значатъ эти слова. Что значитъ то, что 30 тысячъ людей, не силачей, даже скорѣе слабыхъ и дурныхъ людей, поработили 200 милліоновъ живыхъ, умныхъ, сильныхъ, любящихъ свободу людей? Развѣ не ясно, по однѣмъ цифрамъ, что не англичане, а сами индусы поработили себя.

Индусамъ жаловаться на то, что англичане поработили ихъ, все равно, что людямъ, предающимся пьянству, жаловаться на то, что поселившіеся среди нихъ продавцы вина поработили ихъ. Вы говорите имъ, что они могутъ не пить, но они отвѣчаютъ вамъ, что они такъ привыкли, что не могутъ воздержаться, что имъ стало необходимо поддерживать свою энергію виномъ. Развѣ не то же самое со всѣми людьми, съ милліонами людей, покоряющихся тысячамъ, сотнямъ людей своихъ или чужихъ народовъ.

Если индусы порабощены насиліемъ, то только оттого, что они сами жили насиліемъ, живутъ насиліемъ и не признаютъ вѣчнаго, свойственнаго человѣчеству закона любви.

«Жалокъ и невѣжественъ тотъ человѣкъ, который ищетъ того, что онъ имѣетъ, но не знаетъ, что имѣетъ его. Да, жалокъ и невѣжественъ человѣкъ, который не знаетъ блага той любви, которая окружаетъ его, которую Я далъ ему» (Кришна).

Только живи человѣкъ согласно съ свойственнымъ его сердцу и открытымъ уже ему закономъ любви, включающей въ себя непротивленіе, и потому естественно не участвуя въ ка-

комъ бы то ни было насиліи, и не только сотни не поработятъ милліоны, но милліоны не поработятъ одного. Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во злѣ, въ насиліяхъ администраціи, судовъ, сборовъ податей и, главное, войска, и никто въ мірѣ не поработит васъ.

VI.

> О вы, сидящіе въ заключеніяхъ и страдающіе о свободѣ и ищущіе ея, ищите только любви. Любовь есть миръ въ самомъ себѣ и миръ, дающій полное удовлетвореніе. Я—тотъ ключъ, который отпираетъ дверь въ ту рѣдко открываемую страну, въ которой одной живетъ довольство.
>
> *Кришна.*

Съ человѣчествомъ нашего времени, одинаково съ восточнымъ, какъ и съ западнымъ, совершается то же, что совершается съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, когда онъ, переходя отъ одного возраста къ другому (ребенокъ въ юношу, юноша въ мужа), теряетъ прежнее руководство въ жизни и, не уяснивъ себѣ еще новаго, свойственнаго его возрасту, живетъ безъ всякаго руководства и придумываетъ, какія можетъ, суеты, заботы, развлеченія, раздраженія, одурманиванія, которыя бы скрыли отъ него бѣдственность и безсмысленность его жизни. Такое состояніе можетъ продолжаться долго.

Но какъ при переходѣ одного человѣка отъ одного возраста къ другому неизбѣжно должно наступить время, когда жизнь не можетъ уже продолжаться попрежнему, въ безсмысленной суетѣ и раздраженіи, и человѣкъ долженъ понять, что если прежнее руководство жизни уже несвойственно ему, то это не значитъ то, что ему надо жить безъ всякаго разумнаго руководства въ жизни, а только то, что надо постараться уяснить себѣ то пониманіе жизни, которое свойственно его возрасту, и, уяснивъ его, руководствоваться имъ въ своемъ новомъ возрастѣ. Точно такія же времена должны наступать и для двигающагося и измѣняющагося человѣчества. И я думаю, что время такого перехода человѣчества отъ одного возраста къ другому наступило теперь, и теперь не въ томъ смыслѣ, что оно наступило именно въ 1908 году, а въ томъ, что то внутреннее противорѣчіе жизни людей: сознанія благодѣтельности закона любви и устройства жизни на противномъ закону лю ви насиліи, вызвавшее безсмысленную, раздраженную, суетливую и страдальческую жизнь человѣчества, продолжавшееся столѣтія, въ наше время

дошло до того напряженія, при которомъ оно не можетъ уже болѣе продолжаться и неизбѣжно должно разрѣшиться, и разрѣшиться очевидно не въ пользу отжившаго свое время закона насилія, а въ пользу съ самыхъ древнихъ временъ уже сознаваемой всѣмъ человѣчествомъ истины о томъ, что законъ жизни людей есть законъ любви.

Признаніе же этой истины во всемъ ея значеніи возможно для людей только тогда, когда они вполнѣ освободятся отъ всѣхъ, какъ религіозныхъ, такъ и научныхъ, суевѣрій и вытекающихъ изъ нихъ лжетолкованій, извращеній и нагроможденій, посредствомъ которыхъ столько вѣковъ она скрывалась отъ человѣчества.

Для того, чтобы спасти тонущій корабль, надо выбросить изъ него тотъ балластъ, который если и былъ, можетъ быть, когда-нибудь нуженъ, теперь губитъ его. То же и съ религіозными и научными суевѣріями, скрывающими отъ людей спасительную для нихъ истину. Для того, чтобы люди могли воспринять истину уже не такъ смутно, какъ она представлялась имъ въ періодъ ихъ дѣтства, и не такъ односторонне и превратно, какъ она истолковывалась для нихъ религіозными и научными учителями, а такъ, чтобы она стала высшимъ закономъ жизни людей, для этого нужно полное освобожденіе этой истины отъ всѣхъ, *всѣхъ* тѣхъ суевѣрій, какъ лжерелигіозныхъ, такъ и лженаучныхъ, которыя теперь скрываютъ ее, освобожденіе не частичное, робкое, считающееся съ освященнымъ древностью преданіемъ, съ привычками народа, такое, какое въ области религіозной сдѣлано у васъ Гуру Нанака, основателемъ религіи сейковъ, а въ христіанствѣ Лютеромъ и такими же реформаторами въ другихъ религіяхъ, а полное освобожденіе религіозной истины отъ всѣхъ, какъ древнихъ религіозныхъ, такъ и новыхъ научныхъ, суевѣрій.

Только освободи себя люди отъ вѣрованія въ разныхъ Ормуздовъ, Брамъ, Саваоѳовъ, въ воплощенія ихъ въ Кришнахъ и Христахъ, отъ вѣрованій въ рай и адъ, въ ангеловъ и демоновъ, отъ перевоплощеній и воскресеній, отъ вмѣшательства Бога во внѣшнюю земную жизнь; освободи себя, главное, отъ признанія непогрѣшимости разныхъ Ведъ, Библій, Евангелій, Трипитакъ, Корановъ и т. п.; освободи себя люди точно такъ же и отъ слѣпого вѣрованія въ разныя научныя ученія о безконечно малыхъ атомахъ, молекулахъ, о разныхъ безконечно-великихъ и безконечно-удаленныхъ мірахъ, ихъ движеніяхъ и происхожденіи ихъ, силахъ, отъ слѣпой вѣры въ несомнѣнность разныхъ научныхъ мнимыхъ законовъ, которымъ будто

бы подчинено человѣчество, — законовъ историческихъ, экономическихъ, законовъ борьбы и переживанія и т. п.; освободи себя только люди отъ этого страшнаго нагроможденія праздныхъ упражненій низшихъ способностей ума и памяти, называемыхъ науками, отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ отдѣловъ разныхъ исторій, антропологій, гомилетикъ, бактеріологій, юриспруденцій, космографій, стратегій, имъ же имя легіонъ, — только освободись люди отъ этого губителнььаго, одуряющаго ихъ балласта, и тотъ простой, ясный, доступный всѣмъ и разрѣшающій всѣ вопросы и недоумѣнія законъ любви, который такъ свойствененъ человѣчеству, станетъ самъ собой яснымъ и обязательнымъ.

VII.

Дѣти, смотрите на цвѣты подъ вашими ногами, не топчите ихъ. Смотрите на любовь между вами, не отвергайте ея.

Кришна.

Есть одинъ высшій разумъ, превосходящій всѣ человѣческіе умы. Онъ далекъ и близокъ. Онъ проникаетъ всѣ міры и вмѣстѣ съ тѣмъ до безконечности выше ихъ.

Человѣкъ, который видитъ, что всѣ вещи содержатся въ высшемъ духѣ и что высшій духъ проникаетъ всѣ существа, не можетъ относиться съ презрѣніемъ ни къ какому существу.

Для того, для кого всѣ духовныя существа одинаковы съ высшимъ, не можетъ быть мѣста для обмана или для печали.

Тѣ, кто невѣжественны, преданы однимъ обрядамъ религіи, находятся въ густомъ мракѣ, но тѣ, кто преданы только безплоднымъ размышленіямъ, находятся въ еще большей темнотѣ.

Уранишады изъ Ведъ.

Да, въ наше время людямъ для избавленія себя отъ наносимыхъ ими самимъ себѣ, дошедшихъ до высшей степени, бѣдствій: индусу ли, ищущему своего освобожденія отъ англійскаго порабощенія, или какому бы то ни было человѣку въ борьбѣ его съ насильниками, будутъ ли эти насильники люди своего или чужого народа, въ борьбѣ ли негра съ сѣверо-американцами, или персіянина, русскаго, турка со своимъ персидскимъ, русскимъ, турецкимъ правительствомъ, какъ и вообще для каждаго человѣка, ищущаго наибольшаго блага какъ для себя, такъ и для всѣхъ людей, нужны не новыя объясненія и оправданія старыхъ религіозныхъ суевѣрій, какъ это дѣлали у васъ Виве-

кананды, Баба-Барати и другіе и у насъ въ христіанствѣ безчисленное количество такихъ же новыхъ толкователей и разъяснителей того, что никому ни на что не нужно, и не безчисленныя науки о предметахъ не только никому не нужныхъ, но большей частью вредныхъ (въ духовной области не бываетъ безразличнаго, а то, что неполезно, всегда вредно). Нужны какъ индусу, такъ и англичанину, и французу, и нѣмцу, и русскому не конституціи, не революціи, не какія-либо конференціи, не конгрессы, не новыя хитрыя изобрѣтенія подводнаго плаванія, воздушнаго летанія, могущественныхъ взрывовъ или различнаго рода удобствъ для удовольствія богатыхъ, властвующихъ классовъ, но новыя училища, университеты съ преподаваніемъ безчисленныхъ наукъ, не увеличеніе газетъ и книгъ, и граммофоновъ, и кинематографовъ, не тѣ ребяческія, большею частью развратныя глупости, которыя называются искусствами, а нужно только одно: знаніе той простой, ясной, укладывающейся въ душѣ каждаго человѣка, не одуреннаго религіозными или научными суевѣріями, истины о томъ, что законъ жизни человѣческой есть законъ любви, дающій высшее благо какъ отдѣльному человѣку, такъ и всему человѣчеству. Только освободись люди въ сознаніи своемъ отъ тѣхъ горъ чепухи, которыя скрываютъ теперь отъ нихъ истину, и та, несомнѣнно, вѣчная, всегда свойственная всѣмъ людямъ истина, которая одна и та же во всѣхъ великихъ религіяхъ міра, сама собой выдѣлится изъ всей той лжерелигіозной чепухи, которая теперь скрываетъ ее. А выдѣлится эта истина такъ, что войдетъ въ сознаніе людей, и сама собой исчезнетъ вся та чепуха, которая скрываетъ ее, и вмѣстѣ съ ней и то зло, отъ котораго теперь страдаетъ человѣчество.

«Дѣти, взгляните вверхъ своими ослѣпленными глазами, и міръ, полный радости и любви, откроется вамъ, разумный міръ, сдѣланный моей мудростью, одинъ міръ дѣйствительный. Тогда вы узнаете, что любовь сдѣлала съ вами, чѣмъ наградила васъ любовь и чего она отъ васъ хочетъ» (Кришна).

Ясная Поляна.
14 декабря 1908 г.

Къ Л. Н. Андрееву.

Получилъ ваше хорошее письмо, любезный Леонидъ Николаевичъ. Никогда не зналъ, что значитъ посвященіе, хотя, кажется, и самъ кому-то посвящалъ. Одно знаю: что ваше посвященіе мнѣ означаетъ ваши ко мнѣ добрыя чувства, то же,

что я видѣлъ и въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, и это мнѣ очень пріятно. Вы въ вашемъ письмѣ такъ искренно, скромно судите о своихъ писаніяхъ, что я позволю себѣ сказать свое мнѣніе не о вашихъ собственно писаніяхъ, но вообще мои мысли о писательствѣ, которыя, можетъ быть, пригодятся и вамъ. Думаю, что писать надо, во-первыхъ, только тогда, когда мысль, которую хочешь выразить, такъ неотвязчива, что она до тѣхъ поръ, пока, какъ умѣешь, не выразишь ее, не отстанетъ отъ тебя. Всякія же другія побужденія для писательства, — тщеславныя и, главное, отвратительныя, денежныя, хотя и присоединяющіяся къ главному: потребности выраженія, — только могутъ мѣшать искренности и достоинству писанія. Этого надобно очень бояться. Второе, что часто встрѣчается и чѣмъ, мнѣ кажется, часто грѣшны особенно нынѣшніе современные писатели (все декадентство на этомъ стоитъ),—желаніе быть особеннымъ, оригинальнымъ, удивить, поразить читателя. Это еще вреднѣе тѣхъ побочныхъ соображеній, о которыхъ я говорилъ въ первомъ. Это исключаетъ простоту, а простота — необходимое условіе прекраснаго. Простое и безыскусственное можетъ быть нехорошо, но не простое и искусственное не можетъ быть хорошо. Третье — поспѣшность писанія. Она и вредна и, кромѣ того, есть признакъ отсутствія истинной потребности выразить свою мысль. Потому что, если есть такая истинная потребность, то пишущій не пожалѣетъ никакихъ трудовъ, ни времени, чтобы довести свою мысль до полной опредѣленности, ясности. Четвертое — желаніе отвѣчать вкусамъ и требованіямъ большинства читающей публики въ данное время. Это особенно вредно и разрушаетъ впередъ уже все значеніе того, что пишется. Значеніе вѣдь всякаго словеснаго произведенія только въ томъ, что оно не въ прямомъ смыслѣ поучительно какъ проповѣдь, но что оно открываетъ людямъ нѣчто новое, неизвѣстное имъ и большей частью противоположное тому, что считается несомнѣннымъ большой публикой. А тутъ какъ разъ ставится необходимымъ условіемъ то, чтобы этого не было.

Можетъ быть, что-нибудь изъ всего этого пригодится вамъ. Вы пишете, что достоинство вашихъ произведеній есть искренность. Я признаю не только это, но что и цѣль ихъ добрая: желаніе содѣйствовать благу людей. Думаю, что вы искренны и въ своемъ скромномъ сужденіи о своихъ произведеніяхъ. Это тѣмъ болѣе хорошо съ вашей стороны, что тотъ успѣхъ, которымъ они пользуются, могъ бы заставить васъ, напротивъ, преувеличить ихъ значеніе. Я слишкомъ мало и невнимательно читалъ васъ, какъ я мало, вообще, читаю художественныя про-

изведенія и интересуюсь ими; но по тому, что̀ я помню и знаю изъ вашихъ писаній, я бы посовѣтовалъ вамъ больше работать надъ ними, доводя въ нихъ свою мысль до послѣдней точности и ясности.

Повторяю то, что ваше письмо мнѣ было очень пріятно. Если будете въ нашихъ странахъ, радъ буду повидаться съ вами.

Ясная Поляна.
2 сентября 1908 г.

Въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей".

Когда я еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ услыхалъ о намѣреніяхъ моихъ друзей праздновать мое восьмидесятилѣтіе, я печатно заявилъ о томъ, что очень бы желалъ, чтобы ничего этого не дѣлали. Я надѣялся, что мое заявленіе будетъ принято во вниманіе и никакого празднованія не будетъ.

Но случилось то, чего я никакъ не ожидалъ, а именно: начиная съ послѣднихъ дней августа и до настоящаго дня я получилъ и продолжаю получать съ самыхъ разныхъ сторонъ такія лестныя для меня привѣтствія, что чувствую необходимость выразить мою искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя такъ доброжелательно и ласково отнеслись ко мнѣ.

Благодарю всѣ университеты, городскія думы, земскія управы, различныя учебныя заведенія, общества, союзы, группы лицъ, клубы, товарищества, редакціи газетъ и журналовъ, приславшіе мнѣ адресы и привѣтствія. Благодарю также всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, вспомнившихъ меня въ этотъ день. Благодарю всѣхъ незнакомыхъ мнѣ людей, самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, вплоть до заключенныхъ въ тюрьмахъ и каторгѣ, одинаково дружелюбно привѣтствовавшихъ меня. Благодарю юношей, дѣвушекъ и дѣтей, приславшихъ мнѣ свои поздравленія. Благодарю и лицъ духовнаго званія, — хотя и очень немногихъ, но привѣтствія которыхъ тѣмъ болѣе дороги для меня, — за ихъ добрыя пожеланія. Благодарю также тѣхъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ поздравленіями прислали мнѣ тронувшіе меня подарки.

Сердечно благодарю всѣхъ привѣтствовавшихъ меня, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые (большинство обращавшихся ко мнѣ) совершенно неожиданно для меня и къ великой моей радости выражали въ своихъ обращеніяхъ ко мнѣ свое

полное согласіе не со мною, а съ тѣми вѣчными истинами, которыя я старался, какъ умѣлъ, выражать въ моихъ писаніяхъ. Среди этихъ лицъ, что было мнѣ особенно пріятно, было больше всего крестьянъ и рабочихъ.

Извиняюсь въ томъ, что не имѣю возможности отвѣчать отдѣльно каждому учрежденію и лицу. Прошу принять это мое заявленіе, какъ выраженіе моей искренней благодарности всѣмъ лицамъ, выразившимъ мнѣ въ эти дни свои добрыя чувства за доставленную ими мнѣ радость.

5 октября 1908 г.

О ложной наукѣ.

(Отвѣтъ крестьянину.)

I.

То, о чемъ вы пишете въ вашемъ письмѣ, такъ важно, и я такъ давно и много думалъ и думаю объ этомъ самомъ, что мнѣ хочется напослѣдяхъ, зная, что мое время коротко, насколько сумѣю, ясно и правдиво высказать все, что я думаю объ этомъ самой первой важности предметѣ.

Вы спрашиваете, что надо разумѣть подъ наукой и образованіемъ; спрашиваете, не бываютъ ли наука и образованіе вредны, и, какъ образецъ того вреда, который бываетъ отъ того, что называете образованіемъ, приводите примѣръ того учителя, сына крестьянина, который стыдится выкормившаго его отца, и, когда отецъ этотъ привезъ ему свои деревенскіе гостинцы, сынъ предложилъ ему спрятаться на кухнѣ, чтобы не оконфузить своимъ мужичьимъ видомъ образованнаго сына передъ бывшими у него гостями.

Можетъ быть, примѣръ этотъ исключителенъ, но знаменателенъ, и стоитъ вдуматься въ него, чтобы то, что у насъ называется образованіемъ, представилось бы въ иномъ, чѣмъ оно представляется большинству, значеніи.

На другой день послѣ полученія вашего письма, я провелъ вечеръ съ дамой, директоршей гимназіи, съ довольно страннымъ для дамы именемъ и отчествомъ: Акулина Тарасовна. У дамы этой тонкія бѣлыя прекрасныя руки съ перстнями, умѣренно модная одежда и пріятный видъ усталой, ласковой, умной, «образованной» женщины съ либеральными идеями. Дама эта—

крестьянская, заброшенная сиротка. Помѣщица случайно разжалобилась именно надъ этой сироткой, взяла ее воспитывать и дала ей «образованіе». И вотъ, вмѣсто Акульки, которую трепала бы мать за косы за то, что она, чортова дѣвка, упустила телятъ въ овсы, а потомъ вмѣсто Акулины, которую сосваталъ бы Прохоръ Евстигнеевъ и билъ бы въ пьяномъ видѣ смертнымъ боемъ, а потомъ вмѣсто Акулины-вдовы, которая, оставшись, съ пятью дѣтьми, ходила бы съ сумой и всѣмъ, какъ горькая рѣдька, надоѣдала своими слезами и причитаніями, а потомъ вмѣсто ставшей изъ Акулины Тарасовны, которая хотя и вырастила сына и отдала его въ люди, все-таки живетъ впроголодь у зятя, терпя всякія обиды отъ брата невѣстки, вмѣсто этой зачахлой, грязной, оборванной, утромъ и вечеромъ умоляющей матушку казанскую царицу небесную, чтобы она прибрала ее, вмѣсто этой Тарасовны, которая не только себѣ, но и всѣмъ тѣмъ, кто ее кормитъ, въ тягость, вмѣсто этой Тарасовны теперь любезная, умная директорша, бѣлыми руками сдающая карты, остроумно шутящая о персидскихъ дѣлахъ со стариннымъ пріятелемъ и предпочитающая чай съ лимономъ, а не со сливками, на вопросъ: «угодно ли вамъ ягодъ?» отвѣчающая «пожалуй, только немного: мой милый докторъ не велитъ, да ужъ очень хороши ягоды. Немножко, пожалуйста».

Разстояніе между этой и другой Тарасовной—какъ отъ неба до земли. А отчего? Оттого, что Акулькѣ дано было «образованіе».

Ея благодѣтельница не ошиблась въ томъ, что нужно для того, чтобы доставить свой воспитанницѣ то, что считалось ею несомнѣннымъ счастьемъ: она дала Акулькѣ образованіе. И образованіе сдѣлало то, что Акулька стала дамой, то-есть изъ мужички, которой всѣ говорятъ «ты», стала госпожой, которой всѣ говорятъ «вы» и которая сама говоритъ «ты» всѣмъ тѣмъ людямъ, которые кормятъ ее вмѣстѣ со всѣми тѣми, съ кѣмъ она теперь стоитъ на равной ногѣ, т.-е. изъ сословія подвластныхъ и угнетенныхъ перешла въ сословіе властвующихъ и угнетающихъ. То же наполовину сдѣлалъ и вашъ учитель и желаетъ сдѣлать до конца. Но у него есть еще препятствіе родства, которыхъ не было у моей дамы.

II.

За нѣсколько уже лѣтъ не проходитъ дня, чтобы я не получалъ отъ 2—4 писемъ съ просьбами о томъ, чтобы я тѣмъ или инымъ способомъ помогъ ему или ей, если это пишутъ

самиц желающіе, или мать, просящая за дѣтей, чтобы я помогъ дѣтямъ или молодымъ людямъ учиться—кончить образованіе, удовлетворить, какъ они пишутъ, съѣдующую ихъ съ дѣтства страсть къ просвѣщенію, т.-е. помогъ бы имъ посредствомъ диплома выйти изъ положенія людей, обязательно тяжело трудящихся, въ положеніе вашего учителя или моей дамы. Самое же странное при этомъ—я сказалъ бы: смѣшное, если бы это не было такъ жалко и гадко,—это то, что эти люди, юноши, дѣвушки, матери, всегда всѣ объясняютъ свое желаніе получить образованіе тѣмъ, чтобы имѣть возможность «служить народу, посвятить свою жизнь служенію нашему несчастному народу».

Въ родѣ того, какъ если бы одинъ изъ многихъ людей, несущихъ общими силами тяжелое бревно, вышелъ бы изъ-подъ бревна и сѣлъ бы на него въ то время, какъ другіе несутъ его, объясняя свой поступокъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ это изъ желанія служить несущимъ.

Все дѣло вѣдь очень просто.

Мы говоримъ, что въ Индіи существуютъ касты, а что у насъ, въ христіанскомъ мірѣ, ихъ нѣтъ. Но это неправда. У насъ въ христіанскомъ мірѣ есть также немногія, но двѣ до такой степени рѣзко раздѣленныя между собою касты, что едва ли возможна гдѣ-нибудь какая-либо бо́льшая разница и отдаленность между двумя разрядами людей, чѣмъ та, которая существуетъ между людьми съ очищенными ногтями, вставными зубами, утонченными одеждами, кушаньями, убранствами жилищъ, дорогими портнихами,—людьми, расходующими, не говорю уже ежедневно, сотни рублей, по пять, три, два рубля въ день, и полуголыми полуголодными, грязными, не отдыхающими, безграмотными и въ вѣчной зависимости отъ нужды людьми, работающими по 16 часовъ въ сутки за два рубля въ недѣлю. Отношеній между этими двумя если не кастами то разрядами людей, какъ и не можетъ быть иначе, нѣтъ никакихъ, кромѣ повелѣній, наказаній и случайныхъ для препровожденія времени игрушечныхъ благотвореній со стороны людей съ вычищенными ногтями и покорнаго исполненія, выпрашиванія и затаенной зависти и ненависти со стороны людей съ мозолистыми, грязными руками. Разница между кастами въ Индіи и этими двумя разрядами людей въ христіанскомъ мірѣ только та, что въ Индіи и закономъ и обычаями запрещается переходъ изъ одной касты въ другую, у насъ же переходы эти изъ одного разряда въ другой возможны и совершаются всегда однимъ и тѣмъ же средствомъ.

Средство это есть только одно: «образованіе». Только «образованіе» даетъ людямъ изъ рабочаго народа возможность посредствомъ поступленія или въ чиновники къ правительству, или въ служащіе къ капиталистамъ и землевладѣльцамъ выйти изъ своего сословія и сѣсть на шею его. . . . .
. . . .

Если же люди изъ народа какими-либо (всегда недобрыми, путями и помимо образованія сумѣли обогатиться, то для полнаго ихъ перехода въ высшую касту нужно опять-таки «образованіе».

Такъ что стремленіе къ образованію людей рабочаго сословія, вызываемое если не исключительно, то преимущественно желаніемъ избавленія себя отъ труда рабочаго сословія, противно установившемуся мнѣнію, не заключаетъ въ себѣ не только ничего похвальнаго, но, напротивъ, есть въ большей части случаевъ стремленіе очень нехорошее.

III.

Но если и допустить, что цѣль большинства людей изъ народа, стремящихся къ образованію, не заключаетъ въ себѣ ничего похвальнаго,—скажутъ люди, твердо вѣрующіе въ благотворность науки,—образованіе само по себѣ все-таки есть дѣло полезное и желательное, чтобы какъ можно больше людей пользовались имъ.

Чтобы отвѣтить на это, надо отвѣтить на то самое, о чемъ вы спрашиваете: что такое то, что у насъ называется образованіемъ и наукой.

Такъ какъ образованіе есть только обладаніе тѣми знаніями, которыя признаются наукой, то буду говорить только о наукѣ.

Наука? Что такое наука? Наука, какъ это понималось всегда и понимается и теперь большинствомъ людей, есть знаніе необходимѣйшихъ и важнѣйшихъ для жизни человѣческой предметовъ знанія.

Такимъ знаніемъ, какъ это и не можетъ быть иначе, было всегда и есть теперь только одно: «знаніе того, что нужно дѣлать всякому человѣку для того, чтобы какъ можно лучше прожить въ этомъ мірѣ тотъ короткій срокъ жизни, который опредѣленъ ему Богомъ, судьбой, законами природы,—какъ хотите». Для того же, чтобы знать то, какъ наилучшимъ образомъ прожить свою жизнь въ этомъ мірѣ, надо прежде всего знать, что точно хорошо всегда и вездѣ, и всѣмъ людямъ, и что точно дурно всегда и вездѣ, и всѣмъ людямъ, т.-е. знать, что должно и чего не должно дѣлать.

Въ этомъ и только въ этомъ была и продолжаетъ быть истинная, настоящая наука.

Наука эта есть дѣйствительная наука, т.-е. собраніе знаній, которыя не могутъ сами собою открыться человѣку и которымъ надо учиться и которымъ учился и весь родъ человѣческій, Наука эта во всемъ ея объемѣ состоитъ въ томъ, чтобы знать все то, что за многія тысячи лѣтъ до насъ думали и высказывали самые хорошіе, мудрые люди изъ тѣхъ многихъ милліоновъ людей, жившихъ прежде насъ, о томъ, что надо и чего не надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы жизнь не для одного себя, но для всѣхъ людей была хорошая... И такъ какъ вопросъ этотъ такъ же, какъ онъ теперь стоитъ передъ нами, стоялъ всегда передъ всѣми людьми міра, то и во всѣхъ народахъ и съ самыхъ древнихъ временъ были люди, высказывавшіе свои мысли о томъ, въ чемъ должна состоять эта хорошая жизнь, т.-е. что должны и чего не должны дѣлать люди для своего блага. Такіе люди были вездѣ: въ Индіи были Кришна и Будда, въ Китаѣ — Конфуцій и Лаотсе, въ Греціи и Римѣ — Сократъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій, въ Палестинѣ—Христосъ, въ Аравіи — Магометъ. Такіе люди были и въ средніе вѣка, и въ новое время, какъ въ христіанскомъ, такъ и въ магометанскомъ, браминскомъ, буддійскомъ, конфуціанскомъ мірѣ.

Такъ что знать то, что говорили — въ сущности, почти всегда одно и то же — всѣ мудрые люди всѣхъ народовъ о томъ, какъ должны для ихъ истиннаго блага жить люди по отношенію ко всѣмъ главнымъ условіямъ жизни человѣческой, въ этомъ, и только въ этомъ, истинная, настоящая наука. И науку эту необходимо знать каждому человѣку для того, чтобы, пользуясь тѣмъ опытомъ, какой пріобрѣли прежде жившіе люди, не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя они дѣлали.

И вотъ знать все то, къ чему одному и тому же пришли всѣ эти мудрые люди,—въ этомъ, только въ этомъ одномъ, истинная, настоящая наука.

IV.

Наука о томъ, какъ надо жить людямъ для того, чтобы жизнь ихъ была хорошая, касается многихъ, разныхъ сторонъ жизни человѣческой: учитъ тому, какъ надо относиться къ обществу людей, среди которыхъ живешь, какъ надо кормиться, какъ жениться, какъ воспитывать дѣтей, какъ молиться, какъ учиться и многое другое. Такъ что наука эта въ ея отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни человѣческой можетъ казаться и длинной и

многосложной, но главная основа науки, та, изъ которой каждый человѣкъ можетъ вывести отвѣты на всѣ вопросы жизни, и коротка, и проста, и доступна всякому, какъ самому ученому, такъ и самому неученому человѣку.

Оно и не могло быть иначе. Все равно, есть ли Богъ или нѣтъ Его, не могло быть того, чтобы могъ узнать самую нужную для блага всякаго человѣка науку только тотъ, кому не нужно самому кормиться, а кто можетъ на чужіе труды 12 лѣтъ учиться въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не могло быть этого и нѣтъ этого. Настоящая наука, та, которую необходимо знать каждому, доступна и понятна каждому, потому что вся эта наука въ главной основѣ своей, изъ которой каждый можетъ вывести ея приложеніе къ частнымъ случаямъ, вся она сводится къ тому, чтобы любить Бога и ближняго, какъ говорилъ Христосъ, — любить Бога, т.-е. любить выше всего совершенство добра, и любить ближняго, т.-е. любить всякаго человѣка, какъ любишь себя. Такъ же высказывали истинную науку въ этомъ самомъ ея простомъ видѣ еще прежде Христа и браминскіе, и буддійскіе, и китайскіе мудрецы, полагая ее въ добротѣ, въ любви, въ томъ, чтобы, какъ сказалъ это китайскій мудрецъ, дѣлать другому то, чего себѣ хочешь.

Такъ что истинная, настоящая наука, нужная всѣмъ людямъ, и коротка, и проста, и понятна. И это не могло быть иначе, потому что, какъ прекрасно сказалъ это малороссійскій мудрецъ Сковорода, Богъ, желая блага людямъ, сдѣлалъ все ненужное людямъ труднымъ и легкимъ все нужное имъ.

Такова истинная наука, но не такова та наука, которая въ наше время въ христіанскомъ мірѣ считается и называется наукой. Наукой въ наше время считается и называется, какъ ни странно это сказать, знаніе всего, всего на свѣтѣ, кромѣ того одного, что нужно знать каждому человѣку для того, чтобы жить хорошей жизнью.

Люди занимающіеся теперь наукой и считающіеся учеными, изучаютъ все на свѣтѣ. И такихъ изученій, называемыхъ наукой, такое огромное количество, что едва ли есть на свѣтѣ такой человѣкъ, который не то чтобы зналъ всѣ эти такъ называемыя науки, но могъ бы хотя перечислить ихъ. Наукъ этихъ пропасть, съ каждымъ днемъ появляются новыя. И всѣ эти науки, называемыя самыми странными, выдуманными греческими и латинскими словами, считаются одинаково важными и нужными, такъ что нѣтъ никакого указанія на то, какія изъ этихъ наукъ должны считаться болѣе, какія менѣе важными

и какія поэтому должны изучаться прежде и какія послѣ, какія болѣе и какія менѣе нужны.

Не только нѣтъ такого указанія, но люди, вѣрующіе въ науку, до такой степени вѣрятъ въ нее, что не только не смущаются тѣмъ, что наука ихъ не нужна, но, напротивъ, говорятъ, что самыя важныя и полезныя науки, — это тѣ, которыя не имѣютъ никакого приложенія къ жизни, т.-е. совершенно безполезны. Въ этомъ, по ихъ понятіямъ, вѣрнѣйшій признакъ значительности науки.

Понятно, что людямъ, такъ понимающимъ науку, все одинаково нужно. Они съ одинаковымъ стараніемъ и важностью изслѣдуютъ вопросъ о томъ, сколько вѣситъ солнце и не сойдется ли оно съ такой или такой звѣздой, и какія козявки гдѣ живутъ и какъ разводятся, и что отъ нихъ можетъ сдѣлаться, и какъ земля сдѣлалась землею, и какъ стали расти на ней травы, и какіе на землѣ есть звѣри и птицы, и рыбы, и какіе были прежде, и какой царь съ какимъ воевалъ и на комъ былъ женатъ, и кто когда складывалъ стихи и пѣсни, и сказки, и какіе законы нужны, и почему нужны тюрьмы и висѣлицы, и какъ и чѣмъ замѣнить ихъ, и изъ какого состава какіе камни и какіе металлы, и какъ и какіе пары бываютъ и какъ остываютъ, и почему одна христіанская церковная религія — истинная, и какъ дѣлать электрическіе двигатели и аэропланы, и подводныя лодки, и пр., и пр., и пр. И все это науки съ самыми странными, вычурными названіями, и всѣмъ этимъ съ величайшей важностью передаваемымъ другъ другу изслѣдованіямъ конца нѣтъ и не можетъ быть, потому что дѣлу бываетъ начало и конецъ, а пустякамъ не можетъ быть и нѣтъ конца. Не можетъ быть конца особенно тогда, когда занимаются этими такъ называемыми науками люди, которые не сами кормятся, а которыхъ кормятъ другіе и которымъ поэтому отъ скуки и больше дѣлать нечего, какъ заниматься какими бы то ни было забавами. Выдумываютъ эти люди всякія игры, гулянья, зрѣлища, театры, борьбы, ристалища, въ томъ числѣ и то, что они называютъ наукой.

V.

Знаю, что эти мои слова покажутся вѣрующимъ въ науку, — а въ науку теперь больше вѣрующихъ, чѣмъ въ церковь, и вѣру эту еще никто не рѣшается назвать тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности: простымъ и очень грубымъ суевѣріемъ, — покажутся мои слова такимъ страшнымъ кощунствомъ, что эти вѣрующіе не удостоятъ мои слова вниманія и даже не разсер-

дятся, а только пожалѣютъ о томъ старческомъ оглупѣніи, которое явствуетъ изъ такихъ сужденій. Знаю, что такъ будутъ приняты эти мои сужденія, но все-таки скажу все то, что думаю о томъ, что называется наукой, и постараюсь объяснить, почему думаю то, что думаю.

Какъ я уже сказалъ, перечислить всѣ тѣ предметы, изученіе которыхъ называется наукой, нѣтъ никакой возможности. И потому для того, чтобы можно было судить о томъ, что называется наукой, я постараюсь, распредѣливъ всѣ знанія, называемыя науками, по тѣмъ цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ обсудить, насколько всѣ знанія эти соотвѣтствуютъ требованіямъ настоящей науки, а если не соотвѣтствуютъ, то достигаютъ ли хоть тѣхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ люди, занимающіеся ими.

Знанія, называемыя науками, сами собой распредѣляются по преслѣдуемымъ ими цѣлямъ на три главные отдѣла.

Первый отдѣлъ — это науки естественныя: біологія во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ, потомъ астрономія, математика, и теоретическія, т.-е. не прикладныя: физика, химія и другія со всѣми своими подраздѣленіями. Второй отдѣлъ будетъ составлять науки прикладныя: прикладныя физика, химія, механика, технологія, агрономія, медицина и другія, имѣющія цѣлью овладѣваніе силами природы для облегченія труда людского. Третій отдѣлъ будутъ составлять всѣ тѣ многочисленныя науки, цѣль которыхъ — оправданіе и утвержденіе существующаго общественнаго устройства. Таковы всѣ такъ называемыя науки богословскія, философскія, историческія, юридическія, политическія.

«Науки» перваго отдѣла: астрономія, математика, въ особенности столь любимая и восхваляемая такъ называемыми образованными людьми, біологія и теорія происхожденія организмовъ и многія другія «науки», ставящія цѣлью своей одну любознательность, не могутъ быть признаны науками въ точномъ смыслѣ этого слова по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что всѣ эти знанія не отвѣчаютъ основному требованію истинной науки: указанія людямъ того, что̀ они должны и чего не должны дѣлать для того, чтобы жизнь ихъ была хорошая. Во-вторыхъ, не могутъ быть признаны науками еще и потому, что не удовлетворяютъ тѣмъ самымъ требованіямъ любознательности, которыя ставятъ себѣ занимающіеся ими люди. Не удовлетворяютъ же всѣ эти «науки», за исключеніемъ математики, требованіямъ любознательности потому, что, изслѣдуя явленія, происходящія въ мірѣ неодушевленномъ и въ мірѣ растительномъ и животномъ, «науки» эти строятъ всѣ свои изслѣдова-

нія на невѣрномъ положеніи о томъ, что все то, что представляется человѣку извѣстнымъ образомъ, дѣйствительно существуетъ такъ, какъ оно ему представляется. Положеніе же это о томъ, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ познается однимъ изъ безчисленныхъ существъ міра — человѣкомъ, тѣми внѣшними чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, обоняніемъ, вкусомъ, которыми одарено это существо (человѣкъ), совершенно произвольно и невѣрно. Совершенно произвольно и невѣрно это положеніе потому, что для всякаго существа, одареннаго другими чувствами, какъ, напримѣръ, для рака или для микроскопическаго насѣкомаго и для многихъ и многихъ какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ намъ существъ, міръ будетъ совершенно иной.

Такъ что первое положеніе, на которомъ основываются всѣ выводы этой «науки», положеніе о томъ, что міръ въ дѣйствительности таковъ, какимъ онъ представляется человѣку, произвольно и невѣрно. А потому и всѣ выводы изъ этого положенія, основаннаго на данныхъ внѣшнихъ чувствъ одного изъ существъ міра — человѣка, не содержатъ въ себѣ ничего реальнаго и не могутъ удовлетворить серьезной любознательности.

Но если и допустить, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ представляется одному изъ безчисленныхъ существъ, живущихъ въ мірѣ — человѣку, или то, что, не имѣя возможности познать міръ, каковъ онъ въ дѣйствительности, мы довольствуемся изученіемъ того міра, который представляется человѣку, то и тогда познаніе этого міра не можетъ точно такъ же удовлетворить требованіямъ разумной любознательности. Не можетъ удовлетворить потому, что всѣ явленія этого міра представляются человѣку не иначе, какъ въ безконечномъ времени и безконечномъ пространствѣ. И потому какъ причины, такъ и слѣдствія каждаго явленія, также и отношенія каждаго предмета къ окружающимъ его предметамъ, никогда не могутъ быть дѣйствительно постигнуты. Причины происхожденія каждаго явленія, а также и послѣдствія его теряются въ безконечномъ прошедшемъ и будущемъ времени. Точно такъ же отношеніе какихъ бы то ни было предметовъ къ окружающимъ ихъ предметамъ не можетъ быть точно опредѣлено, такъ какъ всякій предметъ не можетъ быть представляемъ иначе, какъ веществомъ въ пространствѣ, а вещественные предметы не могутъ быть мыслимы иначе, какъ по отношенію къ безконечно великимъ и безконечно малымъ предметамъ.

Человѣкъ произошелъ отъ низшихъ животныхъ, а низшія животныя отъ кого? А сама земля какъ произошла? А какъ

произошло то, отъ чего произошла земля? Гдѣ мнѣ остановиться, когда я знаю, что во времени конца нѣтъ и не можетъ быть ни впередъ, ни назадъ? Или мнѣ говорятъ, что солнце во столько-то тысячъ разъ больше земли, Но солнце—ничто въ сравненіи со звѣздами въ млечномъ пути. А въ человѣческой крови шарики, а въ шарикахъ молекулы, а въ молекулахъ что?

Такъ что хотя могутъ быть и забавны, и интересны для людей, свободныхъ отъ необходимаго для жизни труда, изслѣдованія такъ называемыхъ естественныхъ наукъ о происхожденіи міровъ или ограниченной жизни, или о разстояніяхъ и величинѣ міровъ, или о жизни микроскопическихъ организмовъ и т. п., изслѣдованія эти не могутъ имѣть никакого значенія для серьезнаго, мыслящаго человѣка, такъ какъ составляютъ только праздную игру ума и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаваемы науками.

Такъ это по отношенію перваго отдѣла такъ называемыхъ наукъ.

Второй отдѣлъ «наукъ» — прикладныя, т.-е. различныя знанія о томъ, какъ наилучшимъ способомъ бороться съ силами природы и какъ пользоваться ими для облегченія труда людского, еще менѣе, чѣмъ знанія перваго отдѣла, могутъ быть признаны наукой. Не могутъ такого рода знанія быть признаны наукой потому, что свойство истинной науки, такъ же какъ и цѣль ея, есть всегда благо для людей, всѣ же прикладныя «науки», какъ физика, химія, механика, даже медицина и другія, могутъ такъ же часто служить вреду, какъ и пользѣ людей, какъ это и происходитъ теперь. Теперь, при капиталистическомъ устройствѣ жизни, успѣхи всѣхъ прикладныхъ наукъ: физики, химіи, механики и другихъ, неизбѣжно только увеличиваютъ власть богатыхъ надъ порабощенными рабочими и усиливаютъ ужасы и злодѣйства войнъ. И потому всѣ прикладныя знанія могутъ быть признаны мастерствами или теоріями различныхъ мастерствъ, но никакъ не науками.

Остается третій разрядъ знаній, называемыхъ наукою,—знаній, имѣющихъ цѣлью оправданіе существующаго устройства жизни. Знанія эти не только не отвѣчаютъ главному условію того, что составляетъ сущность науки: служенію благу людей, но преслѣдуютъ прямо обратную, вполнѣ опредѣленную цѣль: удержать большинство людей въ рабствѣ меньшинства, употребляя для этого всякаго рода софизмы, лжетолкованія, обманы, мошенничества. «Науки эти прежде всего . . . .
. . . . разныя гомиле-

тики, патристики и пр., и пр.; потомъ лжефилософскія, какъ Гегель, Марксъ, Геккель, Нишце и т. п.; потомъ юриспруденція со всѣми своими пропедевтиками, криминалистиками, международными, финансовыми и т. п. правами; потомъ историческія науки . . . . съ описаніемъ всякаго рода преступленій въ видѣ великихъ подвиговъ. Думаю, что излишне говорить о томъ, что всѣ эти знанія, имѣющія цѣлью зло, а не благо человѣчества, не могутъ быть названы наукой.

VI.

Такъ что въ наше время называется наукой не то, что всѣми людьми признается истиннымъ, разумнымъ и нужнымъ, а, наоборотъ, признается истиннымъ, разумнымъ и нужнымъ все то, что нѣкоторыми людьми называется наукой.

И потому на вашъ вопросъ, вредна ли наука и въ чемъ ея вредъ, отвѣтъ мой тотъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего нужнѣе, благотворнѣе настоящей науки и, напротивъ, нѣтъ ничего вреднѣе пустяковъ, которые называются праздными людьми нашего міра науками.

Одна изъ главныхъ причинъ того зла, отъ котораго теперь страдаютъ люди, того дѣленія людей на властвующихъ и подвластныхъ, на рабовъ и господъ, и той ненависти и злодѣяній, которыя производитъ это дѣленіе, одна изъ главныхъ причинъ этого зла — лже-наука. Эта лже-наука даетъ властвующимъ возможность властвовать и лишаетъ подвластныхъ возможности освободиться отъ своего порабощенія. И тѣ, которые властвуютъ (я разумѣю не одни правительства, а всю властвующую касту), знаютъ это, и хотя часто и безсознательно, но чутко, чтобы не выпустить власть изъ рукъ, слѣдятъ за наукой и всѣми силами поддерживаютъ ту, такъ называемую, науку, которая имъ на руку, и всячески заглушаютъ, извращаютъ ту истинную науку, которая можетъ обличить ихъ. . . . .

Люди эти, составляющіе правительство и властвующіе классы, хорошо знаютъ, что все дѣло въ томъ, усвоится народомъ ложная или истинная наука, и потому учреждаютъ и поддерживаютъ, одобряютъ и поощряютъ всѣ тѣ пустыя, ненужныя разсужденія и изслѣдованія, праздныя умствованія, всякія теоріи разныхъ мастерствъ, приспособленія къ жизни и всякаго рода юридическіе, богословскіе и философскіе софизмы, которые называются науками, настоящую же науку, науку о томъ, какъ жить доброю жизнью, признаютъ «ненаучной», принадлежащей

къ чуждой наукѣ области религіи. Область же религіи признается ими — у насъ преимущественно правительствомъ, въ другихъ христіанскихъ странахъ: Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, высшими сословіями — неподлежащей обсужденію, и всѣ данныя религіи, несмотря на явныя въ нихъ нелѣпости, выдаваемыя за священныя истины, признаются неизмѣнно такими, какими они дошли до насъ. Въ области наукъ считается необходимымъ изслѣдованіе, провѣрка изучаемаго, и хотя сами по себѣ предметы лже-науки ничтожны, т.-е. исключено изъ нея все то, что касается серьезныхъ, нравственныхъ вопросовъ жизни, въ ней не допускается ничего нелѣпаго, прямо противнаго здравому смыслу. Область же религіи, къ которой отнесены всѣ серьезные, жизненные, нравственные вопросы, вся переполнена безсмысленными чудесами, догматами, прямо противными здравому смыслу, часто даже и нравственному чувству, къ устраненію которыхъ никто не смѣетъ прикоснуться. И потому естественно, что люди «науки», съ особеннымъ уваженіемъ, подобострастіемъ относясь къ своимъ пустячнымъ знаніямъ и съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ тому соединенію глубокихъ и нужнѣйшихъ истинъ о смыслѣ и поведеніи въ жизни съ нелѣпыми и чудесами, и догматами, называемому религіей, внушаютъ такія же чувства и своимъ ученикамъ.

И выходитъ то, что люди изъ народа, ищущіе просвѣщенія— а ихъ теперь милліоны,—съ первыхъ шаговъ на пути своего просвѣщенія находятъ передъ собой только двѣ дороги: религіозное, отсталое, закостенѣлое ученіе, признаваемое священной, непогрѣшимой истиной, не могущее уже удовлетворить ихъ разумнымъ требованіямъ, или тѣ пустяки, называемые наукой, которые, какъ нѣчто почти священное, восхваляются людьми властвующаго сословія. И люди изъ народа всегда почти подпадаютъ обману и, избирая то, что называется наукой, забиваютъ себѣ голову ненужными знаніями и теряютъ то свойственное уваженіе къ важнѣйшему нравственному ученію о жизни, которое, хотя въ извращенномъ видѣ, они признавали въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. А какъ только люди изъ народа вступаютъ на этотъ путь, съ ними дѣлается то самое, чего и хотятъ властвующіе классы: они, теряя понятіе объ истинной, настоящей наукѣ, становятся покорными орудіями въ рукахъ властвующихъ классовъ для поддержанія въ рабствѣ своихъ собратьевъ.

Такъ что, какъ ни великъ вредъ ложной науки и въ томъ, что она забиваетъ головы людей самыми ненужными пустяками, и въ томъ, что посредствомъ прикладныхъ знаній даетъ воз-

можность властвующему классу усиливать свою власть надъ рабочимъ народомъ, и въ томъ, что прямо обманываетъ людей изъ народа своими богословскими, квази-философскими, юридическими, историческими и военно-патріотическими лжами, главное...

Величайшій вредъ того, что называется наукой, въ той полной замѣнѣ истинной науки о томъ, что долженъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы прожить свою жизнь наилучшимъ образомъ, заключавшейся, хотя и въ извращенномъ видѣ, въ религіозномъ ученіи, совершенно пустыми, ни на что ненужными или вредными знаніями.

Сначала кажется страннымъ, какъ могло это случиться, какъ могло сдѣлаться то, что то, что должно служить благу людей, стало одной изъ главныхъ причинъ зла среди людей. Но стоитъ только вдуматься въ тѣ условія, при которыхъ возникали и развивались тѣ знанія, которыя называются наукой, чтобы вредоносность этой «науки» не только не представлялась бы странной, но чтобы ясно было, что это и не могло быть иначе.

Вѣдь если бы то, что признается наукой, было произведеніемъ труда мысли всего человѣчества, то такая наука не могла бы быть вредной. Когда же то, что называется наукой, есть произведеніе людей, преступно, незаконно живущихъ праздной, развратной жизнью на шеѣ порабощеннаго народа, то не можетъ такая наука не быть и ложной и вредной.

Если бы живущіе грабежомъ разбойники или воровствомъ воры составили свою науку, то наука ихъ не могла бы быть не чѣмъ инымъ, какъ только знаніями о томъ, какъ наиудобнѣйшимъ способомъ грабить, обворовывать людей, какія нужно имѣть для этого орудія и какъ наипріятнѣйшимъ образомъ пользоваться награбленнымъ. То же и съ наукой людей нашего властвующаго сословія.

VII.

«Но если и согласиться, что наука одного класса людей не можетъ быть вся полезна для всѣхъ, все-таки такія знанія, какъ физика, химія, астрономія, исторія, въ особенности математика (кромѣ того, и искусство), сами по себѣ не могутъ не быть полезны людямъ и расширеніемъ ихъ міросозерцанія и своими практическими приложеніями», скажутъ люди науки. Если само по себѣ и нехорошо то, что были и есть люди, которымъ не надо самимъ кормиться, то все-таки все то, что сдѣлали эти

люди, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ они находились, не теряетъ отъ этого своей цѣнности.

Нѣтъ, не годится и эта отговорка для оправданія того, что у насъ называется наукой.

Представимъ себѣ, что на островѣ живутъ тысячи семей, съ трудомъ прокармливаясь земледѣльческимъ трудомъ, одна же семья владѣетъ большей половиной острова и, пользуясь нуждой въ землѣ остальныхъ жителей, выстроила себѣ роскошный домъ со всякими усовершенствованными приспособленіями: террасами, картинами, статуями, зеркалами, завела конюшни съ дорогими лошадьми и всякаго рода экипажами и автомобилями, вывела лучшей породы скотъ, развела фруктовые сады съ теплицами, оранжереями, паркъ съ бесѣдками, прудами, фонтанами, теннисомъ и всякими играми. Что будетъ со всѣми этими прекрасными самими по себѣ предметами послѣ того, какъ власть этой одной семьи надъ ея владѣніями уничтожится и тысячи семей, которыя до этого кормились впроголодь на своей землѣ и работали на владѣльцевъ половины острова, получатъ въ свое распоряженіе дома, конюшни, лошадей, экипажи, скотъ, паркъ со всѣми его оранжереями, теплицами, фонтанами, теннисомъ?

Какъ ни хороши и домъ, и паркъ, и скотъ, и оранжереи, не могутъ всѣ обитатели острова воспользоваться всѣмъ этимъ. Домъ слишкомъ великъ даже для школы и будетъ слишкомъ дорогъ своей поддержкой и отопленіемъ, скотъ даже для породы слишкомъ тяжелъ для плохихъ кормовъ жителей, оранжереи, теплицы, бесѣдки не нужны, такъ же какъ не нужны другія сосредоточенныя въ одномъ мѣстѣ приспособленія богатыхъ владѣльцевъ. Всѣмъ жителямъ острова нужно совсѣмъ другое: нужны хорошія дороги, проведенная вода, отдѣльные сады, огороды, нужна только слѣдующая ступень благосостоянія для всѣхъ, не имѣющая ничего общаго съ террасами, статуями, автомобилями, рысаками, оранжереями, цвѣтниками, теннисами и фонтанами. Всѣ эти сами по себѣ хорошіе предметы: статуи, трюмо, оранжереи, рысаки, автомобили, какъ бы ни увеличивалось благосостояніе людей острова, ни для нихъ, ни для будущихъ поколѣній никогда не понадобятся. Увеличивающееся благосостояніе всѣхъ людей, живущихъ общею жизнью, потребуетъ совершенно другихъ предметовъ.

То же и съ знаніями, какъ теоретическими, такъ и прикладными, которыя доведены въ своемъ родѣ до большого совершенства людьми богатыхъ сословій.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что тѣ знанія и тѣ различныя степени ихъ развитія среди людей, живущихъ внѣ

кастъ одной, общей для всѣхъ жизнью, будутъ тѣ же самыя, какъ и тѣ, которыя развились теперь среди людей, живущихъ исключительной жизнью—не своими, а трудами другихъ людей. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы люди, живущіе всѣ одинаковой внѣ-кастовой жизнью, занялись когда-нибудь вопросами о происхожденіи организмовъ, о величинѣ и составѣ звѣздъ, о радіи, о дѣятельности Александра Македонскаго, объ основахъ церковнаго, уголовнаго и другихъ подобныхъ правъ, объ излѣченіи болѣзней, происходящихъ отъ излишествъ, и многими другими знаніями, которыя теперь считаются науками.

Трудно предположить даже и то, чтобы люди, живущіе общей жизнью, занятые вопросами истинной науки о томъ, что надо дѣлать каждому человѣку, чтобы жить хорошо, передѣлали бы всѣ дѣла этой науки такъ, чтобы могли когда-нибудь на досугѣ заняться и аэропланами, и 30-этажными домами, и граммофонами, и подводными лодками, и всѣми тѣми чудесами, которыя даютъ теперь прикладныя науки. Людямъ, занятымъ вопросами истинной науки, всегда будетъ слишкомъ много своего, нужнаго дѣла. Дѣло это будетъ въ томъ, чтобы уяснить каждому человѣку, что ему надо дѣлать для того, чтобы не могло быть людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщинъ, отдающихъ на поруганіе свое тѣло, чтобы не было соблазновъ пьянства, алкоголя, опіума, табаку, чтобы не было дѣленія на враждебные народы, не было бы убійствъ на войнахъ людей чужихъ народовъ и своего народа на гильотинахъ и висѣлицахъ, не было религіозныхъ обмановъ и многаго другого. Мало того: людямъ, занятымъ истинной наукой, надо будетъ уяснить, что надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы хорошо воспитывать дѣтей, чтобы хорошо жить вмѣстѣ, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо воздѣлывать землю. Такъ много такихъ и много другихъ важныхъ вопросовъ будетъ стоять передъ людьми, занятыми истинною наукой, что едва ли когда-нибудь будутъ они въ состояніи и захотятъ заняться граммофонами, аэропланами, взрывчатыми веществами и подводными лодками.

Нѣтъ, не можетъ быть въ той наукѣ, которая выросла на преступленіи, на нарушеніи основного положенія настоящей науки—хоть не любви, а уваженія людей другъ къ другу, и потому равенства ихъ между собою, не могло въ такой наукѣ выработаться что-нибудь не то что полезное, но не вредное тому народу, на нарушеніи правъ котораго основывалась вся эта наука.

VIII.

Вѣдь только забыть хоть на время то, къ чему мы такъ привыкли, что мы уже не спрашиваемъ, хорошо ли это или дурно, и взглянуть на то, что дѣлается съ людьми подъ предлогомъ обученія ихъ наукѣ, т.-е. самой нужной истинѣ, чтобы ужаснуться на тѣ преступленія и противъ нравственности, противъ здраваго смысла, которыя совершаются въ этой области.

Устраиваютъ за большія деньги, собранныя съ народа, заведенія, въ которыхъ однимъ людямъ разрѣшается, другимъ не разрѣшается учить и учиться. Опредѣляется, чему и чему должны учиться люди и сколько времени и, главное, какое они за какое ученіе получатъ въ видѣ диплома, дающаго возможность жить трудами другихъ людей, вознагражденіе.

Награжденіе и выгода за пріобрѣтеніе знаній!

Вѣдь это все равно, какъ если бы давали людямъ награжденіе за то, чтобы они ѣли приготовляемую для нихъ пищу, и запрещали бы людямъ всякую другую, кромѣ этой, пищу.

Уже одно это обѣщаніе вознагражденія и запрещенія ѣсть свою несомнѣнно доказываетъ, что пища дурная и что тѣ, кто готовитъ ее, желаетъ не накормить, а отравить потребителей.

Развѣ не то же самое съ тѣмъ, что у насъ называется наукой? Люди властвующаго класса хорошо знаютъ, что живы они только до тѣхъ поръ, пока царствуетъ ихъ ложная наука и скрыта настоящая, знаютъ, что только стань на то мѣсто, на которомъ стоитъ теперь ложная наука, истинная,—и конецъ ихъ царству. А конецъ ихъ царству потому, что при истинной наукѣ не найдутъ они уже себѣ помощниковъ изъ народа для того, чтобы, какъ теперь, посредствомъ этихъ помощниковъ: всякихъ полицейскихъ, чиновниковъ, учителей, тюремщиковъ, а главное—солдатъ, держать народъ въ своей власти, держать въ своей власти самымъ простымъ, стариннымъ способомъ: на . . . . съ народа деньги набирать помощниковъ изъ народа же. . . . .
. . . .

Узнай люди народа истинную науку, и не будетъ у властвующихъ помощниковъ.

И властвующіе знаютъ это и потому, не переставая, всѣми возможными средствами — приманками, подкупами—заманиваютъ людей изъ народа къ изученію ложной науки, и всякаго рода запрещеніями и насиліями отпугиваютъ отъ настоящей, истинной.

Обманъ явный. Что же нужно дѣлать людямъ, чтобы избавиться отъ него?

А только то, чтобы не поддаваться обману.

А не поддаваться обману—значитъ родителямъ не посылать, какъ теперь, своихъ дѣтей въ устроенныя высшими классами для ихъ развращенія школы и взрослымъ юношамъ и дѣвушкамъ, отрываясь отъ честнаго, нужнаго для жизни труда, не стремиться и не поступать въ устроенныя для ихъ развращенія учебныя заведенія.

Только перестань люди изъ народа поступать въ правительственныя школы, и сама собой не только уничтожится ложная, никому, кромѣ одного класса людей, ненужная лже-наука, и сама собой же установится всѣмъ и всегда нужная и свойственная природѣ человѣка наука о томъ, какъ ему наилучшимъ образомъ передъ своей совѣстью, передъ Богомъ прожить опредѣленный каждому срокъ жизни. И такая истинная наука, какъ ни стараются тѣ, кому она невыгодна, заглушать ее, не переставая существуетъ, какъ и не можетъ не существовать между людьми.

Такая истинная наука, какъ она ни забита усиліями людей властвующихъ классовъ, проявляется въ нашемъ мірѣ и разныхъ религіозно-нравственныхъ ученіяхъ, не признаваемыхъ ложной наукой и называемыхъ сектами, проявляется, хотя и въ неполномъ и извращенномъ видѣ, въ ученіяхъ коммунизма, соціализма, анархизма и главное—въ личныхъ словесныхъ поученіяхъ людей людямъ.

Только не вѣрь люди въ науку, вводимую насиліемъ и наградами, и не обучайся ей, а держись только той одной свободной науки, которая учитъ только тому, что дѣлать каждому человѣку для того, чтобы прожить свой срокъ жизни, какъ этого хочетъ отъ него Богъ, живущій въ его сердцѣ, и само собою уничтожится то дѣленіе людей на высшихъ, властвующихъ, и низшихъ, подвластныхъ, и большая доля тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ теперь страдаютъ люди.

А такая истинная и свободная, не покупаемая и не продаваемая наука, которой учатся люди не для дипломовъ, а только для того, чтобы познать истину, и которой обучаютъ люди не за деньги, а только для того, чтобы людямъ-братьямъ передать то, что знаютъ,—такая наука всегда была и есть, и научиться этой наукѣ можно всегда, не поступая за деньги въ школы, гимназіи, университеты и всякіе курсы, и изъ устныхъ поученій добрыхъ и мудрыхъ людей живущихъ и изъ такихъ

же книжныхъ поученій умершихъ великихъ мудрецовъ и святыхъ людей древности.

Такъ вотъ мое мнѣніе о томъ, что такое истинная наука и что такое ложная наука, въ чемъ вредъ отъ нея и какъ отъ него избавиться.

1 августа 1909 г.

Еще о наукѣ.

Мысль моя о недостаткахъ того свода знаній, который принято въ нашемъ мірѣ признавать и называть наукой, состоитъ въ томъ, что истинной наукой можно признавать только такое собраніе знаній, въ которомъ всѣ знанія равномѣрно распредѣлены и равномѣрно обработаны. Въ противоположномъ же случаѣ, какъ это происходитъ теперь среди нашего христіанскаго міра, когда считается наукой, истинной, непогрѣшимой наукой, собраніе, съ одной стороны, знаній, отчасти нужныхъ для практическихъ цѣлей, отчасти совсѣмъ никому ни на что ненужныхъ, какъ естественныя, біологическія, астрономическія и т. п. науки, доведенныя до высшей степени обработки, и, съ другой стороны, различныя измышленія, оправдывающія существующій порядокъ или скорѣе безпорядокъ жизни, какъ всѣ историческія, экономическія науки и такъ называемыя науки права, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не признаются и не изучаются третьи—самыя важныя и нужныя знанія: религіозныя и нравственныя,— то такое собраніе знаній никакъ не можетъ быть названо «наукой», т.-е. предметомъ важнымъ и заслуживающимъ довѣрія и изученія.

Я нѣсколько разъ высказывалъ эту мысль, сравнивая то, что, по моему мнѣнію, и можно и должно считать истинной наукой, со сферой, въ которой всѣ радіусы равной длины и равномѣрно распредѣлены по своему разстоянію одинъ отъ другого. Сравненіемъ этимъ я выражалъ то, что какъ при такомъ только равномѣрномъ расположеніи радіусовъ и равной длинѣ ихъ можетъ быть опредѣлена сфера, такъ точно только при равномѣрномъ распредѣленіи одинаковой степени обработки знаній можетъ быть опредѣлено и то, что можно считать истинной наукой; и что какъ при большей длинѣ радіусовъ одной стороны и при краткости и отсутствіи радіусовъ другихъ сторонъ не только не можетъ быть опредѣлена сфера, но теряется даже понятіе сферы, точно такъ же и въ дѣлѣ науки доведе-

ніе до большей степени обработки одной, малой части знаній и пренебреженіе, игнорированіе всѣхъ другихъ не только не можетъ составить того, что можетъ быть признано наукой, но есть такое ложное соединеніе случайныхъ произведеній ума, которое лишаетъ людей даже самаго понятія о томъ, чѣмъ можетъ и должна быть истинная наука.

А это-то самое и случилось съ тѣмъ, что въ нашемъ европейскомъ, квази-христіанскомъ мірѣ называется наукой. И случилось оттого, что (продолжая сравненіе знаній съ радіусами сферы), какъ для того, чтобы опредѣлить сферу, нужно прежде всего составить три взаимно перпендикулярные, равной длины діаметра и потомъ уже изъ образовавшихся изъ перекрещенія этихъ діаметровъ прямыхъ угловъ проводить равномѣрно отдаленные другъ отъ друга одинаковой длины діаметры, точно такъ же и въ дѣлѣ науки, вообще для опредѣленія ея, необходимо прежде всего положить главныя основы всѣхъ знаній, составляющихъ науку. А такихъ основъ, по мнѣнію не моему, а всѣхъ величайшихъ мудрецовъ и учителей жизни всего міра, такъ же, какъ и діаметровъ, опредѣляющихъ сферу, тоже три: первая—ученіе о своемъ «я», отдѣленномъ отъ Всего, т.-е. ученіе о душѣ; вторая—ученіе о томъ, что такое то Все, отъ чего человѣческое «я» сознаетъ себя отдѣленнымъ, т.-е. ученіе о Богѣ, и третья—ученіе о томъ, каково должно быть отношеніе «я» къ тому Всему, отъ чего оно отдѣлено, т.-е. ученіе о нравственности.

И точно такъ же, какъ только при составленіи трехъ взаимно перпендикулярныхъ діаметровъ возможно проведеніе дальнѣйшихъ діаметровъ и опредѣленіе дугъ, точно такъ же и въ дѣлѣ науки, въ ея истинномъ смыслѣ только при постановкѣ въ основу всѣхъ знаній этихъ трехъ основныхъ ученій возможно дальнѣйшее развитіе знаній и рѣшеніе вопроса о томъ, какое изъ всѣхъ знаній должно быть выбрано прежде и какое послѣ, а также и то, до какой степени должно быть доведено каждое изъ нихъ.

Такъ что изъ этихъ ученій о душѣ, о Богѣ и нравственности не можетъ быть разумнаго знанія, т.-е. того, что можетъ быть названо наукой.

А эти - то ученія вполнѣ отсутствуютъ въ нашемъ мірѣ, и оттого (какъ это и должно было быть) наукой, считающейся очень важнымъ дѣломъ, признается въ нашемъ мірѣ случайный сбродъ праздныхъ упражненій и часто вредныхъ мыслей, не только лишающихъ людей возможности разумнаго представленія о томъ, чѣмъ можетъ и должна быть наука, но и возможности

какого-либо нравственнаго ученія, связаннаго съ такой наукой. Отъ этого-то и безнравственная жизнь людей нашего міра, отъ этого и ложь науки. Безнравственная жизнь поддерживается ложной наукой. Ложная же наука, въ свою очередь, поддерживаетъ безнравственную жизнь людей. И выхода изъ этого ложнаго круга нѣтъ иного, какъ только полное признаніе ложности существующей науки и попытки установленія истинной.

Истинной же наукой, по моему мнѣнію, можетъ быть и будетъ только такая наука, въ основу которой будетъ положено религіозно-нравственное ученіе о душѣ человѣка, о Богѣ и нравственности и когда вслѣдствіе этого наука эта не будетъ, какъ теперь, средствомъ увеселенія, препровожденія времени, удовлетворенія празднаго любопытства, матеріальныхъ улучшеній одного сословія богатыхъ людей, а будетъ необходимымъ для *всѣхъ*, *всѣхъ* ученіемъ о жизни и въ нравственномъ, духовномъ, и практическомъ смыслѣ и доступнымъ всѣмъ, всѣмъ людямъ, а прежде всего трудящемуся сословію, а не одному малому праздному классу людей. Вслѣдствіе чего такая наука не будетъ, какъ теперь, продаваться и покупаться, не будетъ мастерствомъ, не будетъ средствомъ улучшенія своего матеріальнаго положенія, а будетъ естественно, безкорыстно, радостно, какъ все духовное, передаваться отъ людей людямъ.

Какая это будетъ истинная наука, въ какихъ формахъ она проявится и много ли въ ней останется изъ того, что теперь считается наукой, мы не знаемъ и не можемъ знать; но навѣрное можно сказать, что такая наука, наука всего народа, будетъ совсѣмъ иная, чѣмъ теперешняя наука, наука одного и самаго развращеннаго сословія.

Но, можетъ быть, люди, вѣрующіе въ науку, скажутъ, что мое опредѣленіе того, что основой всѣхъ знаній должны быть ученія о душѣ, о Богѣ и нравственности, произвольно и что человѣку нужнѣе знать о вѣсѣ солнца, и о микробахъ, и о происхожденіи животныхъ, и о 7000 видахъ мухъ и т. п., чѣмъ знать то, что̀ онъ такое, что̀ то Все, отъ чего онъ чувствуетъ себя отдѣленнымъ, и какъ ему надо жить. Знаю, что многіе люди нашего времени, вѣрующіе въ науку такъ же, какъ люди вѣрятъ въ церковное ученіе, скажутъ или подумаютъ это. Точно такъ же, какъ вѣрующіе въ церковь совершенно искренно и наивно думаютъ и говорятъ, что утвержденіе о томъ, что вся вѣра въ томъ, чтобы любить бога и ближняго, произвольна и что гораздо важнѣе знать, какія иконы исцѣляютъ и въ какой именно моментъ совершается пресуществленіе и т. п., точно такъ же и вѣрующіе въ науку совершенно искренно убѣждены въ томъ,

что утвержденіе о томъ, что сущность науки въ религіозно-нравственномъ ученіи есть парадоксъ и отсталость, а что истинная наука въ томъ, чтобы знать, какой царь и когда съ кѣмъ воевалъ, и кто какіе писалъ стихи, и какъ г. Р. опредѣляетъ государственное право совершенно противно тому, какъ его опредѣляетъ г. С., и какъ произошла обезьяна, и какая и когда придетъ комета и т. п. Люди эти такъ увѣрены въ томъ, что, посредствомъ памяти набивъ себѣ голову всякими праздными разсужденіями разныхъ господъ о самыхъ ненужныхъ людямъ предметахъ, они стоятъ на высшей точкѣ человѣческаго развитія, что доказывать что-либо такимъ людямъ совершенно безполезно. Тѣхъ же людей, у которыхъ слѣпая вѣра въ науку не загородила совершенно возможность критическаго отношенія къ тому, что они называютъ наукой, я очень прошу, понявъ сущность моихъ доводовъ, показать мнѣ, въ чемъ я ошибаюсь.

Для того, чтобы мои будущіе возражатели не отдалялись отъ сущности вопроса, я постараюсь здѣсь еще разъ, насколько могу, коротко и ясно выразить сущность моего осужденія и отрицанія того, что въ нашемъ мірѣ признается и называется наукой.

Отрицаю я то, что среди насъ называется наукой, потому, что все то, что среди насъ называется этимъ именемъ, есть случайный подборъ знаній, которыя нужны или интересны, или забавны для малаго числа людей, освободившихъ себя отъ тѣлеснаго, нужнаго для жизни, труда и перенесшихъ этотъ трудъ на шею народа, лишеннаго большей частью самыхъ первобытно-нужныхъ для него знаній.

Отрицаю я то, что у насъ называется наукой, еще и потому, что знанія, какія въ нашемъ мірѣ считаются наукой, покупаются и продаются, какъ всякій товаръ, и потому доступны только богатымъ классамъ и немногимъ людямъ изъ народа, которымъ или особенныя способности, преимущественно память для изученія этихъ знаній, или особенныя жизненныя случайности даютъ возможность, усвоивъ эту выгодную въ житейскомъ смыслѣ науку, выйти изъ среды рабочаго народа и благодаря «наукѣ» сѣсть на его шею.

Отрицаю я, главное, то, что у насъ называется наукой, потому, что эта «наука» не только не включаетъ въ себя самыхъ важныхъ знаній человѣчества о душѣ, о Богѣ и нравственности, но, напротивъ, умышленно игнорируетъ эти знанія, извращаетъ ихъ или проповѣдуетъ ученія, долженствующія замѣнить ихъ.

Такъ что все то, что у насъ считается и называется наукой, не только не есть нѣчто несомнѣнно истинное и благотворное

для народа, для всего народа, какъ это внушаютъ жрецы «науки», но есть такой же грубый и зловредный обманъ, какъ и обманъ церковнаго закона Божія, имѣющій ту же цѣль: съ одной стороны, удовлетвореніе воображенія, ума и даже сентиментальности праздныхъ людей, съ другой стороны, оправданіе существующаго ложнаго, безнравственнаго устройства жизни.

Ясная Поляна.
9 декабря 1909 г.

Къ революціонеру.

Получилъ ваше интересное письмо и очень радъ случаю отвѣтить на него.

Вы говорите, первое, что *правильно понятый эгоизмъ — это благо всѣхъ* и что эта истина, съ разрушеніемъ стараго строя, быстро войдетъ въ сознаніе людей; а какъ только истина эта войдетъ въ сознаніе людей, такъ и наступитъ общее благо. Второе то, что *умъ человѣческій можетъ придумать условія общежитія, при которыхъ эгоизмъ одного человѣка не будетъ вредить другому*. И третье то, что *при этихъ придуманныхъ условіяхъ общежитія* можетъ, какъ вы выражаетесь, *имѣть мѣсто до извѣстной степени и элементъ принужденія*, т.-е. что для того, чтобы люди исполняли требованіе придуманнаго наилучшаго теоретически устройства, можно и должно употреблять насиліе.

Три положенія эти признаются одинаково всѣми учеными, политиками и экономистами нашего времени. Ученые теоретики только не такъ откровенно, какъ вы, высказываютъ ихъ. На этихъ трехъ положеніяхъ основаны разсужденія сотенъ, тысячъ людей, считающихъ себя руководителями человѣчества. А между тѣмъ всѣ три положенія эти суть не что иное, какъ самыя странныя и ни на чемъ не основанныя суевѣрія. Не говорю уже о произвольности утвержденія о томъ, что эгоизмъ, т.-е. начало раздора и разъединенія, можетъ привести къ согласію и единенію, ни о странности столь же распространеннаго суевѣрія о томъ, что небольшая кучка людей, большею частью не лучшихъ, а худшихъ, можетъ придумывать наилучшее устройство жизни для милліоновъ людей,—самое допущеніе употребленія насилія для введенія придуманнаго устройства, тогда какъ такихъ придуманныхъ устройствъ сотни противоположныхъ одно другому, уже ясно показываетъ всю безосновательность и произвольность этихъ странныхъ суевѣрій.

Люди видятъ несправедливость и бѣдственность положенія рабочаго народа, лишеннаго возможности пользоваться произведеніями своего труда, отбираемыми отъ него меньшинствомъ властвующихъ и капиталистовъ, и придумываютъ средства измѣненія и исправленія этого положенія огромнаго большинства человѣчества. И вотъ для измѣненія и исправленія такого положенія предлагаются различными людьми различные пріемы общественнаго устройства: одни предлагаютъ конституціонную монархію съ соціалистическимъ устройствомъ рабочихъ (есть и такіе, которые отстаиваютъ неограниченную монархію); другіе предлагаютъ республику съ различными устройствами: меньшевики, трудовики, большевики, максималисты, синдикалисты; третьи предлагаютъ прямое законодательство народа; четвертые—анархію съ коммунальнымъ устройствомъ и многое другое. Каждая партія, зная навѣрное, что нужно для блага людей, говоритъ: только дайте мнѣ власть, и я устрою всеобщее благополучіе. Но, несмотря на то, что многія изъ этихъ партій находились или даже и теперь находятся во власти, всеобщее обѣщанное благополучіе все не устраивается, и положеніе рабочихъ продолжаетъ одинаково ухудшаться. Происходитъ это оттого, что властвующее меньшинство, какъ бы оно ни называлось: неограниченной монархіей, конституціей или республикой демократической, какъ во Франціи, Швейцаріи, Америкѣ, находясь во власти и руководясь свойственнымъ людямъ эгоизмомъ, естественно употребляетъ эту власть для удержанія за собой посредствомъ насилія тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтаются и не могутъ иначе пріобрѣтаться, какъ въ ущербъ рабочаго народа. Такъ что при всѣхъ революціяхъ и перемѣнахъ правленія перемѣняются только властвующіе: на мѣсто однихъ садятся другіе, положеніе же рабочаго народа остается все то же [1]). Такъ это было во Франціи, въ Англіи, Германіи, Америкѣ, такъ это теперь съ особенной очевидностью проявляется въ Россіи. Теперь верхъ одержала деспотическая партія, и она, естественно, употребляетъ всѣ свои силы на борьбу съ противными партіями и не заботится объ улучшеніи положенія народа. Если бы верхъ былъ за конституціоналистами, было бы то же самое: они боролись бы съ реакціонерами и соціалистами и точно такъ же не заботились бы объ улучшеніи положенія народа. То же бы было, если бы верхъ былъ за республиканцами, какъ это и было во Франціи при Большой и всѣхъ послѣдующихъ револю-

[1]) Людямъ, сомнѣвающимся въ томъ, что положеніе рабочаго народа вездѣ по существу одинаково несправедливо и дурно и не улучшается, а ухудшается», совѣтую прочесть прекрасную книгу Лозинскаго: «Итоги парламентаризма.

ціяхъ, какъ это происходило и происходитъ вездѣ. Какъ только дѣло рѣшается насиліемъ, насиліе не можетъ прекратиться. Насилуемые озлобляются противъ насилующихъ и, какъ только имѣютъ къ тому возможность, употребляютъ всѣ свои силы на борьбу съ тѣми, кто насиловалъ ихъ. Происходитъ это потому, что при рѣшеніи дѣла насиліемъ побѣда всегда остается не за лучшими людьми, а за болѣе эгоистичными, безсовѣстными и жестокими. Люди же эгоистическіе, безсовѣстные и жестокіе не имѣютъ никакихъ основаній для того, чтобы отказаться въ пользу народа отъ тѣхъ выгодъ, которыя они пріобрѣли и которыми пользуются. Выгоды же, которыми пользуются властвующіе, всегда въ ущербъ народу. Такъ что мѣшаетъ освобожденію народа отъ того угнетенія и обмана, въ которыхъ онъ находится, никакъ ни то, что нехорошо придумано впередъ то или другое устройство общества, а то, что то или другое устройство общества вводится и поддерживается насиліемъ. И потому естественно, казалось бы, людямъ, желающимъ освобожденія народа, заботиться не о придумываніи наилучшаго устройства жизни освобожденнаго отъ порабощенія народа, а изыскивать средства избавленія народа отъ того насилія, которое порабощаетъ его.

Въ чемъ же состоитъ то насиліе, которое порабощаетъ народъ, и кто производитъ его? Казалось бы, очевидно, что сотни властвующихъ, правителей и богачей, не могутъ заставлять большіе милліоны рабочихъ покоряться имъ и что если сотни властвуютъ надъ милліонами, то насиліе, совершаемое надъ милліонами рабочаго народа, совершается не непосредственно кучкой властвующихъ, а самимъ народомъ, который какими-то сложными, хитрыми и искусными мѣрами приводится въ то странное положеніе, при которомъ чувствуетъ себя вынужденнымъ совершать насиліе самъ надъ собой. И потому, казалось бы, естественно людямъ, желающимъ избавленія народа отъ его порабощенія, изслѣдовать прежде всего причины этого самоугнетенія и постараться устранить ихъ. А между тѣмъ горы книгъ написаны и пишутся Марксами, Жоресами, Каутскими и другими теоретиками о томъ, какимъ, по открываемымъ ими историческимъ законамъ, должно быть человѣческое общество и какъ оно должно быть устроено; о томъ же, какъ устранить главную, ближайшую основную причину зла — насиліе, совершаемое рабочими самими надъ собой, — не только никто не говоритъ, но, напротивъ, всѣ допускаютъ необходимость того самаго насилія, отъ котораго и происходитъ порабощеніе рабочаго народа.

Такъ что, какъ ни странно это сказать, но нельзя не видѣть того, что всѣ горы соціалистическихъ, политическихъ экономическихъ сочиненій, исполненныхъ эрудиціи и ума, въ сущности суть не что иное, какъ только пустыя, ни на что ненужныя, притомъ еще и очень вредныя писанія, отвлекающія человѣческую мысль отъ естественнаго и разумнаго пути и направляющія ее на путь искусственный, ложный и губительный. Всѣ эти писанія подобны тому, что бы дѣлали люди, у которыхъ не было бы другой земли, кромѣ земли изъ-подъ лѣса, если бы люди эти, вмѣсто того чтобы корчевать эту землю, занимались бы разсужденіями и спорами о томъ, какими растеніями засадить и засѣять эту землю, когда она сама собой, по предлагаемому историческому закону, сдѣлается удобной для хлѣбопашества. Ученые люди придумываютъ наилучшее будущее устройство жизни людей, порабощенныхъ насиліемъ, старательно обсуживая всѣ подробности будущаго устройства и горячо споря другъ съ другомъ о томъ, какимъ должно быть это будущее устройство, но ни слова не говорятъ о томъ насиліи, при существованіи котораго немыслимо никакое будущее устройство общественной жизни, никакое улучшеніе положенія рабочаго народа.

Для улучшенія положенія рабочаго народа нужно одно— не разсужденіе о будущемъ устройствѣ, а только освобожденіе самого себя отъ того насилія, которое онъ по волѣ властвующихъ производитъ самъ надъ собой.

Какъ же освободиться народу отъ того насилія, которое онъ, въ угоду меньшинству, производитъ самъ надъ собой? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: освободиться отъ насилія можетъ рабочій народъ только тѣмъ, что перестанетъ участвовать въ какомъ бы то ни было насиліи, для какихъ бы то ни было цѣлей, при какихъ бы то ни было условіяхъ. А какъ же сдѣлать то, чтобы люди не дѣлали насилій, не участвовали въ нихъ для какихъ бы то ни было цѣлей, при какихъ бы то ни было условіяхъ? Для этого есть только одно средство. Средство это въ томъ, чтобы люди поняли про себя, что они такое, и вслѣдствіе этого признали бы, что они всегда, при какихъ бы то ни было условіяхъ, должны и чего никогда не должны, ни при какихъ условіяхъ не должны дѣлать, въ томъ числѣ и всякаго рода насилія человѣка надъ человѣкомъ, не совмѣстимаго съ сознаніемъ человѣкомъ своего человѣческаго достоинства.

Для того же, чтобы люди поняли, кто они такіе, вслѣдствіе этого признали бы, что есть дѣла, которыя они всегда должны дѣлать, и такія, какихъ они никогда, ни при какихъ условіяхъ не должны дѣлать, въ томъ числѣ и насиліе человѣка надъ

человѣкомъ, нужно то самое, что отрицаете и вы и ваши учителя-руководители: нужна соотвѣтственная времени, т.-е. умственному развитію людей, религія.

Такъ что избавленіе рабочаго народа отъ его угнетенія и измѣненіе его положенія можетъ быть достигнуто никакъ не проектами наилучшаго устройства и еще менѣе попытками введенія этого устройства насиліемъ, а только однимъ, тѣмъ самымъ, что отрицается радѣтелями народа: утвержденіемъ и распространеніемъ среди людей такого религіознаго сознанія, при которомъ человѣкъ признавалъ бы невозможность всякаго нарушенія единенія и уваженія къ ближнему и потому и нравственную невозможность совершенія надъ ближнимъ какого бы то ни было насилія. А такое религіозное сознаніе, исключающее возможность насилія, казалось бы, легко могло быть усвоено и признано не только христіанскимъ, но и всѣмъ человѣчествомъ нашего времени, если бы не было, съ одной стороны, суевѣрія лжерелигіознаго, а съ другой—еще болѣе вреднаго суевѣрія—лженаучнаго.

Вы говорите, что *правильно понятый эгоизмъ—это благо всѣхъ*, *что не можетъ вполнѣ наслаждаться своимъ счастьемъ человѣкъ*, *если общество страдаетъ*, *что будущее желательное общество должно быть построено на трудѣ и солидарности всѣхъ*. Все это совершенно справедливо, но достигается это только религіознымъ чувствомъ, основа котораго есть любовь, а никакъ не насиліемъ, которое одно мѣшаетъ установленію такого общества.

Для того же, чтобы народъ могъ освободиться отъ того насилія, которое онъ по волѣ властвующихъ производитъ самъ надъ собой, нужно, чтобы среди народа установилась соотвѣтствующая времени религія, признающая одинаковое божественное начало во всѣхъ людяхъ и потому не допускающая возможности насилія человѣка надъ человѣкомъ. О томъ же, какъ народъ устроится, когда онъ освободится отъ насилія, подумаетъ онъ самъ, когда освобожденіе это совершится, и безъ помощи ученыхъ и профессоровъ найдетъ то устройство, которое ему свойственно и нужно.

Такъ какъ мысли, высказываемыя вами, раздѣляются очень многими людьми нашего времени, то, посылая вамъ свой отвѣтъ, я одновременно отдаю его въ печать, о чемъ васъ и увѣдомляю.

Ясная Поляна.
30 января 1909 г.

Объ арестѣ Гусева.

Вчера, въ 10 часовъ вечера, подъѣхали къ нашему дому нѣсколько человѣкъ въ мундирахъ и потребовали къ себѣ помощника въ моихъ занятіяхъ, Николая Николаевича Гусева.

Николай Николаевичъ сошелъ внизъ къ требовавшимъ его людямъ и, вернувшись отъ нихъ, сообщилъ намъ, что пріѣхавшіе были исправникъ и становой и что пріѣхали они затѣмъ, чтобы сейчасъ же взять его и свезти въ крапивенскую тюрьму, а оттуда отправить въ Чердынскій уѣздъ, Пермской губерніи.

Извѣстіе это было такъ странно, что, чтобы понять въ чемъ дѣло, я сошелъ внизъ къ пріѣхавшимъ людямъ и попросилъ ихъ объяснить мнѣ причины этого ихъ появленія и требованія.

Одинъ изъ нихъ, исправникъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ вынулъ изъ кармана небольшую бумагу и съ торжественнымъ благоговѣніемъ прочелъ мнѣ заключающееся въ бумагѣ рѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что для блага ввѣреннаго его попеченію русскаго народа по 384-й или еще какой-то статьѣ (хотя казалось бы, что для того, чтобы дѣлать то, что они дѣлали, не нужно было ссылаться ни на какія статьи), Н. Н. Гусевъ долженъ быть за распространеніе революціонныхъ изданій взятъ подъ стражу и сосланъ, по какимъ-то извѣстнымъ и понятнымъ министру внутреннихъ дѣлъ соображеніямъ, именно въ Чердынскій уѣздъ, Пермской губерніи, и, по тѣмъ же соображеніямъ, именно на два года.

Считая послѣ выслушаннаго содержанія этой бумаги дальнѣйшій разговоръ съ исполнителями ея безполезнымъ, я пошелъ къ себѣ, чтобы проститься съ Николаемъ Николаевичемъ и принять отъ него всѣ тѣ дѣла, которыми онъ занимался, помогая мнѣ въ моихъ работахъ. Здѣсь я нашелъ всѣхъ нашихъ домашнихъ и гостей въ особенно возбужденномъ состояніи по случаю того, что такъ неожиданно обрушилось на любимаго и уважаемаго всѣми Николая Николаевича Гусева.

Одинъ только виновникъ этого возбужденія, самъ Н. Н., былъ радостенъ и спокоенъ и со свойственной ему добротой и заботой о другихъ, а не о себѣ, спѣшно приводилъ въ порядокъ мои дѣла, такъ какъ сроку приготовиться къ отъѣзду ему дано было не болѣе полчаса.

Всѣ мы слышали и читали о тысячахъ и тысячахъ такихъ распоряженій и исполненій, но когда они совершаются надъ близкими намъ людьми и на нашихъ глазахъ, то они бываютъ особенно поразительны. И потому то, что случилось съ Гусевымъ, особенно поразило меня: поразила меня и несообразность

съ личностью Гусева той жестокой и грубой мѣры, которая была принята противъ него, поразила и явная несправедливость выставленныхъ причинъ для ея примѣненія и, главное, нецѣлесообразность этой мѣры какъ по отношенію къ Гусеву, такъ и еще болѣе по отношенію ко мнѣ, противъ кого собственно и направлена была эта мѣра.

Несообразность того, чтобы неожиданно, ночью, схватить человѣка и тотчасъ же увезти его и бросить въ тюрьму (а всѣ знаютъ что такое теперь русскія тюрьмы со своимъ переполненіемъ), а потомъ по этапамъ отправить его подъ охраной человѣка съ заряженнымъ ружьемъ за 2.000 съ лишкомъ верстъ въ захолустье, отстоящее отъ города на 400 верстъ,—несообразность такой мѣры по отношенію къ Гусеву была особенно поразительна.

Надо было видѣть, какъ провожали Гусева и всѣ наши домашніе, и всѣ случайно собравшіеся въ этотъ вечеръ въ нашемъ домѣ знакомые, знавшіе Гусева. Одно у всѣхъ, отъ старыхъ до малыхъ, до дѣтей и прислуги, было одно чувство уваженія и любви къ этому человѣку и болѣе или менѣе сдерживаемое чувство негодованія противъ виновниковъ того, что совершалось надъ нимъ.

Прощаясь съ Гусевымъ, я расплакался, но не отъ жалости къ тому, что постигло Гусева,—жалѣть его я не могъ потому, что зналъ, что онъ живетъ той духовной жизнью, при которой никакія внѣшнія воздѣйствія не могутъ лишить человѣка его истиннаго блага,—а расплакался отъ умиленія при видѣ той твердости, доходившей до веселости, съ которой онъ принималъ то, что случилось съ нимъ.

И этого-то человѣка, добраго, мягкаго, правдиваго, врага всякаго насилія, желающаго служить всѣмъ и ничего не требующаго себѣ,—этого человѣка хватаютъ ночью, запираютъ въ тифозную тюрьму и ссылаютъ въ какое-то только потому извѣстное ссылающимъ его людямъ мѣсто, что оно считается ими самымъ непріятнымъ для жизни.

Еще поразительнѣе былъ тотъ поводъ, по которому схваченъ и посаженъ въ тюрьму и долженъ быть сосланъ Гусевъ. Поводъ выставленъ тотъ, что Гусевъ распространяетъ революціонныя книги. Но Гусевъ во все то время,—два года,—что жилъ со мной, не только не распространялъ никакихъ революціонныхъ книгъ, но никогда не имѣлъ и не читалъ ихъ и всегда относился ко всѣмъ такимъ книгамъ отрицательно. Если же, исполняя мои порученія, посылалъ по почтѣ и выдавалъ на руки какія-либо книги, то это были не революціонныя, а

мои книги. Мои же книги могутъ казаться и дурными и непріятными людямъ, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы революціонными, такъ какъ въ нихъ самымъ опредѣленнымъ образомъ отрицается всякая революціонная дѣятельность, вслѣдствіе чего книги эти всегда и осуждаются и осмѣиваются всѣми революціонными органами. Такъ что обвиненіе Гусева въ распространеніи революціонныхъ книгъ не только не вѣрно, но не имѣетъ подобія какого-либо основанія.

Про нецѣлесообразность же ссылки Гусева по отношенію къ нему самому, если онъ считается вреднымъ человѣкомъ, совѣстно и говорить, такъ какъ очевидно, что нѣтъ никакой причины, почему вредный человѣкъ станетъ менѣе вреденъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, гдѣ некому слѣдить за его дѣятельностью, чѣмъ въ центрѣ Россіи, гдѣ онъ на виду у всѣхъ.

Казалось бы, напротивъ, что люди, вырванные изъ своей среды, лишенные заработка, озлобленные этимъ изгнаніемъ и соединенные съ такими же озлобленными другими сосланными, должны бы быть гораздо болѣе вредны, чѣмъ когда они на мѣстѣ. Но объ этомъ никто не думаетъ. Заведено и дѣлается, а хорошо ли, дурно, полезно ли, вредно какъ для тѣхъ, надъ кѣмъ дѣлаются эти дѣла, такъ и для общества—никто не думаетъ. Люди служатъ, получаютъ за это жалованье и дѣлаютъ то, что полагается дѣлать. О томъ же, что можетъ выйти изъ ихъ дѣятельности, и справедлива ли она, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ никто не даетъ себѣ труда думать.

«Такъ полагается, и дѣлаемъ. А если другой разъ и ошибемся, то что же дѣлать. У насъ такъ много дѣла. Ошиблись, ну что же дѣлать, очень жаль».

Убили съ горя мать, жену, продержали года въ тюрьмѣ, свели съ ума, иногда даже казнили человѣка, развратили, погубили душу,—«ну что же дѣлать, ошиблись». Въ родѣ того, какъ наступили на ногу и извиняются: «Извините, пожалуйста, мы нечаянно».

Вотъ это-то ужаснѣе всего... И послѣ этого удивляться бомбамъ революціонеровъ! Нѣтъ, революціонеры—только понятливые ученики.

Такъ это по нецѣлесообразности и жестокости по отношенію къ Гусеву.

Нецѣлесообразность же этой мѣры по отношенію ко мнѣ еще поразительнѣе. Вѣдь дѣло все только въ томъ, что въ числѣ всѣхъ зловредныхъ элементовъ, которые нужно подавить, есть, между прочимъ, и Толстой со своей дурацкой проповѣдью какого-то выдуманнаго имъ христіанства и безсмысленнаго не-

противленія. Вся эта его болтовня, разумѣется, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія, но она смущаетъ людей, хотя бы солдатъ, своей проповѣдью о томъ, что сказано: не убій, и разными какими-то разсужденіями о томъ, что земельная собственность незаконна, и т. п. И потому надо во что бы то ни стало прекратить это. Самый простой способъ былъ бы въ томъ, чтобы судить Толстого, а то и просто, опять по тѣмъ особеннымъ статьямъ, по которымъ мы поступаемъ теперь, посадить его въ тюрьму лѣтъ на пять, тамъ бы онъ и умеръ и пересталъ бы безпокоить насъ. Это, разумѣется, было бы самое удобное, но за границей, не зная всей пустоты его ученія, какъ мы ее знаемъ, приписываютъ ему нѣкоторое значеніе, и послать его, какъ Гусева, въ тюрьму въ Крапивну все-таки какъ-то неловко. И потому одно, что мы можемъ сдѣлать, что и будемъ старательно и неуклонно дѣлать, это—то, чтобы вредить и дѣлать непріятности всѣмъ близкимъ ему людямъ. Такъ что не мытьемъ, такъ катаньемъ все-таки заставимъ его замолчать.

Такъ должны были разсуждать люди, выславшіе Черткова и ссылающіе Гусева, потому что цѣль высылки Черткова и ссылки Гусева никакъ не могла быть въ томъ, чтобы перенести вредъ, производимый Чертковымъ, изъ Тульской губерніи въ Московскую, а вредъ, производимый Гусевымъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ, перенести въ Чердынскій уѣздъ; цѣль могла быть и была только одна: та, чтобы уменьшить или вовсе уничтожить вредъ, производимый Толстымъ.

Вотъ тутъ-то особенно поразительна нецѣлесообразность употребляемыхъ относительно меня мѣръ. Нецѣлесообразны эти мѣры потому, во-первыхъ, что, какъ бы ни смотрѣли люди на мои мысли, я считаю ихъ истинными, нужными и, главное, считаю смыслъ моей жизни только въ томъ, чтобы высказывать ихъ, и потому, какъ я уже заявлялъ объ этомъ, я, покуда буду живъ, буду высказывать ихъ, и удаленіе отъ меня Черткова и Гусева никакъ не можетъ измѣнить этой моей дѣятельности. Какъ черезъ Гусева (что поставлено ему въ вину) я давалъ и посылалъ мои книги тѣмъ, кто хотѣлъ ихъ имѣть, такъ я буду и теперь точно такъ же давать и посылать ихъ съ помощью другихъ лицъ, десятки которыхъ предлагаютъ мнѣ въ этомъ свои услуги, или, если и всѣхъ этихъ лицъ сошлютъ въ Чердынь или еще куда, буду самъ высылать и давать ихъ тѣмъ, кто выразитъ желаніе имѣть ихъ. Не давать же ихъ и не высылать моихъ книгъ тѣмъ, кто желаетъ ихъ имѣть, я такъ же не могу, какъ не могу на словахъ не отвѣчать людямъ, спрашивающимъ меня о томъ, что я знаю.

Нецѣлесообразны эти мѣры еще, и преимущественно потому, что избавиться отъ бомбъ и бомбометателей можно тѣмъ, чтобы отобрать бомбы и посадить бомбометателей въ тюрьму или убить ихъ; но съ мыслями ничего этого нельзя сдѣлать. Насилія же, которыя дѣлаются противъ мыслей и носителей ихъ, не только не ослабляютъ, но всегда только усиливаютъ ихъ воздѣйствіе.

И потому, въ чемъ и состоитъ главная цѣль этого моего заявленія, я опять просилъ бы тѣхъ людей, которымъ непріятно распространеніе моихъ мыслей и моя дѣятельность, если уже они никакъ не могутъ оставаться спокойными и во что бы то ни стало хотятъ употреблять насильственныя мѣры противъ кого-нибудь, то употребить и никакъ не противъ моихъ друзей, а противъ меня, единственнаго и главнаго виновника и появленія и распространенія этихъ неугодныхъ имъ мыслей.

Все это я высказалъ по отношенію къ Гусеву и ко мнѣ. Но дѣло, которое вызвало это мое заявленіе, имѣетъ еще другое, болѣе важное значеніе, относящееся не ко мнѣ и Гусеву, а къ тому душевному состоянію, въ которомъ находятся люди, совершающіе такія дѣла, какъ то, которое совершено надъ Гусевымъ.

Всѣ мы знаемъ про то, что̀ совершалось эти послѣдніе годы и продолжаетъ совершаться теперь въ Россіи. Про все это страшно и не хочется говорить. Жалко всѣхъ тѣхъ погибшихъ погибающихъ и озлобляемыхъ людей въ ссылкахъ, въ тюрьмахъ, со злобой и ненавистью умирающихъ на висѣлицахъ, но нельзя не жалѣть и тѣхъ несчастныхъ, которые совершаютъ такія дѣла, а главное—предписываютъ ихъ.

Вѣдь сколько бы ни увѣряли себя эти люди, что они дѣлаютъ это для блага общаго, сколько бы ни одобряли и ни восхваляли ихъ за эти дѣла такіе же, какъ они, люди, какъ бы ни старались они сами задурманить себя всякими заботами и увеселеніями, они—люди и бо̀льшею частью добрые люди и чувствуютъ и знаютъ въ глубинѣ души, что они поступаютъ дурно, что, дѣлая такія дѣла, губятъ то, что дороже всего на свѣтѣ,—свои души, захлопываютъ на себя дверь отъ всѣхъ истинныхъ и лучшихъ радостей жизни.

И вотъ этимъ-то людямъ мнѣ по случаю этого ничтожнаго для Гусева и для меня событія хотѣлось сказать: подумайте о себѣ, о своей жизни, о томъ, на что вы тратите данныя вамъ Богомъ духовныя силы. Загляните себѣ въ душу, пожалѣйте себя.

6 августа 1909 г.

Отвѣтъ польской женщинѣ.

(Одной изъ многихъ.)

Милостивая государыня!

Получилъ письмо ваше, въ которомъ вы упрекаете меня за то, что я, выразивъ свое мнѣніе о присоединеніи Босніи и Герцеговины, ничего не высказываю о жестокостяхъ и несправедливостяхъ, которыя были совершены и продолжаютъ совершаться въ Польшѣ, и, между прочимъ, вы осуждаете меня за *изобрѣтенную будто бы мною мысль и философію непротивленія злу*, говоря, что это ученіе погубило и погубитъ Россію. Вы пишете, что Скарга, Кохановскій, Костюшко, Словацкій, Мицкевичъ учили другому, учили борьбѣ, и что борьба только можетъ спасти Польшу.

На-дняхъ я получилъ письмо отъ одного индуса, который другими словами выражаетъ ту же мысль и тотъ же страхъ и отвращеніе передъ ученіемъ о непротивленіи. Индусъ этотъ прислалъ мнѣ вмѣстѣ съ письмомъ и журналъ «The Tree Hindustan», въ которомъ эпиграфомъ стоитъ изреченіе о томъ, что борьба насиліемъ съ насиліемъ не только допустима, но обязательна, непротивленіе же противно требованіямъ, какъ альтруизма, такъ и эгоизма: «Non resistance hurts both Altruism and Egoism». Въ журналѣ выражаются мысли, совершенно подобныя тѣмъ, которыя вы высказываете. Тѣ же мысли высказываются всѣми борцами противъ угнетенія не только народовъ, но и сословій. Всѣ съ особеннымъ озлобленіемъ относятся къ ученію о непротивленіи злу насиліемъ, какъ будто въ этомъ ученіи заключается главное препятствіе къ освобожденію людей. А между тѣмъ, какъ ни странно это покажется, освобожденіе людей, какъ порабощенныхъ народовъ, такъ и сословій, только въ томъ самомъ, что такъ старательно и упорно отрицается и вами и моимъ знакомымъ индусомъ, да и всѣми руководителями покоренныхъ народовъ и угнетенныхъ рабочихъ сословій; мало того, что отрицается,—оно вызываетъ самыя недобрыя, озлобленныя чувства противъ тѣхъ, кто ихъ предлагаетъ, напоминая ту собаку, которая злобно кусаетъ тѣхъ, кто хочетъ отвязать ее.

Освобожденіе всѣхъ порабощенныхъ людей, сословій, народовъ, въ томъ числѣ и поляковъ, никакъ не въ томъ, чтобы бороться съ ненавистными русскимъ, австрійскимъ правительствами и силою освободиться отъ нихъ, а въ совершенно противоположномъ,—въ томъ, чтобы, переставъ видѣть въ полякахъ

своихъ исключительныхъ, любимыхъ, угнетенныхъ братьевъ, признать всѣхъ людей, какъ своихъ поляковъ, такъ и чуждыхъ и враждебныхъ русскихъ, одинаково ближнихъ, братьями, съ которыми, кто бы они ни были, недопустимы никакія другія отношенія, кромѣ любовныхъ, исключающихъ возможность совершенія какого бы то ни было насилія противъ кого бы то ни было. Освобожденіе—въ признаніи закона любви во всемъ его значеніи, т.-е. въ признаніи и неразрывно связаннаго съ нимъ закона непротивленія.

Знаю я, что мысль эта о томъ, что только непротивленіе злу насиліемъ можетъ спасти порабощенныхъ отъ порабощенія, кажется людямъ нашего времени и міра до такой степени нелѣпой, неприложимой, что люди не даютъ себѣ труда и подумать о ней, а только, презрительно пожимая плечами, улыбаются при упоминаніи о такомъ непрактическомъ, фантастическомъ пріемѣ борьбы со зломъ. Я знаю это и все-таки утверждаю, что освобожденіе не только поляковъ, но всѣхъ людей отъ всѣхъ несправедливостей и страданій, на которыя они теперь такъ упорно жалуются, можетъ совершиться только признаніемъ людьми обязательности для себя закона любви, несовмѣстимаго съ употребленіемъ какого бы то ни было насилія противъ ближняго, т.-е. *непротивленія.* «E pur si muove» (и все-таки вертится). Не думаю, что Галилей былъ болѣе убѣжденъ въ несомнѣнности открытой имъ истины, чѣмъ убѣжденъ я, несмотря на всеобщее отрицаніе ея, въ несомнѣнности открытой не мной и не однимъ Христомъ, но всѣми величайшими мудрецами міра истины о томъ, что зло побѣждается не зломъ, а только добромъ.

Да, удивительное дѣло: единственное средство спасенія отъ того зла, отъ котораго страдаютъ всѣ порабощенные народы и сословія, не только упорно отвергается этими народами и сословіями, но, напротивъ, народы и сословія эти напрягаютъ всѣ свои силы на совершеніе поступковъ, казалось бы, очевидно, не могущихъ имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ усиленія и ухудшенія того порабощенія, на которое они жалуются.

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о внутреннемъ, религіозномъ значеніи закона любви, исполненіе котораго даетъ высшее благо какъ отдѣльному человѣку, такъ и большему или меньшему соединенію людей, исполняющихъ этотъ законъ; не говоря и о томъ, что люди, исповѣдующіе христіанскій законъ любви къ ближнему, т.-е. ко всѣмъ людямъ, ненавидя цѣлые тѣ или другіе народы, прямо отрекаются отъ исповѣдуемаго ими ученія,— не говоря о всемъ этомъ, простой здравый смыслъ долженъ бы показать людямъ, что насиліе, въ особенности слабыхъ противъ

насилія несравненно сильнѣйшихъ, можетъ только ухудшить положеніе порабощенныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не освободить ихъ. А между тѣмъ на эту самую борьбу силою слабаго противъ сильнаго натравливаютъ людей всѣ революціонные руководители.

Вѣдь дѣло, казалось бы, такъ просто и ясно, что совѣстно разъяснять то, что до такой степени очевидно. Вѣдь если польскій народъ порабощенъ и угнетается и точно такъ же и индусскій и другіе порабощенные народы, если точно такъ же порабощены рабочія сословія небольшимъ количествомъ богатыхъ людей, то совершаются вѣдь всѣ эти порабощенія никакъ не императорами, королями, министрами, генералами, землевладѣльцами, богатыми купцами, банкирами, такъ какъ не могутъ десятки людей, скажемъ, хоть тысячи, поработить милліоны. Вѣдь происходитъ порабощеніе только отъ того, что сами порабощенные не только поддаются порабощенію, но и участвуютъ въ немъ, платя поработителямъ подати, поступая къ нимъ же на административныя, финансовыя, полицейскія службы, поступая въ парламенты, которые существуютъ только затѣмъ, чтобы поддерживать существующее устройство и, главное, превращая себя въ безсмысленныя орудія убійства, поступая въ войско.

Вѣдь порабощающіе теперь поляковъ...... австрійцы, пруссаки властвуютъ надъ поляками никакъ не потому, что былъ совершонъ первый, второй, третій и четвертый раздѣлъ Польши . . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Вѣдь дѣло очень просто. Съ древнѣйшихъ временъ одни люди порабощали другихъ; одни народы — другіе. Поработивъ же людей, поработители, пользуясь стремленіемъ всѣхъ людей употреблять другъ противъ друга насиліе для своего личнаго блага, учреждали такое устройство, или скорѣе само собой устанавливалось такое устройство, при которомъ порабощенные, соблюдая каждый свою личную выгоду, поддерживали и утверждали власть поработителей.

Такъ это дѣлалось во всѣхъ покоренныхъ однихъ другими народахъ. Такъ это дѣлалось и дѣлается въ Польшѣ, такъ же дѣлается это же и съ особеннымъ искусствомъ въ Индіи, гдѣ десятки недалекихъ торгашей-купцовъ поработили двухсотмилліонный, высоко развитой и просвѣщенный народъ и про-

должаютъ держать его въ рабствѣ. Такъ дѣлается это и при порабощеніи рабочихъ сословій нерабочими. Совершается такое порабощеніе только оттого, что каждый отдѣльный человѣкъ изъ порабощенныхъ, не исповѣдуя закона любви, который не допустилъ бы его до участія въ насиліи, говоритъ себѣ: что мнѣ одному лишать себя выгоды или подвергаться лишенію, отказываясь отъ участія въ порабощеніи, «не я, такъ другой», говоритъ онъ и принимаетъ участіе въ насиліи. Дѣлаетъ то же и другой и третій, и кончается тѣмъ, что милліарды денегъ въ рукахъ поработителей и въ ихъ же рукахъ войско, составленное изъ порабощенныхъ.

И вотъ тутъ-то при такомъ устройствѣ общества, ...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . .порабощенные, не измѣняя того принципа насилія, который былъ причиной ихъ порабощенія, этимъ самымъ насиліемъ или — что еще смѣшнѣе — рѣчами ораторовъ въ парламентахъ, находящихся въ полной власти правительствъ, хотятъ бороться съ поработителями, и какъ что-то странное, нелѣпое, ненужное, откидываютъ то единственное средство, которое такъ же вѣрно освобождаетъ ихъ, какъ отворенная дверь освобождаетъ заключенныхъ.

А между тѣмъ средство освобожденія такъ просто.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Стоитъ людямъ стать на такую точку зрѣнія, — а люди христіанскаго міра и нашего времени не могутъ не стать на эту

свойственную и чувству и разуму людей точку зрѣнія,—и, какъ карточный домикъ, само собой завалится все, казавшееся такимъ величественнымъ и могущественнымъ, царство насилія.

Да, избавленіе порабощенныхъ людей нашего времени, не только польскаго народа, но всѣхъ народовъ, всѣхъ порабощенныхъ сословій, никакъ не въ разжиганіи того или иного польскаго, индусскаго, славянскаго патріотизма или революціоннаго задора и еще менѣе въ придумываніи такихъ новыхъ формъ жизни, въ которыя должны сложиться народы и люди, и еще менѣе въ такъ называемой парламентской борьбѣ, т.-е. въ упражненіи въ краснорѣчіи, а только въ одномъ: въ отрѣшеніи отъ отжитаго людьми, уже несвойственнаго имъ закона борьбы и насилія и въ признаніи основнымъ закономъ жизни общаго въ наше время всѣмъ людямъ закона любви,—любви, исключающей возможность участія въ какомъ бы то ни было насиліи.

И замѣна этого отжившаго закона насилія закономъ любви такъ давно проповѣдуется всѣми религіозными ученіями міра и особенно тѣмъ ученіемъ, которое исповѣдуютъ христіанскіе народы. Такъ очевидно становится противорѣчіе между сознаніемъ людей христіанскаго міра и жизненными условіями этихъ народовъ, что положеніе, въ которомъ живутъ эти народы, не можетъ уже продолжаться.

Такъ что замѣна эта совершится, и даже въ томъ, что она совершится очень скоро, я вполнѣ увѣренъ. Но, кромѣ этой увѣренности, у меня есть еще и мечта. Мечта эта въ томъ, что этотъ огромный переворотъ въ жизни человѣчества начнется именно среди насъ, среди славянскихъ народовъ, менѣе другихъ воинственныхъ, болѣе другихъ христіанскихъ въ истинномъ смыслѣ христіанства и потому болѣе способныхъ къ живому сознанію того новаго закона любви, который долженъ замѣнить отжившій.

Почему бы начаться этому рѣшающему судьбу человѣчества движенію въ истерзанной Польшѣ? а не въ Польшѣ, то въ еще болѣе внутренно истерзанной Россіи? А начнись это движеніе въ одномъ изъ славянскихъ народовъ, естественно было бы примкнуть къ нему и другимъ, развращеннымъ теперь государственными соблазнами, славянскимъ народамъ. А захвати это движеніе славянство, и оно неизбѣжно заразило бы и всѣ христіанскіе народы.

Таковы мои мечты. Отвѣтъ же на ваше письмо я высказалъ въ предшествующемъ: отвѣтъ въ томъ, что освобожденіе Польши, какъ и всѣхъ порабощенныхъ народовъ и всѣхъ порабо-

щенныхъ людей, въ одномъ — въ признаніи высшимъ закономъ жизни закона любви, включающаго въ себя непротивленіе и потому не допускающаго ни самое насиліе, ни какое-либо участіе въ немъ.

Крекшино.
8 сентября 1909 г.

Къ М. М. Крымбаеву.

Милостивый государь!

Основа всѣхъ религій одна и та же: любовь къ Богу, т.-е. къ высшему совершенству и къ ближнему. Но во всѣхъ религіяхъ совершилось и совершается то, что къ основной религіозной истинѣ, общей всѣмъ религіямъ, присоединяются ложныя толкованія, вносимыя въ ученіе его послѣдователями. То же совершилось и совершается и въ магометанствѣ. И потому какъ во всѣхъ религіяхъ, такъ и въ магометанствѣ задача теперешняго человѣчества состоитъ не въ томъ, чтобы, откинувъ религію, поставить на ея мѣсто узкіе, неосновательные и пошлые, такъ называемые научные, взгляды, а въ томъ, чтобы понять сущность религіознаго ученія и постараться освободить основную религіозную истину ученія отъ того, что скрываетъ ее. И это совершается во всѣхъ религіяхъ, совершается и въ магометанствѣ. Такъ, существуетъ очень высокая по своему религіозному ученію секта бабистовъ, продолжатель которой Бага-Улла сосланъ былъ турецкимъ правительствомъ въ Укку, сынъ котораго живетъ тамъ. Люди эти не признаютъ никакихъ внѣшнихъ религіозныхъ формъ и основу религіи, которую они считаютъ единой во всѣхъ, полагаютъ въ доброй жизни, т.-е. въ любви къ ближнему и неучастіи въ дѣлахъ зла. Другую секту магометанскую я знаю въ Казани. Секта эта называетъ себя Божьимъ полкомъ или, по имени своего основателя, ваисовцами. И та и другая секта представляютъ собою движеніе впередъ магометанства къ освобожденію отъ мертвыхъ внѣшнихъ формъ, которыхъ, надо сказать, въ магометанствѣ, какъ позднѣйшей религіи, гораздо меньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ большихъ религіяхъ. И потому полагаю, что всякому человѣку, желающему служить человѣчеству, прогрессу его, надо не отрицать огуломъ ту религію, въ которой онъ родился и воспитывался, какъ вы въ магометанствѣ, а, напротивъ, понявъ тѣ глубокія основы, которыя есть въ каждой религіи, а также и

въ магометанствѣ, стараться очищать ихъ отъ тѣхъ наростовъ, которые ихъ скрываютъ. И въ Коранѣ можно найти много вѣрнаго и глубокаго, и, кромѣ того, есть небольшая книжечка, изданная въ Индіи по-англійски, въ которой собраны изреченія Магомета (выдержки изъ этой книги будутъ въ скоромъ времени напечатаны въ изданіи «Посредника»), замѣчательныя по своей глубинѣ и духовности.

Ясная Поляна.
16 марта 1909 г.

Къ православному священнику.

Пожалуйста, извините меня за то, что невольно оставилъ ваше письмо такъ долго безъ отвѣта.

Внимательно прочелъ ваше письмо, но, къ сожалѣнію,— истинно, къ сожалѣнію,—не нашелъ въ немъ новыхъ доводовъ, которые бы убѣдили меня. Главный доводъ вашъ есть вѣра въ святость и непогрѣшимость церкви, и, понятно, что, имѣя эту вѣру, все включенное въ нее становится несомнѣннымъ. Но, повторяю, къ сожалѣнію, я не имѣю въ себѣ этой вѣры и не могу ее въ себѣ вызвать. Не могу вызвать въ себѣ вѣру въ ту церковь, которая, по самому опредѣленію своему, должна быть едина, а между тѣмъ раздѣляется на греко-россійскую, католическую, лютеранскую и другія, каждая изъ которыхъ утверждаетъ свою исключительную истинность. Можетъ быть, одна изъ нихъ, та, которую вы исповѣдуете, истинна, но я-то не могу признать ее таковой. Войдите, пожалуйста, вашимъ добрымъ сердцемъ въ мое положеніе. Я — старикъ, стоящій одной ногой въ гробу, желающій одного: быть послѣдніе дни или часы моей жизни въ мирѣ и согласіи со всѣми, допустивъ же ваши вѣрованія о возмездіи въ будущей жизни, могущій непризнаніемъ истинности церковной вѣры погубить себя навѣки. Зачѣмъ бы такому человѣку отказываться отъ признанія того, что милліонами и милліонами достойныхъ величайшаго уваженія людей признавалось и признается за истину? Зачѣмъ бы такому человѣку отказываться, когда такое признаніе вызвало бы къ нему, вмѣсто дурного, самыя добрыя чувства огромнаго количества людей, въ томъ числѣ и многихъ, очень близкихъ мнѣ, какъ моей сестры-монахини и многихъ другихъ? Зачѣмъ бы такому человѣку продолжать высказывать свои нецерковныя христіанскія убѣжденія, вызывающія къ нему са-

мыя недобрыя чувства и осужденія въ наше время очень большого количества людей, такъ называемой интеллигенціи, считающихъ всякую религію чѣмъ-то отжитымъ, ненужнымъ и даже вреднымъ? Если человѣкъ въ моемъ положеніи лишается съ болью сердца любви стольких хорошихъ людей, желающихъ его обращенія въ церковную вѣру, вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ недоброжелательство и — смѣло скажу — презрѣніе людей, составляющихъ царствующее общественное мнѣніе, то очевидно, что онъ поступаетъ такъ только потому, что не можетъ поступать иначе.

Въ самомъ дѣлѣ, что же мнѣ дѣлать, если я не могу, буквально не могу, исполнить желаніе ваше и многихъ добрыхъ людей. Вѣдь развѣ не было бы безъ сравненія хуже, если бы я не только утверждалъ, что вѣрю, во что не вѣрю, но старался бы самъ себя обманывать, признавая за вѣру желаніе быть въ единеніи съ людьми, которыхъ уважаешь и любишь.

Право, милый братъ, оставьте меня доживать мою жизнь въ тѣхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, къ которымъ я пришелъ (думаю, что не обманываюсь) искреннимъ желаніемъ исполнить волю Того, Кто послалъ меня въ жизнь. Если же я, направивъ всѣ свои силы на узнаніе Его воли и направляя теперь послѣдніе часы моей жизни на исполненіе ея, если я и ошибся и ошибусь, то Онъ знаетъ меня и не можетъ поставить мнѣ въ вину мою ошибку. Простите же и вы меня еще за одно замѣчаніе, которое хочется сдѣлать. Почему я, думаю, убѣжденный не менѣе сильно, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые убѣждаютъ меня, не призываю ихъ къ признанію истинности того, что я считаю истиной? Я высказываю то, что считаю истиной, опредѣляю, какъ умѣю, то, что считаю заблужденіемъ, но, предоставляя каждому принимать или отвергать мои положенія, не обращаюсь ни къ кому съ требованіями или приглашеніями усвоить мои взгляды. Не дѣлаю я этого потому, что знаю, что у каждаго есть свое длинное духовное прошедшее, есть свой процессъ познанія истины, и знаю, какъ сложна эта духовная работа и какъ невозможно въ ней чужое вмѣшательство. Желалъ бы, чтобы такъ же относились и ко мнѣ.

Во всякомъ случаѣ, еще разъ благодарю васъ за ваше братское, любовное отношеніе ко мнѣ и остаюсь съ такимъ же къ вамъ.

Уважающій васъ

Мартъ, 1909 г.

Славянскому съѣзду въ Софіи.

Получилъ приглашеніе ваше и съ радостью пріѣхалъ бы, если бы не мои годы и нездоровье. Пріѣхалъ бы съ тѣмъ, чтобы лично побесѣдовать съ вами о томъ предметѣ, который собралъ васъ. Постараюсь сдѣлать это хоть письменно.

Единеніе людей, то самое, во имя чего вы собрались, есть не только важнѣйшее дѣло человѣчества, но въ немъ я вижу и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни. Но для того, чтобы дѣятельность эта была благодѣтельна, нужно, чтобы она была понимаема во *всемъ* ея значеніи безъ умаленія, ограниченія, извращенія. Такъ это по отношенію всѣхъ важнѣйшихъ дѣятельностей; такъ это и по отношенію религіи, любви, служенія человѣчеству, науки, искусства. Все до конца, до послѣднихъ выводовъ, какъ бы они ни были чужды или непріятны намъ. Все или ничего. И именно *ничего*, а не кое-что, потому что всѣ эти величайшія дѣятельности человѣческой души, какъ только онѣ не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносятъ свою, хоть малую пользу, какъ думаютъ и говорятъ многіе, но губительны и болѣе всего другого задерживаютъ достиженіе той самой цѣли, къ которой онѣ какъ будто бы стремятся. Такъ это съ религіей, допускающей слѣпую вѣру, такъ это съ любовью, допускающей борьбу-противленіе, такъ это со служеніемъ людямъ, допускающимъ насиліе надъ людьми. Такъ во всемъ и особенно въ дѣятельности, имѣющей цѣлью единеніе людей.

Несомнѣнно, что соединенные люди сильнѣе разъединенныхъ. Семья сильнѣе отдѣльнаго человѣка. Шайка грабителей сильнѣе, чѣмъ каждый порознь. Община сильнѣе отдѣльныхъ личностей. Соединенное патріотизмомъ государство сильнѣе разрозненныхъ народностей. Но дѣло въ томъ, что преимущество соединенныхъ людей противъ разъединенныхъ и неизбѣжное послѣдствіе этого преимущества — порабощеніе или хотя бы эксплуатація разъединенныхъ — естественно вызываютъ въ разъединенныхъ желаніе соединиться для того, чтобы сначала противодѣйствовать насилію, а потомъ и совершать его. Славянскимъ народностямъ естественно, испытывая на себѣ зло соединенія австрійскаго, русскаго, германскаго, турецкаго государствъ, желать, для противодѣйствія этому злу, сложиться въ свое соединеніе; но новое соединеніе это, если только состоится, неизбѣжно будетъ вовлечено точно въ такую же дѣятельность

не только борьбы съ другими соединеніями, но и въ подавленіе и эксплуатацію болѣе слабыхъ соединеній и отдѣльныхъ личностей.

Да, въ единеніи — и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни, но цѣль и благо эти достигаются только тогда, когда это — единеніе *всего* человѣчества во имя основы, общей *всему* человѣчеству, но не единеніе малыхъ или большихъ частей человѣчества во имя ограниченныхъ, частныхъ цѣлей. Будь это единеніе семьи, шайки грабителей, общины или государства, народности или «священный союзъ» государствъ, — такія соединенія не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего препятствуютъ истинному прогрессу человѣчества; и потому для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу,—я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю,—должно не содѣйствовать всѣмъ такимъ частнымъ соединеніямъ, а всегда противодѣйствовать имъ. Единеніе есть ключъ, освобождающій людей отъ зла. Но для того, чтобы ключъ этотъ исполнилъ свое назначеніе, нужно, чтобы онъ былъ продвинутъ до конца, до того мѣста, гдѣ онъ отворяетъ, а не ломается самъ и не ломаетъ замокъ. Такъ и единеніе — для того, чтобы оно могло произвести свойственныя ему благодѣтельныя послѣдствія, оно должно имѣть цѣлью единеніе *всѣхъ* людей, во имя общаго *всѣмъ* людямъ, одинаково признаваемаго всѣми начала. А такимъ единеніемъ можетъ быть только единеніе, основанное на той религіозной основѣ жизни, которая одна соединяетъ людей и, къ несчастью, признается ненужной, отжившей большинствомъ людей, въ наше время руководящимъ народами.

Мнѣ скажутъ: мы признаемъ и эту религіозную основу, но не отрицаемъ и основы единенія племенной, народной, государственной. Но дѣло въ томъ, что одно исключаетъ другое. Если признано цѣлью жизни человѣческой единеніе всемірное, религіозное, то это самое признаніе отрицаетъ всякія другія основы единенія и, наоборотъ: признаніе основой единенія начала племенного, народнаго, патріотическо-государственнаго неизбѣжно отрицаетъ религіозное начало, какъ дѣйствительную основу жизни.

Думаю, почти увѣренъ, что эти высказанныя мною мысли будутъ признаны неприложимыми и неправильными, но я счелъ своимъ долгомъ вполнѣ откровенно высказать ихъ людямъ, которые, несмотря на мое отрицаніе племенного и народнаго патріотизма, все-таки болѣе близки мнѣ, чѣмъ люди другихъ народовъ. Скажу болѣе: откинувъ соображенія о томъ, что по этимъ словамъ моимъ меня могутъ уличить въ непослѣдователь-

ности и противорѣчіи самому себѣ, скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказалъ, моя вѣра въ то, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая одна можетъ, все болѣе и болѣе соединяя людей, вести ихъ къ свойственному имъ благу, — что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени.

Отрадное.
20 іюня 1910 г.

Къ Гроту.

Посылаю вамъ, уважаемый Константинъ Яковлевичъ, въ формѣ довольно длиннаго письма мои воспоминанія о вашемъ миломъ братѣ.

Естественно, въ этихъ воспоминаніяхъ выступило болѣе, чѣмъ нужно было, ярко различіе нашихъ, моихъ съ Николаемъ Яковлевичемъ, взглядовъ на основные вопросы. Вспоминая свои отношенія съ Николаемъ Яковлевичемъ, я не могъ удержаться отъ того, чтобы не высказать то, что считалъ самымъ главнымъ въ нашемъ общеніи.

Если будете печатать это письмо, то просилъ бы напечатать его все или вовсе не печатать. Прошу также извѣстить меня о полученіи.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Ясная Поляна.
25 сентября 1910 г.

Уважаемый Константинъ Яковлевичъ, вамъ знакомый Александръ Модестовичъ Хиріаковъ былъ такъ добръ, что взялся передать вамъ мое порученіе. Порученіе это состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать въ посланномъ вамъ письмѣ о Н. Я. тѣ измѣненія, содержаніе которыхъ онъ передастъ вамъ, разумѣется въ томъ случаѣ, если вы будете печатать мое большое письмо.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

27 сентября 1910 г.

Къ Э. И. Каплану.

Получилъ ваше письмо и почувствовалъ въ немъ искренность вашихъ вопросовъ. Постараюсь отвѣтить на нихъ. Мнѣ это легко потому, что тѣ самые вопросы, которые стоятъ передъ вами, стоятъ передо мною.

1) Зависитъ ли духовное здоровье человѣка отъ физическаго и наоборотъ?

Зависитъ въ извѣстной, низшей степени, т.-е. что человѣку трудно быть добрымъ, любящимъ со всѣми, когда онъ самъ физически страдаетъ. Но эта самая задержка духовной жизни побуждаетъ къ поднятію на высшую ея ступень, такъ что страданіе физическое — болѣзнь, если только человѣкъ всѣми силами стремится къ достиженію высшаго совершенства, не умаляетъ это стремленіе, а, наоборотъ, вызываетъ необходимость его усиленія. По опыту скажу, что когда поддавался мысли о томъ, что я по тѣлесному нездоровью не могу быть тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ бы быть, я падалъ все ниже и ниже; если же смотрѣлъ на эти страданія какъ на вызовъ къ усиленію внутренней работы, то, напротивъ, достигалъ самаго радостнаго для себя состоянія. Практически мое правило въ томъ, что лѣченіе вообще скорѣе вредитъ, чѣмъ дѣлаетъ истинную пользу жизни человѣческой.

2) Какъ любить враговъ душою, живя среди нихъ и сталкиваясь на каждомъ шагу съ ихъ обыденной ложью, себялюбіемъ, матеріализмомъ, невоздержностью и т. д.?

Знаю, что трудно; и легко сказать себѣ: нѣтъ, такихъ людей я не могу любить. Но избави Богъ отъ такой мысли: это только усилитъ недоброе чувство и, главное, увеличитъ довольство собою. «Я, молъ, хорошъ, а всѣ остальные дурны». Какъ ни трудно, старайся любить самыхъ непріятныхъ тебѣ, какъ это прекрасно сказано въ Евангеліи, и только не ослабѣвай, не опускай постромки, и почувствуешь, что любишь тѣхъ, которыхъ, казалось, никакъ не могъ любить. То же могу сказать по опыту, хотя и малому и слабому.

3) Слѣдуетъ ли уйти изъ міра сего, если жизнь въ немъ становится невыносимой?

Разумѣется, нѣтъ, по тому самому, что я отвѣчалъ на первые два вопроса, да, кромѣ того, это и невозможно. Странно сказать, міръ людей , именно такихъ, какихъ мы считаемъ дурными, нуженъ для насъ, чтобы на дѣлѣ показать намъ нашу слабость, нашу дурноту, то, что мы не лучше тѣхъ самыхъ, кого мы хотимъ осуждать...

Вы говорите, что страданія отъ жизни среди міра бываютъ безполезны. Да, они безполезны, если человѣкъ не пользуется ими, какъ благомъ, какъ тѣми муками, которыя сопутствуютъ всякому рожденію какъ тѣлесному, такъ и духовному. — Вотъ все. Помогай вамъ Богъ.

Ясная Поляна.
13 іюля 1910 г.

О кооперативномъ движеніи.

(Къ В. Ѳ. Тотоміанцу.)

Ваханъ Ѳомичъ!

Вы совершенно вѣрно предполагаете, что кооперативное движеніе не можетъ не быть сочувственно мнѣ. Хотя я продолжаю и никогда не перестану думать и говорить, что единственное радикальное средство, могущее уничтожить существующее зло борьбы, насилія и задавленности большинства народа нерабочими сословіями, есть обновленіе религіознаго сознанія народа, я не могу не признавать и того, что кооперативная дѣятельность — учрежденіе кооперативовъ, участіе въ нихъ — есть единственная общественная дѣятельность, въ которой въ наше время можетъ участвовать нравственный, уважающій себя человѣкъ, не желающій быть участникомъ насилія.

Признаю и то, что кооперація можетъ облегчить дошедшую въ послѣднее время до крайней степени нужду рабочаго народа. Не думаю, однако, того, чтобы, какъ это думаютъ нѣкоторые, кооперативное движеніе могло вызвать или утвердить религіозное отношеніе людей къ жизненнымъ вопросамъ. Думаю, наоборотъ, что только подъемъ религіознаго сознанія можетъ дать прочный и плодотворный характеръ кооперативному движенію.

Во всякомъ случаѣ, думаю, что въ наше время это одна изъ лучшихъ дѣятельностей, которымъ могутъ посвятить себя ищущіе приложенія своихъ силъ молодые люди, желающіе служить народу, а ихъ такъ много. Если бы я былъ молодъ, я бы занялся этимъ дѣломъ, и теперь не отчаиваюсь попытаться сдѣлать что могу среди нашего, близкаго мнѣ, крестьянства.

Уважающій васъ

Ясная Поляна.
23 января 1910 г.

О смертной казни.

(Проф. Малиновскому.)

Проф. І. А. Малиновскій послалъ Л. Н. Толстому свою книгу «Кровавая месть и смертная казнь» и получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Ясная Поляна, 25 сентября 1910 г.

Іоанникій Алексѣевичъ, отъ души благодарю вась за присылку вашей книги. Я еще не успѣлъ внимательно прочесть ее всю, но, ужъ и пробѣжавъ ее, я порадовался, такъ какъ увидалъ все ея большое значеніе для освобожденія нашего общества и народа отъ того ужаснаго гипноза... Книга ваша, какъ я увѣренъ, благодаря импонирующему массамъ авторитету науки, главное же — тому чувству негодованія противъ зла, которымъ она проникнута, будетъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого освобожденія. Такія книги, какъ я вчера шутя сказалъ моему молодому другу, а вашему земляку и знакомому В. Булгакову, могутъ сдѣлать то, что мнѣ казалось невозможнымъ: помирить меня даже съ офиціальной наукой.

Могъ ли я повѣрить 50 лѣтъ тому назадъ, что черезъ полвѣка у насъ въ Россіи висѣлица станетъ нормальнымъ явленіемъ и «ученые», «образованные» люди будутъ доказывать полезность ея! Но какъ и всякое зло неизбѣжно несетъ и связанное съ нимъ добро, такъ и это: не будь этихъ ужасныхъ послѣднихъ пореволюціонныхъ лѣтъ, не было бы и тѣхъ горячихъ выраженій негодованія противъ смертной казни, тѣхъ и нравственныхъ, и религіозныхъ, и разумныхъ доводовъ, которые съ такою очевидностью показываютъ преступность и безуміе ея, что возвращеніе къ ней будетъ невозможно. И среди этихъ доводовъ одно изъ первыхъ мѣстъ будетъ занимать ваша книга. Надѣюсь, увѣренъ, что не ошибаюсь теперь.

Еще разъ благодарю васъ за присылку, а главное — за написаніе вами прекрасной книги, и отъ души желаю вамъ лучшаго блага въ мірѣ: продолженія такой же плодотворной дѣятельности.

Съ искреннимъ уваженіемъ и любовью

Ясная Поляна.
25 сентября 1910 г.

Къ крестьянину М. П. Н—ву.

Михаилъ Петровичъ, въ связи съ тѣмъ, что я говорилъ вамъ передъ вашимъ уходомъ, обращаюсь къ вамъ еще съ слѣдующей просьбой: если бы дѣйствительно случилось то, чтобы я прiѣхалъ къ вамъ, то не могли бы вы найти мнѣ у васъ въ деревнѣ хотя бы самую маленькую, но отдѣльную теплую хату, такъ что васъ съ семьей я стѣснялъ бы самое короткое время? Еще сообщаю вамъ то, что если бы мнѣ пришлось телеграфировать вамъ, то я телеграфировалъ бы вамъ не отъ своего имени, а отъ Т. Николаева. Буду ждать вашего отвѣта, дружески жму руку.

Имѣйте въ виду, что все это должно быть извѣстно только вамъ однимъ.

Ясная Поляна.
24 октября 1910 г.

Примѣчаніе къ XX тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Въ этомъ послѣднемъ томѣ полнаго собранія сочиненій собраны письма Л. Н-ча; эта коллекція составилась изъ писемъ, помѣщенныхъ въ XX томѣ изданія гр. С. А. Толстой (за исключеніемъ тѣхъ, которыя были изъяты изъ обращенія постановленіемъ судебной палаты) и съ прибавленіемъ болѣе раннихъ писемъ Л. Н-ча, уже использованныхъ въ Біографіи Л. Н-ча, составленной П. И. Бирюковымъ, и затѣмъ помѣщенныхъ въ сборникахъ писемъ, составленныхъ П. А. Сергѣенкой; при чемъ для этого изданія письма сличены съ болѣе точными копіями, исправлены и дополнены тамъ, гдѣ этого требовалъ болѣе точный смыслъ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПОЛНОМУ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены статьи, не вошедшія по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ въ изданные тома. Таковы статьи: 1) конецъ XLIV главы повѣсти «Юность», найденный проф. И. А. Шляпкинымъ въ библіотекѣ библіографа Ефремова, пріобрѣтенной И. А. Шляпкинымъ послѣ его смерти, и помѣщенный имъ въ брошюрѣ «Памяти гр. Л. Н. Толстого» (СПБ. 1911 г.), повидимому не поступавшей въ продажу. Въ этой брошюрѣ И. А. Шляпкинъ, комментируя эту найденную имъ статью, говоритъ: «Печатаемый текстъ, можетъ быть, и есть отрывокъ изъ оригинала, бывшаго въ рукахъ А. В. Дружинина, а можетъ быть, представляетъ редакціонную, по цензурнымъ соображеніямъ, *передѣлку* оригинала Толстого. За послѣднее какъ-будто говоритъ плохой мѣстами слогъ разсказа...» Въ виду этого, а также въ виду того, что Л. Н-чъ самъ не включилъ его въ послѣдующія изданія повѣсти, мы не рѣшились припечатать его къ концу XLIV главы и въ слѣдующихъ изданіяхъ, въ приложеніе же къ I тому настоящаго изданія она не попала, такъ какъ была доставлена въ редакцію уже послѣ выхода I тома, и потому мы помѣщаемъ его въ дополненіи ко всему изданію. 2) Здѣсь же помѣщается отрывокъ изъ воспоминаній Л. Н-ча, доставленный редакціи послѣ выхода перваго тома и потому не вошедшій въ него. При этихъ статьяхъ указаны тѣ мѣста текста, къ которымъ онѣ служатъ дополненіемъ.

Юность.

Конецъ главы XLIV. Томъ I, стр. 313.

... Зухинъ вышелъ и скоро вернулся, опустивъ голову и съ задумчивымъ лицомъ, держа въ рукахъ открытую записку на сѣрой оберточной бумагѣ и двѣ десятирублевыя ассигнаціи.

— Господа! Необыкновенное событіе, — сказалъ онъ, поднявъ голову и какъ-то торжественно серьезно взглянувъ на насъ. «Что жъ, за кондиціи деньги получилъ?» сказалъ Оперовъ, перелистывая свою тетрадку. «Ну, давайте читать дальше», сказалъ кто-то. «Нѣтъ, господа! Я больше не читаю, — продолжалъ Зухинъ тѣмъ же тономъ, — я вамъ говорю, непостижимое событіе! Семеновъ прислалъ мнѣ съ солдатомъ вотъ 2 рубля, которые занялъ когда-то и пишетъ, что ежели я его хочу видѣть, то чтобъ приходилъ въ казармы. Вы знаете, что это значитъ? — прибавилъ онъ, оглянувъ всѣхъ насъ. Мы всѣ молчали. — Я сейчасъ иду къ нему, — продолжалъ Зухинъ,—пойдемте кто хочетъ». Сейчасъ же всѣ надѣли сюртуки и собрались идти къ Семенову. «Не будетъ ли это неловко, — сказалъ Оперовъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, — что всѣ мы, какъ рѣдкость, придемъ смотрѣть на него». Я былъ совершенно согласенъ съ замѣчаніемъ Оперова, особенно въ отношеніи меня, который былъ почти незнакомъ съ Семеновымъ, но мнѣ такъ пріятно было знать себя участвующимъ въ общемъ товарищескомъ дѣлѣ и такъ хотѣлось видѣть самого Семенова, что я ничего не сказалъ на это замѣчаніе.

— Вздоръ! — сказалъ Зухинъ, — что жъ тутъ неловкаго, что мы всѣ идемъ проститься съ товарищемъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Пустяки! Идемъ, кто хочетъ.

Мы взяли извозчиковъ, посадили съ собой солдата и поѣхали. Дежурный унтеръ-офицеръ уже не хотѣлъ насъ пускать въ казармы, но Зухинъ какъ-то уговорилъ его, и тотъ же самый солдатъ, который приходилъ съ запиской, провелъ насъ въ большую, почти темную, слабо освѣщенную нѣсколькими ночниками комнату, въ которой съ обѣихъ сторонъ на нарахъ, съ бритыми лбами, си-

дѣли и лежали рекруты въ сѣрыхъ шинеляхъ. Вступивъ въ казарму, меня поразилъ особенно тяжелый запахъ, звукъ храпѣнія нѣсколькихъ сотенъ людей, и, проходя за нашимъ проводникомъ и Зухинымъ, который твердыми шагами шелъ впереди всѣхъ между нарами, я съ трепетомъ вглядывался въ положеніе каждаго рекрута и къ каждому прикладывалъ оставшуюся въ моемъ воспоминаніи сбитую жилистую фигуру Семенова съ длинными, всклокоченными, почти сѣдыми волосами, бѣлыми губами и мрачными блестящими глазами. Въ самомъ крайнемъ углу казармъ у послѣдняго глинянаго горшечка, налитаго чернымъ масломъ, въ которомъ, дымно, свѣсившись, коптился нагорѣвшій фитиль, Зухинъ ускорилъ шагъ и вдругъ остановился.

— Здорово, Семеновъ, — сказалъ онъ одному рекруту съ такимъ же бритымъ лбомъ, какъ и другіе, который въ толстомъ солдатскомъ бѣльѣ и въ сѣрой шинели въ накидку сидѣлъ съ ногами на нарахъ и, разговаривая съ другимъ рекрутомъ, ѣлъ что-то. Это былъ о н ъ, съ обстриженными подъ гребенку сѣдыми волосами, выбритымъ синимъ лбомъ и съ своимъ всегдашнимъ мрачнымъ и энергическимъ выраженіемъ лица. Я боялся, что взглядъ мой оскорбитъ его, и поэтому отворачивался. Оперовъ, кажется, тоже, раздѣляя мое мнѣніе, стоялъ сзади всѣхъ; но звукъ голоса Семенова, когда онъ своей обыкновенной отрывистой рѣчью привѣтствовалъ Зухина и другихъ, совершенно успокоилъ насъ и мы поторопились выйти впередъ и подать — я свою руку, Оперовъ свою дощечку, но Семеновъ еще прежде насъ протянулъ свою черную большую руку, избавляя насъ этимъ отъ непріятнаго чувства дѣлать, какъ будто бы, честь ему. Онъ говорилъ неохотно и спокойно, какъ всегда: «Здравствуй, Зухинъ. Спасибо, что зашелъ. А, господа, садитесь. Ты пусти, Кудряшка, — обратился онъ къ рекруту, съ которымъ ужиналъ и разговаривалъ. — Съ тобой послѣ договоримъ. Садитесь же. Что? Удивило тебя, Зухинъ? А!» — «Ничего меня отъ тебя не удивило, — отвѣчалъ Зухинъ, усаживаясь подлѣ него на нары, немножко съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ докторъ садится на постель больного, — меня бы удивило, коль бы ты на экзамены пришелъ, вотъ такъ - такъ. Да разскажи, гдѣ ты пропадалъ и какъ это случилось?» — «Гдѣ пропадалъ? — отвѣчалъ онъ своимъ густымъ, сильнымъ голосомъ, — пропадалъ въ трактирахъ, въ кабакахъ, вообще въ заведеніяхъ. Да садитесь же всѣ, господа, тутъ мѣста много. Подожми ноги-то, ты, — крикнулъ онъ повелительно, показавъ на мгновеніе свои бѣлые зубы, на рекрута, который съ лѣвой стороны его лежалъ на нарахъ, положивъ голову на руку, и съ лѣ-

нивымъ любопытствомъ смотрѣлъ на насъ. — Ну, кутилъ. И скверно. И хорошо, — продолжалъ онъ, измѣняя при каждомъ отрывистомъ предложеніи выраженіе энергическаго лица. — Исторію съ купцомъ знаешь: умеръ, каналья. Меня хотѣли выгнать. Что были деньги — всѣ промоталъ. Да это все бы ничего. Долговъ гибель оставалось — и гадкихъ. Расплатиться было нечѣмъ. Ну, и все». — «Какъ же такая мысль могла придти тебѣ въ голову», сказалъ Зухинъ. «А вотъ какъ: кутилъ разъ въ Ярославлѣ, знаешь на Стоженкѣ (sic), кутилъ съ какимъ-то бариномъ изъ купцовъ. Онъ рекрутскій поставщикъ. Говорю: дайте тысячу рублей — пойду. И пошелъ». — «Да вѣдь какъ же, ты — дворянинъ», сказалъ Зухинъ. — «Пустяки! Все обдѣлалъ Кириллъ Ивановъ». — «Кто, Кириллъ Ивановъ?» — «Который меня купилъ (при этомъ онъ особенно и странно, и забавно, и насмѣшливо блеснулъ глазами и какъ будто улыбнулся). Разрѣшеніе въ сенатѣ взяли. Еще покутилъ, долги заплатилъ, да и пошелъ. Вотъ и все. Что же, сѣчь меня не могутъ... 5 рублей есть... А можетъ война»...

Потомъ онъ началъ разсказывать Зухину свои странныя, непостижимыя похожденія, безпрестанно измѣняя выраженіе энергическаго лица и мрачно блестя глазами.

Когда нельзя было больше оставаться въ казармахъ, мы стали прощаться съ нимъ. Онъ подалъ всѣмъ намъ руку, крѣпко пожалъ наши и, не вставая, чтобъ проводить насъ, сказалъ: «Заходите еще когда-нибудь, господа, насъ еще, говорятъ, только въ будущемъ мѣсяцѣ погонятъ», и снова онъ какъ будто улыбнулся. Зухинъ, однако, пройдя нѣсколько шаговъ, снова вернулся назадъ. Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ прощанье, я тоже пріостановился и видѣлъ, что Зухинъ досталъ изъ кармана деньги, подалъ ихъ ему, и Семеновъ оттолкнулъ его руку. Потомъ я видѣлъ, что они поцѣловались, и слышалъ, какъ Зухинъ, снова приближаясь къ нему, довольно громко прокричалъ: «Прощай, голова! Да ужъ, навѣрно, я курса не кончу—ты будешь офицеромъ». Въ отвѣтъ на это Семеновъ, который никогда не смѣялся, захохоталъ звонкимъ непривычнымъ смѣхомъ, который чрезвычайно больно поразилъ меня. Мы вышли.

Всю дорогу домой, которую мы прошли пѣшкомъ, Зухинъ молчалъ и безпрестанно немножко сморкался, приставляя палецъ то къ одной, то къ другой ноздрѣ. Придя домой, онъ тотчасъ же ушелъ отъ насъ и съ того самаго дня запилъ до самыхъ экзаменовъ.

Воспоминанія дѣтства.

Къ главѣ VIII. Томъ I, стр. 356.

...Да, но прежде всего скажу нѣсколько словъ о камердинерахъ и Тихонѣ. Въ старину у всѣхъ баръ, особенно охотниковъ, были любимцы. Такіе были у моего отца два брата-камердинеры —Петруша и Матюша, оба красивые, сильные, ловкіе охотники. Оба они были отпущены на волю и получили всякаго рода преимущества и подарки отъ отца. Когда отецъ мой скоропостижно умеръ, было подозрѣніе, что эти люди отравили его. Поводъ къ этому подозрѣнію подало то, что у отца были похищены всѣ бывшія съ нимъ деньги и бумаги, и бумаги только, векселя и другія, были подкинуты въ московскій домъ черезъ нищую. Не думаю, чтобы это была правда, но было возможно и это. Бывали именно такіе случаи, именно то, что крѣпостные, особенно возвышенные своими господами, вмѣсто рабства, вдругъ получавши огромную власть, ошалѣвали и убивали своихъ благодѣтелей. Трудно представить себѣ весь тотъ переходъ отъ полнаго рабства не только къ свободѣ, но къ огромной власти. Не знаю ужъ, какъ и отчего, но знаю, что это бывало, и что Петруша и Матюша были именно такіе ошалѣвшіе люди, не могущіе удовлетвориться тѣмъ, что получили, а естественно хотѣвшіе подниматься все выше и выше. Я этого, разумѣется, не понималъ, и мнѣ они просто нравились— особенно Петруша — своей ловкостью, силой, мужественной красотой, чистотой одежды и ласковостью къ намъ, дѣтямъ, и ко мнѣ особенно. Я всегда просто любовался ими, видѣлъ въ нихъ особенныхъ людей. Большое уваженіе къ нимъ вызывали во мнѣ тѣ фарфоровыя и деревянныя крашеныя куколки людей, собакъ, кошекъ, обезьянъ, которыя стояли у нихъ на окнахъ въ комнатахъ нижняго этажа, въ которыхъ они жили. Проходя мимо нихъ, мы всегда съ уваженіемъ смотрѣли на этихъ куколъ. Это казалось мнѣ чѣмъ-то особенно важнымъ. Оба они были холостые, и оба нелюбимы дворней.

Тихонъ, официантъ, тотъ, который теръ табакъ и котораго мы очень любили, былъ человѣкъ совсѣмъ другого склада. Это былъ маленькій, узенькій человѣчекъ, весь бритый, съ длиннымъ, какъ это часто бываетъ у актеровъ-комиковъ, промежуткомъ между носомъ и твердо сложеннымъ ртомъ, и подвижнымъ лбомъ, и бровями надъ впалыми, сѣрыми глазками. Онъ былъ у дѣдушки въ оркестрѣ флейтистомъ. Его обязанности въ домѣ состояли въ

большихъ оглянется, и Тихонъ стоитъ какъ статуя, замеревъ въ неподвижной позѣ съ тарелкой у груди.

Бываетъ за обѣдомъ и еще удовольствіе, когда на меня обращаютъ вниманіе и выставляютъ передъ публикой мое искусство составлять шарады.

— Ну-ка, Левка, пузырь (меня такъ звали, я былъ очень толстый ребенокъ), отличись новой шарадой, — говоритъ отецъ.

И я отличаюсь шарадой въ такомъ родѣ: мое первое — буква, второе — птица, а все — маленькій домикъ. Это: *б*, *утка* — будка. Пока я говорю, на меня смотрятъ и улыбаются, и я знаю, чувствую, что эти улыбки не значатъ то, что есть что-нибудь смѣшное во мнѣ или моихъ рѣчахъ, а значитъ то, что смотрящіе на меня любятъ меня. Я чувствую это, и мнѣ восторженно-радостно на душѣ.

Обѣдъ кончается. Отцу подаютъ закуренную трубку, и онъ идетъ къ себѣ, бабушка въ гостиную, мы внизъ, и начинается рисованіе. Иногда приходитъ отецъ, говоритъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ по-нѣмецки, удивляя насъ своимъ выговоромъ. Онъ говорилъ правильно *зи* (sie), *ганцъ* (ganz), а мы по-саксонски, какъ Ѳедоръ Ивановичъ *си* и *янцъ*, и съ недовѣріемъ слушаемъ выговоръ отца. Онъ иногда рисуетъ намъ. Потомъ идемъ прощаться съ бабушкой, тетушками; Николай Дмитріевичъ — дядька собираетъ наше платье, перевѣшиваетъ на руку и желаетъ намъ спокойной ночи и пріятнаго сна. Иногда мы не спимъ и переговариваемся до тѣхъ поръ, пока входитъ въ темнотѣ Ѳедоръ Ивановичъ, высѣкаетъ огонь, зажигаетъ сѣрничокъ синимъ огнемъ, потомъ свѣчку, ложится на свою постель съ высокими подушками, тушитъ свѣчку, и я засыпаю...

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ произведеніямъ Л. Н. Толстого, помѣщеннымъ въ полномъ собраніи сочиненій изд. Т-ва И. Д. Сытина.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ произведеніямъ Л. Н. Толстого, помѣщеннымъ въ полномъ собраніи сочиненій изд. Т-ва И. Д. Сытина.

1872 г.

1873 г.

1874 г.

1876 г.

1878 г.

1879 г.

1880 г.

1881 г.

1882 г.

1884 г.

1885 г.

1886 г.

1887 г.

1888 г.

1889 г.

1890 г.

1891 г.

1892 г.

1893 г.

1894 г.

1895 г.

1896 г.

1897 г.

1898 г.

1899 г.

1900 г.

1901 г.

1906 г.

1907 г.

1908 г.

1909 г.

1910 г.

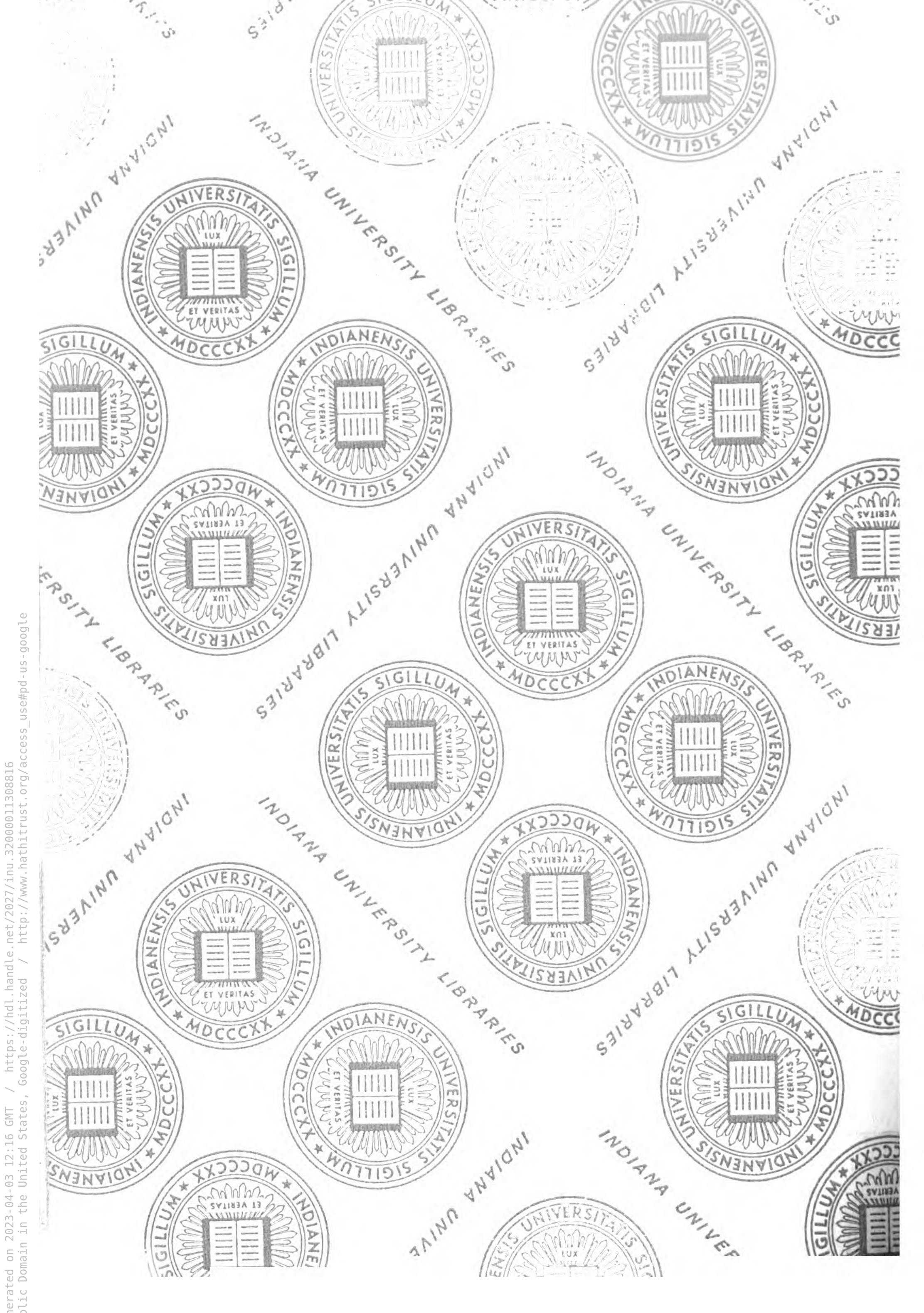
Сочиненія разныхъ годовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПИСЬМА (1848—1910 гг.).

INDIANA UNIVERSITY LIBRARIES
INDIANENSIS UNIVERSITATIS SIGILLUM
MDCCCXX
LUX ET VERITAS

PAGE NOT AVAILABLE